

ДЕПАРТАМЕНТ ОБРАЗОВАНИЯ ГОРОДА МОСКВЫ
МОСКОВСКИЙ ГОРОДСКОЙ ПСИХОЛОГО-ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ
«ГОСУДАРСТВЕННЫЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР СОЦИАЛЬНОЙ
И СУДЕБНОЙ ПСИХИАТРИИ ИМ. В.П. СЕРЬСКОГО»
ФЕДЕРАЛЬНОГО АГЕНТСТВА ПО ЗДРАВООХРАНЕНИЮ
И СОЦИАЛЬНОМУ РАЗВИТИЮ

Коченовские чтения
«Психология и право в современной России»

Сборник тезисов

участников Всероссийской конференции по юридической психологии
с международным участием

Москва

2010

ББК 88.47
К75

Коченовские чтения «Психология и право в современной России». Сборник тезисов участников Всероссийской конференции по юридической психологии с международным участием. – М.: МГППУ, 2010. – 286 с.

Редакторы:

*В.В. Рубцов, Ю.М. Забродин, А.А. Марголис, З.И. Кекелидзе,
Н.В. Дворянчиков, Е.Г. Дозорцева, Ф.С. Сафуанов, С.Н. Ениколопов, М.Г. Дебольский*

Составители:

И.Б. Бовина, И.Н. Коноплева

ISBN 978 5 4253 0032 4

Конференция проведена при финансовой поддержке гранта РГНФ 10-06-14219г.

© МГППУ, 2010.

Уважаемые коллеги!

В данном сборнике представлены материалы конференции «Психология и право в современной России», организованной факультетом Юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета совместно с Государственным научным центром социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского.

Основными задачами конференции являются: обсуждение актуальных проблем юридической психологии, обусловленных глобальными социально-экономическими и политическими изменениями в обществе, анализ теоретических и практических подходов к их решению, определение перспектив дальнейшего развития данной отрасли психологической науки.

Конференция посвящена 75-летию со дня рождения известного отечественного ученого М. М. Коченова (1935 – 1999), внесшего значительный вклад в развитие теории и практики судебно-психологической экспертизы, – одного из фундаментальных направлений российской юридической психологии. Поэтому конференция еще называется «Коченовские чтения».

Судя по количеству представленных тезисов, активность специалистов, занятых разработкой проблем юридической психологии, крайне высокая, обширна и география заявок: Москва, Санкт-Петербург, Архангельск, Вологда, Ижевск, Кемерово, Нижневартовск, Омск, Орел, Пермь, Ростов-на-Дону, Самара, Саратов, Челябинск, Ярославль. Участием в конференции заинтересованы и представители зарубежных государств. В сборник включены тезисы специалистов по юридической психологии Норвегии, Литвы, Молдовы, Украины.

В конференции принимали участие представители Министерства образования и науки Российской Федерации, Департамента образования г. Москвы, специалисты и руководители психологических служб ФСИН России, МВД России, Министерства юстиции Российской Федерации, МЧС и образовательных учреждений различных ведомств и субъектов Российской Федерации.

В соответствии с замыслом конференции тезисы выступлений систематизированы и представлены в следующих разделах сборника: Психология девиантного и криминального поведения; Клиническая психология в юридическом контексте; Ювенальная юридическая психология; Пенитенциарная психология и практика исполнения уголовных наказаний; Психотехнологии в деятельности правоохранительных органов; Проблемы подготовки специалистов по юридической психологии; Экстремальная психология. Такой подход позволил целостно представить весьма разнообразную палитру актуальных проблем юридической психологии, нашедших отражение в тезисах выступлений участников конференции: психологический механизм формирования девиантного поведения и методы его профилактики; психологические особенности поведения субъектов преступления (преступника и жертвы); анализ криминальных ситуаций; исследования различных категорий правонарушителей (несовершеннолетних, женщин, лиц, склонных к

сексуальным преступлениям, осужденных за террористическую деятельность); психологические особенности раскрытия и расследования преступлений, проведения различных видов экспертизы (судебно-психологической, комплексной психолого-психиатрической, гражданской, посмертной (для лиц, совершивших самоубийство); выявление криминально-информативных свойств личности (ценностных ориентаций, правосознания, жестокости, агрессивности, ксенофобии) и оценка риска повторных преступлений; закономерности влияния лишения свободы на личность осужденного, проведение психокоррекционной работы с различными категориями осужденных; совершенствование деятельности психологической службы; профессионально психологический отбор сотрудников в правоохранительные органы, психологическая подготовка, в том числе к деятельности в экстремальных условиях; вынесение заключений специалистов в судебных спорах о воспитании детей родителями, проживающими отдельно.

Материалы конференции безусловно будут востребованы специалистами, работающими в различных сферах юридической практики, научными сотрудниками, профессорско-преподавательским составом, аспирантами, студентами образовательных учреждений, специализирующимися в вопросах юридической психологии.

В.В. Рубцов

Психологическая изменчивость девиантного типа в трансформирующемся обществе

Ананьева Н.А.

Российский государственный социальный университет (Москва)

Социокультурная нестабильность, жизнь в условиях кризиса и чрезвычайных ситуаций породили множество сложных проблем разного плана (социальных, витальных, личных, психологических), с которыми сталкивается каждый современный человек.

В последнее время функционирование любого представителя общества связано с пребыванием в условиях многочисленных трудных ситуаций, ставших уже для всех практически естественными, закономерными и неизбежными. Более того, постоянная неразрешенность возникших и каждый раз вновь возникающих событий стала образовывать своеобразные их «наслоения» друг на друга, разрешить которые представляется уже невозможным.

Большинство общих и генеральных проблем, переживаемых человеком, связывают с кризисом, выход из которого также не предвидится. Причины кризиса связывают с ранее длительной стагнацией, а в последнее время – деградацией.

Динамичность жизни, стремительный темп, постоянная изменчивость и переменчивость событий привели к возникновению у граждан тенденций разного типа поведения. В основном – к особому коммуникативному поведению в сообществе индивидуумов, а также поведению девиантного и делинквентного типов в социуме. Так, для одних в последнее время становится естественной изоляция и проявление крайнего эскапизма. Для других – готовность к риску. Более того, создается среда, обеспечивающая возможность «выброса» асоциальных качеств. Закрепляются функции человека по отношению к среде – либо противостоять среде, либо защищаться от среды. Протест вырабатывается как форма несогласия, защита в ответ на ощущение давления среды.

Тем не менее, при любых обстоятельствах кризисные трудности предстоит решать, в связи с чем каждый человек психологически вырабатывает свои способы и инструменты, предназначенные для их разрешения.

В настоящее время психика человека вынуждена производить некоторые изменения в собственных представлениях, действиях и поведении, а также вновь создавать требуемые качества личности, актуализировать своеобразное психическое маневрирование. В общем, период разброда и шатаний, характерный для условий современной действительности, происходит и в психике человека.

Психика человека вынуждена отвечать вызовам социальной действительности. Для этого, прежде всего человек должен быть готов выстраивать нужные изменения и

производить требуемые трансформации. Но зачастую стремительно меняющиеся ситуации современной действительности ставят человека в тупик, и он оказывается не готовым к своеобразного рода психическим преобразованиям. В этих условиях человек, как правило, действует методом проб и ошибок, а не выстраивает программу самоизменения на конструктивной основе.

При этом изменения, происходящие в обществе, не означают один к одному изменений, происходящих в психике, но постепенно создают возможности для проведения трансформаций в поведении и структуре личности. В целом, наблюдаемые перемены в обществе имеют свою целесообразность и позволяют индивидууму выстраивать своеобразную шкалу измерения возникающих событий, соотношенную с возможностью в собственных произвольных включениях.

Исследования показали: а) имеются индивидуальные варианты отклонений, обусловленные мотивацией, связанной с принятием решения (организация поступка); б) происходят изменения в представлениях людей, допускающие возможность девиации и асоциальных качеств (самооценка и объективная оценка асоциальных качеств); в) у индивидуумов включаются различного рода защитные механизмы, миссия которых не только в том, чтобы обеспечить адаптацию, то есть приспособление к среде, но и вырабатываются индивидуальные варианты способов защит, предназначенных для конфронтации со средой, то есть защита с помощью конфликта (психологические защиты); г) динамические силовые фазы профиля связаны с активностью, решительностью, энергией, но и с проявлением крайней индивидуалистичности (вектор приложения сил).

Агрессивность в норме и при психической патологии

Абрамова А.А., Ениколопов С.Н., Кузнецова С.О.

Научный центр психического здоровья

Российской академии медицинских наук (Москва)

Актуальной проблемой современных психологических и клинико-психологических исследований является рост уровня агрессивности, агрессивного и девиантного поведения среди здорового населения и среди людей, страдающих психическими заболеваниями. Проявления агрессивности тесно связаны с эмоциональным состоянием человека. При депрессии искажаются восприятие и интерпретация эмоциональной экспрессии, являющиеся важной частью социализации и социальной коммуникации человека (Курек, 2001; Михайлова, 2002), а также нарушается произвольный контроль поведения (Филатова, 2000; Brown, 1994; Ito, 1996). Эмоции, выполняя в норме роль одного из механизмов внутренней регуляции психических и физиологических процессов и приспособительного поведения, в условиях патологии превращаются в дезорганизующий фактор.

Агрессия как поведение, направленное на причинение вреда, ущерба объекту или субъекту, оценивается на основании уже совершенных действий, последствия которых бывают неисправимы. В картине депрессии нередко отмечают дисфорию,

жестокие действия, расширенные самоубийства. Эти феномены мало изучены и их исследование представляется крайне важным как для клинической, так и для экспертной практики (Дмитриева, 2002; Сафуанов, 2003). Кроме того, для своевременного принятия превентивных мер необходимо выявление агрессивности субъекта.

Методы исследования: шкала Бека и шкала Цунга, Торонтская алекситимическая шкала Тейлора, тест Вагнера «Рука» в модификации Герасимова, опросник Басса-Дарки, тест Розенцвейга.

В исследовании участвовали 87 пациентов: 31 женщина и 56 мужчин в возрасте от 17 до 46 лет; и 68 человек контрольной группы: 31 мужчина и 37 женщин, в возрасте от 17 до 45 лет.

Результаты исследования. По данным теста «Рука» у больных депрессией, по сравнению со здоровыми испытуемыми, более высокая агрессивность, направленная на предметы. При этом уровень агрессивности, направленной на людей, одинаково высокий в обеих группах. Согласно фрустрационной теории, агрессия является одной из форм поведения, которую порождает фрустрация. Агрессивное поведение может не проявляться в момент фрустрации, прежде всего из-за страха наказания и неодобрения. В этом случае происходит «смещение», в результате которого агрессивные действия направляются на объект, нападение на который ассоциируется с наименьшим наказанием.

По результатам теста Басса-Дарки у больных депрессией, по сравнению со здоровыми испытуемыми, более выражена подозрительность, обидчивость и враждебность. Это частично согласуется с данными Wolfersdorf (1998).

При депрессии выявлена алекситимия, которая может приводить к трудностям и конфликтам в межличностных отношениях. Алекситимия при депрессии, по нашим данным, положительно коррелирует с агрессивностью, обидой, подозрительностью и враждебностью.

В нашем исследовании не было получено достоверных различий между больными депрессией и здоровыми испытуемыми по уровню агрессии. Однако, принимая во внимание тот факт, что у больных депрессией при этом достоверно более высокая агрессивность, можно предположить, что у них возникают трудности реализации ее в поведении, что может приводить к внезапным неадекватным или асоциальным поступкам.

В нашем исследовании согласно результатам теста «Рука» при депрессии у больных женщин более высокая агрессивность, направленная на предметы, чем у мужчин. При этом у женщин отмечена более выраженная алекситимия и более тяжелая степень депрессии, которая достоверно и положительно коррелирует с агрессивностью.

Согласно результатам теста Басса-Дарки при депрессии у мужчин выявлена достоверно более высокая общая, в том числе и физическая, агрессия. Это согласуется с опубликованными ранее данными (Huesmann, 1997; Loeber, 1998) о том, что половые различия более заметны в проявлении физической агрессии по

сравнению с вербальной, а также прямой по сравнению с косвенной.

Согласно результатам теста Розенцвейга, при депрессии в ситуациях фрустрации у женщин, в отличие от мужчин, отмечена агрессивность как реакция на ситуацию.

Полученные результаты могут являться дополнительными критериями для дифференциальной диагностики больных аффективными расстройствами не только в клинической, но и в юридической психологии, при склонности и совершении девиантных и делинквентных поступков.

Особенности социальных представлений о маньяке и о жертве в молодежной среде

Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Анализ литературы позволяет говорить о существовании ряда подходов, объясняющих психологические особенности правонарушителя и жертвы. Значительно меньшее внимание уделяется изучению того, какие теории выработывают индивиды для обыденного объяснения особенностей правонарушителя и жертвы. Изучение этого аспекта указанной проблематики становится доступным в рамках теории социальных представлений (Moscovici S., 1961). Вслед за Ж.-К.Абриком под социальным представлением (СП) будем понимать «функциональное видение мира, которое позволяет индивидам или группам придавать значение их поведению, понимать реальность через собственную систему отношений, таким образом адаптироваться к ней и определять свое место в ней» (Аbrigé, 2001, р.42-43). Одной из важных функций СП является трансформация неизвестного, пугающего, зловещего в известное, понятное (Moscovici, 2000). В этом заключается символический способ борьбы с угрозами, когда материальный способ не является доступным. По сути, это защитная функция СП. Развивая эти идеи, нами была предпринята попытка проанализировать особенности СП о маньяке и жертве в группах молодых мужчин и женщин.

Исходным было предположение о том, что СП о маньяке и жертве будут различаться в этих группах, а именно: СП будут диффузными в группе мужчин и детальными в группе женщин. Эти особенности обусловлены различным действием защитных механизмов в каждой группе. Объектом исследования были представители различных групп молодежи. Выборку (N=224) составили молодые мужчины (N=107) и женщины (N=117) в возрасте от 17 лет до 31 года (M=19,70, SD=2,07). Предметом исследования явились особенности социальных представлений о маньяке и жертве.

Основным *методом* исследования был опрос. Опросник включал ассоциативную методику, модифицированную методику МиФ (объекты – «маньяк», «жертва», «мужчина», «женщина», «я сам»). Здесь излагаются результаты, полученные с помощью ассоциативной методики.

Для описания структуры СП использовалась методика прототипического анализа (Vergès, 1992). Понятия были подвергнуты анализу с учетом параметров: частота и ранг появления понятия. Это позволило выявить и описать структуру СП (зона ядра и зоны периферической системы) в каждой группе испытуемых. Всего было получено 542 ассоциации в случае СП о маньяке в группе мужчин, 640 ассоциаций – в группе женщин, 511 – в случае СП о жертве в группе мужчин и 596 – в группе женщин.

СП о маньяке в группе мужчин структурируется вокруг таких элементов, образующих зону ядра, как: убийца, злой, больной человек, насилие, жестокий, агрессия, ночь, убийство, урод. *Периферическая система, составляющая потенциальную зону изменения*, объединяет: псих, извращенец, неуравновешенный, безжалостный, ужас, сумасшедший, взгляд маньяка, нож, опасность, страх, насильник. *Собственно периферическая система* СП: кровь, лес, смерть, темнота, хладнокровие.

Зона ядра СП о маньяке в группе женщин: насилие, жестокость, психически больной, страх, нож, сумасшествие. *Периферическая система, составляющая потенциальную зону изменения СП*: убийца, сексуальный, злость, урод, неадекватный, насильник, больной, убийство, темнота, опасный, мужчина, неуравновешенный. *Собственно периферическая система* СП образована понятиями: извращенец, ужас, лес, ночь, кровь.

В группе мужчин СП формируется вокруг тем: оценка действий маньяка, его психологические характеристики, контекст его действий и указание на его психические отклонения. Многочисленность и разноплановость элементов зоны ядра СП в группе мужчин скорее говорит в пользу рассогласованности СП (Flament, Rouquette, 2003). В группе женщин: оценка действий маньяка, его психологические характеристики, эмоциональные переживания, указание на психические отклонения маньяка. Качественно-количественный анализ элементов зоны ядра СП говорит о его согласованности.

В группе мужчин в *зону ядра СП о жертве* входят элементы: жалость, девушка-женщина, страх, беззащитная, испуганная, бедная, сострадание, кровь, несчастье, психологическая травма. *Периферическая система, составляющая потенциальную зону изменения СП*: сама виновата, бежать, слабая, боль, смерть, потерпевшая, страдание, насилие. *Собственно периферическая система*: беспомощная, убийство, сочувствие, ужас, месть, шок.

В группе женщин *зона ядра СП*: страх, жалость, беззащитная, несчастная, испуганная. *Периферическая система, составляющая потенциальную зону изменения СП*: невинная, бедная, беспомощная, боль, слабая, девушка-женщина, крик, смерть, ужас. *Собственно периферическая система*: паника, психологическая травма, кровь, не повезло, молодость, неосторожность.

СП в группе мужчин образовано темами – конкретизация жертвы и ее психологические характеристики, отношение к жертве, эмоциональные переживания, психологические и физические последствия действий маньяка. В группе женщин тем

меньше: переживания жертвы, отношение к жертве, психологические характеристики жертвы.

Полученные результаты позволяют говорить о том, что СП женщин как о маньяке, так и о жертве, являются более согласованными и детальными, чем СП мужчин. Это позволяет принять наше изначальное предположение о различиях в СП, отражающих различия в действии защитных механизмов в двух группах.

Особенности восприятия и понимания эмоций при аномальном сексуальном поведении

Демидова Л.Ю.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Проблема детерминант выбора объекта сексуального влечения и отношения к нему при аномальном сексуальном поведении, нередко сводится к предположению о существовании специфических нарушений и искажений эмоционального восприятия партнера (Дворянчиков, Ениколопов, Ильенко, 2003). В ряде исследований отмечается дефицитарность эмпатической способности, социальных навыков, наличие когнитивных нарушений (Ward, Keenan, Hudson, 2000). В тоже время, довольно мало исследований посвящено изучению эмоционального дефицита у сексуальных преступников, при том, что, большинство теорий этиологии аномального сексуального поведения включает эмоциональный компонент (Kirsch, Becker, 2007).

Проведенные исследования по указанной проблеме обнаруживают ряд противоречий. Исследования когнитивного и аффективного компонентов эмоциональной сферы при аномалиях сексуального поведения показывают, что у лиц с расстройствами сексуального предпочтения снижена способность к идентификации эмоций, наблюдаются нарушения эмпатии. Однако, имеются и противоречащие вышеуказанным данные, говорящие о том, что при сексуальном садизме правонарушители могут обладать даже большей способностью к распознаванию эмоций или испытывать сильную эмоциональную привязанность к своим жертвам (Fox, Levin, 2005).

Разрешение противоречий, по мнению, современных авторов кроется в точном теоретическом и практическом построении исследований, направленных на понимание механизмов аномального сексуального поведения, на проверку теорий этиологии подобных расстройств, особое внимание в которых (в силу малой изученности) следует уделить роли эмпатии в поведении (Kirsch, Becker, 2007).

Целью планируемого диссертационного исследования стало выявление отношений между характерными для аномального сексуального поведения нарушениями (спецификой восприятия объекта влечения, характером влечения), особенностями поведения при совершении преступления и спецификой восприятия и понимания эмоциогенных стимулов. А также дальнейшее определение значимости

выявленных связей для решения экспертных и дифференциально-диагностических задач.

Предполагается, что в исследовании примут участие три группы испытуемых: основная (лица с расстройством сексуального предпочтения в виде педофилии, совершившие противоправные действия в отношении несовершеннолетних) и две контрольных (лица без расстройств влечения, совершившие противоправные действия в отношении несовершеннолетних и не совершавшие противоправных действий).

Для достижения цели эксперимента предполагается использовать:

- (1) результаты комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы;
- (2) Методику на распознавание эмоций по мимической экспрессии (А.И. Тоом, Н.С. Курек) для оценки способности испытуемых к распознаванию эмоций другого человека, а также (3) ее модифицированный вариант для оценки той же способности в условиях, когда задание предлагается в невербальной форме;
- (4) Методику на эмоциональный словарь (Н.Г. Гаранян) и (5) полупроективный тест на эмоциональный словарь (Г. Кристалл, А.Б. Холмогорова), направленные на оценку словарного запаса для описания эмоций;
- (6) Торонтскую шкалу алекситимии, TAS (Tailor G.J. et al., адаптация Д.Б. Ереско, Г.Л. Исуриной и соавт.), направленную на оценку способности к осознанию и вербализации собственных эмоций;
- (7) Модифицированную методику определения понятий (А.Б. Холмогорова) с введением дополнительной инструкции на определение понятий для ребенка, для изучения способности к смене позиции; (8) Модификацию теста Розенцвейга для оценки способности к смене позиции при выполнении задания в невербальной форме;
- (9) Проективную методику на диагностику эмпатии (Е.В. Шерягина); Тест эмпатийного потенциала личности (И.М. Юсупов).

Научная новизна такого исследования заключается в возможности систематизировать полученные ранее сексологические и клиничко-психологические данные о межличностном взаимодействии при аномальном сексуальном поведении, уточнить факторы возникновения подобных расстройств и их связь со способностью регулировать свои действия в момент совершения преступления. Возможность использования полученных результатов для решения экспертных задач и задач дифференциальной диагностики обуславливает практическую значимость данной работы. Теоретическая значимость работы заключается в выявлении роли изучаемых механизмов в реализации аномального сексуального поведения, в обосновании их значимости для нормального развития, в уточнении их роли в развитии личности.

Литература

1. Дворянчиков Н.В., Ениколопов С.Н., Ильенко А.А. Особенности эмоционального восприятия у лиц с девиантным сексуальным поведением // Сексология и сексопатология, № 4, 2003.
2. Fox J.A., Levin J. Extreme killing: Understanding serial and mass murder: Thousand Oaks, CA: Sage, 2005.

3. Kirsch L.G., Becker J.V. Emotional deficits in psychopathy and sexual sadism: implications for violent and sadistic behavior // Clinical psychology review, N 8, 2007.
4. Ward T., Keenan T., Hudson S. Understanding cognitive, affective, and intimacy deficits in sexual offenders: a developmental perspective // Aggression and violent behavior, N 1, 2000.

**Сравнительный анализ гомо- и гетеросексуальных ООД,
совершенных несовершеннолетними в группе**

Дьякова И.В.

Ставропольская клиническая психиатрическая больница № 1 (Краснодар)

Булыгина В.Г.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского (Москва)

Групповые сексуальные правонарушения, совершенные подростками с гомо- или гетеро объектом, приобретают все большую распространенность в последние годы. Их реализацию отличает особый цинизм и жестокость, а также «модная» тенденция иметь «крутое» видео сцен агрессии (с их слов, лучше сексуальной). Более уверенно в среде сверстников подросток себя чувствует, если он сам – участник подобного видео. То есть агрессия, в том числе сексуальная, становится в настоящее время способом социализации определенной когорты подростков.

Судебное психолого-сексолого-психиатрическое обследование на базе СККПБ №1 за период 2007-2008 гг. прошли 23 несовершеннолетних, средний возраст которых составил 15,5 лет, в 74% случаев был выставлен диагноз органическое психическое расстройство. Из них 17 выбрали гетеро-объект сексуального насилия, а 6 – гомо.

Во всех случаях потерпевшие и насильники практически не имели разницы в возрасте, многие были знакомы и учились в одной школе или проживали на одной территории. Потерпевшие, как правило, не пользовались авторитетом в среде сверстников, подвергались систематическим насмешкам по причине гиперопеки со стороны родных, либо воспитания в неблагоприятных материально-бытовых условиях. В большинстве случаев непосредственно перед правонарушением подростки принимали алкогольные напитки (чаще в случае насилия над гетеро-объектом).

В когорте подростков, совершивших групповые сексуальное насилие в отношении гетеро-объекта, лидеры во всех случаях являлись инициаторами совершения преступления. Они склоняли остальных членов группы совершать агрессивные сексуальные действия, либо насмехаясь над неопытностью другого, либо мотивируя иметь «крутое» видео. Участники групп, являющиеся «ведомыми», сообщили, что совершили преступление «из любопытства» и из-за желания получить уважение в референтной группе подростков, став участником «sex-видео». В 30% случаев отмечали, что в процессе наблюдения за сексуальным насилием,

осуществляемым приятелями, они ощутили сексуальное желание, которое решили реализовать. В 23% случаев подростки, занимающие лидирующие позиции и 23% подчиненных сообщили, что испытывали жалость к потерпевшей, но «сексуальное желание было сильнее». В отношении жертвы в большинстве случаев реализовывали вагинальный контакт. Все подэкспертные, независимо от их диспозиции в группе, испытали оргастическую разрядку в момент деликта.

В большинстве случаев насильственных сексуальных действий, совершенных подростками против гомо-объекта, имел место оральный контакт. Объяснения своих действий подэкспертные давали, используя в большинстве случаев понятия, принятые к обороту в криминальной среде – «опустить», «отвечать за свои слова» и пр.

Во всех случаях подростки, занимающие лидирующие позиции в группе, являлись инициаторами сексуального насилия в отношении сверстника. Среди средств принуждения остальных членов группы наиболее часто встречались угрозы высмеять и унижить (в том числе сексуально), мотивация «наказать обидчика» и тем самым приобрести вес среди других участников группы. «Ведомые» сообщали, что стали участниками группового сексуального насилия в большинстве случаев, боясь физических притеснений, унижений (в том числе сексуальных) и насмешек со стороны сверстников. Кроме того, своими мотивами назвали любопытство, желание иметь «крутое» видео и возникшее в процессе сексуальных действий других сексуальное желание.

Все лидеры этой группы категорически заявляли, что не испытывали жалости к потерпевшим, что те «заслужили» подобное обращение. Напротив, правонарушители, занимающие подчиненное положение в группе, сообщали, что им было жаль потерпевшего, но остановить действия других они не могли, т.к. страх перед «одногоруппниками» был сильнее. «Лидеры» сообщали, что в процессе насильственных сексуальных действий получили оргастическую разрядку. Большинство же «ведомых» вспоминают, что имели неустойчивую эрекцию, и только одному из них удалось в процессе сексуального насилия добиться эякуляции.

Таким образом, существуют различия в групповой динамике совершения групповых насильственных сексуальных ООД при выборе гомо или гетеро-объекта, что требует дальнейшего дифференцированного анализа структуры полоролевого самосознания в зависимости от ролевой позиции в группе.

Личностная predisпозиция агрессии: гендерные различия

Забелина Н.А.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Проблема predisпозиций или установок, влияющих на агрессивное поведение, привлекает на протяжении длительного времени интерес психологов. В настоящее время в современной науке большое внимание стало уделяться проблеме гендера и развития гендерного направления гуманитарных наук. Исследование гендерных различий в агрессии является очень популярной и актуальной задачей, особенно в

связи с тенденцией нарастания уголовно наказуемых агрессивных действий среди женщин, тогда как традиционно большая доля подобных преступлений принадлежала мужчинам.

Цель данного исследования – сравнительный анализ личностных predispositions агрессии у лиц мужского и женского пола. В исследовании приняли участие 100 человек: 50 подростков, учащихся средних общеобразовательных школ города Москвы, в возрасте 14-16 лет (25 женского пола, 25 – мужского) и 50 лиц в возрасте от 30-45 лет (25 женщин и 25 мужчин), различных по уровню образования, профессии, а также социальному и экономическому статусу.

Гипотезы исследования:

1. У лиц как мужского, так и женского пола структуры, тормозящие агрессию, с возрастом выражены сильнее.

2. У лиц женского пола личностные структуры, тормозящие агрессию, сформированы лучше, чем у лиц мужского пола.

Методики исследования: Тест руки, Методика фрустрационных реакций Розенцвейга (модификация Н.В. Тарабриной), Тест «Социальный интеллект» Гилфорда-О`Салливан в адаптации Е.С. Михайловой (Алешинной).

Был произведен анализ полученных данных, результаты которого подтвердили гипотезы и было выявлено следующее.

У лиц мужского пола формируются структуры, тормозящие агрессивное поведение в виде тенденций к predispositions страха. Наряду с этим, улучшается понимание нормативов различных социальных ролей и в значительной степени повышается ориентация на ролевое поведение, что в ситуациях фрустрации приводит к формированию экстрапунитивного упорствующего-разрешающего типа, выражающегося в виде требований или ожиданий в разрешении ситуации извне.

У лиц женского пола, которые обладают изначально высокой мотивационной агрессией, но лучшим пониманием невербального языка общения, открытое агрессивное поведение тормозится путем predispositions страха и защиты. Данные механизмы в их сочетании приводят к тенденции, направленной на то, что в ситуациях фрустрации они не склонны винить себя или других, а скорее не заметят ее трудностей. У лиц женского пола личностные структуры, тормозящие агрессию, сформированы лучше, чем у лиц мужского.

Таким образом, именно объективные, инструментальные методы исследования агрессии из арсенала психодиагностики позволили найти и установить факторы, сдерживающие агрессивное поведение. Работая над данной проблематикой и в дальнейшем, удастся расширить понимание агрессии и механизмов ее торможения, и впоследствии, вывести агрессивный потенциал в социально приемлемые формы у лиц обоего пола.

Анализ поведения жертвы в системе «Преступник – ситуация – жертва» на примере сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних

Колесникович Я.А.

Вологодская областная психиатрическая больница (Вологда)

Ситуация преступления – это изменяющаяся система, элементы которой взаимодействуют друг с другом и изменяются. Внутри этой системы выделяются три элемента: преступник, жертва, ситуация (Васильев, Мамайчук, 1993; Мамайчук, 1995). Мы рассмотрим эту систему на примере сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних.

Нами было обследовано 73 ребенка, которые были признаны потерпевшими от половых преступлений и направлялись на КСППЭ и СПЭ в рамках уголовного дела, и проанализированы 73 уголовных дела. Из всех детей 36 (7 мальчиков и 29 девочек) были малолетними (от 10 до 14 лет) – первая группа; 37 (4 мальчика и 33 девочки) – несовершеннолетними (от 14 до 18 лет) – вторая группа. Мы анализировали тип поведения жертвы (Морозова, 2005), характер угроз насильника и стратегию его поведения. Доля виктимного поведения в каждой группе – 94,4% и 94,6% соответственно.

Насильник использует угрозы для того, чтобы добиться желаемого от жертвы, а также для того, чтобы сокрыть факт самого преступления.

В первой группе преобладает пассивно-подчиняемый тип поведения (58,3% испытуемых). В ситуации насилия дети находились с насильником наедине, преобладали угрозы причинения вреда здоровью самому ребенку и близким ему людям. Доминирует чувство страха. Наряду с этим в ситуации деликта мог не присутствовать элемент насилия как такового: в этом случае ситуация строилась насильником на любопытстве и доверчивости ребенка.

У 25% детей этой группы отмечается неустойчивый тип поведения. Поведение насильника в этом случае также непоследовательно, угрозы звучат после того, как ребенок пытается оказать сопротивление, они не столь агрессивны, как в случае пассивно-подчиняемого поведения. В этой ситуации встречается угроза лишения любви и заботы, чаще всего – в ситуации инцеста.

Псевдопровоцирующий тип – 5,6%. В большинстве случаев в этой ситуации оказываются безнадзорные дети, которые подходят к насильнику, чтобы получить какое-то вознаграждение (игрушки, сладости и др.) Активно-оборонительный тип поведения (т.е. не виктимное поведение) – 5,6%, столько же детей оговорили обвиняемых.

Во второй группе также отмечается преобладание пассивно-подчиняемого типа поведения (48,6%). Угрозы причинения вреда применяются насильниками и в этой группе, но они чаще, чем в первой группе заканчивались физическим насилием. Здесь появляется новый тип угроз – угроза лишить подростка уважения референтной группы. Но этот тип угроз был направлен, в основном, на сокрытие произошедшего.

Увеличивается доля псевдопровоцирующего типа поведения (32,4%). В таких ситуациях чаще всего оказываются подростки с девиантным и делинквентным поведением. Их нахождение в компании более старших людей, употребление спиртного и др. нередко воспринимается насильниками как молчаливое согласие. Каких-либо угроз здесь практически не встречается. Неустойчивый тип поведения в этой группе демонстрируют 10,8% испытуемых. Доля активно-оборонительного поведения остается примерно на том же уровне (5,4%).

Анализ ситуации преступления невозможен без исследования всех ее элементов. Только в совокупности они могут помочь восстановить картину произошедшего, объяснить причины тех или иных поступков как преступника, так и жертвы.

Литература

1. Васильев В.Л., Мамайчук И.И. Анализ личности несовершеннолетних жертв половых преступлений.// Вопросы психологии, 1993, № 1.
2. Мамайчук И.И. Психологические механизмы виктимного поведения жертв половых преступлений.// Сб. Теоретические и практические вопросы психологии. СПб., 1995.
3. Морозова Н.Б. Комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза потерпевших//Медицинская и судебная психология. Курс лекций: Учебное пособие/ Под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. 2-е изд., испр. М., 2005.

Отношение к концепту смерти у лиц с психической патологией, не исключающей вменяемости. Психосемантический анализ

Костяная М.И., Сафуанов Ф.С.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского (Москва)

Тема смерти пронизывает как всю историю человеческого существования, так и индивидуальную историю каждого человека. Ещё Л.С. Выготский отмечал, что смерть играет большую роль в жизни каждого, систематизируя и осмысляя ее (Выготский, 1982). Особенно остро проблема смерти встает в сфере развивающейся в мире преступности, которая знаменует ослабление в ценностной системе определенной части населения значимого осознания возможности полноценного и здорового функционирования без покушения на право жизни.

Основной целью проведенного нами исследования является анализ структурно-динамических особенностей отношения к концепту смерти у лиц с психической патологией, не исключающей вменяемости и совершивших агрессивные противоправные деяния.

Объектом настоящего исследования является отношение к смерти у лиц с психической патологией, не исключающей вменяемости, совершивших агрессивные противоправные деяния и у психически здоровых лиц, не совершавших агрессивных противоправных деяний. Предметом – структурно-динамические особенности

отношения к смерти у подэкспертных лиц с психической патологией, не исключающей вменяемости, и совершивших агрессивные противоправные деяния.

Рост числа проводимых в настоящее время комплексных психолого-психиатрических экспертиз обвиняемых над однородными судебно-психиатрическими экспертизами является показателем необходимости разработки исследований, направленных на выявление и конкретизацию наличия, помимо патологического, ситуативного и личностного факторов predisposition к совершению противоправных действий больными, страдающими, в частности, личностными расстройствами. Необходимость оценки всех трех указанных параметров должна учитываться в повседневной практике этапного обоснования экспертного заключения, по мнению В.В. Вандыша-Бубко (Сафуанов, 2003). Все это обуславливает актуальность клинико-психологической проблематики отношения к смерти обвиняемых в совершении агрессивных противоправных деяний,

Рассмотрение особенностей отношения к смерти у лиц, совершивших агрессивные противоправные деяния, до сих пор не подвергалось подробному психологическому анализу. Изучение этого влияния представляется чрезвычайно важным не только в связи с запросами практики юридической психологии (проблема разработки критериев общественной опасности лиц, предрасположенных к агрессивному поведению; расширение понятия о существенном влиянии индивидуально-психологических особенностей обвиняемого на его поведение при совершении инкриминируемого ему деяния), но и в связи с необходимостью познания основных закономерностей становления человека как высокоорганизованного существа, морально-этической основы его бытия. Кроме того, разработка оригинального методического материала для выявления особенностей отношения к смерти у исследуемой выборки испытуемых, а также построение семантического пространства этого отношения, являлись самостоятельными задачами исследовательской работы, также подтверждающими ее научную новизну.

Выявленные особенности вполне могут послужить материалом для разработки коррекционных и профилактических программ терапевтического характера, рассчитанных на изменение конструкторов отношения к смерти, на ресоциализацию и последующую социальную адаптацию лиц, совершивших агрессивные противоправные деяния, что составляет основную практическую ценность исследования. Отдельные разработки проблемы отношения к смерти могут быть использованы в дальнейшем в курсах философии, психологии, педагогики, при изложении таких тем, как: «Смерть как предмет психологического анализа» и т.п. Результаты исследования могут найти дальнейшее применение в осмыслении ряда дискуссионных вопросов таких отраслей знания, как философская антропология, культурология, психология (в особенности это касается разделов клинической, социальной и юридической психологии).

Литература

1. Выготский Л.С. Собрание сочинений: В 6-ти т. Вопросы теории и истории психологии / Под ред. А.Р. Лурия, М.Г. Ярошевского. М.: Педагогика, 1982. Т.1.
2. Сафуанов Ф.С. Психология криминальной агрессии. М.: Смысл, 2003.

К вопросу о криминальной агрессии

Курбатова Т.Н.

Санкт-Петербургский государственный университет (Санкт-Петербург)

Впервые в нашей стране на факультете психологии СПбГУ (ЛГУ) в 1982 году была открыта специализация «юридическая психология», в разработку программ которой внесли весомый вклад А.Р. Ратинов и М.М. Коченов. В рамках специализации накапливались данные, включающие изучение агрессии лиц разного возраста, пола, профессий, наций, образования, вероисповедания, социального статуса и видов отклоняющегося поведения (включая преступное). Получены результаты исследования более, чем по четырем тысячам испытуемых, которые демонстрируют объемную картину агрессии и ее динамику за последние 30 лет.

На «Ананьевских чтениях» 1995 года нами было представлено теоретическое обобщение многочисленных концепций и механизмов агрессии и их соотнесение с релевантными методами ее контроля, позволившее предложить структурный анализ агрессии. Б.Г. Ананьев выделял четыре основных характеристики человека, которые называл, в зависимости от контекста, уровнями или аспектами. Это – "индивид", "субъект деятельности", "личность" и "индивидуальность". По аналогии с выделением этих уровней была рассмотрена агрессия и продолжилась работа над эмпирическим подтверждением идеи ее структурного анализа.

По сути, об агрессии можно говорить тогда, когда гнев человека направлен непосредственно против другой персоны, а не на его действия. По механизму происхождения агрессию можно считать частной формой стенических эмоционально регулируемых действий, в которых осуществляется отождествление своего Я со своими периферическими проявлениями. В агрессии заключена двойная ошибка. Первая – когда, злясь, мы проецируем, приписываем ее другому лицу, говоря: "он меня злит". А вторая – когда отождествляем себя со своей сиюминутной агрессией, в то время как в каждом из нас в этот момент много чего происходит и звучит. Агрессивные импульсы – это нечто, по отношению к чему человек занимает определенную позицию, выбирает ли он отождествление себя с ними или отделение от них. Это человеческий потенциал, на нем и строится терапевтическая практика.

Первый уровень агрессии характеризует человека как природное существо и проявляется в темпераментных и конституциональных особенностях. Ее природная основа кроется в защите себя, потомства, всего того, что считается своим.

На втором, субъектно-деятельностном уровне, агрессия обеспечивает деятельность, реализацию функционального потенциала человека, его стабильность и сохранность, проявляясь в стиле деятельности и привычных паттернах поведения.

Третий, личностный уровень агрессии, сопряжен с мотивационно-потребностной сферой, самосознанием и моральной зрелостью личности.

На четвертом уровне агрессия будет проявляться тогда, когда существуют помехи в реализации представленности полноты индивидуальности или, как бы сказал К. Роджерс, когда мешают нашим «подлинным организменным потребностям», а В. Франкл – «экзистенциальной исполненности».

В курсовых, дипломных, диссертационных исследованиях осуществлялось эмпирическое обоснование этого теоретического конструкта, при этом упор был сделан именно на преступный контингент. В результате удалось установить наличие «сквозного» проявления криминальной агрессии во всех четырех макрохарактеристиках человека. На индивидном уровне она обнаружилась в таких темпераментных особенностях, как повышенная импульсивность, трудность концентрации внимания. На субъектно-деятельностном – в акцентуации характера с преобладанием стойкого аффекта и агрессивных паттернах, сопровождающих обычную деятельность. На личностном уровне агрессия сопряжена с высокими показателями фрустрированных потребностей, крайне низкими интернальностью и склонностью к сотрудничеству, цинизмом и моральной незрелостью. На уровне индивидуальности агрессия проявилась в совершении такого экстремального поступка, как умышленное убийство.

Таким образом, эмпирически обоснован структурный анализ криминальной агрессии и, следовательно, возможности его использования в решении различных практических и теоретических задач юридической психологии.

Психологический анализ текстовых материалов в аспекте статей 280 и 282 УК РФ

Лисовцева В.М, Петрова Л.Г.

Саратовская государственная академия права (Саратов)

В связи с применением Федерального закона «О ратификации Конвенции Совета Европы о предупреждении терроризма» и Федерального закона «О противодействии терроризму» Федеральный закон от 27 июля 2006 года №153 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» был дополнен ст.205 «Публичные призывы к осуществлению террористической деятельности или публичное оправдание терроризма».

Общественная опасность преступлений, относящихся к террористической деятельности, предопределена их способностью существенно дестабилизировать социально-политическую обстановку в стране, нарушать общественное спокойствие, вызывать неуверенность граждан в возможности государства обеспечить безопасные условия их жизни.

Объективную сторону преступлений, анализируемых в указанных статьях УК РФ, образуют действия, направленные на публичные призывы к осуществлению террористической деятельности и публичное оправдание терроризма. Поэтому

заслуживает внимания такой признак объективной стороны рассматриваемого преступления как призыв. Для правоохранительных органов в этом контексте особое значение имеет не столько наличие призыва, сколько определение степени его действенности.

Этимологически, призыв – это политический лозунг, заключенный в лаконичную форму и выражающий руководящую политическую идею, требование.

Когда информация такого рода появляется в листовках, надписях на стенах, на Интернет-сайтах и форумах, то возникает необходимость в анализе текста на предмет наличия в нём призыва к экстремизму, оценки реальной угрозы влияния призыва на психическую активность людей с целью побуждения их к осуществлению террористической деятельности.

Специфика СПЭ текста выражается в выделении разнообразных смыслов его содержания и определения меры влияния на психическую деятельность человека.

Любое побуждение (актуализация существующих смыслов и ценностей, подталкивание к смысловой дестабилизации и переоценке ценностей, имитация процессов поиска смысла) является отражением работы конкретного психологического механизма воздействия (влияния), тех внутриспсихических процессов, которые обеспечивают эффективность психологического воздействия.

В рамках СПЭ **призыв** анализируется как побудитель психической деятельности в аспекте ст. 280 и 282 УК РФ, где оценивается уровень действенности побуждения, его способности «повести» за собой. Специфика таких экспертиз заключается в исследовании побуждений, используемых чаще всего в скрытой форме.

Так, например, текст на заборе «Чурки вон» включает в себя обращение, имитацию попытки решения проблемы, приведение в действие подходящих сценариев, подталкивание адресата к включению автоматизма и так далее.

Уровень психической действенности призыва определяется индивидуальностью смыслового поля адресата: его ценностными системами, наличием или отсутствием внутрличностных конфликтов и так далее. В приведенном выше примере центральное место занимает слово «чурки», которое ассоциируется в сознании масс со всеми нерусскими. А когда объектом внимания становится множество, оно теряет индивидуальность, адресность и действенность.

Таким образом, чтобы побудить собеседника к активности необходимо воздействовать на его подсознание, сознание, эмоции, включить его в соответствующую деятельность.

Текст может описывать как реальность, так и предположительную реальность, может выражать отношение автора к этой реальности. Рассмотрим другой пример – текст, размещенный на Интернет-форуме:

«Гнать надо поганую путинскую кремлядь, а чекистов вешать на столбах! Предлагаю разгромитьи штурмовать КГБ на ...».

Текст побуждает совершить некое действие, описывает то, как его совершать («гнать, вешать, разгромить, штурмовать») и намерение автора побудить адресата совершить это действие («призываю, надо»). Текст «призыва» носит конкретный

характер: объекты, в отношении которых «надо» совершить действия, желаемые автором, – «кремлядь, чекисты, КГБ, приемная», найти которых можно «на Советской, на Дзержинского».

Высказывание содержит в себе призывы к осуществлению противоправных действий в отношении конкретных социальных групп и законной деятельности государственных органов, своим содержанием и формой изложения направлен на возбуждение социальной розни (*по принципу «мы – они»*).

К вопросу о разработке психологического портрета серийного сексуального убийцы

Логунова О.А.

Всероссийский научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации (Москва)

Дворянчиков Н.В.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Одно из направлений применения психологических знаний в практике правоохранительных органов связано с разработкой психологического портрета неизвестного преступника.

Изучение теоретических и прикладных аспектов данной проблемы в течение последнего десятилетия проводилось в ряде исследований в области криминологии, криминалистики и юридической психологии (Тележникова, 1999; Миронов, 2001; Бегунова, 2002; Анфиногенов, 2002; Коньшева, 2005). В рамках этих работ были сформулированы концептуальные и методические подходы к созданию портрета, предложен алгоритм портретирования – психологического анализа криминалистических характеристик события преступления, определен перечень устанавливаемых для портрета имеющих поисковое значение признаков личности преступника, описаны этапы психологического анализа материалов уголовных и оперативно-поисковых дел по фактам нераскрытых преступлений и содержание структуры психологического портрета. Практическую апробацию метод психологического портретирования получил, в основном, при раскрытии серийных сексуальных преступлений.

Однако на сегодняшний день использование данного метода в России вызывает определенные трудности. Одна из них заключается в том, что криминалистическая характеристика преступлений как исходная информационная база для расследования преступления непосредственно не выводит на психологические особенности преступника и его поисковые признаки (Исаенко, 2005; Ворошилова, 2008). Между объективной реальностью события преступления и субъективной реальностью личности преступника нет прямой причинно-следственной связи.

Успешность деятельности по психологическому портретированию неизвестного преступника во многом определяется знанием характера

опосредованного влияния личностных факторов на формирование мотивации и механизма криминального поведения. Поэтому создание розыскного психологического портрета неизвестного преступника, совершившего конкретное противоправное деяние, должно базироваться на представлении о типовом психологическом портрете такого рода правонарушителя (Малыхина, 2005). Разработка данного портрета имеет важное значение для решения задач, связанных с определением комплекса криминалистически значимых личностных (в том числе и психологических) особенностей преступника; выявлением устойчивых связей между его психологическими качествами и спецификой криминальной деятельности; выделением разных типов преступников, психологические параметры личности которых определенным образом проявляются в криминалистической характеристике преступления.

С учетом выше сказанного, одна из перспектив совершенствования научно-методического обеспечения раскрытия серийных преступлений на сексуальной почве связана с необходимостью изучения существующих в отечественной практике раскрытых уголовных дел по данному виду преступления и проведения на его основе систематизации знаний о личностных и поведенческих особенностях серийных сексуальных преступников. Данный подход позволит соотнести известные психологические особенности лиц, совершивших преступления, с криминалистическими характеристиками преступления, а также проанализировать влияние различных факторов на формирование личности и криминального поведения правонарушителя.

В проведенном нами исследовании проводилось ретроспективное изучение личностных и поведенческих особенностей серийных сексуальных убийц посредством психологического анализа архивных материалов раскрытых уголовных дел и приобщенной к ним документации (характеристики, истории болезни, медицинские карты, заключения судебных экспертиз), проводимого на базе архивов судов Москвы и Московской области, а также проводимого на базе архивов судов Москвы и Московской области, а также архива ГНЦ им. В.Н. Сербского. Были исследованы материалы по 50 лицам, совершившим серийные сексуальные убийства в период с 1968 по 2003 гг.

Для унификации сбора информации из материалов уголовных дел и упрощения последующего анализа собранных данных была разработана специальная анкета, содержащая параметры личности преступника, а также характеристики его деятельности в докриминальный, криминальный и посткриминальный периоды, которые были сгруппированы по нескольким блокам:

- условия формирования личности и докриминальная деятельность преступника (биопсихические свойства преступника; мотивационная направленность; психохарактерологические качества; особенности формирования сексуальной сферы; особенности его социализации и дезадаптации в отношениях с женщинами, семейной, учебной, профессиональной среде; проявления противоправного и девиантного поведения);

– особенности криминальной и посткриминальной деятельности преступника (характеристики жертвы, способы взаимодействия с нею, типичные места и механизм совершения преступления, проявления девиантного сексуального поведения; мотивы убийства; способы противодействия расследованию, особенности обнаружения преступника).

При систематизации свойств личности преступника мы опирались на параметры, предложенные Анфиногеновым А.И. (2002) как в качестве психологических единиц организации и функционирования личности, так и в качестве рабочих элементов при разработке психологического портрета.

Одна из задач нашего исследования заключалась в выявлении устойчивых связей между особенностями личности преступника и характеристиками его криминального поведения, проявляющегося в материальных и нематериальных следах преступления.

С этой целью полученные в ходе исследования данные подвергались статистической обработке посредством корреляционного анализа с использованием рангового коэффициента корреляции Спирмена, осуществляемой при помощи системы STATISTIKA 6,0.

Корреляционный анализ выявил существование достоверных связей между определенными личностными параметрами сексуального убийцы и характеристиками его преступной деятельности. Наибольшее число данных связей было обнаружено при изучении биопсихические, психосексуальные, социально-психологические качеств. Эти личностные составляющие оказывают определяющее влияние на формирование мотивации и механизма криминального поведения серийных сексуальных убийц, поэтому в качестве обязательных элементов должны быть включены в структуру типового психологического портрета.

В ряде случаев значимые корреляционные связи были получены между показателями криминальной деятельности серийных сексуальных убийц и проявлениями у них в различных сферах обыденной жизни социальной дезадаптации. Таким образом, типовой психологический портрет должен включать в качестве поведенческого индикатора криминальной личностной деформации преступника описание возможных признаков его социальной дезадаптации (в семье, в профессиональной среде, в межличностном общении, в отношениях с противоположным полом).

Изучение характера и специфики полученных в ходе анализа результатов связей между особенностями личности и показателями криминальной деятельности указывает на психологическую неоднородность популяции преступников, совершающих серийные убийства на сексуальной почве. Дополнительно проведенный кластерный анализ полученных нами в исследовании данных позволил выявить среди преступников изучаемой категории несколько типов, качественно различающихся по динамике формирования криминальной направленности личности, особенностям мотивационной сферы и механизмам реализации криминального поведения. Систематизация сведений и создание обобщенного

психологического портрета по каждому типу преступника является перспективой наших дальнейших исследований.

Литература

1. Анфиногенов А.И. Психологическое портретирование неустановленного преступника. М., 2002.
2. Бегунова Л.А. Проблемы разработки и использования психолого-криминалистического портрета подозреваемого при раскрытии изнасилований и убийств, сопряженных с действиями сексуального характера. Автореферат дис. канд. юр. наук. ВНИИ МВД России М., 2002.
3. Ворошилова Т.В. Возможности использования в ОРД психологических методов, в частности, составления психолого-криминалистического портрета предполагаемого преступника // Проблемы использования полиграфных устройств в деятельности органов внутренних дел: Материалы научно-практической конференции (25-26 сентября 2008 г., г. Москва). М., ВНИИ МВД России, 2008.
4. Исаенко В.Н. Проблемы разработки и использования психолого-криминалистического розыскного «портрета» неизвестного преступника // Российский психиатрический журнал. 2005. №2.
5. Конышева Л.П. Психологический анализ серийных преступлений // Юридическая психология. Сборник научных трудов. Выпуск третий. Часть 1. М., 2005.
6. Малыхина Н.И. Актуальные вопросы развития криминалистического учения о личности преступника // Организационно-правовые проблемы борьбы с преступностью в регионах России: Сб. науч. тр. ВНИИ МВД РФ, ч.1. М., 2005.
7. Миронов Д.В. Психологическое обеспечение раскрытия серийных убийств. Дис.канд.психол.наук. Академия управления МВД России. М., 2001.
8. Тележникова В.Н. Криминолого-психологическая характеристика лиц, виновных в многоэпизодных убийствах и изнасилованиях. Автореферат дис.канд.юр.наук. ВНИИ МВД России. М., 1999.

Психолого-социальные характеристики молодых людей, обвиняемых в совершении убийств на национальной почве

Лысенко Н.Е.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского (Москва)

Психологическая готовность подростков и молодых людей к вовлечению в экстремистские движения имеет социально-психологические основы. В свою очередь, молодежный экстремизм создает потенциальную опасность общественным отношениям и угрозу безопасности государства. Поэтому поиск дифференцированных психологических критериев, по которым можно было бы с большей точностью прогнозировать риск агрессивного поведения и развития экстремистских убеждений, является актуальной практической задачей.

Целью настоящего исследования было сравнение наиболее агрессивных (с наиболее высокими баллами агрессивности по опроснику Басса-Дарки) групп националистов и молодежи, не участвовавшей в националистическом движении.

Из общей выборки 83 человека с помощью кластерного анализа были выделены две группы испытуемых: группа националистов (21 человек, средний возраст 17.2 лет), обвиняемых в совершении убийств на национальной почве, и группа молодежи (6 человек, средний возраст 18.3 лет), обвиняемых в совершении убийств без националистической подоплеки.

Всем испытуемым проводилась амбулаторная судебная комплексная психолого–психиатрическая экспертиза в ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава» в 2007- 2009 годах. По заключениям экспертизы все были признаны не страдающими психическими расстройствами, суду рекомендовалось считать их вменяемыми в отношении инкриминируемых им деяний, и они не находились в состоянии физиологического аффекта в юридически значимые периоды.

Методический комплекс включал: 1. Опросник Басса-Дарки, оценивающий разные аспекты агрессивного поведения; 2. Шкалу самооценки Спилбергера-Ханина для определения личностной тревожности; 3. Опросник Айзенка для оценки экстраверсии, нейротизма, психотизма и социальной конформности.

В исследовании учитывались интегративные оценки личностных особенностей из заключений психиатров и психологов, полученных непосредственно в ходе направленной беседы при производстве экспертизы, а также принимались во внимание персонографические, биографические данные с оценкой социального функционирования, социально-демографические и криминологические переменные.

В результате исследования было выявлено, что испытуемым из группы националистов, в отличие от группы молодежи, были свойственны социализированные формы поведения, они не состояли на учете в ИДН, не употребляли алкоголь и наркотики, не были ранее судимы. Правонарушения осуществлялись в состоянии трезвости, все деликты были запланированные, жертвами всегда становились случайные люди.

При сравнении непараметрических показателей было обнаружено, что наиболее важными психологическими факторами попадания в группу националистов являлась псевдосоциальная активность, низкое чувство вины, поверхностность контактов, низкая эмпатия и сопереживание, а из криминологических факторов – запланированность деяния.

В группе националистов была выявлена связь между переменными «вина» и «негативизм» (опросник Басса-Дарки). Результаты исследований И.А.Фурманова (Фурманов, 1997) указывают на то, что высокий негативизм является фактором повышенной уязвимости к воздействиям, формирующим чувство вины. Указанный механизм часто используют политические и оппозиционные лидеры для усиления сплоченности группы (Mayers, 2009).

Исследование гендерных различий агрессивного и аутоагрессивного поведения у старших подростков

Маркова С.В.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Являясь одним из видов отклоняющегося поведения, агрессивное поведение в подростковом возрасте нередко принимает враждебную форму. По данным статистики МВД, в 2007 году каждое тринадцатое (7,8%) оконченное расследованием преступление совершено несовершеннолетними или при их соучастии. За последние десятилетия было проведено множество исследований, изучавших с самых разных точек зрения агрессивное поведение и все же еще многое остается неизученным.

Несмотря на значительные разногласия относительно определений агрессии (агрессивного поведения), большинство специалистов в области социальных наук понимают под агрессией форму поведения, нацеленную на оскорбления или причинение вреда другому живому существу (Ениколопов, 2001).

Вопрос о генезисе агрессивности исключительно сложен и многое еще только предстоит узнать. В психоневрологических генетических исследованиях все шире признается важная роль наследственных факторов в агрессии. Некоторые неэффективные приемы родительского воспитания имеют следствием появление и сохранение агрессивного поведения у детей и подростков. Кроме того, большинству существующих в современной психологии теорий агрессии не противоречит идея о взаимосвязи агрессии с теми или иными конкретными устойчивыми поведенческими паттернами или характерологическими типами (Реан, 2004). Исследования устойчивости различных форм агрессии показали, что для большинства данное поведение является преходящим и ситуационным.

Замечено, что в последние годы, количество преступлений, совершенных девочками подросткового возраста, значительно выросло. Проведенные в конце XX столетия исследования агрессии поставили под сомнение традиционное представление о том, будто мужчины всегда агрессивнее женщин.

На базе ГОУ СОШ № 2 для детей с девиантным поведением нами проведено исследование агрессивного поведения у старшеклассников. В рамках этого исследования рассматривалась структура и уровень выраженности агрессивного поведения у подростков при помощи теста Басса-Перри. В целом, по результатам проведенного исследования, наблюдается тенденции от более высоких показателей по шкале физической агрессии у 15-летних подростков к снижению выраженности данных проявлений по мере взросления. Отдельно отметим ярко выраженные гендерные различия в уровне выраженности физической агрессии и враждебности. Полученные результаты подтверждают, что гендерные различия агрессивных проявлений не столь существенны как ранее было принято считать. Поскольку становится все очевиднее, что формы агрессии у девочек и мальчиков могут отличаться, изучение данного вопроса по праву претендует на признание в качестве актуального направления и дальнейших исследований.

Литература

1. Ениколопов С.Н. Понятие агрессии в современной психологии // Прикладная психология. № 1. 2001.
2. Реан А.А. «Психология подростка». М.: «Олма-пресс», 2004.

Агрессия и мотивация футбольных болельщиков

Марущак Н.В.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва)

Ениколопов С.Н.

Научный центр психического здоровья

Российской академии медицинских наук (Москва)

Одной из главных проблем современного спорта является футбольное хулиганство. В беспорядках как на самом стадионе, так и за его пределами, участвуют не только фанаты, непосредственно устраивающие погром, но и вполне мирные болельщики, а также люди, далекие от футбола, которые попадаются разъяренным хулиганам под горячую руку. Тем не менее, количество опубликованных исследований футбольного хулиганства в нашей стране неадекватно мало, в то время как данная проблема имеет большое значение для психологии, поскольку является хорошим примером массового агрессивного поведения.

Главным «двигателем» хулиганов, устраивающих беспорядки, является агрессия по отношению к болельщикам противоположной команды. Основным стимулом к агрессивным действиям в данном случае служит фрустрация, которая определяется как блокирование или создание помех для какого-либо целенаправленного поведения.

Естественно, беспорядки устраивают далеко не все болельщики, пришедшие на стадион. Обычно это делают люди, привыкшие реагировать на фрустрирующие их ситуации агрессивно. В их случае агрессия представляет собой приобретенную в процессе научения модель социального поведения. Агрессивные реакции усваиваются и поддерживаются путем непосредственного участия в ситуациях проявления агрессии, а также в результате пассивного наблюдения за проявлениями агрессии.

Для более обширного понимания феномена футбольного фанатизма и хулиганства было проведено исследование, цель которого заключалась в выявлении факторов, отвечающих за интерес людей к футболу, и определение их взаимосвязи с уровнем агрессивности, степенью самоуважения и личностными чертами футбольных болельщиков.

Для выявления факторов мотивации футбольных фанатов была создана специальная методика, основу которой составил опросник Д.Ванна «Sport Fan Motivation Scale», разработанный для оценки мотивационных особенностей спортивных болельщиков. Для оценки степени агрессивности фанатов был использован опросник диагностики агрессии Басса-Перри. Степень самоуважения

оценивалась с помощью шкалы Розенберга. Для выявления личностных черт использовался опросник черт характера Русалова-Маноловой (ОЧХ-В).

По результатам однофакторного дисперсионного анализа полученных данных было выявлено, что фанаты по сравнению с людьми, далекими от футбола, обладают повышенным уровнем агрессивности, низким уровнем самоуважения и тенденцией к акцентуации по возбудимости. Мотивирующими факторами для фаната являются положительное психологическое напряжение, эстетика, принадлежность к группе и чувство собственного достоинства.

Согласно корреляционному анализу, с агрессией фаната, а именно с ее физическими проявлениями, взаимосвязана мотивация чувства собственного достоинства. Фанат принимает успехи и поражения любимой команды как свои собственные, то есть определенным образом идентифицируется с ней. Подобная идентификация позволяет ему в случае ее успеха повысить уровень самоуважения. Если игра команды неуспешна (что необязательно связано с ее проигрышем), то самоуважение остается на низком уровне, что для фаната является фрустрирующей ситуацией, которая выступает стимулом, «запускающим» агрессивные реакции. Сила этих реакций может обуславливаться фрустрациями в нефутбольной жизни.

Проявлению и распространению агрессии способствует повышенная возбудимость болельщика. Находясь в аффективном состоянии вследствие фрустрации, фанат не способен полностью контролировать собственные действия, что приводит к бурному проявлению агрессии, которая подхватывается окружающими. Будучи легко внушаемыми, фанаты быстро «заражаются» общим эмоциональным настроением и начинают подражать поведению друг друга. Таким образом, в беспорядки вовлекается все больше и больше болельщиков.

Результаты проведенного исследования доказывают актуальность проблемы футбольного хулиганства. Фанаты действительно обладают повышенным уровнем агрессивности по сравнению с обычными людьми. И эта агрессивность за счет характерных для фанатов мотивационных особенностей и личностных черт часто может иметь негативные последствия, причем не только для них самих, но и для окружающих их людей.

Алгоритм составления комплексного портрета личности

Милуков С.В.

Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации (Москва)

При раскрытии и расследовании преступлений в зависимости от первоначальной исходной информации целесообразно составлять комплексный портрет. Методика составления комплексного портрета личности включает в себя: получение и анализ первоначальной следовой информации с места происшествия; анализ взаимосвязи элементов криминалистической характеристики преступления; его реконструкцию; составление комплексного портрета неустановленного

преступника и выдвижение розыскной версии; выработка рекомендаций по установлению и розыску преступника, а также криминалистический прогноз посткриминального поведения преступника (Демидов, 2008). Помимо этого его целесообразно составлять на лицо, без вести пропавшее, и неопознанный труп.

При составлении комплексного портрета личности на лицо, скрывшееся с места преступления необходимо рассматривать две ситуации: наличие очевидцев преступления и отсутствие очевидцев преступления.

На лицо, совершившее преступление и скрывшееся с места происшествия, в комплексный портрет необходимо включать следующие данные: словесный портрет, включающий в себя анатомические, функциональные, сопутствующие признаки и особые приметы; вид преступления; данные об обстоятельствах, связанных с совершением преступления (время суток, место нахождения и др.); манера поведения во время совершения преступления (спокойный, уверенный в себе, торопливый, дерзкий, суетливый); манера разговора (с акцентом, с определенным наречием или диалектом, заикается, говорит быстро, громко и т.д.); наличие оружия и вероятность его применения; намерения и дальнейшие планы; его предполагаемое местонахождение; возможность оказания сопротивления при задержании (владение приемами борьбы, гипнозом и т.д.); знание иностранного языка и его применение; наличие психического и других заболеваний; коммуникабельность; возможность использования грима, макияжа и др.

Если преступление совершено в условиях неочевидности, то для составления комплексного портрета вероятного преступника необходимо при получении информации уделить внимание следующим составляющим: состав преступления; информация, полученная при осмотре места происшествия и объясняющая происшедшее событие (вероятное время и место совершения преступления); внешний вид жертвы, ее одежды; локализация ранений (повреждений на теле жертвы, определение положения преступника в момент их нанесения, прижизненное или посмертное их происхождение; склонность преступника к садизму, жестокости); при установлении личности жертвы собрать все данные об его образе жизни, склонностях и других характеристиках.

При составлении комплексного портрета на лицо, без вести пропавшее, необходимо указывать: словесный портрет; привычки и наклонности пропавшего человека; наиболее часто посещаемые места и вероятные места его нахождения; манеру поведения (общительность, замкнутость, общение с незнакомыми людьми и пр.); наличие психических заболеваний и формы их проявления, различные отклонения от нормального поведения, прием наркотиков, алкоголя и др.; манера разговора (акцент, заикание, употребление прибауток, афоризмов, крылатых выражений и т.д.); высказывания намерения пропавшего уехать, изменить образ жизни, разыграть или испугать родных и т.д.; вероятная причина исчезновения; знание иностранных языков и их применение в разговоре; семейное положение, отношения с родными и близкими; наличие конфликтных ситуаций в семье, образ жизни и т.д.

При составлении комплексного портрета личности неопознанного трупа необходимо подробно описывать: словесный портрет; внешний вид трупа (опрятность, ухоженность и т.д.); состояние одежды (внешний вид, изношенность, фасон и т.д.); заболевания, установленные при вскрытии трупа; состояние рук, ног, ногтей, ухоженность за ними; наличие макияжа; характер травм (повреждений), их прижизненное или посмертное происхождение; скрываемые под одеждой дефекты, шрамы, рубцы, аномалии и т.д.; наличие татуировок.

Литература

1. Демидов Н. Н. Применение методики составления психологического портрета в расследовании насильственных преступлений: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2008.

Психологический анализ криминальной ситуации

Михайлова О.Ю.

Нижевартовский государственный гуманитарный университет
(Нижевартовск)

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Необходимым этапом экспертного психологического исследования является психологический анализ криминальной ситуации и поведения в ней подэкспертного. В наиболее общем виде под ситуацией понимается естественный сегмент социальной жизни, определяющийся вовлеченными в нее людьми, местом действия, сущностью деятельности и др. (Бурлачук, Коржова, 1998). Такое общее определение нуждается в операционализации. Однако до настоящего времени отсутствует единство в понимании этой проблемы. В определенной степени причиной разногласий в определении понятия «ситуация» явилось различие в подходах к ее изучению. Этой категорией оперируют интеракционизм, теория социального научения, психология среды, социальная психология, психология обучения, и наконец, юридическая психология.

Неразработанность понятия «ситуация» в полной мере нашла отражение и юридической психологии. В психолого-правовой литературе используется несколько близких по смыслу понятий. Криминальная ситуация – ситуация, в рамках которой совершаются действия, связанные с нарушением правовых норм. Криминогенная ситуация – жизненная ситуация, которая, в силу своего фактического содержания, способствует совершению преступления (Антонян, 1973). Л.В. Франк (1978) выделял еще и некую «протоситуацию», в рамках которой преступник и потерпевший взаимодействуют в соответствии с собственным образом этой «протоситуации». Причем трактовка этих понятий и представления об их соотношении в научной литературе неоднозначны. Некоторые авторы рассматривают их как отдельные стадии единого процесса. Другие (например, Рыбальская, 1980) рассматривают криминогенную ситуацию как процесс конфликтного межличностного взаимодействия преступника и потерпевшего, имеющий ряд стадий, последняя из

которых является уже собственно криминальной ситуацией.

Еще один спорный момент, требующий решения в рамках рассматриваемой проблематики. Криминальная ситуация рассматривается в криминально-психологических и виктимологических научных исследованиях как межличностное взаимодействие с его специфическими особенностями и закономерностями. Необходимым условием ее существования и динамики выступает взаимообусловленность действий преступника и жертвы. Однако психологический анализ ситуации возможен только с позиций определённого субъекта. Действия другого выступают для него как внешние, независимые от него обстоятельства. Причем после отреагирования субъекта ситуация изменяется. И для другого субъекта объективно существует уже совершенно иная ситуация. В то же время особенности субъективной интерпретации с необходимостью должны быть включены в психологический анализ криминальной ситуации.

И последнее. В силу своей специфики криминальная ситуация требует качественного анализа. Так, по сравнению с ситуациями физического насилия, ситуация сексуального насилия обладает рядом специфических признаков (Михайлова, 2000). Ее создание и развитие требует выполнения дополнительных условий, что сужает вероятность случайных совпадений, повышая роль активности субъекта и в организации взаимодействия с жертвой, и в создании условий, допускающих возможность сексуального насилия.

Литература

1. Антонян Ю.М. Роль конкретной жизненной ситуации в совершении преступления. М.: ВНИИ МВД СССР, 1973.
2. Бурлачук Л.Ф., Коржова Е.Ю. Психология жизненных ситуаций. М.: РПА, 1998.
3. Михайлова О.Ю. Специфические признаки криминальной ситуации сексуального насилия // Психология созидания: Мат. Всерос. научн. конф. Т. 7, вып. 2. Казань, 2000.
4. Рыбальская В.Я. Виктимологические исследования в системе криминологической разработки проблем профилактики преступлений несовершеннолетних / Вопр. борьбы с преступностью. 1980. Вып. 33.
5. Франк Л.В. Потерпевшие от преступления и проблемы советской виктимологии. Автореф... дисс. докт. юр. наук. М., 1978.

Факторы риска девиантного поведения подростков

Печникова Л.С.

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова (Москва)

Наше исследование было посвящено изучению факторов риска девиантного поведения подростков. С этой целью изучались: а) страхи, б) различные виды тревожности, в) степень агрессивности и враждебности; г) копинг-стратегии у девиантных подростков. Было обследовано 40 подростков (13-16 лет; 20 девочек, 20 мальчиков), проходивших лечение в детской психоневрологической больнице № 6 г.

Москвы (1, 3, 4 отделения), с нарушениями поведения (побеги, воровство, агрессивность, конфликтность, попытки суицида). Применялись следующие методы исследования: клиническая беседа, методика МОДТ (многомерная оценка детской тревожности), опросник А. Басса и А. Дарки, методика «Незаконченные предложения» (модифицированный вариант), Шкала COPE для диагностики широкого спектра копинговых реакций.

Были получены следующие результаты. Высокий индекс враждебности был обнаружен почти у всех подростков (высокие показатели по шкале «Подозрительность» в опроснике Басса-Дарки), при этом степень агрессивности – в пределах нормы. Гендерный анализ форм агрессии показал, что для мальчиков наиболее характерно наличие физической агрессии, тогда как для девочек – косвенной.

Высокий уровень тревожности был обнаружен у 35% подростков (шкалы «Общая тревожность», «Тревога, связанная с оценкой окружающих» и «Тревога, возникающая в ситуациях самовыражения» методики МОДТ). При этом большинство девиантных подростков обладает нормальным уровнем общей тревожности, необходимым для адаптации и продуктивной деятельности.

Было выявлено наличие тревожности в области социальных контактов: почти все подростки с девиантным поведением испытывают высокую тревогу в отношениях с родителями (90%); в отношениях со сверстниками тревога обнаружена у 36% подростков, а в отношениях с учителями высокий уровень тревожности не выявлен вовсе.

Для 50% характерен низкий уровень приспособляемости к ситуациям стрессогенного характера. Результаты опросника «COPE» показали отсутствие конструктивных копинг-стратегий у девиантных подростков: они склонны в большинстве случаев применять религиозный копинг (обращение к Богу). Такого рода копинг причисляется к группе эмоционально ориентированных копингов и не является конструктивным механизмом совладания со стрессовой ситуацией, в связи с отсутствием активной позиции при его применении. Кроме того, девиантные подростки не склонны применять проблемно ориентированные копинги (конструктивные): лишь у некоторых были выявлены высокие показатели по использованию активного копинга, планирования совладания, сдерживающего копинга, концентрации на проблеме (11%). Гендерный же анализ выборки по данному аспекту показал, что копинги группы конструктивных реакций проявляются только у девочек.

При изучении страхов и опасений было выявлено их преимущественное количество в сфере общения. Большинство подростков (77%) испытывает страхи, связанные с общением – это страх осуждения, непонимания, страх публичности. Такого рода страхи могут быть обусловлены высоким уровнем тревожности в ситуациях социального взаимодействия. Чуть меньше (55%) испытывают страхи конкретных людей, в большинстве случаев это страхи родителей (оценка их родителями).

Были выявлены социальные ситуации, порождающие тревогу – это ситуации, связанные с необходимостью самораскрытия, предъявления себя другим, демонстрации своих возможностей. Эти подростки тревожно ориентированы на мнение других в оценке своих результатов; у них отмечается высокий уровень тревоги по поводу оценок, даваемых окружающими, в связи с ожиданием негативных реакций с их стороны.

Полученные результаты позволяют сделать вывод о том, что в основе девиантного поведения лежит не высокая степень агрессивности подростков, а скорее трудности понимания социальных отношений и снижение возможностей конструктивного разрешения конфликтных ситуаций. Выявляемое у них враждебное отношение к миру определяется особенностями их семейной ситуации, которые с раннего детства подрывают базовое доверие к окружающему миру.

Когнитивно-бихевиоральная терапия как средство оказания воздействия на агрессивное поведение подростков

Ремеева А.Ф.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Одной из актуальных проблем современной психологии является проблема усиления агрессивных тенденций в социальной среде. Социально-экономические изменения, происходящие в России в последние десятилетия, привели к определенным последствиям, в частности к росту криминального и девиантного поведения. В связи с этим актуальными являются исследования психологических проблем, связанных с агрессией в различных ее проявлениях. Особое внимание следует уделять исследованию подростковой агрессивности.

Огромный опыт по коррекции агрессивного поведения накоплен в рамках когнитивно-бихевиорального направления психотерапии. Это относительно молодое психотерапевтическое направление, которое в основном оформилось во второй половине прошлого столетия. Изначально два подхода развивались самостоятельно и независимо друг от друга, но впоследствии бихевиоральные психотерапевты, признали важность внутренних (когнитивных) процессов и сделали их одной из мишеней воздействия. В свою очередь, когнитивные психотерапевты стали в своей работе использовать поведенческие техники, основанные на классических психологических теориях. Объединенная когнитивно-бихевиоральная традиция, как вид проблемно-ориентированной терапии является высокоэффективной моделью оказания воздействия.

Многие симптомы поведенческих проблем, с позиции когнитивно-бихевиоральной терапии являются следствием пробелов в обучении, образовании и воспитании. Нарушение в поведении рассматривается как квази-удовлетворение базисных потребностей. Считается, что поведение может быть изменено в результате наблюдения за ним и устранения когнитивного дефицита и когнитивных искажений.

Когнитивно-бихевиоральная терапия представлена такими учеными как А. Бек, А. Эллис, Д. Уотсон, Б. Скиннер, Д. Вольпе, А. Бандура, М. Селлигман, А. Лазарус, Д. Майхенбаум и многими исследователями, которые разрабатывают более двадцати направлений в рамках данной терапевтической модели. Их достоинство – в серьезном научном обосновании, четкой мишенеориентированности и в конкретности рекомендаций и процедур.

Агрессия – это мотивированное деструктивное поведение, противоречащее нормам существования людей в обществе, наносящее вред объектам нападения, приносящее физический ущерб людям или вызывающее у них психологический дискомфорт.

Агрессивность относится к нарушениям социального поведения, характерным признаком которой является преднамеренное нарушение личных прав других людей, с целью нанесения им ущерба. Агрессивное поведение разнообразно в своих проявлениях, и широко представлено в поведении детей и подростков. Агрессивные нарушения поведения являются одним из наиболее частых поводов для психологического консультирования и психотерапии. Актуальным представляется, в связи с этим, разработка и активное использование результативных методов оказания воздействия на агрессивное поведение детей и подростков.

Объяснение причин агрессивного поведения дают многочисленные многофакторные обуславливающие модели, в частности в качестве одной из основных предпосылок усвоения агрессивных способов поведения и установок подростками определяется наличие примеров агрессивного поведения в близком социальном окружении и в средствах массовой информации. Данные примеры могут быть «взяты на вооружение» подростками, если их реализация приведет, как им представляется, к положительному результату. К сожалению, современные СМИ изобилуют сценами насилия, сообщениями о криминальных происшествиях, а так же киногероями, которые демонстрируют все многообразие агрессивных поступков.

Агрессивное поведение получает положительное подкрепление, если оно вызывает удовольствие, оказывается средством достижения собственных целей или привлекает к себе внимание, встречает сочувствие или социальное признание. Агрессивные дети и подростки не обладают достаточным умением добиваться своих целей социально приемлемыми способами. Причиной тому могут быть недостаточная обученность социально-желательным формам поведения или дефицит исполнительной регуляции. В связи с этим представляется актуальным использование в воспитательных целях тех методов и приемов поведенческой терапии, которые расширяют диапазон моделей поведения подростков и обеспечивают значимых взрослых способами реагирования на агрессивное поведение, благодаря которым агрессивные формы поведения детей угасают.

Агрессивное поведение может получать подпитку также оттого, что оно способствует прекращению неприятного состояния, прежде всего страха, когда агрессивное действие отводит мнимую угрозу. Подобное негативное подкрепление лежит также в основе экспрессивных вспышек ярости, служащих средством

аффективной регуляции после переживания фрустраций, обид и унижений, а также агрессивных действий, с помощью которых индивиды стараются совершить акт возмездия и восстановления чести и достоинства.

Ясное понимание причин и закономерностей формирования агрессивного поведения позволяет когнитивно-бихевиоральной психотерапии четко формулировать цель терапии, планировать оказание воздействия и рассчитывать на высокую результативность

В качестве альтернативы агрессивному поведению когнитивно-бихевиоральное направление предлагает формирование асертивного поведения. Асертивным (уверенным) поведением может быть названо такое поведение, при котором человек добивается реализации своих прав, не нарушая законных прав других людей. А. Лазарус рассматривал тренинг самоутверждения как способ преобразования агрессии в социально-приемлемые способы поведения и способ приобретения социальной компетентности. Согласно теории социальной компетентности, агрессивность является частной формой неуверенности в себе, а в более широком контексте – результатом отсутствия социальной компетентности. В настоящее время, тренинг уверенного поведения является популярным во всем мире, его эффективность в коррекции агрессивного поведения подростков является неоспоримым фактом.

С целью повышения эффективности воздействия, осознавая недостаточность воздействий только на внешнее поведение, ставится задача воздействовать прямо на когнитивные процессы.

Актуальной задачей представляется разработка когнитивных схем различных поведенческих нарушений, и, прежде всего, агрессивного поведения. Данные схемы позволят оптимизировать процесс оказания воздействия, нацеленного на коррекцию агрессивного поведения.

Важным этапом работы является доказательство важности мыслей в возникновении и поддержании эмоций и проблем человека. Внешние события и лица имеют гораздо меньше влияния на нас. Не они сами по себе порождают наши чувства и реакции. Они только дают толчок внутренним процессам в человеке. Характер же самих эмоций и наших поведенческих реакций зависит от нашего внутреннего представления о ситуации, т.е. от наших мыслей, оценок, интерпретаций событий.

Когнитивная терапия имеет цель прямо и, прежде всего, модифицировать когниции человека, которые лежат в основе поведения

Главная задача – формирование установки, благоприятной для формирования поведения, направленного на решение проблем подростка.

Специалисты, оказывающие воздействие в отношении девиантных подростков должны владеть теоретическими основами и базовыми приемами когнитивно-бихевиорального подхода.

К сожалению, в современной юридической психологии целенаправленная психокоррекционная практика с использованием когнитивно-бихевиорального подхода – скорее исключение, чем правило.

Специальных исследований, направленных на изучение когнитивной сферы агрессивных индивидов очень мало.

Важно, вбирая в себя не только зарубежный опыт, но и накопленный капитал предыдущих лет развития юридической психологии, разрабатывать новые технологии оказания воздействия на агрессивное поведение подростков.

Психологическая модель криминального действия

Романова Н.М.

Саратовский государственный университет им. Н.Г. Чернышевского (Саратов)

Требование социальной релевантности психологической науки, отражающее необходимость ее активного участия в решении социальных проблем, ставит на повестку дня выявление психологических детерминант криминального поведения.

В настоящее время имеется острая социальная и научная потребность в разработке целостной концепции криминального поведения с выявлением его структуры, построением модели, определением факторов детерминации и закономерностей реализации. Отсутствие единой теории, интегрирующей все компоненты криминального поведения, затрудняет создание эффективной системы его психопрофилактики, психокоррекции и социально-психологической реабилитации личности преступника. Следует указать, к тому же, что эта система должна быть адекватна специфике индивидуальной социально-психологической аномалии преступника.

В научной литературе существуют различные теории криминального поведения. Часть из них объясняет криминальность конкретного действия. Другие теории исследуют склонность к совершению таких действий. Имеются теории, объясняющие преступность как совокупность криминальных действий.

В структуре криминального поведения большинство исследователей выделяют три стадии: 1) докриминальная; 2) совершение криминального действия; 3) посткриминальная.

При этом криминальное поведение личности представляет собой целостность, единство поведенческих компонент, реализованных субъектом на докриминальной, криминальной и посткриминальной стадиях. Первая стадия представляет собой совокупность предпосылок и условий формирования криминального поведения. Вторая стадия – стадия совершения криминального действия, является кульминацией и логическим завершением первой стадии. В то же время её сущностные характеристики связаны с особенностями поведения лица в третьей стадии. В силу особой важности второй стадии для понимания криминального поведения обратимся к описанию его модели.

Разработанная нами модель криминального действия позволяет, на наш взгляд, раскрыть его содержание и структуру. Структурные компоненты модели криминального действия характеризуются тождественностью применительно к различным субъектам преступного деяния. Содержательная компонента модели

криминального действия отличается вариативностью, обусловленной характеристиками личностного смысла совершаемого преступления для субъекта.

Предлагаемая модель криминального действия включает в себя следующие базовые компоненты: 1) мировоззренческий (морально–нормативная сфера); 2) побудительный (мотивационно–потребностная сфера).

Своеобразное сочетание базовых компонентов криминального действия – мировоззренческого и побудительного, классифицируют его пространство в соответствии с личностным смыслом последнего:

1) криминальное действие морально оправданно и аутентично личности преступника (он поступает в соответствии со своими убеждениями и желаниями);

2) криминальное действие является следствием длительных колебаний, результатом внутренней борьбы и «внутренней работы», связанной с принятием криминального решения;

3) реализация криминального действия происходит в ситуации отчуждения личности от него (противоречит желаниям и убеждениям).

4) криминальное действие совершается спонтанно, при отсутствии значимой потребности, оно аутентично личности преступника вследствие отсутствия у последнего морально-правовых запретов.

Пространство личностных смыслов, являющихся функцией мировоззренческих и побудительных компонентов структуры криминального действия, позволяет структурировать популяцию преступников в соответствии с четырьмя основными группами. Преступники, входящие в эти различающиеся группы, условно названы нами: «криминальный», «колеблющийся», «депривированный (отчужденный)», «несоциализированный».

Предложенная модель может быть использована в практике психодиагностической, психокоррекционной и психосоциальной работы с контингентом правонарушителей.

Образ мира и Я-образы виктимных подростков

Ситников В.Л.

Петербургский университет путей сообщения (Санкт-Петербург)

Стреленко А.А.

Витебский государственный университет им. П.М. Машерова (Витебск)

Как известно, проблема человека–жертвы не является абсолютно новой для некоторых отраслей человекознания. Наряду с частью социально-гуманитарных дисциплин психология также не остается безразличной к данной проблеме. Наиболее значимым в плоскости изучения этой темы оказывается вопрос, связанный с изучением причин, вызывающих провокационное поведение жертвы.

В настоящее время определено, что причины, которые могут обуславливать возникновение позиции жертвы, связаны как с объективными факторами, так и с

некоторыми субъективными предпосылками превращения человека в реальную жертву неблагоприятных условий социализации.

Социализируясь в обществе других людей, человек не только видит и воспринимает мир через образы и в образах, но и наяву строит свой мир в образах. В зависимости от формирующейся картины мира человек воспринимает и устанавливает отношения с другими так, как это себе представляет.

Изучая Я-образы подростков (юношей и девушек), переживших сексуальное насилие, мы выявили, что в Я-образах юношей, переживших сексуальное насилие, по сравнению с девушками, достоверно преобладают характеристики интеллектуально-творческого плана, в то же время, в Я-образах девушек, переживших сексуальное насилие, значимо больше внимания уделяется телесным характеристикам.

Как известно, именно тогда, когда происходят важнейшие преобразования в организме, когда внешний облик и физические данные начинают сильно волновать подростка, соответствие физического развития ребенка стандартам, принятым в группе его сверстников, становится определяющим фактором в его социальном признании, положении в группе. Вероятно, поэтому для девушек особо важную роль играют телесные характеристики.

Таким образом, в рамках половых различий Я-концепция девушек сильнее коррелирует с оценкой привлекательности своего тела, чем с оценкой его эффективности. У юношей, наоборот, ведущим критерием самооценки является эффективность тела. И эта зависимость во многом объясняется социально-ролевыми функциями мужчин и женщин.

Однако направленность на свой физический облик у девушек может быть связана не только с возрастными особенностями, но и с ситуативными, в частности с ситуацией насилия. После его воздействия девушки могут осознавать, что собственное тело становится не только их самостью, но и достоянием других. Поэтому могут возникать ощущения отделения своего тела от мыслей. Специалисты такое состояние называют диссоциацией. Суть его заключается в выключенности (безразличии ко всему), как правило, кратковременной. Но если подросток не сможет найти более конструктивных способов адаптации и не выработает другой защитный механизм, это может повлечь к серьезным проблемам личностной сферы.

В сравниваемых группах девушек (группа девушек, переживших сексуальное насилие, и группа девушек – учащихся общеобразовательных средних школ) обнаружилось существенные различия по интеллектуальной характеристике Я-образов и социальному интеллекту. Что касается интеллектуальной характеристики и социального интеллекта, в отношении прогнозирования ситуации, предвосхищения тех событий, в которых могут оказываться подростки, по-видимому, будут в выигрыше девочки средних школ. На наш взгляд у учащихся общеобразовательных школ, по сравнению с подростками, подвергавшихся сексуальному насилию, это связано с тем, что в анамнезе отмечаются наиболее благоприятные обстоятельства для развития интеллекта. Это условие, несомненно, является значимым для развития детей и подростков. Можно предположить, что отсутствие соответствующих условий

сказывается на том, что у девушек – жертв сексуального насилия существенно слабее проявляются такие способности, как определение успешности оценки и прогнозирования поведения людей. Что и является дополнительным виктимогенным фактором, провоцирующим посягательства на их половую неприкосновенность (Стреленко, 2009).

Таким образом, Я-образ виктимного подростка имеет свои отличительные особенности, связанные с формированием его образа мира до/после воздействия сексуального насилия. Скорее всего, недостаточная степень дифференциации Я-образа виктимного подростка будет значительно затруднять формирование в его сознании дифференцированного образа мира, т.е. предметного обобщения текущих взаимоотношений человека и мира, частью которого он является.

Взаимосвязь ценностных ориентаций с личностными характеристиками правых экстремистов

Сокольская М.Д., Фурсова И.А.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

В наше время тема экстремизма является одной из наиболее актуальных в сфере превентивных методов борьбы с ним. В этой отрасли находят точки соприкосновения многие гуманитарные науки, в том числе и юридическая психология.

С психологической точки зрения можно говорить о том, что для экстремистов характерна психическая ригидность, которая перерастает в формирование предрассудков и предубеждений по отношению к лицам другой национальности (Залевский, 2007). В этом плане предубеждения выступают как одна из форм интеллектуального обесценивания, средства защиты собственной точки зрения, повышения и укрепления собственной ценности. Таким образом, предубеждения приобретают характер ценностных суждений. Естественно, данная система ценностей не появляется спонтанно – ее подкрепляет и стимулирует сама правого экстремизма.

Нами было проведено исследование, целью которого было установление взаимосвязи между ценностными ориентациями правых экстремистов и их личностными характеристиками, наибольшее значение среди которых принадлежало чувству враждебности экстремистов.

В исследовании приняли участие 40 человек – 20 правых экстремистов, активно участвующих в деятельности экстремистски настроенной группы; 20 мужчин из контрольной группы, не совершавших насильственных действий по отношению к представителям другой национальности.

Методики исследования:

- авторский опросник исследования социально-демографических данных;
- методика Шварца для изучения ценностей личности (Карандашев, 2004);
- методика исследования самооценки (Яньшин, 2004);

– методика «Опросник диагностики склонности к агрессии А. Басса – М. Перри» (Ениколопов, Цибульский, 2007);

В результате исследования было обнаружено:

1. Подверженность правых экстремистов неблагоприятной социализации.
2. Слабость корреляционных связей между ценностями у группы экстремистов в отличие от представителей контрольной группы. Данные результаты предполагают, что сдерживающие механизмы взаимосвязанных групп ценностей не могут быть использованы экстремистом при снижении значимости одной из ценностей.

3. Повышенный уровень физической агрессии, находящийся во взаимосвязи с пониженной самооценкой правых экстремистов.

4. Взаимосвязь между ценностными ориентациями и уровнем враждебности экстремистов. Ценностями, снижающими враждебность, являются «стимуляция» и «универсализм». Кроме того, в рамках данного исследования уровень враждебности был предельно снижен, в отличие от представителей контрольной группы. Тем самым было выдвинуто предположение о положительном влиянии самой процедуры исследования на когнитивный компонент агрессии.

Данные результаты могут внести значительный вклад в развитие науки юридической психологии. Предполагается провести ряд дополнительных исследований выявляющих особенности взаимосвязи ценностных ориентаций и уровня враждебности у представителей разных иерархических слоев экстремистски настроенных групп.

Литература

1. Ениколопов С.Н., Цибульский И.П. Психометрический анализ русскоязычной версии опросника диагностики агрессии А. Басса и М. Перри // Психологический журнал. 2007. №1.
2. Залевский Г.В. Личность и фиксированные формы поведения. М.: Институт психологии РАН, 2007.
3. Карандашев В.Н. Методика Шварца по изучению ценностей личности: концепция и методическое руководство. СПб.: Речь, 2004.
4. Яньшин П.В. Практикум по клинической психологии. Методы исследования личности. СПб., 2004.

Новый метод психодиагностики склонности персонала к мошенничеству (ЛО НПН)

Стрижов Е.Ю.

Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина (Тамбов)

Ввиду отсутствия в отечественной психодиагностике валидных и надёжных методик измерения склонности персонала к мошенничеству, нами в течение 5 лет проводилась работа по конструированию такого теста – личностного опросника нравственно-правовой надёжности (ЛО НПН).

При его разработке применён факторно-аналитический принцип конструирования тестов: факторная структура ЛО НПН соответствует факторной структуре исследуемого социально-психологического свойства личности. Для формулирования заданий по шкалам отношения к деньгам, мошенничеству и труду применялись положения критериально-ключевого принципа конструирования. Реализованы правила обеспечения валидности (Забродин, 1987; Клайн, 1994).

Целью проектирования личностного опросника НПН было выявление скрываемых и невербализованных нравственных и правовых смыслов экономического поведения у обследуемых сотрудников. Для этого применялись 43 проверенные на конструктивную и критериальную валидность пословицы и поговорки, отражающие отношение личности к нравственным ценностям, труду, деньгам и мошенничеству. Смысловые ассоциации системы понятий, выражающих негативное отношение к нравственным ценностям, нормам права, к труду и другим людям, имеют высокие значения (более 0,7 величины стандартного отклонения).

При конструировании ЛО НПН были изучены валидность и надёжность отечественных и зарубежных методик, применяемых для получения данных о честности, надёжности, лояльности персонала.

В ЛО НПН включены 120 вопросов, разбитых на 10 сбалансированных интервальных шкал, каждая из которых включает 6-10 пар заданий. Факторная структура опросника образована тремя группами переменных, имеющими суммарную дисперсию 77%.

Ретестовая надёжность теста – 0,762 при $p < 0,0001$. Внутренняя согласованность заданий по коэффициенту α Кронбаха – 0,882. Надёжность по методу половинного расщепления шкалы (коэффициент Спирмена – Брауна) – 0,977. Коэффициент Гутмана по методу половинного расщепления теста составил 0,897. Прогнозы поведения сотрудников подтвердились в 76% случаев.

Тест дифференцирует испытуемых по критериям нравственно-правовой надёжности, т.е. имеет хорошую критериальную валидность. Показатели теста в основном соответствуют реальному уровню морально-правового развития сотрудников в момент обследования (диагностическая, или текущая валидность). Независимый внешний критерий – экспертная оценка надёжности сотрудников, – высоко коррелирует с фактором нравственности (0,823 при $p < 0,001$). Опросник обнаруживает устойчивую статистически значимую связь с поступком.

ЛО НПН позволяет объяснить связи ценностно-смысловых, когнитивных, регуляторных и идентификационных структур личности, т.е. обеспечивает многофакторное объяснение нравственной надёжности личности и имеет конструктивную валидность. Опросник показал сходные результаты на 4-х независимых выборках (профессиональной, возрастной, образовательной, женской и мужской). Общее количество испытуемых, проверенных по нашей методике – 2467 чел. Он обладает необходимой чувствительностью к социально-психологическим признакам, свидетельствующим о склонности сотрудника к обману и мошенничеству. Тест

включён в компьютерную психодиагностическую программу ФСИН России «Psychometric Expert» (www.psychometrica.ru).

Литература

1. Клайн П. Справочное руководство по конструированию тестов // П. Клайн / Под ред. Л.Ф. Бурлачука. Киев: ПАН Лтд, 1994.
2. Забродин Ю.М. Статистические и семантические проблемы конструирования и адаптации многофакторных личностных тест-опросников // Ю.М. Забродин, В.И. Похилько, А.Г. Шмелёв // Психологический журнал. 1987. Т.8. № 6.

Социальная психология криминального поведения

Сутужко В.В.

Институт социального образования (филиал)

Российского государственного социального университета (Саратов)

Цель данной работы – проанализировать социально-психологические факторы криминального поведения личности. Личность, взаимодействуя с миром, оценивает его, пытаясь понять смысл собственного существования. С этих позиций криминальное и девиантное поведение личности имеет множество контекстов психологического анализа проблемы (от психофизики до психологии духовности), однако определяющим моментом представляется деформация межличностных отношений разного уровня. Основным критерием, характеризующим нормальное состояние межличностных отношений, считается их соответствие мировым стандартам в области международного права, которые основываются на гарантиях свободы передвижения, слова и совести, на праве собственности, тайны переписки и телефонных переговоров, на нормах нравственности и культуры. В основе цивилизованных межличностных отношений находятся фундаментальные ценности, отклонением от которых деформируются социальные отношения, что отражается в их несоответствии общепринятым культурным, нравственным, правовым, экономическим нормам, регулирующим отношения в сфере государства, общества и экономики.

Изучая деформации социальных отношений, необходимо учитывать групповое восприятие и оценивание различных общностей. В одних общностях деформации социальных отношений оцениваются как отклонения, в других группах то же самое является нормой. Признаками деформации социальных отношений являются такие нарушения в сфере культурных, нравственных, правовых, психологических отношений, как отсутствие свободы выбора, слова, необоснованные ограничения в области передвижения, государственный терроризм, тотальный контроль, сильная зависимость экономики от власти и другое. Посредством деформации социальных отношений трансформируются личность и общность, такая социально-психологическая патология особенно остро проявляется в период ломки социальных институтов. При этом происходит падение нравов, дегуманизация, утрачивается культура и мораль, катастрофически снижается психологическое здоровье нации,

процветает наркомания, проституция, пьянство, повышается количество суицидов и умышленных убийств.

Социальное поведение личности при жестко-нормативной деформации межлических отношений становится строго ролевым. Подобный феномен нельзя объяснить только с позиции индивидуально-личностного подхода, направленного на выявление роли индивидуальных особенностей в поведении. В такой ситуации складывается адаптивная система отношений, с помощью которой избегаются последствия ограничений. В адаптивной системе отношений формируются жесткие нормы функционирования, при которых образуются социальные ожидания в отношении поведения личности. Социальный статус и роль человека зависят от степени соответствия индивидуального поведения социальным ожиданиям.

Однако человек при любых обстоятельствах стремится к совершенству, в том числе и в условиях выживания, самосохранения в жестко-нормативной деформации социальных отношений. Актуализируются многие механизмы психологической самозащиты. Если на конференции, посвященной 70-летию М.М. Коченова, мы анализировали проблемы межличностного общения в криминалистике, то теперь рассмотрим социально-психологические феномены криминализации общения. Современные общественные трансформации отражаются в том, что нарушения всех видов общения приобретают криминогенный аспект. Несмотря на то, что в современном российском обществе криминогенное общение наблюдается повсеместно, но именно в местах лишения свободы проявляются наиболее рельефно признаки криминального и девиантного поведения. При нарушении общения и поведения осужденных за преступления людей происходит количественно-качественная трансформация психических феноменов под влиянием изоляции, негативных социально-психологических явлений и криминального профессионализма.

Таким образом, проблемы криминализации личности обусловлены деформацией социальных отношений. Поэтому в социальной психологии криминального поведения надо изучать конкретные нарушения общения, по-разному проявляющиеся на межличностном, групповом и массовом уровнях. Перспективой развития затронутой проблематики могло бы стать построение общей классификации социально-психологических факторов криминального поведения личности.

Переживание вины в связи с ситуацией опасности

Уваркина О.И.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Несмотря на широкую распространенность такого явления, как чувство вины в эмоциональной жизни человека, эта проблема довольно узко представлена в отечественной психологической литературе. В западных исследованиях, в которых этот вопрос изучается значительно шире, вина рассматривается как одна из когнитивно-зависимых эмоций самосознания, наряду со стыдом, смущением и

гордостью. Традиционно чувство вины исследуется в «ситуациях проступка», совершенного непосредственно субъектом. Тем не менее, нередко это явление наблюдается в таких случаях, когда его возникновение кажется иррациональным.

В нашем исследовании чувство вины рассматривалось в рамках ситуаций, когда человек не является субъектом проступка, более того, они оказываются угрожающими лично для него. Самообвинение в подобном случае нередко влечет за собой неблагоприятные последствия, в частности, психологические последствия для самого человека (самоуничужение и т.д.). Можно предположить, что возникновение вины в ситуации опасности связано с личностными особенностями испытуемых, субъективным опытом столкновения с опасностью, а также ситуативными характеристиками, в частности, степенью неопределенности условий.

Материалом для исследования послужили данные обследования 70 молодых людей (38 женщин, 32 мужчины) в возрасте от 20 до 25 лет, уже имеющих высшее образование или студентов ВУЗов различных специальностей.

Для реализации целей настоящего исследования использовался ряд методик. Для оценки вероятности возникновения вины в ситуации опасности применялся модифицированный вариант методики С. Розенцвейга: изменены реплики персонажей, внесены необходимые уточнения для более четкого моделирования условий опасности. Для выявления факта наличия у испытуемых субъективно значимого опыта столкновения с опасностью, его характеристик, а также актуальных эмоциональных переживаний в связи с ним, была разработана анкета. Кроме того, в рамках исследования оценивались характерологические особенности испытуемых с помощью методики ОЧХ О.Н. Маноловой и В.М. Русалова.

Для статистического анализа использовались: таблицы сопряженности, критерий независимости хи-квадрат, коэффициент ϕ Пирсона для определения силы связи между переменными; критерий Манна-Уитни при сравнении групп, выделенных по категориальным признакам, коэффициенты корреляции Пирсона и Спирмена, проводилась процедура кластерного анализа.

На основании проведенного качественного и количественного анализа полученных данных можно сделать ряд выводов. Возникновение отсроченного чувства вины в связи с прошлым опытом попадания в субъективно опасную ситуацию непосредственно связано с тем, имелись ли в ней объективные свидетельства опасности (угрозы, оружие), независимо от иных рассмотренных нами ситуационных характеристик. Самообвинительные тенденции в условиях опасности в большей степени характерны для испытуемых, уже имеющих опыт переживания ситуаций угрожающего характера. Отмечено, что чувство вины в условиях опасности чаще возникает в том случае, если сама она носит виновный для субъекта характер, а «обвинитель» имеет статусное превосходство. Если субъект сталкивается с условиями, которые не может однозначно трактовать как опасные, но с большой вероятностью может предсказать негативные последствия, частота возникновения вины выше, чем в случае «полной неопределенности». Нужно отметить, что ни возникновение вины в ситуации опасности, ни отсроченное ее переживание в рамках

исследования не показало значимых связей с характерологическими особенностями испытуемых, этот вопрос требует дальнейшего изучения и анализа.

Результаты проведенного исследования позволяют более глубоко проанализировать механизмы и факторы возникновения самообвинительных тенденций в контексте опасности, что может найти применение в практической работе с лицами, непосредственно столкнувшимися с угрожающими ситуациями в реальной жизни.

Моделирование в экспертной деятельности психолога

Целиковский С.Б.

Южный федеральный университет (Ростов-на-Дону)

Специфика деятельности психолога в области судебной экспертизы такова, что в отличие от привлекаемых экспертов и специалистов многих других профилей, он, чаще всего, не может ограничиться производством заранее известных, стандартных, узкоспециальных процедур для решения поставленных перед ним задач. Во многих случаях психологический анализ представленных материалов по необходимости носит не «конкретно ремесленный», но системный и эвристический характер, а одним из важнейших «внутренних» результатов такого анализа становится построение более или менее развитых психологических моделей – событий, ситуаций, личностей, их поведения и состояний. Без опоры на такие модели зачастую оказывается невозможным дать обоснованные ответы на вопросы, поставленные перед экспертом или специалистом.

Такое психологическое моделирование тесно связано с криминалистическим моделированием, которое, как один из методов познания при расследовании преступлений, получает всё большее признание среди профессиональных следователей, оперативных работников, прокуроров, судей и адвокатов. По сути дела, речь идёт об описании, реконструкции, мысленном воспроизведении объектов моделирования психологическими средствами, но в криминалистических целях. При этом, говоря, в частности, о моделировании личности преступника (или потерпевшего), нам представляется принципиальным разграничение содержания и функциональной нагрузки понятий «психологическая модель», «психологический портрет» и «психологический профиль» (Целиковский, 2010). Модель личности носит обобщённый и динамический характер, позволяя имитировать и прогнозировать личностное развитие, тренды свойств, состояний и особенностей поведения субъекта. Именно с развитыми моделями такого уровня оказывается плодотворным соотносить «портреты» и «профили» конкретных личностей (известных или искомых). С другой стороны, накопление и обобщение верифицированных практикой «портретов» и «профилей» – путь к построению арсенала моделей, используемых в экспертизе.

Сходным образом соотносятся между собой обобщённые модели и психологические характеристики конкретных криминальных, криминогенных или посткриминальных ситуаций. Понимание предыстории ситуации, возможных

векторов её развития, вероятных поведения, взаимодействия, состояний её участников также должно опираться на развитые, психологически проработанные ситуативные модели. Причём «психологический анализ ситуации возможен только с позиций определённого субъекта» (Михайлова, 2010), т.е. с учётом вероятных особенностей его личности, возможной мотивации и т.п., иначе говоря, с опорой на модель личностную.

Наконец, вслед за Китаевой, В.Н. (2002) обратим внимание на то, что практическую ценность для решения следственных, оперативно-розыскных, судебных задач представляют не только категоричные, однозначные, но и вероятностные выводы экспертиз и исследований специалистов. Добавим к этому, что ценность таких выводов ещё более повышается, если в них предлагается ряд психологически обоснованных версий, ранжированных в порядке их ситуативной и личностной правдоподобности. Разработка таких версий, разумеется, также должна опираться на развитые модельные представления психолога.

Литература

1. Китаева В.Н. Судебно-психологическая экспертиза при расследовании тяжких преступлений против личности. Автореферат дис. канд. юр. наук. Иркутск, 2002.
2. Михайлова О.Ю. Психологический анализ криминальной ситуации (см. настоящий сборник).
3. Целиковский С.Б. О трактовке понятий «модель», «портрет», «профиль» личности преступника//Актуальное состояние и перспективы развития судебной психологии в Российской Федерации: Мат-лы Всероссийской конф. Калуга, 2010.

Домашнее насилие. Женщина – жертва – преступник

Феткулова И.А.

Институт психологии и педагогики (Москва)

Сексуальное и гендерное насилие является одним из нарушений прав человека. Подавляющее большинство лиц, переживших сексуальное и гендерное насилие, – женщины и дети.

Насилие в семье происходит во всем мире, в различных культурах, и затрагивает людей, независимо от экономического статуса и положения в обществе.

Для России эта проблема является чрезвычайно актуальной, так как масштаб и интенсивность насилия в отношении женщин и детей превосходит показатели многих стран. По данным Всемирной организации здравоохранения, в 2006-2007 годах в России от различных форм насилия пострадало 70% опрошенных женщин. Однако оценить реальные масштабы проблемы невозможно из-за ее скрытости и искаженного представления о домашнем насилии в обществе.

Несмотря на всю важность и актуальность проблематики насилия, до сих пор не существует единого видения данной области в психологии, нет единой теоретической и исследовательской парадигмы, не сложился полноценный терминологический и концептуальный аппарат.

У женщин, перенесших насилие, остаются не только физические, но и психологические травмы. Последствия домашнего насилия есть всегда, не редко они могут быть очень тяжелыми. Женщины, состоящие или вышедшие из ситуации домашнего насилия, являются «пережившими» насилие (Луковцева, 2000).

К возможным последствиям, угрожающим жизни, относится не только смертность жертв насилия и близких им людей – детей, родителей друзей и других людей, оказывающим помощь жертве насилия и преследуемых обидчиком. Обидчик также может стать жертвой преступления.

Существуют статьи, которые говорят о причинении тяжкого или средней тяжести вреда здоровью в состоянии аффекта или убийстве, совершенном в состоянии внезапно возникшего сильного душевного волнения, вызванного насилием (ст. 107, 113 УК РФ).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что домашнее насилие является психотравмирующей ситуацией и может вызвать аффект. Также существует статистика, говорящая о положении дел в женских тюрьмах.

Тюрьма является особой структурой, где женщины попадают в непривычную и несвойственную им ситуацию. Если сравнивать ситуацию в семье при домашнем насилии и ситуацию в тюрьме, то можно сказать, что домашнее насилие предполагает патриархатность, навязывание слабости, власть и контроль над женщиной, чувство вины, перекладывание ответственности на женщину и т.д. В тюрьме же, напротив, женщина должна брать на себя мужские функции, быть сильной, держать под контролем все происходящее, выстраивать качественно иные отношения с окружающими, возможно, соблюдать иерархию и четкие законы тюрьмы. Тюрьма – место, где женщина становится маскулинной.

Насилие в семье – это травматический опыт, который приводит к серьезным последствиям для женщины. Чем более жестоким и длительным является насилие, тем глубже и устойчивее травма, которая в худшем случае может привести к потере чувства идентичности.

Женщины, совершающие преступления на почве домашнего насилия, имеют ряд нарушений психики, в том числе они становятся дезадаптированными в социальной среде. Важно отметить, что многие психические нарушения и характеристики, присущие преступнику, сходятся с теми характеристиками, которые приобретает женщина вследствие домашнего насилия. Таким образом, можно говорить о том, что домашнее насилие является фактором, повышающим возможность совершения преступления, а также оно снижает возможность социализации и адаптации личности. Также, женщины, которые длительное время находятся в ситуации насилия, приобретают нарушения, связанные с саморегуляцией поведения.

Во многих случаях жертва – активный элемент в предпреступной ситуации и в динамике преступного деяния.

Таким образом, домашнее насилие является ситуацией, в которой страдает не только жертва насилия, ее дети, родители или другие близкие люди, но и обидчик. Кроме того, насилие разрушает не только семью, но и общество в целом.

Психологические предпосылки подчинения индивида требованиям закона

Юстицкис В.В.

Университет им. Миколаса Ромериса (Вильнюс, Литва)

Валицкас Г.В.

Вильнюсский государственный университет (Вильнюс, Литва)

Данное исследование представляет собой продолжение другого, более раннего, связанного с проблемами процедурной справедливости (Валицкас, Юстицкис, 2006). Наше новое исследование охватывает психологические механизмы, формирующие отношение ко всей правоохранительной системе в целом, включая совокупность существующих законов и процесс их применения. Непосредственным результатом действия этих механизмов является так называемая «правопослушность» – психологическая готовность индивида выполнять требования законов и связанных с ним нормативных актов. Она выступает как самостоятельный мотивирующий фактор, побуждающий индивида подчиняться требованиям закона, вне зависимости от силы и направленности других мотивов. Правопослушность играет определяющую роль в обеспечении устойчивости следования закону, несмотря на действие самых различных факторов, препятствующих выполнению требований закона. На изучение психологической основы правопослушности и направлено наше исследование. Парадоксально, что, несмотря на жизненно важную роль психологических механизмов правопослушности в обеспечении самих основ существования общества, о них известно намного меньше, чем о многих других, менее важных психологических явлениях. Психологические феномены, связанные с послушностью законам, начали изучаться сравнительно недавно (напр., Kassing, 2008; Rawls 1999; Solum 2004; Tyler, 2006 и др.). Есть основания полагать, что психологические факторы, обеспечивающие послушность законам, могут быть специфичны в зависимости от страны и культуры. Все это побудило нас начать международное исследование, которое охватывает Литву, Германию, Кипр и Россию.

В нашем исследовании участвовали студенты высших учебных заведений указанных стран (156 из Литвы, 102 из Кипра, 82 из России и 98 из Германии). Для целей исследования мы создали вопросник, основу которого составляют пять шкал: 1) шкала «Общей обязанности выполнения требований законов» (напр., «Я стараюсь соблюдать законы, даже если думаю, что они несправедливые»); 2) шкала «Доверия институтам и должностным лицам системы правопорядка» (напр., «Сотрудники милиции – это честные люди»); 3) шкала «Поведения институций правопорядка и их должностных лиц» (напр., «Суды каждому человеку гарантируют справедливое разбирательство дела»); 4) шкала «Ожидания будущего поведения должностных лиц» (напр., «Если в будущем Вам придется участвовать в судебном процессе, с Вами

будут обращаться с уважением»); 5) шкала «Критического отношения» (напр., «Судьи злоупотребляют властью, которой они располагают»). Данные шкалы включают 56 утверждений, которые были сформулированы на основе анализа соответствующей психологической и правовой литературы. Проверка психометрических свойств данных шкал показала их достаточно высокую внутреннюю согласованность (коэффициент *Cronbacho alpha* составляет от 0,92 до 0,66).

Полученные результаты и предварительные выводы:

1. Психологическую основу готовности следовать требованиям закона образуют два фактора: «Общая (абстрактная) готовность следовать требованиям законов» (отражает декларируемую готовность испытуемых следовать законам вообще) и «Готовность следовать велению закона в конкретных ситуациях». Корреляция между обоими факторами оказалась невысокой (0,27), что позволяет утверждать, что мы имеем дело с двумя самостоятельными факторами.

2. Не подтвердилось предположение о существовании общей системы психологических факторов, которые определяют все аспекты отношения испытуемых к институтам правопорядка и их должностным лицам. Одновременно выяснилось, что указанное отношение определяется двумя отдельными факторами – «Доверие судьям» и «Доверие должностным лицам». Оба фактора являются тесно взаимосвязанными (коэффициент корреляция 0,62).

3. Судя по первичным результатам, правопослушность держится на двух «китах»: 1) послушности законам (как общей, так и применительно к конкретным ситуациям); 2) послушности «представителям закона» – институтам правопорядка и их сотрудникам. Каждый из этих факторов, в свою очередь, имеет довольно сложную структуру.

Дальнейшее исследование должно показать, характерна ли выявленная структура психологических детерминант правопослушности для лиц разных социальных слоев, а кроме того – выявить новые аспекты психологических механизмов правопослушности. Это, в свою очередь, может открыть новые перспективы применения психологии при решении жизненно важной для каждого общества задачи – обеспечения правопослушности его членов.

О временной перспективе у подростков с девиантным поведением

Ясная В.А.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Временная перспектива, рассматриваемая нами в русле подхода Ф. Зимбардо (Zimbardo, 1999), – это точка на временном континууме «прошлое-настоящее-будущее», в которой ощущает себя индивид, и на основе этого ощущения он строит свою деятельность. Существует 5 временных ориентаций: «Негативное прошлое» – отрицательное, пессимистичное отношение к прошлому; «Позитивное прошлое» – сентиментальное отношение к прошлому; «Гедонистическое настоящее» –

стремление к удовольствию в настоящем без учета последствий для будущего; «Фаталистическое настоящее» – ощущение безнадежности, беспомощности и невозможности что-либо изменить и «Будущее» – ориентация на цели и вознаграждения, которые человек ожидает получить в будущем.

Существенная проблема, касающаяся девиантного поведения, – это реабилитация подростков, носящих ярлык «девиантный», т.е. учащихся в специальных школах, стоящих на учете в КДН и т.д. Как выясняется в ходе бесед с подростками, многие из них имеют социально одобряемые цели, однако в большинстве случаев на самом деле не знают, как добиться желаемого. Сокращая разрыв между представлениями подростка о желаемом и о способах его достижения, мы можем корректировать отклоняющееся поведение и предоставить подростку возможности для просоциальной самореализации. В свете сказанного, изучение временной перспективы девиантных подростков представляется важной теоретической и практической задачей.

В качестве дополнительного параметра мы исследовали идентичность девиантных подростков, т.к. она тесно связана с временной перспективой и включает в себя временной аспект.

Мы предположили, что девиантные подростки больше, чем обычные школьники, склонны «застревать» в психологическом настоящем и негативном прошлом, и имеют сокращенную, неструктурированную и менее реалистичную и дифференцированную перспективу будущего. В идентичности таких подростков также должна присутствовать неструктурированность, недифференцированность и асоциальные маркеры.

Методики исследования. 1) Опросник временной перспективы Зимбардо в адаптации А.Сырцовой (Zimbardo, Boyd, 1999; Сырцова, 2008); 2) авторская модификация методики «круги Коттла» (Cottle, 1976); 3) авторский модифицированный вариант незаконченных предложений для оценки идентичности.

Испытуемые. 1) Ученики закрытой специальной школы №11 «Шанс» ($N=29$) и специальной общеобразовательной школы №3 для детей с девиантным поведением ($N=31$), средний возраст 14,9 лет, 43 мальчика, 17 девочек (первая выборка). 2) Ученики гимназий, лицеев и частной школы ($N=43$) и студенты 1-го курса экономического факультета ($N=46$), средний возраст 16 лет, 44 мужского пола и 43 женского, для двоих пол не указан (вторая выборка). Незаконченные предложения и круги Коттла предъявлялись только школьникам из обеих выборок.

Результаты. Выявились различия в уровне негативного прошлого между нормативной выборкой и девиантными подростками, но уровни ориентации на будущее и гедонистическое настоящее не различались. Но в ходе интервью по методике Коттла оказалось, что у девиантных подростков хуже развита способность к планированию: они не могут описать конкретные шаги, необходимые для достижения цели. Кроме того, у большинства подростков мы обнаружили несоответствие перспектив ближайшего (несколько дней, недель, месяцев) и более отдаленного (1-2 года) будущего. Они имеют социально одобряемые «планы» на 1-2 года (сдать

экзамены, поступить в колледж, учиться, пойти работать), но в самое ближайшее время собираются весело проводить время в компании, не намерены чаще посещать школу, делать уроки и т.п. Отмечается большой разрыв между настоящим и будущим по сравнению с контрольной группой. Представления о прошлом, настоящем и будущем, как и предполагалось, у них оказались менее дифференцированы, структурированы и реалистичны. Значимо чаще встречались асоциальные актуальные и возможные Я, а представления о себе были менее осознанны и дифференцированы. Чаще встречались агрессивные ответы, страхи асоциального будущего и ответы по типу отрицания («я ничего не боюсь»).

Практика управления конфликтами в отношении пациентов в психиатрическом стационаре

Абдраязкова А.М., Шульга А.Г., Кабанова Т.Н.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского (Москва)

Предотвращение агрессии пациентов с психическими расстройствами в стационарах и при оказании внебольничной помощи представляет собой серьезную клиническую задачу.

Среди факторов, оказывающих воздействие на уровень агрессивности, следует перечислить: 1) политику распределения «трудных» пациентов, направленную на помещение поступивших пациентов в различные отделения вместо концентрации их в одном отделении; 2) переполненность отделения пациентами; 3) количество коек и персонала в отделении, когда штат отделения недоукомплектован специалистами.

На повышение общего уровня безопасности благотворно влияют следующие компетенции персонала: готовность предоставлять отчеты относительно проблем, допущенных ошибок и промахов; атмосфера доверия в коллективе; уважение к опыту и способностям персонала, работающего в условиях риска агрессии; способность и готовность к обучению и внедрению полученных навыков и знаний в повседневную практику (в том числе возможность разбора случаев под супервизией).

Кроме того, для предупреждения агрессии пациентов персонал должен быть способен справляться с собственным дистрессом и гневом. В связи с этим в основе эффективного применения техник деэскалации конфликтов лежат управление стрессом и управление гневом. В первую очередь, членам персонала необходимо научиться распознавать знаки (физические и психологические), указывающие на их собственное возбуждение и уровень стресса. Персонал должен владеть навыками управления стрессом, которые включают в себя: 1. Управление собственными эмоциями. 2. Соблюдение ролевой дистанции. 3. Эмпатия/Принятие роли. 4. Толерантность к неопределенности, или способность терпимо относиться и принимать различия в точках зрения, что позволяет не реагировать чересчур эмоционально на враждебное поведение.

Одновременно крайне важным является и учет типа агрессии. В случае инструментальной агрессии более подходящими являются общие когнитивно-бихевиоральные вмешательства. В ситуациях высокого возбуждения – специфический язык тела или риторические навыки. Как правило, вербальные интервенции применяются для пациентов без признаков сильной дезорганизации или психотического состояния (например, для пациентов с деменцией).

Понимание зарубежных коллег полезной практики для устранения кризисной ситуации несколько отлично от отечественных разработок. Рекомендуется: соглашаться, когда больной не согласен; убедить пациента, что ни ему, ни кому-либо ничего не угрожает; предложить помощь, если больному в ней нуждается; включать самого пациента в процесс деэскалации конфликта. Что является немаловажным: 1) при возможности соблюдать дистанцию, дать пациенту свободное пространство; 2) стараться контролировать свою позу и тон голоса; 3) предлагать различные варианты выбора; 4) использовать при разговоре открытые вопросы; 5) разрешить движение по помещению; 6) не использовать ультимативную форму в высказываниях; 7) обозначить границы, рассказать пациенту, к чему он придет. В отношении самого процесса коммуникации рекомендовано: быть осторожным с невербальными проявлениями; использовать простой язык, а также «правило пяти» (не более пяти слов в предложении); технику рефлексии («Я вас правильно понимаю?»).

Обсуждение подходов и рекомендаций к управлению конфликтами демонстрирует актуальность данной проблемы.

Проблема совершенствования прогноза риска насилия

Альфарнес С.А.

Остфольская психиатрическая команда стационара специализированного типа (Осло, Норвегия)

Булыгина В.Г.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (Москва)

Улучшение валидности оценок риска насилия или вероятности совершения агрессивных деликтов психически больными очень сложный процесс. В настоящее время существует несколько подходов в создании и освоении инструментов оценки риска. В одних случаях ученые делают обзор всех существующих исследований риска агрессивного поведения и выделяют все описанные авторами переменные. Затем с помощью различных статистических и исследовательских стратегий и методов выделяют основные факторы риска. В других подходах анализируются данные о лицах, совершивших определенные виды агрессивно-насильственных правонарушений, и на основании анамнестических данных также могут быть выделены факторы риска. Также распространенной научной практикой являются катамнестические исследования, когда оценивают верность сделанных клиницистами прогнозов спустя год или два после проведенного измерения.

Несмотря на то, что история создания инструментов оценки риска за рубежом насчитывает более 40 лет, в российской судебно-психиатрической экспертной и клинической практике не используются зарубежные методы и не создаются оригинальные. Сложившуюся ситуацию можно объяснить рядом причин. Ознакомление с зарубежными инструментами оценки риска вне контекста теоретических концептов и процедур получения эмпирических данных, скорее

дискредитирует эти инструменты. Многие положения и факторы риска для отечественных психиатров выглядят как нелепая комбинация переменных. Так, у российских судебных психиатров, «воспитанных» на синдромологическом анализе психопатологии, вызывают недоумение выводы МакАртуровского исследования, проведенного под руководством Монахана (The MacArthur Study) о негативной связи между шизофренией и насилием (Monahan, 1984). Хотя, на самом деле, авторы не оговорили, преобладали ли в клинической картине пациентов позитивные, или, напротив, негативные симптомы? Очевидно, что профиль риска будет различным у психиатрических пациентов, например, пролеченных должным образом и тех больных, у которых нет активной продуктивной симптоматики в анамнезе (Bjorkly, 2001; Appelbaum et al., 2000).

В 60-70-годы клиницисты доверяли себе как инструментам, и показатель предсказательной точности таких прогнозов был около 0,33, что было менее точным, чем точность прогноза при подбрасывании монеты. В 2005 году Граном с коллегами (Grann et al., 2005) было указано, что вероятность прогноза должна быть около 70-75%, чтобы получить истинно позитивный результат. В противном случае будет увеличиваться риск принятия неверных профессиональных решений.

В связи с этим приобрел особую важность вопрос о том, каким образом клиницисты-практики и исследователи могут совершенствовать свои профессиональные способности, чтобы делать более успешные и точные оценки и прогнозы? Ведь специалисты, занимающиеся оценкой риска насилия, все равно опираются на текущую информацию. Соответственно риск принятия неверных решений на ранних этапах курирования больных достаточно велик. Именно стандартизированные процедуры, в долгосрочной перспективе, повысят качество процесса оценки, начиная от интервьюирования пациента, получения сопутствующей информации и заканчивая групповыми показателями. Если участникам такой «оценочной работы» будет предоставлено лучшее понимание своих компетенций, что приведет к усилению чувства контроля, то профессионалы будут более эффективно взаимодействовать в команде. Разрабатывать же творческие подходы к оценке риска насилия и управления риском в действительности дело различных клиник и профессионалов.

В итоге, несмотря на признаваемые большинством создателей инструментов оценки риска недостатки, существует множество доводов в пользу их использования и выработки собственных стратегий прогноза. Совершенствуя свои профессиональные способности, чтобы делать более успешные и точные оценки и прогнозы, профессионалы могут выработать общий «оценочный язык», упростить взаимодействие и с внешними партнерами. Это будет способствовать образованию корпоративного духа между профессиональными группами и отделами, обеспечению стабильности репутации специалистов. Появится чувство уверенности при оценке и прогнозе опасности пациентов, исчезнет нужда в импровизации или принятии внезапных решений, возрастет уверенность команды профессионалов, в компетенции

которой входит оценка риска, в соблюдении алгоритмов риска и в его управлении. Более того, снизится риск для самого больного и общества.

Литература

1. Appelbaum P. S., Robbins P. C., Monahan, J. Violence and delusions: Data from the MacArthur violence risk assessment study. *American Journal of Psychiatry*. 2000. V. 157.
2. Bjørkly S. Hallmarks of "violence-prone" hallucinations and delusions: A literature review of some preliminary findings. *Aggressive Behavior*. 2001. V.27.
3. Grann M., Långström N., Yourstone J. SBU-report. Risk assessment of violence in the psychiatry. Is it possible to make risk assessments? A methaanalyzis. Social Governmental Department, Sweden. 2005.
4. Monahan J. The prediction of violent behavior: Toward a second generation of theory and policy. *American Journal of Psychiatry*. 1984. V. 141.

Клинико-социальные характеристики больных и их поведения в стационарах, осуществляющих принудительное лечение общего типа

Березанцев А.Ю.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского (Москва)

Кузнецов Д.А.

Психиатрическая больница № 5 Департамента здравоохранения
г. Москвы (Москва)

Ведущее место в медицинской системе профилактики общественно опасных действий психических больных принадлежит стационарному принудительному лечению. Часто в повседневной практике врача-психиатра одним из основных критериев изменения или отмены того или иного вида принудительного лечения служит способность больного выполнять режимные требования, и, в частности, наличие или отсутствие агрессивных тенденций, проявление явных и скрытых признаков поведения так называемого отрицательного лидера. В этом свете становится актуальной проблема выявления клинико-социальных детерминант подобного поведения больного в режимном отделении, что опосредованно может также помочь врачу выявить и потенциальную опасность повторного совершения ООД больным после выписки из стационара.

В целях сопоставления клинико-социальных предикторов нарушения режима больными, направленными на принудительное лечение (ПЛ) в условиях психиатрического стационара специализированного и общего типа, с особенностями их поведения в стационаре было обследовано 43 испытуемых мужского пола на базе МПБ №5.

Диагноз шизофрения (F-20) во время судебно-психиатрической экспертизы был установлен 41,6% из них, органическое психическое расстройство (F-02/06) – 30,2%, умственная отсталость (F-70,71,73) – в 4, 7% случаев.

Половина испытуемых воспитывались до 16 лет в полной семье, 11,6% – с одним из родителей и 7% проживали в детском доме. В случае проживания в семье в 25,6% отношения с отцом были враждебные, с физическим и моральным насилием со стороны последнего. В 11,6% сексуальное насилие в детстве было совершено чужим лицом. Неоднократное грубое физическое насилие в детстве испытывало на себе 25,6% больных. У 14% в анамнезе были однократные суицидальные попытки. В 37,2% случаев агрессия в целом, была направлена против родственников, и в таком же количестве случаев на ближайшее окружение и почти в 60% случаев на третьих лиц. Так в 27,9% случаев жертвой ООД был отец, в 11,6% – супруга.

Во время ПЛ 32,6% проявляли вербальную агрессию, физическую – только в 18,6% случаев. При том, что преморбидные особенности больных в 37,2% случаев квалифицировались психиатрами как возбудимые и в 37,2% – как эмоционально-неустойчивые.

Однофакторный анализ выявил, что статистически значимый вклад в отнесение больных в группу тех, кто стремился к лидерству в среде асоциальных больных, имели те, кто: имел частые конфликты с учителями из-за проблем в поведении, шантажно-демонстративный механизм аутоагрессии, направленность агрессии в семье на отца. Дискриминатный анализ в качестве предикторов выделил также постоянное унижение в детстве со стороны сверстников, и самонаказание как механизм аутоагрессии. Важным является то, что такие лица не совершали ООД в отношении лиц женского пола, не нарушали режим в отделении на протяжении всего срока лечения.

В отношении тех, кто нарушал режим в течение всего срока пребывания в стационаре, предикторами выступали такие переменные, как агрессия в семье со стороны отца и по отношению к отцу, шантажно-демонстративный механизм аутоагрессии.

Те, кто демонстрировал вербальную агрессию в стационаре, были гиперопекаемы в семье, статистически значимо чаще совершали убийство. При этом, во время ПЛ не отмечалось физической агрессии.

Лиц, демонстрирующих физическую агрессию, статистически значимо отличали враждебные условия воспитания в семье, избегание страдания как механизм аутоагрессии, направленность агрессии в ООД на отца. Они адекватно-негативно относились к ситуации ПЛ, и среди них не было лиц, стремящихся к лидерству среди асоциальных больных.

Таким образом, можно отметить, что в нашей группе обследованных больных, так или иначе нарушавших режим стационарного лечения, выделяется довольно большой удельный вес с проблемными микросоциальными и макросоциальными факторами в детском и подростковом возрасте, наличие аутоагрессивных тенденций в анамнезе.

Факторы внутрибольничной агрессии в психиатрических стационарах, осуществляющих принудительное лечение

Букреев Н.В., Абдраязкова А.М., Шульга А.Г.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского (Москва)

Предотвращение внутрибольничной агрессии пациентов с психическими расстройствами представляет собой серьезную клиническую задачу. Внутрибольничная агрессия несет риск для жизни и здоровья самих пациентов и их жертв, оказывает негативное влияние на моральное и эмоциональное состояние персонала, снижает привлекательность работы в психиатрических учреждениях, косвенно влияя и на уровень подготовки и квалификации кадров, отрицательно сказывается на терапевтическом климате лечебного учреждения.

Типология собственно внутрибольничной агрессии разнообразна и может варьировать от словесных оскорблений до разрушительных физических действий. В большинстве случаев агрессия становится результатом конфликта пациента с персоналом или другими пациентами и чаще происходит в первые дни после поступления в лечебное учреждение. Большинство эпизодов внутрибольничной агрессии происходят в помещениях для персонала, либо недалеко от входа в отделение, или в дневных помещениях.

Ситуации внутрибольничной агрессии (а также управление ими) можно рассматривать в качестве продукта взаимодействия между несколькими переменными. Эти переменные включают в себя: а) характеристики пациента (например, психопатологию, пол, возраст); б) компоненты окружения (например, размер и наполненность больничных отделений, общее окружение); в) факторы взаимодействия (например, аверсивную стимуляцию или провокацию); д) переменные, связанные с персоналом (например, установки и уровень профессиональной подготовки в сфере управления агрессией).

К демографическим переменным относятся: количество предыдущих госпитализаций, их общая продолжительность, агрессивное поведение и злоупотребление наркотиками/алкоголем в анамнезе, применение оружия, а также совершение опасных импульсивных поступков в прошлом, отрицание заведомо совершенных ранее опасных поступков и их тяжесть.

К клиническим переменным относят: злоупотребление наркотиками и/или алкоголем, нежелательные явления психофармакотерапии (расторможенность, усиление тревоги, акатизия, нарушения сна), определенные психопатологические расстройства, а именно: а) императивные галлюцинации; б) бредовые идеи преследования или воздействия, направленные на конкретных лиц; в) импульсивность в структуре кататонического синдрома либо при грубых дефицитарных расстройствах; г) нарушения сознания, сопровождающиеся психомоторным возбуждением с непредсказуемостью поведения (делирий,

сумеречное расстройство сознания); д) дисфории; е) гневливость при маниакальном возбуждении; ж) ажитация, возбуждение, открытая враждебность или подозрительность. Кроме того: несоблюдение или отказ от проводимого лечения, провоцирующие ухудшение психического состояния и нередко приводящие к формированию стойких, резистентных к терапии симптомокомплексов, эксплозивность или импульсивность как характерологические особенности или проявления расстройства личности соответствующего типа, органическую дисфункцию головного мозга.

К ситуационным переменным относят: степень социальной поддержки, проблемы в коммуникации, непосредственная доступность потенциального оружия, доступность потенциальной жертвы, ограничения в условиях содержания (например, персонал ограничивает ту или иную активность, возможность выбора и т.п.), установки персонала, изменения/реорганизация, контакты с высоким риском, наркотики/стимулянты,

Таким образом, случаи внутрибольничной агрессии пациентов в психиатрических стационарах не могут объясняться за счет действия лишь одного фактора, в качестве которого чаще всего рассматривается психопатология пациента. Внутрибольничная агрессия является результатом действия различных биологических, генетических, социологических и психологических факторов, связана с личностями всех участников ситуации (членами персонала, другими пациентами, родственниками), особенностями взаимодействия между персоналом и пациентом, а также со средовыми и организационными факторами (такими, как структурная организация отделения/клиники, атмосфера в них).

Проблема внутрибольничной агрессии касается не одного только, рассматриваемого вне контекста, пациента или отдельного члена персонала, а, напротив, носит междисциплинарный характер и является общей проблемой организации учреждений психиатрического профиля.

Нейропсихологическое исследование лиц пожилого возраста в практике судебной экспертизы

Дьякова Н.В., Пищикова Л.Е., Мамонова И.П.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского (Москва)

Современное законодательство в области уголовного и гражданского судопроизводства диктует необходимость сотрудничества юристов со специалистами разных сфер науки, в частности, в области психологии и психиатрии. Судебно-экспертная практика показывает, что результаты нейропсихологических исследований способствуют не только более точному установлению уровня психического развития детей и подростков при решении вопросов об их способности давать показания, но и позволяют более дифференцированно решать задачи гражданской и уголовно-процессуальной дееспособности лиц с органическими

изменениями головного мозга, а также дают возможность наметить нейропсихологический аспект реабилитационных мероприятий ограничено вменяемых и ограничено процессуально дееспособных лиц, направленных на принудительное лечение, объединенное с исполнением наказания. Выросший интерес к нейропсихологическим методам исследования обусловлен и тем, что он позволяет не только определять степень измененности психических функций подэкспертных, но и выявлять сохранные, компенсаторные возможности психики, в частности, у пожилых людей при развитии у них ослабоумливающих процессов. Необходимо отметить, актуальность нейропсихологических исследований постоянно возрастает и в связи с известными демографическими тенденциями современного мира – значительным увеличением численности пожилых групп населения и, как следствие этого, роста количества как соматических, так и психически больных лиц позднего возраста. Применение традиционной схемы обследования, разработанной школой А.Р. Лурия, и адаптированной для пожилых больных (Корсакова и соавт., 1992; Рощина, 1996), позволяет существенно расширить возможности выявления и оценки высших корковых функций уже на относительно ранних этапах заболевания. Адаптивно-регуляторная теория старения, предложенная Н.К. Корсаковой (1998), имеет большое значение для практики комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы, особенно в гражданском процессе. Так, при экспертном установлении дееспособности, а также дееспособности лиц пожилого и старческого возраста с психической патологией, кроме описания нейропсихологических синдромов, большое внимание уделяется выявлению их компенсаторных возможностей. Такой подход используется как при непосредственном обследовании подэкспертных, так и при посмертных комплексных психолого-психиатрических экспертизах лиц с органическими поражениями головного мозга (по представленным материалам гражданского дела и медицинской документации). Группой геронтопсихиатрических исследований Центра им. В.П. Сербского разработан и успешно используется комплекс нейропсихологических методик, позволяющих в совместной с психиатрами и неврологами диагностической деятельности решать судебно-экспертные задачи. Эти методики направлены на выявление состояния высших психических функций, которые позволяют человеку адекватно воспринимать окружающую действительность в аспекте межличностных отношений, понимать, критически оценивать отдельные события, строить между ними логические связи, прогнозировать их последствия, осуществлять волевой контроль над своими поступками. Кроме того, ряд предложенных методик позволяет обнаружить у подэкспертных бредовые переживания и конфабуляторные включения, которые могут не выявляться при клинической беседе, но проецируются в тонких нейропсихологических тестах. Таким образом, привлечение нейропсихологических методов в судебную экспертную практику является современным перспективным подходом к объективному решению диагностических и экспертных вопросов.

Развитие судебно-психологической экспертизы в системе СЭУ Минюста России: достижения и перспективы

Жакова Т.М., Шипшин С.С.

Южный региональный центр судебной экспертизы Минюста России
(Ростов-на-Дону)

Судебно-психологическая экспертиза (СПЭ) в России зародилась немногим более 30 лет назад: в 1977 году вышла книга М.М. Коченова «Судебно-психологическая экспертиза», заложившая теоретическую и методологическую основу психологической экспертизы в нашей стране. Спустя 3 года судебно-психологическая экспертиза начала развиваться в системе СЭУ Минюста России, в Южном РЦСЭ (на тот период Центральной Северо-Кавказской НИЛСЭ Минюста РСФСР). На первом этапе неоценимую теоретическую и методическую помощь в становлении СПЭ в ЦСК НИЛСЭ оказали М.М. Коченов, О.Д. Ситковская, Л.П. Конышева, С.Н. Ениколопов. В течение многих лет ЦСК НИЛСЭ оставался единственным государственным экспертным учреждением не только в системе СЭУ Минюста, но и в СССР, проводившем СПЭ. Постепенно производство СПЭ стало внедряться в другие СЭУ системы Минюста: к началу 90-х годов эксперты-психологи работали в Азербайджанском НИИСЭ, Приволжской ЛСЭ, Приморской ЛСЭ. К моменту принятия в мае 2002 года Ученым советом РФЦСЭ при Минюсте России решения о включении СПЭ в структуру судебных экспертиз, выполняемых СЭУ Минюста России (экспертная специальность 20.1 «Исследование психологии и психофизиологии человека»), на практике производство СПЭ было внедрено в 16 судебно-экспертных учреждениях. На сегодняшний день психологическая экспертиза производится в 27 из 50 СЭУ Минюста России. В среднем в год выполняется более 700 судебно-психологических экспертиз и исследований по уголовным и гражданским делам, притом, что треть из них выполняется в Южном РЦСЭ.

За прошедшие годы в системе СЭУ Минюста России были созданы секция СПЭ Научно-методического совета РФЦСЭ, секция СПЭ Центральной экспертно-квалификационной комиссии по аттестации экспертов СЭУ Минюста России. Разработана и действует программа подготовки экспертов по специальности 20.1, регулярно проводятся научно-практические конференции по общим и частным вопросам СПЭ. В системе разработаны методики (технологии) проведения экспертного исследования по делам о причинении морального вреда; по сделкам, совершенным с «пороком воли»; в отношении несовершеннолетних обвиняемых; разработаны методики опосредованной ретроспективной диагностики психического состояния человека в юридически значимой ситуации; исследования текстов, подозреваемых на предмет проявления экстремизма и т.д. Следует отметить, что налажено межведомственное взаимодействие с экспертными учреждениям МЗСР РФ по научно-методической работе, аттестации кадров, повышения квалификации экспертов, взаиморецензирования методических разработок, программ подготовки экспертов и т.д.

Анализ судебной и следственной практики, потребностей правоохранительных органов, а также основных показателей деятельности СЭУ Минюста России показывает, что необходимо развивать СПЭ по следующим направлениям:

1. Экспертиза в отношении несовершеннолетних. Это связано с тем, что в настоящее время уделяется повышенное внимание к расследованию и судебному рассмотрению дел о преступлениях, где обвиняемыми и/или потерпевшими являются несовершеннолетние. В результате можно отметить устойчивую тенденцию к изменению структуры выполняемых психологических экспертиз: если раньше большая часть экспертиз предполагало диагностику юридически значимых эмоциональных состояний (аффекта, иных непатологических эмоциональных состояний), то в последние годы от половины до двух третей экспертиз проводится в отношении несовершеннолетних по уголовным делам (как обвиняемых, так и потерпевших и свидетелей), а также – по гражданским делам (по спорам о воспитании детей). Это влечет за собой постановку и решение целого ряда актуальных задач. Во-первых, поскольку при экспертизе в отношении несовершеннолетних обвиняемых одним из главных объектов исследования является личностная зрелость/незрелость, необходима разработка технологии диагностики личностной зрелости несовершеннолетнего. Во-вторых, изменение подхода законодателя к судебному рассмотрению уголовных дел в отношении несовершеннолетних с учетом личности несовершеннолетнего (приоритет воспитательных мер над карательными, ч.2 ст.87 УК РФ) делает актуальной оценку риска рецидива правонарушений в качестве новой экспертной задачи, что также требует разработки специальных методов оценки. В-третьих, защита прав детей, ставших жертвами преступлений, предполагает и постановку новой экспертной задачи – определения наличия у ребенка признаков психотравмы («морального вреда»). В-четвертых, существует необходимость внесения изменений в программу подготовки экспертов по специальности 20.1 с учетом новых реалий, как в законодательстве, так и судебно-следственной практике. При этом целесообразно проводить специализированное углубленное обучение экспертов для производства экспертных исследований психологии ребенка в юридически значимых ситуациях.

2. Продолжить развитие СПЭ участников аварий на транспорте и на производстве, прежде всего экспертизы участников и ситуации ДТП. Такие экспертизы проводились в РФЦСЭ, Южном РЦСЭ и Северо-Западном РЦСЭ, однако, несмотря на объективную потребность, диктуемую ростом ДТП, вовлечением в управление транспортными средствами людей, чья психологическая пригодность к данному виду деятельности сомнительна, на практике произошло свертывание этого экспертного направления. В связи с этим необходимо переработать методические подходы к решению экспертных задач и технологию проведения экспертного исследования по определению способности участника ДТП обнаружить, оценить опасность, принять адекватное ситуации решение и реализовать его. При этом также стоит вопрос подготовки экспертов, поскольку предполагается использование

специальных знаний в области инженерной психологии, транспортной психологии, психологии труда.

3. Укреплять и наращивать межведомственное взаимодействие при производстве комплексных экспертиз (психолого-психиатрических, медико-психологических и др.) не только в плане научно-методической помощи, но непосредственно при проведении экспертиз по конкретным делам. Подобный опыт существует в Южном РЦСЭ в течение 25 лет. Как показывает практика, взаимодействие между экспертами разных ведомств повышает качество исследований и заключений, в том числе вследствие взаимодополнения методических приемов, разработанных в СЭУ различных ведомств.

4. Развивать материально-техническую базу для объективизации исследований, активнее использовать технологические и технические средства (программное обеспечение, специальные технологические средства, полиграф, психофизиологические диагностические комплексы и т.д.).

**Прогностическая деятельность специалистов
во время принудительного лечения психически больных**

Каганович Ю.Т., Булыгина В.Г.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии

им. В.П. Сербского (Москва),

Кузнецов Д.А.

Психиатрическая больница № 5 Департамента здравоохранения

г. Москвы (Москва)

Оценка риска вовлечения больных в серьезные инциденты (или риска насилия) по-прежнему является актуальной в практике принудительного лечения (ПЛ) в психиатрическом стационаре. Точность прогноза важна для повышения эффективности превентивных мероприятий, проводимых в отношении таких пациентов.

Измерение риска насилия – это оценка пациентов в целях: характеристики риска, определение обстоятельств, которые приведут их к совершению насилия в будущем, разработка мер, которые помогут управлять риском насилия или редуцировать его.

На современном этапе развития методов оценки риска возможно: измерять риск правонарушения надежным и испытанным способом; риск может и должен быть оценен различными способами или путями; измерение риска насилия в среднем также пригодно в судебной психиатрии, как и большинство других методов предсказаний.

Все переменные, которые учитываются при решении экспертных задач, к которым также можно причислить и оценку риска внутрибольничной агрессии, можно разделить на статичные и динамические. Статичные переменные, или факторы – это те, которые уже случились в жизни конкретного испытуемого, и они не будут меняться. Например, особенности воспитания в детстве, возраст начала заболевания,

возраст совершения первого правонарушения, постановки на учет в ПНД, образование, диагноз и т.д. Динамические факторы – это социальные, клинические и психологические переменные, которые могут меняться как в связи с особенностями течения заболевания, так и под влиянием внешних воздействий – реабилитационных, фармакотерапевтических и прочих.

При принятии решения о виде принудительной меры медицинского характера учитываются как статичные, так и динамические характеристики. Среди динамических – большую прогностическую ценность имеют клинко-психопатологические факторы, среди статичных рассматривается и психопатологические механизмы совершения ООД. При комплексном подходе к изучению опасного поведения психически больных главенствующая роль должна отводиться психопатологическому расстройству, поскольку именно этот компонент является специфичным для ООД. Другие компоненты (личность, ситуация и т.д.) присущи и психически здоровым людям.

При оценке риска внутрибольничной агрессии увеличивается значение динамических переменных, как клинко-психопатологических, так и психологических.

Таким образом, оценка риска внутрибольничной агрессии предполагает анализ большего количества переменных, многие из которых подлежат исследованию, а не только анализу на основании информации, уже имеющейся в медицинской документации. Среди факторов, которые необходимо учитывать при оценке риска внутрибольничной агрессии, можно выделить психопатологические, психологические и внешние. Необходимо подчеркнуть, что когда оценка риска внутрибольничной агрессии осуществляется «комиссионно» или коллегиально, при учете психопатологическим факторов существуют определенные различия в квалификации феноменологии между врачом-психиатром и клиническим психологом. Такое «разночтение» обусловлено различием предметов двух наук, их понятийного и методического аппаратов.

Повышение прогностической ценности оценок риска внутрибольничной агрессии возможно не только за счет профилизации применяемых методов, но и за счет большей дифференциации тех факторов, которые изучаются психологом и принимаются во внимание при прогнозе инцидентов во время ПЛ. Это связано с тем, что при различных психических заболеваниях происходит различная трансформация и деформация личностных и индивидуально-психологических характеристик больного.

Оценка риска насилия в стационаре не исчерпывается определением степени риска совершения различных видов нарушений режима конкретным больным. Без возможности составления плана превентивных мероприятий и антикризисных вмешательств такой вид деятельности становится лишь научным упражнением.

Изучение особенностей полового самосознания и сексуальных предпочтений у лиц, совершивших сексуальные правонарушения

Карпова Д.А., Дворянчиков Н.В.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Существует ряд проблем, ограничивающих применение психологических стандартных методов для диагностики нарушений сексуального поведения – сексуальных девиаций (Дмитриева Т.Б., Сафуанов Ф.С., 2005).

Этими проблемами являются, например, установочное поведение, которое может проявляться в отказе от сотрудничества с врачом, диссимуляция парафильных переживаний, симуляция парафилии, отрицание испытуемым идеаторной активности (фантазии, сновидения) девиантного сексуального характера. Кроме того, трудности возникают при анализе поведения субъекта с псевдопарафильным синдромом (Ткаченко, Введенский, Дворянчиков, 2001). У таких лиц поведение при совершении деликта сходно с поведением лиц, страдающих парафилией, однако, при этом не выявляются соответствующая идеаторная активность и отсутствует устойчивое предпочтение объекта сексуального влечения.

Поэтому актуальной задачей в области судебной сексологии является разработка, внедрение, совершенствование методов исследования аномального сексуального поведения.

Предметом исследования выступили особенности полового самосознания, предпочтений у лиц совершивших сексуальные правонарушения.

Гипотеза исследования заключается в том, что у лиц, совершивших сексуальные правонарушения, можно ожидать избирательную восприимчивость в отношении стимулов сексуального характера.

Объект исследования составили 10 мужчин, в возрасте от 22 до 60 лет, совершивших сексуальные правонарушения и находящиеся на принудительном лечении в Орловской психиатрической больнице специального типа с интенсивным наблюдением (ОПБСТИН).

Целью исследования стало изучение возможности применения инструментального метода для диагностики аномального сексуального поведения.

При проведении исследования с помощью процедуры MindReader 3 человека из 10 не справились с исследованием из-за наличия у них таких психических заболеваний как органическое психическое расстройство и различная степень умственной отсталости.

Анализ результатов проводится с помощью сравнения результатов процедуры MindReader и психологических методик (МиФ, ЦТО, Кодирование).

По полученным результатам можно выявить общие тенденции для всех испытуемых данной группы:

1. Нет четкого представления о себе как о представителе мужского пола, о типичном для данного пола поведении и реализующихся в нем функциях.

2. Представления, характеризующие мужчин, присутствуют, но они достаточно формальны. Представления, характеризующие женщин, отличаются нейтральным восприятием.
3. Испытуемые демонстрируют другим как черты маскулинности, так и фемининности. Какой-либо из этих профилей не является для них основным.
4. Представления о поведении и функциях, характеризующих мужчин, у испытуемых недостаточно дифференцированы и интериоризированы, нет идентификации с данными представлениями, они слабо усвоены эмоционально.
5. Можно наблюдать наличие конфликта в сфере сексуально-половых предпочтений, который проявляется в выборе незрелого сексуального партнера – ребенка.

Выдвинутая гипотеза подтвердилась. В результатах методики компьютерного психосемантического анализа в процедуре MindReader были обнаружены значимые реакции на объекты сексуального характера, связанные с ребенком, с образом «Я», с понятиями фемининности и маскулинности, с образами Мужчины и Женщины.

Результаты, полученные в ходе проведенного исследования с помощью метода MindReader, позволяют говорить о возможности дальнейшей работы и применения его для изучения сексуальной сферы лиц с аномальным сексуальным поведением.

Литература

1. Медицинская и судебная психология. Курс лекций: Учебное пособие / Под ред. Дмитриевой Т.Б., Сафуанова Ф.С. 2-е изд., испр. М.: Генезис, 2005.
2. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М.: Медицина, 2001.

О специфике деятельности эксперта как участника уголовного процесса

Комиссарова Я.В.

Московская государственная юридическая академия имени О.Е. Кутафина,
Главный государственный центр судебно-медицинских и криминалистических
экспертиз Министерства обороны РФ (Москва)

При определении предмета и объекта судебной экспертизы следует учитывать тот факт, что задачи, решаемые посредством ее проведения, по отношению к целям, обуславливающим существование уголовно-процессуальной деятельности как таковой, являются «промежуточными», поскольку деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве – важное, но не единственное звено в процессе доказывания. Уголовно-процессуальная деятельность ориентирована на удовлетворение потребности общества в правоохране, именно с этой точки зрения оптимальное решение «промежуточных» задач на отдельных этапах судопроизводства представляет ценность для правоприменителя. Предмет, цель, условия уголовно-процессуальной деятельности определяют предмет судебной экспертизы как самостоятельного действия-процесса в структуре доказывания, позволяющего в результате использования специальных знаний в предусмотренном законом порядке

получить сведения, необходимые для установления обстоятельств, имеющих значение для дела.

В то же время, анализируя предмет и объект экспертного исследования, проводимого при производстве экспертизы по каждому конкретному уголовному делу, нетрудно заметить, что комплекс познавательных действий и операций, его составляющих, на специфику процессуальной деятельности «не завязан» и, при необходимости, может быть воспроизведен вне рамок уголовного судопроизводства. Однако это не означает, что проведение экспертного исследования можно считать самостоятельным видом общественно-полезной деятельности. Речь идет о действии-процессе, встраиваемом в структуру какой-либо деятельности (в том числе правоохранительной), поскольку реальный мотив экспертной деятельности, в любом случае, лежит в плоскости реализации общественных отношений, возникающих в связи с потребностью одних лиц получать интересующую их информацию по вопросам, разрешение которых предполагает использование специальных знаний, и возможностью субъектов, данными знаниями обладающих, эту информацию по итогам проведенных исследований предоставлять.

Именно поэтому формирование межотраслевого института судебной экспертизы идет не так быстро, как многим прогрессивно настроенным ученым и практикам хотелось бы. Обусловленность предмета судебной экспертизы предметом доказывания; возможность выбора эксперта лицом, специальными знаниями не обладающим, из неоправданно широкого круга лиц, чья компетентность изначально не может быть гарантирована; отсутствие единых стандартов экспертной деятельности; неизбежность девальвации результатов познавательной деятельности эксперта при несоблюдении процессуальных требований, определяющих условия ее проведения, на фоне востребованности экспертизы едва ли не во всех сферах общественной жизни существенно осложняют процесс нормотворчества в части унификации регулирования судебно-экспертной деятельности.

Лишь правильно дифференцировав по предмету (с точки зрения философской теории познания, психологической теории деятельности, теории государства и права) деятельность эксперта в уголовном судопроизводстве, судебную экспертизу, государственную судебно-экспертную деятельность, судебно-экспертную деятельность и деятельность экспертную в тех сферах, что с осуществлением судопроизводства не связаны, можно выявить истинное соотношение указанных видов деятельности, а также выделить ту, в рамках которой значимость экспертного исследования не преувеличивается, однако различия в мотивах, обуславливающих разнообразие видов деятельности, в составе которых оно проводится, нивелируются. Речь идет о трудовой деятельности сотрудников экспертных учреждений, охватывающей производство судебных экспертиз в порядке служебного задания.

Избегая смешения трудовой и процессуальной функций эксперта, надо признать, что по отношению к профессиональной деятельности его процессуальная функция является производной, что предопределяет необходимость изменения правового положения эксперта как участника уголовного процесса за счет

адекватного назначению судопроизводства отражения исторически сложившихся в сфере труда реалий.

Согласованность оценок психически больных членами полипрофессиональной бригады

Котова М.А.

Орловская психиатрическая больница специализированного типа
с интенсивным наблюдением (Орел)

Кабанова Т.А.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского (Москва)

Понимание причин рассогласования в оценках одной и той же феноменологии на примере одних и тех же больных специалистами, занятыми в реабилитационном процессе, представляется крайне важным. Определение вклада специальных знаний, опыта работы, личностных особенностей профессионалов в точность диагностики позволит скорректировать профессиональные суждения в отношении степени опасности больных, а также в отношении необходимых терапевтических и психокоррекционных вмешательств.

Исходным посылом для разработки указанной проблемы было предположение о том, что в случае заданной кодировки поведенческих и эмоциональных проявлений, не требующих квалификации, можно будет уменьшить влияние на эту оценку существующей разницы в обученности специалистов разным способам анализа, по сути, одного и того же объекта деятельности.

Соответственно адекватным будет использование проверочных листов с перечнем той внешне наблюдаемой феноменологии, наличие или отсутствие которой следует отметить. В зарубежной клинической практике активно используются клинико-психологические методы, направленные на количественную оценку степени выраженности имеющихся когнитивных, эмоциональных и поведенческих расстройств. Примерами таких методов в частности являются методики полуструктурированного интервью и «листы наблюдений» (chek-list), позволяющие проводить качественный и количественный анализ поведенческих и эмоциональных расстройств. Результатом этих методов опроса является получение в стандартизированной форме ретроспективных обобщений наблюдения (Корнилова с соавт., 2004). Другой особенностью проверочных листов является возможность опроса сразу нескольких человек (родителей, медперсонал, терапевта и др.).

Целью пилотажного исследования было изучение степени согласованности – рассогласованности оценок поведенческих проявлений психиатрами и клиническими психологами. Для этого был создан инструмент для фиксации поведенческих проявлений, и с его помощью анализировалась уровень согласованности фиксации поведенческих проявлений клиническими психологами и психиатрами в зависимости от нозологической принадлежности наблюдаемых больных. Для задач исследования

был модифицирован для взрослой выборки опросник Т. Ахенбаха (Frick, 1999). Опросник заполнялся отдельно психологом и психиатром, членами полипрофессиональной бригады, осуществляющей лечебно-реабилитационные мероприятия в отношении больных.

Было обследовано 40 испытуемых, находящихся на принудительном лечении в Орловской ПБСТИН. 20-ти – был выставлен диагноз параноидная шизофрения (эпизодический тип течения), 20 – органическое расстройство личности сложного генеза.

При оценке больных шизофренией по шкале «Замкнутость» в 60% случаев психиатры давали более высокие оценки, чем психологи. При оценке степени выраженности замкнутости и соматических проблем отмечались наименьшие расхождения между психиатрами и психологами. По остальным шкалам наблюдалась тенденция у психиатров оценивать выраженность имеющихся проблем выше, чем это делали психологи. При этом среднее расхождение при фиксации уровня тревожности было 4.4 балла, а при оценке агрессии – 15,7.

При описании больных органическим расстройством личности в большинстве случаев и по большинству шкал проверочного листа психологи оценивали выше, чем психиатры, уровень имеющихся проблем у пациентов. Наибольшее расхождение как по модулю, так и по валентности (переоценка и недооценка проблем) были по шкале агрессия, среднее расхождение равнялось 6 баллам.

Таким образом, наибольшие расхождения в оценках вне зависимости от нозологической принадлежности больных были выявлены в отношении шкал «Агрессивное поведение» и «Проблемы со вниманием». Больше количество расхождений и по частоте, и по модулю отмечалось при оценке больных шизофренией. В то же время, психологи, были склонны оценивать имеющиеся эмоциональные и поведенческие проблемы у больных с органическим психическим расстройством как более выраженные, нежели это «видели» психиатры.

Литература

1. Корнилова Т.В., Смирнов С.Д., Григоренко Е.Л. Подростки группы риска. СПб.: Питер, 2004.
2. Frick P.J. Conduct Disorders and Severe Antisocial Behavior. New York: Plenum Press. 1999.

Специфика психодиагностической работы во время принудительного лечения

Котова М.А.

Орловская психиатрическая больница специализированного типа
с интенсивным наблюдением» (Орел)

Мирошниченко Е.М., Кабанова Т.Н.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского (Москва)

В работе клинического психолога в рамках судебно-психиатрической практики традиционно выделяют две основные диагностические задачи: дифференциальную диагностику того или иного психического расстройства, а также исследование и описание степени выраженности психических расстройств.

Однако, клинико-нозологическая диагностика не является столь необходимой во время принудительного лечения (ПЛ) и нередко дублирует данные неоднократных исследований, имеющихся в медицинской документации. Кроме того, на результаты выполнения конкретных функциональных проб и тем более проективных методик, выполняемых больными, находящимися на ПЛ, существенное влияние оказывают ряд факторов. К ним следует отнести: контекст выполнения психодиагностических проб (интенсивная психофармакотерапия и т.п.); мотивация экспертизы, претерпевающая существенные изменения в зависимости, как от актуальной ситуации ПЛ, так и от динамики клинического состояния больного; «искушенность» большинства испытуемых в выполнении стандартных методик ППЭ.

Во время ПЛ приобретает особое значение динамическое патопсихологическое и нейропсихологическое исследования, необходимые для верификации клинических решений об изменении тактики психофармакотерапии и правомерности перехода к следующему этапу ПЛ.

Целесообразность проведения нейропсихологического исследования состояния высших психических функций обусловлена тем, что подавляющее большинство больных имеют в анамнезе органически неполноценную почву и, в то же время, резистентны к лечению.

Следующим ключевым компонентом психодиагностической работы психолога во время всех этапов ПЛ, должны стать, с одной стороны, выявление высоко рискованных больных, включающее оценку риска насилия и, соответственно, направленные на профилактику внутрибольничной агрессии. С другой стороны, – выделение наиболее прогностически успешных, в плане интенсивных психотерапевтических вмешательств, больных.

Отдельно следует сказать о психолого-сексологическом исследовании во время ПЛ. Доля больных, совершивших сексуальные правонарушения, или иные ООД, но имеющих парафилии, к примеру, в МПБ №5 составляет около 5%. Данный вид диагностики требует более высокого уровня подготовки психолога. Кроме того, психологическое исследование не может быть единственным средством оценки общественной опасности, актуального состояния и его динамики у лиц с парафилиями.

При непосредственном участии психолога формулируется функциональный диагноз, финальным фокусом которого является определение степени общественной опасности. Обсуждая участие психолога в функциональной диагностике, следует подчеркнуть смещение акцента с традиционных психодиагностических задач на анализ истории жизни и криминальной истории больных, поскольку интервенции психологов должны базироваться на четком понимании того, какие факторы влияют на те или иные варианты антисоциального и агрессивного поведения.

Еще одной важной формой психодиагностической работы психолога во время ПЛ является оценка эффективности проводимых психокоррекционных мероприятий.

С периодичностью раз в полгода (как правило, совпадающей со сроками проведения комиссий) проводятся динамические исследования, оценивается характер динамики состояния больного, его стабильность, эффективность реабилитационных мероприятий, «успехи» больного в овладении различными социальными навыками. И на основании комплексного анализа динамических факторов оценивается степень общественной опасности.

Таким образом, практика принудительного лечения предполагает проведение широкого спектра психодиагностических исследований, направленных на выявление динамики патопсихологических и нейропсихологических симптомов, факторов риска насилия, особенностей поло-ролевого самосознания, выделение пациентов, наиболее успешных в психокоррекционной работе и оценку эффективности последней, а также определение степени общественной опасности больных.

Распознавание эмоций по выражению лица в подростковом возрасте

Кузнецова Ю.А., Макурин А.А.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии им.

В.П. Сербского (Москва)

Важным диспозиционным фактором агрессивного поведения является дефицитарность процесса социального информирования, который состоит из последовательных шагов: интерпретации социальной информации, «раскодирования социальных намеков», выбора приемлемых ответов. Для детей с таким дефицитом специфичным является восприятие личностных качеств других людей: преобладает позитивное отношение к агрессивности и жестокости (Матвеев, Лебедев, 1984). Даже экспериментально спровоцированные события агрессивные дети воспринимают как враждебные, а неагрессивные как случайность; не понимают и искажают поведение других и свое собственное; не способны генерировать неагрессивные ответы на провокацию партнеров (Frick, 1999).

При интерпретации социальной информации более 80% воспринимаемого принадлежит метасообщениям, которые передаются и «считываются» с позы тела, выражения лица и интонации голоса. Это побудило нас начать исследование с изучения особенностей распознавания эмоций по выражению лица, включая гендерную, возрастную специфику как изображающих эмоции, так и воспринимающих их.

Для создания методики были отобраны актеры и люди других профессий в возрасте от 20 до 55 лет и дети – до 10 лет мужского и женского пола, которых просили изображать восемь базовых эмоций по Изарду: гордость, радость, гнев, стыд, печаль, страх, любовь, ненависть. Затем экспертным методом были отобраны комплекты, состоящие из восьми эмоций по 6 персонажам: мальчик и девочка до 10

лет, мужчина и женщина в возрасте 25 лет и 53 лет. После этого все фотографии были переведены в рисованный карандашом вид с помощью компьютерной программы.

Было обследовано 126 учащихся общеобразовательной школы № 174 г. Москвы и школы № 14 г. Твери, из них 47 человек в возрасте 11 лет, 40 человек в возрасте 14 лет и 39 – 16 лет. Эксперимент состоял из двух предъявлений – узнавание и классификация. В первом испытуемые в соответствии с указанным порядком должны были расположить фотографии каждого из 6 человек. Затем карточки перемешивались, и испытуемых просили сложить в одну группу всех людей, выражающих одну эмоцию.

Для статистической обработки применялась дескриптивная статистика, анализ таблиц сопряженности и биномиальный тест.

Было выявлено, что 11-летние дети лучше (на уровне статистической значимости), чем подростки из двух контрольных групп узнают эмоции своих сверстников. Однако, позитивно окрашенные эмоции, как любовь, радость, лучше узнают старшие испытуемые, вне зависимости от возраста изображенных на картинке людей. Интересным оказался тот факт, что самые младшие дети в обследованной выборке распознают «гнев», «ненависть» и «стыд» статистически значимо лучше других испытуемых при предъявлении карточек с лицами ровесников и молодых людей. И одновременно значимо хуже узнают эти же эмоции у лиц старшего возраста.

Неожиданными оказались результаты выполнения классификации эмоций. Подростки 16 лет собирали группы карточек, где, по их мнению, была изображена одна и та же эмоция статистически значимо хуже, чем другие испытуемые. Ни одна из подобранных карточек в группы «стыд», «любовь», «ненависть», «радость», «гнев» и «печаль» не соответствовала реально изображенной на ней эмоции.

Анализ значимости различий между девочками и мальчиками не выявил статистически значимых гендерных различий, как в узнавании, так и в классификации эмоций.

Следующим этапом исследования будет сравнительный анализ особенностей распознавания эмоций, транслируемых позой тела и голосом, в группе подростков с агрессивным и нормосообразным поведением.

Литература

1. Матвеев В.Ф., Лебедев А.В. Особенности отношения дезадаптированных подростков к личностным качествам людей // Вопросы психологии. 1984. № 3.
2. Frick P.J. Conduct Disorders and Severe Antisocial Behavior. New York. Plenum Press. 1999.

Применение конфликтологического анализа в судебно-экспертных исследованиях

Кушаков М.Н., Бондаренко Н.В.

Приднестровский государственный университет им. Т.Г. Шевченко
(Тирасполь, Молдова)

Устойчивые изменения организационного и методического характера, происходящие в области судебной экспертизы, существенно увеличивают сложность экспертной работы. В судебной психологии и судебной психиатрии самым «усложняющими» факторами является усиление роли комплексных, в том числе психолого-психиатрических экспертиз (КСППЭ), а также появление новых видов психологической экспертизы.

Демократические преобразования правовых институтов, разработка новых для нас правовых категорий («уменьшенная вменяемость» и др.), растущая психологизация криминологии привели к заметному возрастанию роли психолога в анализе сложных ситуаций, в центре которых находятся личностные коллизии. Комплексные экспертизы назначаются, как правило, в сложных проблемных ситуациях, когда у следствия и суда возникают трудности в определении мотивов, целей и формы вины обвиняемого. В наше время возникает необходимость расширения арсенала применяемых при психологических и комплексных с ней экспертиз, исследовательских подходов за счет включения методов конфликтологического анализа (КА). Это особенно необходимо там, где криминальное разрешение находит межличностное столкновение. Априорно наличие межличностного конфликта можно с высокой вероятностью предполагать в случаях насильственных преступлений, в том числе и убийств.

Типичным примером такой ситуации является следующее наблюдение: Д., 28 лет, в течение нескольких лет, будучи в разводе, проживал со своей бывшей женой в одной квартире (до брака квартира принадлежала Д.). Сам Д. в детстве проживал со своей матерью, лишенной, вследствие алкоголизма, родительских прав, а впоследствии жил в семье своего отца. В подростковом возрасте, в трудных ситуациях несколько раз наносил себе самопорезы. По характеру всегда был замкнутым, педантичным. Несмотря на высокие личные спортивные достижения, поддерживаемые социальные контакты были немногочисленными. Его бывшая жена, потерпевшая Е., отличалась повышенной общительностью, любила принимать гостей, посещать бары. Несмотря на имевшегося общего ребенка, между Д. и Е. часто возникали ссоры. Развод был оформлен по инициативе Е., она же настаивала на продаже квартиры. Д. продолжал испытывать влечение к Е., а она часто появлялась перед ним обнаженной, дразнила его. Уступая его настояниям, она выговаривала себе какие-нибудь льготы (например, посидеть с ребенком в течение вечера), часто грубо отказывала в близости, что не раз приводило к ссорам, дракам. Во время одной из подобных драк они боролись за нож, и Д., будучи в состоянии аффекта, убил Е.. Он сразу после убийства совершил суицидальную попытку, но остался жив.

В период следствия вопрос о проведении психологической или комплексной экспертизы следователем не ставился, и психолого-психиатрическое освидетельствование было проведено в суде по настоянию адвоката. Перед экспертами были поставлены стандартные вопросы о психическом состоянии и вменяемости Д.. Авторы в полной мере отдают себе отчет о пределах компетенции эксперта, об исключительности права суда выносить оценочные суждения по поводу всех обстоятельств, приведших к правонарушению. Однако правомерной остается задача более полного использования профессиональных знаний эксперта-психолога в анализе ситуации, глубоко затрагивающей личность подсудимого. Конфликтологический анализ мог бы способствовать вынесению более взвешенных суждений, явиться дополнительным источником аргументации для защиты и суда.

В одном из наших исследований были проанализированы 92 акта судебно-психиатрической экспертизы по делам об умышленных убийствах и покушениях на убийство (из них в 20 случаях проводилась КСППЭ). Изучались наличие конфликта, характеристики конфликтных отношений, включая структуру конфликта, проводился анализ конфликтной ситуации, особенностей инцидента (Гришина, 2002). Было установлено, что конфликтные отношения между обвиняемым и потерпевшим в данной группе уголовных дел отмечается лишь в 43% случаев. Исходя из этого, все экспертные случаи были разделены на две группы и условно обозначены нами как «убийство в конфликте» (группа «К») и «убийство вне конфликта» (группа «ВК»). Так, в группе «К» криминальная ситуация разворачивалась в кругу родственников, близких, хорошо знакомых лиц, в то время как в другой группе объектом нападения выступали преимущественно случайные лица. При анализе характера отношений отмечены следующие закономерности – в группе «К» отношения между сторонами имели определенную продолжительность и признаки напряженной конфронтации, а в группе «ВК» – отсутствовали признаки конфронтации, отношения носили характер случайного столкновения, длительность их ограничивалась минутами, часами. Фактор алкоголизации несколько выше отмечен в группе «К» (23%), чем в «ВК» – 15%. Таким образом, изучение этих двух групп уголовных дел показало, что они существенно различаются по ряду признаков (социально-ролевой статус жертвы и обвиняемого, характер отношений между сторонами, длительность взаимоотношений сторон, наличие инцидента и характер инцидента, фактор алкоголизации, наличие аффекта у обвиняемого и пр.). Сравнение этих двух групп уголовных дел по приведенным параметрам обосновывает необходимость привлечения эксперта-психолога к экспертизе во всех случаях, где обнаруживаются четкие конфликтные отношения между обвиняемым и потерпевшим.

Приведенные данные и следующий из них вывод имеют важное значение в связи с последними данными о природе криминальной агрессии и изменением подхода к диагностике и экспертологической оценке состояний аффекта. Так, ведущими специалистами в области судебно-психологической экспертизы (Сафуанов Ф.С., Ситковская О.Д.) отмечается, что при криминальной агрессии как разрядке эмоционального напряжения, возникшего и накопившегося в структуре

внутриличностного конфликта и в психотравмирующей ситуации, экспертные оценки чаще всего сводятся к определению выраженного эмоционального напряжения, оказавшего существенное влияние на поведение; в ряде случаев одновременно с этим констатировалась и ограниченная вменяемость обвиняемого (Дмитриева, Сафуанов, 2001).

В свете вышесказанного необходимость использования в этих случаях конфликтологического анализа не вызывает сомнений.

Однако наш опыт показывает, что даже в тех случаях, когда в экспертологическом исследовании применялся анализ конфликтного взаимодействия, не всегда эта информация в полной мере принималась во внимание следствием или судом. Возможно, это связано и с тем, что специалистами правоохранительных органов и судопроизводства не уделяется должного внимания конфликтологической компетентности. Такого рода информирование и обучение может проводиться в рамках тематических лекций и семинаров, в программах повышения квалификации и пр.

Литература

1. Гришина Н.В. Психология конфликта. СПб., 2002.
2. Дмитриева Т.Б., Сафуанов Ф.С. Критерии ограниченной способности к осознанию и регуляции криминально-агрессивных действий обвиняемых // Российский психиатрический журнал, 2001, №3, с. 48-57.

Особенности полоролевой идентификации у психически больных, совершивших сексуальные правонарушения и находящихся на принудительном лечении

Логвинова Т.Ю.

Орловская психиатрическая больница специализированного типа
с интенсивным наблюдением (Орел)

Карпова Д.А.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского (Москва)

В психологических исследованиях девиантного сексуального поведения (Ткаченко, Введенский, Дворянчиков, 2001) отмечается, что нарушение полоролевой идентичности является тонким индикатором нарушений как в сфере психосексуальных ориентаций, так и психического здоровья и адаптации в целом.

В экспериментально-психологическом исследовании участвовало 55 психически больных мужчин в возрасте от 23 до 56 лет, совершивших сексуальные правонарушения и находящихся на принудительном лечении в ФГУ «Орловская ПБСТИН».

Среди обследованных 62% имеют диагноз параноидная шизофрения, 25% – органическое расстройство личности и поведения, 13% – умственная отсталость. С диагнозом парафилия 42% больных.

По характеру совершенных деликтов в отношении объекта сексуального предпочтения: насильственные действия гетеросексуального и гомосексуального характера в отношении несовершеннолетнего объекта (44%); в отношении взрослого объекта (44%); как в отношении несовершеннолетнего, так и взрослого объекта (5%); повлекшие смерть жертвы (29%); в группе (7%). Многократные насильственные действия гетеросексуального и гомосексуального характера (44%). Насильственные действия гетеросексуального характера в отношении геронтофильного объекта (7%).

Методики, использованные в исследовании: МиФ (модифицированный вариант методики С. Бем); ЦТО; Кодирование и тест «Руки» Вагнера.

Исходя из полученных результатов, можно сделать вывод о следующих нарушениях полоролевой идентичности у психически больных, совершивших сексуальные правонарушения:

1. Фемининная полоролевая идентичность (34%) – идентификация с женским полоролевым стереотипом. Выявляется низкая эмоциональная значимость мужской половой роли (отрицательное восприятие образа «мужчины»). Это находит отражение в недостаточной усвоенности мужской половой роли, ее низком участии в регуляции сексуального поведения, включенности в сферу сексуальных предпочтений объектов недифференцированных по полу и возрасту.

2. Андрогинная полоролевая идентичности (33%) – отсутствие четкого определения образа Я в рамках фемининных и маскулинных черт. Проявление личностной и полоролевой незрелости, конфликтности в сфере полоролевого самосознания – переживание собственного несоответствия мужским полоролевым стереотипам, стремление к соответствию и одновременно избеганию мужской половой роли, при негативном эмоциональном восприятии образа «мужчины» и амбивалентном восприятии образа «женщины». Это приводит к искажениям в сфере сексуальных предпочтений – выбор незрелых и недифференцированных объектов.

3. Недифференцированная полоролевая идентичность (20%) – трудности идентификации с полоролевыми стереотипами. Они соотносятся с амбивалентным эмоциональным восприятием мужской половой роли и образом собственного «Я», что предопределяет включенность в сферу сексуальных предпочтений незрелых объектов с выраженными маскулинными чертами.

4. Гипермаскулинность половой роли при неустойчивой «Я – концепции» (13%). В данном типе выявляется инфантильность личности, доминирование внешних формальных представлений о полоролевых стереотипах, при негативном самоотношении и отрицательном восприятии образа «мужчины». И это находит отражение в выборе незрелых инфантильных объектов сексуального влечения.

Литература

1. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М., 2001.

Субъективная сторона оценки состояния лицами, совершившими дорожно-транспортное происшествие

Мялкин В.А.

Адвокатская фирма «Защита» Адвокатской палаты Ярославской области (Ярославль)

Оценка психического состояния лица, совершившего дорожно-транспортное происшествие (ДТП), не может не вызывать интерес в судебном (досудебном) рассмотрении происшествия. Заметим, что в практике экспертизы оценка психического состояния подэкспертного (состояния, к примеру, достигающего или не достигающего степени аффекта) может иметь принципиальное значение для квалификации содеянного.

Практика участия психолога в рассмотрении дел такой категории свидетельствует о наличии особых сложностей проведения судебно-психологических экспертиз. С одной стороны, психические состояния относительно надежно коррелируют с психофизиологической основой поведения, и здесь становится возможным применение аппаратных методов психодиагностики. С другой стороны, очевидно связаны с психическими состояниями те или иные черты (свойства) личности (в этом случае экспертная оценка должна быть дополнена опросными методиками и изучением анамнеза).

Соответственно, при проведении такого рода экспертизы психолог сталкивается с многочисленными трудностями как методологического, так и методического характера.

К первой группе – методологические проблемы – можно отнести проблему полиморфности самого понятия «психического состояния». Его эквивалентами (только в аффективной сфере!) выступают: эмоциональное состояние, психоэмоциональное состояние, пограничное состояние, психофизиологическое состояние, неравновесное состояние, уровни состояния (социально-психологический, психологический, психофизиологический и физиологический) и т.п. При этом, каждый исследователь солидно аргументирует свою точку зрения, оставляя у практика ощущение того что перед ним иллюстрация известной притчи о слепцах, которые ощупывали слона и спорили о том, на кого он похож на самом деле. Как вариант выхода из этой, по существу, «патовой ситуации», можно было бы предложить профессиональному сообществу, по примеру медиков, – до выяснения существа проблемы – разработать «рабочую типологию» состояний и найти компромисс в типологии и координации определений, имеющих в настоящее время в рамках основных направлений исследований. (При пересмотре этого компромисса со временем, опять-таки единообразно, перейти на новую систему оценок.)

В части решения второй группы проблем – в разработке методического инструментария оценки состояний – мы видим, по существу, аналогичную картину, в которой сосуществуют психодиагностические методики физиологического регистра, психофизиологического, собственно психологического, социально-психологического. Опять-таки, аналогично, сказанному выше, желательно на эмпирическом уровне

зафиксировать группу обязательных и факультативных методик психологической (психофизиологической) диагностики.

Наконец, согласно классическим определениям, «психические состояния» – характеризуются одной важной особенностью «отсутствием отчетливого осознания предметного содержания ситуации» (Мещеряков, Зинченко, 2003). Отсюда особый интерес вызывает проблема связи эмоциональных и когнитивных аспектов состояний.

Как указывают в одной из последних публикаций А.О.Прохоров и М.Г. Юсупов (2010): «Несмотря на интенсивное изучение собственно когнитивных процессов и психических состояний, исследования взаимосвязи между ними представлены недостаточно. Однако, с нашей точки зрения, задача поиска и выделения закономерностей взаимодействия психических состояний и когнитивных процессов с целью их последующего эмпирического рассмотрения является достаточно актуальной. Анализ теоретической и экспериментальной литературы позволяет выделить, по меньшей мере, три относительно самостоятельных направления исследований такого рода: рефлексивный, смысловой и динамический».

Мы, в свою очередь, полагаем, что предложенный минимум может быть предметом рабочего обсуждения в части выделения основных направлений (доказательности) выводов при проведении судебно-психологической экспертизы в отношении лиц, совершивших ДТП.

**Роль патопсихологических симптомокомплексов
при судебно-экспертной оценке делкоспособности лиц с психическими
расстройствами: диагностическая информативность показателей**

Никитина Е.А., Сафуанов Ф.С.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского (Москва)

Среди контингента подэкспертных, направленных в ГНЦ ССП им. В.П. Сербского на экспертизу по гражданским делам за последние 8 лет, доля лиц, в отношении которых решались вопросы о способности понимать значение своих действий и руководить ими при заключении имущественных сделок, составила в среднем 55%. Среди них комплексные судебные психолого-психиатрические экспертизы (КСППЭ) назначаются более чем в 50% случаев. При этом из всех лиц, прошедших судебно-психиатрическую и комплексную психолого-психиатрическую экспертизу с 2002 года по настоящее время, около 2/3 были признаны неспособными понимать значение своих действий и руководить ими на момент совершения сделки.

Среди всех экспертиз о признании сделки недействительной четко выделяются группы случаев, когда наблюдается закономерная зависимость вынесенного экспертного решения от поставленного диагноза, т. е. психическое расстройство в основном обуславливает экспертное решение. К таким диагнозам относятся, к примеру, шизофрения, деменция (в 88,2% и в 100% случаев соответственно выносятся решение о неделкоспособности лиц), органическое эмоционально-

лабильное расстройство (в 88,2% подэкспертные признаются сделкоспособными). В остальных же ситуациях при одном и том же диагнозе экспертные решения о том, могло лицо или не могло понимать значение своих действий или руководить ими, различаются. В связи с этим возникает вопрос, что же обуславливает различия между экспертными решениями в той или иной экспертной ситуации. Теоретический анализ проблемы, позволяет предположить, что при дифференцированной судебно-экспертной психолого-психиатрической оценке способности к совершению сделок при определенных психических расстройствах на первый план выступает исследование патопсихологических симптомокомплексов (у подэкспертных с одним и тем же психическим расстройством определяется способность либо неспособность к совершению сделки в основном по патопсихологическим показателям).

В ходе исследования, проведенного авторами на основе архивных материалов КСПЭ, прошедших в ГНЦ ССП им. В.П. Сербского за период с 2002 по 2009 год, были обозначены две группы (лица с диагнозами «органическое расстройство личности» и «синдром зависимости от алкоголя»), в которых при одинаковом диагнозе процент принятых экспертных решений в пользу «мог» или «не мог» был практически равнозначен. В данных группах с помощью информационного критерия Кульбака были выделены наиболее диагностически информативные патопсихологические показатели в познавательной и личностной сферах. У испытуемых с органическим расстройством личности выявилось общее снижение в познавательной сфере, что характерно и для тех испытуемых, которые, согласно экспертному решению, были способны понимать значение своих действий или ими руководить, и для тех, которые этой способностью не обладали. Следовательно, стоит делать акцент на исследовании личностной сферы испытуемых с данным психическим расстройством. Наиболее диагностически информативными в познавательной сфере оказались такие патопсихологические показатели, как темп работоспособности, обучаемость, характеристики внимания (концентрация, распределение, переключение), использование субъективных критериев в процессе обобщения. Стоит обратить внимание на показатели мотивационного аспекта мышления, отсутствие или наличие нарушений в нем (особенно обстоятельства) оказывает достаточное влияние на экспертное решение. В личностной сфере наибольшей информативностью при дифференциации экспертной оценки «мог/не мог понимать значение своих действий или руководить ими» обладают такие показатели, как ригидность, стремление строить свое поведение в соответствии с ожиданиями значимых людей, ограниченность социального опыта, раздражительность. Эти показатели лежат в основе невозможности понимать значение своих действий или руководить ими в юридически значимый период совершения сделки.

У испытуемых с синдромом зависимости от алкоголя между двумя подгруппами (сделкоспособных и несделкоспособных), в отличие от лиц с органическим расстройством личности, можно наблюдать явные различия в познавательной сфере по патопсихологическим показателям. Наибольшей

диагностической информативностью обладают следующие: низкий объем сведений и знаний, ограниченная способность ориентироваться, динамический аспект мышления (инертность либо лабильность), особенности ассоциативных связей. В личностной сфере высокой диагностической информативностью обладают такие патопсихологические показатели, как ограниченность социального опыта, негибкость поведенческих стереотипов, ригидность, внушаемость, склонность к самовзвинчиванию, незрелость, невысокий самоконтроль, склонность к широким, но поверхностным контактам и стремление строить свое поведение в соответствии с ожиданиями значимых людей.

Перспективы психосемантических исследований лиц, совершивших сексуальные правонарушения, с помощью текстовых методик

Новикова-Грунд М.В.

Институт психологии им. Л.С. Выготского при Российском Государственном
Гуманитарном Университете (Москва)

Саламова Д.К.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского (Москва)

Речевое поведение является одним из важнейших объектов исследования в психологии. Психические заболевания предоставляют обширный материал для семантического исследования. Не исключение составляют исследования в клинике аномального сексуального поведения. Лежащие в основе аномального сексуального поведения специфические психопатологические, психологические, биологические механизмы неизбежно отражаются в особенностях речи. В отечественной психиатрии представлены исследования семантики лиц с аномальным сексуальным поведением (Ткаченко, Ан, 2008). Были выделены и проанализированы речевые высказывания, описывающие состояние в период реализации ими парафильных побуждений. Проводились психологические исследования структуры полового самосознания с помощью модифицированных вариантов семантического дифференциала (Ткаченко, Введенский, Дворянчиков, 2001).

Одним из психологических методов исследования индивидуальной семантики субъекта является текстовая методика (ТМ), предложенная М.В. Новиковой-Грунд (2006).

В вербальном творчестве каждого человека отражаются его базовые смыслы. Эти базовые смыслы выражаются в ряде конкретных синтаксических конструкций, неизменно повторяющихся в его текстах, и системно дублируются семантическими повторами. Из этого следует, что если у некоторых людей наблюдаются сходные базовые смыслы, то в процессе вербального творчества эти люди должны системно использовать одни и те же конструкции, причем синтаксическая и семантическая специфика текстов таких людей должна отчетливо противопоставлять их текстам людей с другими базовыми смыслами. И если высказанное утверждение верно, то нет

ничего удивительного в том, что наблюдается структурное сходство между текстами, написанными в разное время различными людьми, у которых совпадают базовые смыслы.

В конфликте, прямо или косвенно задающем структуру текста в текстовой методике, выявляются одни и те же составляющие – экзистенциальные проблемы смерти, одиночества, свободы и идентичности.

Субъекту предлагается написать небольшой связный текст на специально выбранную тему, а сама тема формулируется по нескольким правилам. После этого, человеку предлагается представить своего антипода, и написать текст на ту же самую тему от лица антипода. Создавая образ своего антипода, автор обращается к собственному опыту и к собственным представлениям о себе и выбирает наиболее значимые собственные черты. Таким образом, в ТМ содержится провокация к представлению об образе другого, как о подобном мне.

Использование текстовой методики для исследования лиц, совершивших сексуальные деликты, представляется актуальным. В качестве ключевых объектов исследования с помощью ТМ выбираются образ Я, образ другого и их взаимодействие в картине мира и место деликта в этой картине мира. С высокой степенью достоверности можно выделить сюжетные схемы, характерные для рассказов лиц с разными вариантами парафилий или лиц, совершивших сексуальные деликты, но без диагностированной парафилии. Можно получить информацию о том, как во внутренней картине отражены базовые смыслы: невозможность принять прошлое, настоящее или будущее, или восприятие себя как пассивной фигуры, которой манипулируют другие люди, или ощущение своего несуществования, или представление о себе только как о части группы, или уверенность в том, что другие люди вообще не существуют, или переживание себя отделенным от других, или чувство угрозы, исходящей изнутри или снаружи.

Литература

1. Новикова-Грунд М.В. Семиотический подход к тексту в рамках культурно-исторической концепции // Вестник РГГУ, 2006, № 1
2. Ткаченко А.А., Ан Е.В., 2008 // Расстройство сексуального поведения / Под. ред. А.А. Ткаченко. М.: «Медкнига», 2008.
3. Ткаченко А.А., Введенский Г.Е., Дворянчиков Н.В. Судебная сексология. М.: Медицина, 2001.

Субъективные факторы назначения наказания

Онищенко О.Р.

Омский государственный университет им. Ф.М. Достоевского (Омск)

В современной юридической литературе увеличивается количество предложений введения объективно формализованной (математической) модели назначения наказания, в пользу которой высказываются аргументы, в том числе психологического содержания. Однако не все из них можно трактовать однозначно.

Действительно, в психологическом прочтении назначение наказания – это сложный когнитивный процесс, происходящий под воздействием ряда неблагоприятных объективных и субъективных факторов (когнитивный диссонанс, негативный эмоциональный фон, психические состояния, влияние стереотипов и установок, эффектов социальной перцепции). Деятельность судьи включает анализ речевых текстов, выделение существенного в перегруженных деталями письменных и устных сообщениях, вычленение фактов от эмоционально-оценочного отношения, что требует высокой познавательной активности. На первый план, таким образом, выступают трудности, связанные с решением интеллектуальной задачи.

Учеными юристами высказывается тезис о доминировании в процессе принятия решения эвристического подхода, где ведущая роль принадлежит интуиции (Дядькин, 2006). Однако творческое решение задачи предполагает несколько этапов: накопление информации, ее переработку, озарение (где собственно происходит интуитивный выбор) и проверку. Судья, проходящий последовательно все эти этапы может минимизировать субъективность, ошибочность принятия решения. При этом назначение наказания – не только творческий, и тем более, интуитивный процесс, в обыденной деятельности судьи велика доля стандартных решений.

Субъективность назначения наказания, вероятность ошибки в большей степени связана с когнитивным диссонансом – негативным состоянием, возникающим в ситуации, когда субъект одновременно располагает противоречивыми данными, мнениями, понятиями об одном объекте. Состояние диссонанса переживается как дискомфорт, стремление избавиться от которого, ведет к ошибкам и упрощению ситуации.

Когнитивный диссонанс может усиливаться избыточным нервно-психическим напряжением, негативным эмоциональным фоном. Приведенные в литературе данные опросов указывают на стремление игнорировать наличие подобной проблемы. Так, при анкетировании судей, прокуроров и адвокатов относительно того имеет ли значение на определение наказания настроение судьи, эмоциональная насыщенность информации, 97% прокуроров утверждают, что любое настроение судьи (хорошее или плохое) не является фактором, влияющим на назначение наказания. Судьи в большинстве (85%) отвергают влияние их настроения, эмоций на назначение наказания. Противоположное мнение высказывается адвокатами – 94% считают, что эмоциональный фон влияет на принятие решения (Курченко, 2003).

Следующая группа факторов, влияющих на субъективность назначения наказания, лежит в плоскости социальной психологии – это установки, стереотипы, ошибки социальной перцепции. Так, гало-эффект предполагает тенденциозность восприятия, проявляющуюся в преувеличении одной значимой черты и распространении информации о ней на личность в целом. На гало-эффект могут влиять, например, поведение подсудимого, его внешний вид, манера высказываться, отношение к содеянному. Стереотипы и установки, формируясь еще в период обучения в вузе, трансформируясь под влиянием профессиональной деформации, могут приводить к искажению воспринимаемой информации.

Понимание влияния указанных факторов, психологическое сопровождение судебной деятельности может повышать объективность назначения наказания. Радикальный способ разрешения проблемы – введение алгоритмического подхода не является панацеей. Повысить объективность принятия решения можно за счет более пристального отбора кандидатов на должность судьи, повышения общей психологической культуры судейского корпуса. Особое внимание при подготовке юристов следует уделять вопросам индивидуализации наказания, пониманию психологической природы мотивов, личностных особенностей подсудимых, основам общей, социальной и возрастной психологии. В перспективе особая роль должна принадлежать психологу-консультанту, осуществляющему системную помощь следствию и суду (Ситковская, 2009).

Литература

1. Дядькин Д.С. Теоретические основы назначения уголовного наказания: алгоритмический подход. СПб., 2006.
2. Курченко В. Психолого-юридические аспекты назначения наказания // Уголовное право. 2003, № 4.
3. Ситковская О.Д. Психологический комментарий к отдельным статьям Уголовного кодекса Российской Федерации. М., 2009.

Использование алгоритма при оценке заключения судебно-психологической экспертизы

Парамонова Г.В.

Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации (Санкт-Петербург)

Соколова О.А.

Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации (Москва)

Выводы судебно-психологической экспертизы рассматриваются наряду с другими видами доказательств и подлежат обязательной оценке процессуальными субъектами: следователем, дознавателем, прокурором и судом. Оценка заключения эксперта каждым из этих субъектов имеет свои особенности, поэтому их условно можно разделить на три уровня: эксперт, выполнивший экспертизу; следователь (дознаватель), прокурор; суд.

1. С учетом того, что вывод эксперт формирует на основе внутреннего убеждения, при котором происходит оценка всех выявленных признаков, данную стадию можно определить как первый уровень оценки заключения экспертом. С одной стороны, оценка результатов должна быть основана на общепринятых для каждого эксперта объективных научных положениях. С другой стороны, оценка зависит от субъективных качеств эксперта, выполнившего экспертизу. В этом случае немаловажную роль имеют его опыт, знания и профессионализм. Помимо этого эксперт, выполнивший экспертизу, по истечении определенного времени может

повторно подвергнуть свои выводы оценке. Как правило, в течение трех – пяти лет экспертной работы он полностью овладевает практическими навыками, приобретает собственный экспертный опыт работы и может объективно оценить свои ранее выполненные экспертизы.

2. Второй уровень оценки результатов судебно-психологической экспертизы осуществляет следователь, дознаватель или прокурор. В связи с тем, что выводы эксперта основаны на данных психологии, которыми не в полной мере обладают данные лица, оценка на данном уровне имеет свои особенности. Получив заключение эксперта, следователь определяет пути использования результатов судебно-психологической экспертизы для раскрытия и расследования преступления. В частности, выводы данной экспертизы учитываются при подготовке к допросу несовершеннолетнего, проведению предъявления для опознания и другим следственным действиям.

3. Как итог (в данном случае – третий уровень) – оценка заключения судебно-психологической экспертизы судом. Принципы оценки заключения эксперта как доказательства при судебном разбирательстве аналогичны стадии предварительного расследования. В соответствии с законодательством судом оценивается заключение судебного психолога-эксперта, как доказательство, по внутреннему убеждению, основанному на совокупности имеющихся в деле доказательств, руководствуясь законом и совестью.

Сам процесс оценки заключения эксперта следователем, дознавателем, прокурором и судом можно представить в виде следующего алгоритма: изучение вопросов, поставленных перед судебным экспертом-психологом; компетенции эксперта (комиссии экспертов), правильность оформления хода и результатов экспертизы; оценка научной обоснованности экспертной методики и правомерности ее применения в конкретном случае; проверка полноты заключения, логической обоснованности хода и результатов экспертного исследования, установление внутренней непротиворечивости заключения, соответствия выводов эксперта имеющимся по делу доказательствам и т. д. (Челышева, Веренич, 2010).

В целях единообразного подхода к оценке заключения эксперта представляется, что знание данного алгоритма судебным экспертом-психологом, проводящим экспертизу, позволит ему учитывать все этапы последующей оценки процессуальными субъектами. Это в свою очередь будет способствовать даже экспертом научно-обоснованного заключения, которое будет признано процессуальными субъектами доказательством по делу и в конечном итоге, способствовать расследованию и расследованию преступлений и установлению истины по делу.

Литература

1. Челышева О.В., Веренич И.В. Проблемы назначения судебной экспертизы и оценка ее результатов // КриминалистЪ, 2010, №1.

Судебно-психологическая экспертиза при анализе видеозаписи следственных мероприятий

Пчельников Ю.М., Дьячкова И.С.

Республиканская клиническая психиатрическая больница
Министерства здравоохранения Удмуртской Республики (Ижевск)

Повышение эффективности деятельности правоохранительных органов требует совершенствования деятельности и судебных психологов, что в частности находит свое выражение в совершенствовании уже имеющихся и в развитии новых видов судебно-психологических экспертиз. Известно, что объектом этого вида экспертизы является психика человека, а к числу материализованных источников информации о психической деятельности подэкспертного могут относиться вещественные доказательства, в том числе протоколы следственных действий с применением видеозаписи. Анализ видеозаписи, в свою очередь, может дать дополнительную информацию для судебного психолога о личности подэкспертного, его эмоциональном состоянии в момент проведения следственных действий. Помимо этого, анализ видеозаписи может быть использован судебным психологом для идентификации эмоциональных состояний подэкспертного, влияющих на способность последнего давать правильные показания по интересующим следствие событиям.

В практической деятельности нами неоднократно был использован метод анализа видеозаписи следственных действий с подэкспертным при проведении психологических и комплексных психолого-психиатрических экспертиз по уголовным делам. Как правило, необходимость использования этого метода возникала, когда у следователей появлялись сомнения в способности лица давать правильные показания в том случае, если он менял свои показания в ходе следствия, либо тогда, когда следственные мероприятия с применением видеозаписи являлись значимыми для следствия источниками доказательства по делу (например, в случае смерти лица, давшего показания). На разрешение эксперта-психолога следствием ставились вопросы о способности подэкспертного давать правильные показания с учетом его индивидуально-личностных особенностей в момент дачи показаний с применением видеозаписи, о наличии (отсутствии) признаков того, что на подэкспертного оказывалось давление, выразившееся в его поведении в этот момент времени.

Анализ видеозаписи проводился нами как дополнительный источник информации для оценки личности подэкспертного, его эмоционального состояния в совокупности с проведением стандартного экспериментально-психологического исследования и изучением материалов уголовного дела. Помимо этого, имеется опыт использования анализа видеозаписи без проведения экспериментально-психологического исследования в том случае, когда подэкспертный отказывался от его проведения. Эффективным является совместный просмотр видеозаписи с

подэкспертным с комментариями последнего собственного поведения, эмоционального состояния на момент дачи показаний с применением видеозаписи.

Анализируя представленную следствием видеозапись, эксперт оценивал: 1. Моторные (двигательные стереотипы, жесты, позы) характеристики подэкспертного; 2. Эмоциональные проявления, характер, амплитуду и знак эмоциональных реакций; 3. Речевую активность (в континууме собственная активность, конструируемость – реактивность, стереотипность, заготовленная шаблонность).

Анализируя эмоциональные проявления подэкспертного по амплитуде, знаку и содержанию переживаний, эксперт выявлял соответствие (несоответствие) обнаруживаемых эмоциональных проявлений выявленным у него при экспериментально-психологическом исследовании и характеризующим оценкам (из материалов уголовного дела) общему темпу и характеру психомоторных реакций подэкспертного, его личностным особенностям (например, импульсивность, нестабильность эмоций, тяготение к оценочным суждениям, к полюсным критериям, либо эмоциональная сдержанность, пассивность, неуверенность и т.д.). Помимо этого, эксперт при анализе проявлений эмоций выявлял соответствие (несоответствие) эмоций актуальной ситуации и собственным высказываниям, а так же специфические эмоциональные феномены «стресса» или «страха» (что проявляется в снижении настроения, психомоторного темпа, специфических позах «придавленности», «страха»).

Анализируя речевую деятельность подэкспертного на видеозаписи (в континууме конструируемость – реактивность речевых высказываний), эксперт оценивал соответствие (несоответствие) его речи общему темпу психомоторной деятельности, его образованию, жизненному опыту, интеллекту, мышлению. Эксперт выявлял и оценивал маркеры возможного внешнего давления (нехарактерные для подэкспертного речевые шаблоны, высказывания), признаков снижения фона настроения, «стресса», «страха» (односложность ответов, снижение темпа речи и увеличение латентного времени ответов, зависимость содержания ответов от задаваемых вопросов).

Опыт нашей практической деятельности свидетельствует, что необходимость использования анализа видеозаписи следственно-оперативных мероприятий с подэкспертным возрастает. У нас есть положительный опыт применения этого вида экспертного исследования, как в качестве дополнительного источника информации для оценки личностных особенностей подэкспертного, его состояния, так и самостоятельного вида исследования, когда экспертизы с использованием анализа видеозаписи были использованы судами, как доказательство.

**Личностно-ситуативные детерминанты серийных убийств,
значимые при составлении психологического портрета
предполагаемого преступника**

Решетова Д.В.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского (Москва)

В последние годы в России учащаются случаи совершения многоэпизодных убийств и изнасилований. И несмотря на то, что в некоторых случаях жертва остается в живых и способна давать показания, большинство из них так и остаются нераскрытыми. В связи с этим возникает необходимость проведения конкретных криминологических, уголовно-правовых, криминалистических и психологических исследований, направленных на повышения эффективности оперативно-следственных мероприятий по раскрытию тяжких насильственных преступлений, совершенных по иррациональным мотивам.

Наиболее перспективным направлением судебной и криминальной психологии в поддержке следствия является психологическое профилирование предполагаемого преступника. Наше исследование посвящено выявлению существенных взаимосвязей личности серийного преступника и паттернов его противоправной деятельности и (как следствие этих связей) формированию типовых портретов убийц, с много эпизодными преступлениями.

Исследование проводилось в форме анализа архивов материала уголовных дел, заключения экспертиз, и прочих документальных данных, касающихся 50 лиц, осужденных за совершения серии насильственных преступлений в период с 1971 по 2001 год, предоставленных сотрудником ВНИИ МВД О. Логуновой.

Методом корреляционного анализа были выявлены значимые взаимосвязи личностных характеристик преступника (возраст на момент совершения первого эпизода серии, наличие разнообразных девиаций на протяжении всей жизни, особенности полового развития, биопсихические предпосылки и особенности развития преступника, особенности социального функционирования, психохарактерологические характеристики, мотивационная направленность и операциональные характеристики и увлечения лица, совершившего серию деликтов) и паттернов его противоправной деятельности, они обусловлены существенным влиянием отдельных признаков преступника на степень спланированности совершаемого преступления, процесс выбора жертвы, способ установления предкриминального контакта, криминальное и посткриминальное взаимодействие и многое другое.

Кластерный анализ описанных выше взаимосвязей позволил выявить 6 типов преступников, существенно отличающихся по ведущим мотивам преступления и степени спланированности такового: «истинные сексуальные маньяки» (14 чел.) – преступление тщательно спланировано, в основе лежат патологические мотивы удовлетворения сексуального девиантного влечения; «застенчивые» убийцы (2) –

убийство не планируется, преступление потенцируется принятием алкоголя, основной мотив – получение сексуальной разрядки в процессе изнасилования; «преступники с двойным дном» (8) – преступление планируется, но имеется некоторая вариативность его реализации, у преступника высокая способность к импровизации, мотивы отличаются своей сложной полиморфной природой; «неудачники-мстители» (6) – преступления детально планируются, в их основе лежат сложные мотивы самоутверждения, и мести, подкрепляемые собственно выдуманной философией устройства мира; «импульсивный преступник» (16) – преступление не имеет этапа планирования, совершается ввиду отсутствия ингибиторов агрессии, ввиду чего мотивы преступления могут меняться в течении серии; «спортсмен» (2) – этап планирования переходит в этап напряженных подготовительных действий, в виде регулярных упражнений и тренировки навыка убийства, в основе лежит сложное сплетение иррациональных мотивов, формирующихся под воздействия дисгармоничных черт личности, с корыстными мотивами наживы и сопровождаются элементом «спортивного», «охотничьего» азарта.

Шесть полученных видов преступников существенно отличаются друг от друга, как особенностями и повседневной жизнедеятельности, так и «картиной» их криминальной активности. Полученные данные могут быть применены в практической деятельности психологов-профайлеров.

Заключения специалистов в судебных спорах о воспитании детей родителями, проживающими отдельно

Русаковская О.А., Сафуанов Ф.С., Харитоновна Н.К.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского (Москва)

В последние годы в России увеличивается количество судебных споров об определении места жительства детей при раздельном проживании родителей и порядка общения ребенка с отдельно проживающим родителем. Необходимость выявления судом в подобных спорах ряда обстоятельств, имеющих психологическое и патопсихологическое значение, определяет растущий запрос на участие в них соответствующих специалистов, которое может осуществляться в разных формах (приобщенная к материалам дела медицинская документация, заключение специалиста, однородная или комплексная судебная экспертиза). Состояние научных дисциплин (психология развития, семейная психология, клиническая психология, психиатрия), общие принципы судебной экспертологии, нормы гражданского законодательства, судебный запрос определяют научно-методологические основы проведения подобных освидетельствований и границы компетенции специалистов. К сожалению, на сегодняшний день заключения специалистов часто не отвечают профессиональным и этическим стандартам, демонстрируют отсутствие научной методологии, несоответствие юридическим запросам, превышение пределов компетенции.

Цель: выделение и анализ типичных ошибок, встречающихся в заключениях специалистов психологов и психиатров в гражданских делах о воспитании детей при раздельном проживании родителей.

Метод: клинико-психологический анализ материалов 68 гражданских дел по искам об определении места жительства детей при раздельном проживании родителей и порядка общения с детьми родителя, проживающего отдельно, по которым проводилась комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (КСППЭ) в ФГУ ГНЦССП Росздрава, и 114 экспертных заключений по данным делам (59 – в отношении детей; 55 – в отношении родителей).

Результаты: В 45% изученных гражданских дел содержались сведения об имеющихся у ребенка психических нарушениях, которые родитель связывал с конфликтной ситуацией в семье или поведением другого родителя. 24 ребенка (40,7%) в связи с имевшимися жалобами осматривались одним или несколькими специалистами. Из них 13-ти был установлен диагноз психического расстройства, который при КСППЭ был подтвержден лишь в отношении 7 детей. В 46% заключений отмечавшиеся у ребенка в течение 1 года от начала раздельного проживания родителей невротические реакции, изменения в поведении без достаточных оснований связывались с негативным влиянием на ребенка его общения с родителем, проживающим отдельно, в связи с чем в отношении девяти детей (37,5% обратившихся) специалистами давались не относящиеся к их компетенции рекомендации с кем из родителей должен проживать ребенок, какой порядок и график встреч отдельно проживающего родителя с ребенком целесообразен. Клинико-психологический анализ позволил выделить 5 основных групп ошибок, характерных для заключений специалистов по спорам о воспитании детей проживающими раздельно родителями: выход за пределы профессиональной компетенции; нарушение процедур сбора информации; этические и методологические ошибки; неадекватная оценка психического состояния испытуемого с недоучетом тяжести психического расстройства и его социальной опасности.

Заключение: привлечение специалистов к оценке обстоятельств, имеющих доказательное значение в судебных разбирательствах о воспитании детей родителями, проживающими раздельно, способно существенно повысить качество судебных решений, позволяя максимально учесть психическое и психологическое состояние ребенка и родителей; привязанность ребенка к каждому из родителей; отношения, существующие между ними, способности каждого из родителей обеспечить ребенку условия для психического развития. Распространенность и типичность ошибок, встречающихся в заключениях специалистов, определяют необходимость разработки единых методологических, методических и этических подходов к проведению подобных освидетельствований.

Проблема интегративных выводов в комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе

Сафуанов Ф.С.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского (Москва)

До введения в действие новых УПК РФ, ГПК РФ понятия «комплексная судебная экспертиза» (КСЭ) в РСФСР и России в процессуальном плане не существовало. В недрах криминалистических экспертиз развивались вопросы теории КСЭ, в которой различались:

1. «Комплекс исследований в рамках экспертизы» (комплексно-вспомогательное исследование) – например, в СПЭ эксперт-психиатр при клинической диагностике использует данные нейрофизиологов, психологов, неврологов и др. специалистов.

2. «Комплекс экспертиз» (комплексно-кооперативное исследование) – например, в КСППЭ психолог при диагностике аффекта у обвиняемого учитывает судебно-психиатрические экспертные решения.

3. «Комплексная экспертиза» (комплексно-интегративное исследование) – формулирование общего вывода на основе использования различных предметных специальных знаний.

В теории КСЭ сформировалось два подхода к определению КСЭ:

1. «Мягкое» (Петрухин, 1964; Миньковский, 1970; Орлов, 1978; Шляхов, 1985 и др.), включающее в КСЭ как «комплексно-кооперативное», так и «комплексно-интегративное» типы исследований.

2. «Жесткое» (Селиванов, 1978; Корухов, 1985; Ростов, 1985 и др.) включающее в КСЭ только «комплексно-интегративное» исследование.

В Постановлении № 1 Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971г., в Инструкции (Министерства юстиции, Генеральной прокуратуры, Министерства внутренних дел и Министерства здравоохранения СССР) об организации производства комплексных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях СССР от 1986 г. в качестве основного признака комплексной экспертизы рассматривается необходимость формулировать общий вывод при одновременном участии экспертов различных специальностей, обладающих отличными друг от друга специальными познаниями. Из этих документов вытекало требование производства комплексной экспертизы в тех случаях, когда: а) невозможно проведение последовательных однородных экспертиз, б) существуют вопросы, заведомо выходящие за пределы компетенции экспертов одной специальности.

В теории КСППЭ также сформировалось два подхода к определению КСППЭ:

1. «Жесткое» (Кудрявцев, 1988, 1999), выделявшее в качестве главных признаков КСППЭ «интегративную» оценку психологами и психиатрами психической деятельности подэкспертных лиц и формулирование «общего (единого)» ответа на вопросы судебно-следственных органов.

2. «Мягкое» (Сафуанов, 2003), согласно которой комплексной является экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты различных специальностей (не исключает «общего» вывода).

Рост количества назначаемых КСППЭ (с 80-х годов) был связан не только с теоретическими достижениями, но и с прагматическими соображениями:

1) вместо последовательного проведения двух экспертиз однократное проведение КСППЭ существенно повышало рентабельность и экономичность производства экспертизы и сокращало сроки следствия;

2) до последнего времени практически не существовало государственных бюджетных судебно-психологических экспертных учреждений, тогда как ставки психологов были предусмотрены во всех судебно-психиатрических экспертных учреждениях;

3) КСППЭ, в отличие от однородной судебно-психологической экспертизы, позволяла обследовать подэкспертного в стационарных условиях, что повышало надежность экспертных психологических выводов.

При этом в основном проводимые в стране КСППЭ с теоретической точки зрения можно было отнести к «комплексу экспертиз в рамках одной экспертизы» без формулировки «интегративного вывода», за редким исключением (КСППЭ суицидентов).

В составленном Ф.С. Сафуановым и С.Н. Шишковым (под ред. Т.Б. Дмитриевой) «Положении о производстве КСППЭ в ГНЦ ССП им.Сербского» (утверждено 14 мая 1998 г., согласовано с Прокуратурой г. Москвы), в противовес Постановлению № 1 Пленума Верховного Суда СССР от 16 марта 1971 г. и Инструкции об организации производства комплексных экспертиз в судебно-экспертных учреждениях СССР от 1986 г. было закреплено «мягкое» определение КСППЭ, отвечавшее сложившейся к этому времени практике: «п.3. КСППЭ назначается в случаях, когда при производстве по уголовному или гражданскому делу в рамках одной экспертизы требуются специальные познания в психологии и психиатрии».

С введением в действие новых Уголовно-процессуального кодекса РФ, Гражданского процессуального кодекса РФ и Федерального закона «О государственной судебно-экспертной деятельности» (от 31 мая 2001 г.) фокус внимания сместился с вопросов теории к решению процессуальных, и вытекающих из них методологических, проблем КСЭ, в том числе и КСППЭ.

Согласно ст.201 УПК РФ, «Судебная экспертиза, в производстве которой участвуют эксперты разных специальностей, является комплексной. В заключении экспертов указывается, какие исследования и в каком объеме провел каждый эксперт, какие факты он установил и к каким выводам пришел. Каждый эксперт подписывает ту часть заключения, которая содержит описание проведенных им исследований, и несет за нее ответственность».

Согласно ст. 82 ГПК РФ, «Комплексная экспертиза назначается судом, если установление обстоятельств по делу требует одновременного проведения

исследований с использованием различных областей знания или с использованием различных научных направлений в пределах одной области знания. Комплексная экспертиза поручается нескольким экспертам. По результатам проведенных исследований эксперты формулируют общий вывод об обстоятельствах и излагают его в заключении, которое подписывается всеми экспертами. Эксперты, которые не участвовали в формулировании общего вывода, подписывают только свою исследовательскую часть заключения.

Таким образом, процессуальный статус КСППЭ позволяет в экспертном заключении формулировать как интегративные (синтезирующие) выводы, так и выводы эксперта одной специальности.

Соответственно, можно выделить следующие модели интеграции судебно-психологических и судебно-психиатрических знаний.

1. Отсутствие интегративных ответов. Каждый из вопросов, поставленных перед экспертами, входит в компетенцию эксперта только одной специальности. Интеграция специальных знаний практически отсутствует. Типичный пример: решение судебно-психиатрических экспертов об отсутствии психического расстройства у обвиняемого и способности осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий и руководить ими плюс решение судебно-психологических экспертов о наличии состояния аффекта.

2. Последовательное комплексирование. Ответы на вопросы, поставленные перед экспертами-психологами, невозможны без ссылки на диагностически-экспертное решение психиатра. Типичный пример: установление не связанного с психическим расстройством отставания в психическом развитии несовершеннолетнего обвиняемого и ограничения способности к осознанию фактического характера и общественной опасности своих действий (ч.3 ст.20 УК РФ) невозможно без учета диагностического и экспертного решения судебно-психиатрического эксперта.

3. Последовательно-параллельное комплексирование. Нарушение юридически значимой способности (юридический критерий) может быть следствием психического расстройства (компетенция психиатра) или эмоционального состояния, личностных особенностей, уровня психического развития (компетенция психолога). Типичные примеры: установление способности потерпевшего понимать характер и значение совершаемых с ним действий или оказывать сопротивление; способности свидетеля правильно воспринимать имеющие значение для дела обстоятельства и давать о них показания.

4. Параллельное комплексирование. Одновременная психолого-психиатрическая оценка юридического критерия, одновременное определение влияния и психопатологических, и психологических факторов на юридически значимые способности подэкспертного. Типичные примеры: установление «ограниченной вменяемости» обвиняемого (ч.1 ст.22 УК РФ); установление «общественной опасности» обвиняемого (ч.2 ст.22 УК РФ); установление «способности к совершению сделки» (ст.177 ГК РФ).

Особенности восприятия образа женщины и ребенка у лиц, совершивших различные типы сексуальных правонарушений

Серов А.Д., Сырковашина К.В.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского (Москва)

В последние десятилетия особое внимание при изучении факторов риска формирования сексуального делинквентного поведения уделяется такому фактору, как искажение когнитивного и эмоционального восприятия образа жертвы. Целью нашего исследования является выявление особенностей восприятия образа женщины и ребенка у лиц, совершивших различные типы сексуальных правонарушений.

Нами были использованы следующие методики: «МиФ» (Маскулинность и фемининность), ЦТО (Цветовой тест отношений), методика «Кодирование» и один из блоков методики SONAR (The Sex Offender Need Assessment Rating – шкала оценки потребностей сексуальных правонарушителей), оценивающий аттитюды по отношению к изнасилованиям женщин и сексуальным домогательствам, направленным против детей. Контингентом нашего исследования стали лица, совершившие сексуальные правонарушения и проходившие экспертизу в Государственном научном центре социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (22 человека) и лица, совершившие сексуальные правонарушения и находящиеся на принудительном лечении в психиатрической клинике города Орел (10 человек). Всего было обследовано 32 мужчины в возрасте от 19 до 63 лет (средний возраст – 36 лет). Среди них 12 обвиняются по статьям, связанным с неправомерными действиями сексуального характера по отношению к женщинам, а 20 – по отношению к несовершеннолетним.

Полученные результаты свидетельствуют, что для лиц, совершивших сексуальные правонарушения против женщин, образ женщины и образ ребенка являются эмоционально насыщенными и значимыми. Модальность этих эмоций может быть различной, но почти всегда отношение к образу женщины содержит в себе, по крайней мере, часть положительных характеристик (в случае амбивалентного отношения). Также было обнаружено, что лицами, совершившими сексуальные правонарушения против женщин, образ женщины воспринимается в значительно большей степени сексуально привлекательным, чем представителями другой группы правонарушителей. Для лиц, совершивших сексуальные правонарушения против детей, напротив, свойственна слабая эмоциональная насыщенность образов ребенка и женщины. Можно также сделать вывод о слабой дифференцированности половозрастных образов в целом у представителей данной группы лиц.

Среди лиц, совершивших изнасилования женщин, чаще обнаруживался высокий уровень согласия с высказываниями, приписывающими женщинам желание быть изнасилованными (67%), чем среди лиц, обвиняемых в совершении

правонарушений, связанных с сексуальными действиями против несовершеннолетних (35%). Однако различия между группами статически не значимы, в целом, можно говорить, что большая часть респондентов в обеих группах показала толерантность к данным установкам (лишь один человек показал низкий уровень согласия).

При оценке аттитюдов по отношению к сексуальным домогательствам, направленным против детей, 56% лиц, совершивших сексуальные правонарушения против несовершеннолетних, показали высокий уровень согласия с высказываниями, приписывающими детям желание совершать сексуальные действия с взрослыми. При этом в подгруппе лиц, совершивших правонарушения, направленные против женщин, высокий уровень согласия с подобными высказываниями показал только один испытуемый. Различия между группами являются статически значимыми ($p < 0,05$).

В соответствии с полученными результатами можно сделать вывод о том, что наличие когнитивных искажений в установках относительно поведения детей является отличительным признаком для группы испытуемых, совершивших сексуальные действия по отношению к несовершеннолетним. Кроме того, включенность негативных сексуальных аттитюдов в когнитивную сферу индивида не только вносит определенный вклад в формирование делинквентного сексуального поведения, искажая образ жертвы путем приписывания ей инициативы и ответственности за происходящие сексуальные действия, но и может оказывать влияние на выбор типа жертвы.

Особенности проведения посмертной судебной психологической экспертизы по факту самоубийства

Сладкова Н.А.

Лаборатория судебной психологической экспертизы Российского Федерального Центра судебной экспертизы при Минюсте России (Москва)

Посмертная судебно-психологическая экспертиза (СПЭ) является вариантом заочной и традиционно относится к наиболее сложным видам экспертиз в уголовном процессе, поскольку проводится лишь на основании изучения материалов уголовного дела и различных материалов, характеризующих личность умершего, без его личного обследования.

Посмертная СПЭ по факту суицида назначается в отношении лиц, психическое здоровье которых не вызывает сомнения или подтверждено заключением судебно-психиатрической экспертизы.

Предметом данной экспертизы являются индивидуальные особенности психической деятельности суицидента.

В компетенцию эксперта-психолога входит характеристика психического состояния суицидента накануне самоубийства (раскрытие его структурно-динамических особенностей и типа), выяснение состояния его сознания и содержание

переживаний в пресуицидальный период, анализ характера взаимодействия личности и ситуации, установление цели и смыслового типа суицида. На основании полученных данных эксперт-психолог также дает оценку смысловых и индивидуально-психологических факторов риска самоубийства.

Исследуя содержащиеся в деле данные о личности и психическом состоянии, эксперты решают две основные задачи:

- имелось ли у лица, по следственной версии (предположительно) покончившего жизнь самоубийством, в период, предшествующий его смерти, психическое состояние, предрасполагавшее к самоубийству;
- каковы причины развития этого состояния.

По мнению Ф.С. Сафуанова (2009), по данному виду экспертиз юридическое значение имеют следующие вопросы:

1. В каком психическом состоянии находился подэкспертный в период, предшествующий самоубийству?

2. Существует ли причинно-следственная связь между действиями обвиняемого (указать какими) и психическим состоянием потерпевшего в период, предшествующий самоубийству?

М.М. Коченов (1991) считает, что вполне корректной будет и такая формулировка вопроса: было ли психическое состояние подэкспертного в период, предшествующий смерти, предрасполагающим к самоубийству, и если «Да», то чем это состояние вызывалось?

Проведение посмертной СПЭ по факту суицида включает в себя следующие этапы:

1. анализ материалов уголовного дела, четкое уяснение его фабулы;
2. анализ индивидуально-психологических особенностей подэкспертного по уголовному делу и приобщенным к нему материалам;
3. исследование ситуации, предшествующей самоубийству, ее личностной значимости, травматичности, анализ последнего дня потерпевшего;
4. ретроспективный анализ динамики психического состояния подэкспертного в ситуации, предшествовавшей суициду, анализ психофизиологического состояния в момент суицида;
5. анализ взаимодействий личности подэкспертного с юридически значимой ситуацией, а также его взаимоотношений с обвиняемым.

К объектам СПЭ по факту самоубийства могут быть отнесены любые источники информации, закрепленные в материалах уголовного дела, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством. Как правило, это источники, содержащие сведения о психической деятельности погибшего, обстоятельствах гибели, причине смерти, а также материалы, характеризующие погибшего, его социальную среду, условия развития, связи и отношения, данные, раскрывающие индивидуально-психологические особенности, систему ценностей, склонности, интересы, установки и т.д.

Выделяют следующие группы источников необходимой информации для дачи экспертного заключения:

1. медицинская документация из психиатрических, наркологических и соматических стационаров, в особенности в период непосредственно предшествующему самоубийству, заключения предшествующих экспертиз;

2. характеристики личности, полученные из официальных запросов (с места трудовой деятельности, с места жительства, по возможности с места учебы);

3. протоколы следственных экспериментов, приобщенные к делу письма, дневники, рисунки, предсмертные записки, иные продукты творчества. Большое значение имеют рисунки, стихи, проза и т.д.;

4. показания свидетелей (близких, родственников, друзей, сослуживцев, очевидцев, прочих).

Из этих источников эксперт извлекает 4 группы данных о личности и психическом состоянии суицидента:

- сведения об особенностях развития подэкспертного;
- устойчивые, проявляющиеся в различных ситуациях индивидуально-психологические особенности;
- особенности самосознания подэкспертного;
- сведения об актуальном состоянии потерпевшего в период, предшествовавший самоубийству.

Литература

1. Коченов М.М. Теоретические основы судебно-психологической экспертизы: Дис. Д-ра психол. наук. М., 1991.
2. Медицинская и судебная психология. Курс лекций: Учебное пособие / под ред. Т.Б. Дмитриевой, Ф.С. Сафуанова. М.: Генезис, 2009. С. 558-576.

Социально-психологические методики психологической диагностики в практике судебных экспертиз

Урываев В.А.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Ярославль)

Диагностика социального контекста формирования противоправного поведения (либо деструкции личности) и, соответственно, владение психодиагностическими методиками социально-психологического «регистра», являются, по нашему мнению, важной частью профессиональной компетенции судебного психолога-эксперта, и, темнее менее, еще не достаточно применяемым в практике.

В тоже время в современной клинической психодиагностике эти тенденции звучат все отчетливее. Так одна из популярнейших методик исследования личности ребенка (до 18 лет) – опросный лист Т. Ахенбаха проводится (в стандартной процедуре тестирования) трижды: фиксируются ответы самого ребенка, ответы на

вопросы одного из родителей и, наконец, педагога школы. В этом случае социально-психологический модус оценки личности «вмонтирован» уже в саму процедуру исследования.

В решении отдельных экспертных задач мы успешно использовали «Карту наблюдений Стотта», широко применяемую в возрастной психологии и во многом превосхитившую опросный лист Т. Ахенбаха.

В работе с детьми психологи не могут пройти мимо «Вайлендской шкалы социальных навыков» (или шкалы Э. Долла), которая, как показывают многочисленные исследования, высоко коррелирует с общим коэффициентом интеллекта. Построенная на принципах анамнеза, не обращенная напрямую к столь чувствительной теме как умственные способности, данная методика может быть хорошим инструментом оценки адаптационных способностей испытуемого, как в повседневной жизни, так и в широко понимаемом социуме.

Разработаны методики «специально» для оценки девиантного поведения (в том числе и для психометрической оценки испытуемых с выраженными отклонениями в поведении). Так, в методике А.Н. Орла «Склонность к отклоняющемуся поведению» (СОП) апробированы шкалы: установки на социальную желательность ответов, склонности к преодолению норм и правил, склонности к аддиктивному поведению, склонности к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, склонности к агрессии и насилию, шкала волевого контроля эмоциональных реакций, шкала склонности к делинквентному поведению и, наконец, шкала принятия женской социальной роли.

Для взрослых испытуемых необходимо включать в базовую батарею обследования методики, адресованные к оценке структуры и влияния семьи на поведение пациента, соотношение и роль микро- и макро- социальных условий (например, методика «Шкала семейных отношений» адаптированная в ПНИ им. В.М. Бехтерева). Дисгармония семейных отношений один из надежных показателей начинающейся социальной дезадаптации личности.

Отдельный аспект – завершенность внутреннего процесса социализации личности, видоизменение (созревание, интериоризация) механизмов самоконтроля под влиянием социальной среды. Ярким примером является методика исследования фрустрации Соула Розенцвейга (психоаналитически ориентированного психолога), где уже в наборе стимульного материала ситуации разделены на «эго-блокинговые» и «супер-эго-блокинговые» (всем, кто знаком с началами психоанализа, знакомы эффекты деструкции «супер-эго» и последствия этого).

Сюда же можно отнести и опросник Чарльза Шеффера, разработанный в традиции транзактного анализа, в котором низкие показатели компонентов «иррационального взрослого» и «трудного ребенка», статистически достоверно отличают обычных подростков от алкоголизирующихся подростков и подростков-наркоманов. Не менее интересные результаты можно получить используя «Шкалу социального самоконтроля» М. Снайдера, успешно адаптированную к российской

выборке и ориентированную на оценку способности человека управлять своим поведением и выражением эмоций в социуме.

Подчеркнем, социально-психологическая адаптация подэкспертного (если мы в нее включим и профессиональную деятельность, и семейные отношения) составляет более половины его адаптационных ресурсов.

Целесообразность проведения психотерапевтической работы в отношении психически больных, совершивших ООД

Устьянина Ж.Г.

Кемеровская областная клиническая психиатрическая больница (Кемерово)

Березанцев А.Ю.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии

им. В.П. Сербского (Москва)

Вопрос адекватности и целесообразности включения психотерапевтических занятий в практику принудительного лечения (ПЛ), по-прежнему остается дискуссионным в среде специалистов, особенно психиатров, работающих в таких стационарах. На базе открывшегося в 2005 году отделения, осуществляющего принудительное лечение специализированного типа, наряду с лечебной работой проводилась клиничко-психологическая оценка динамики различных переменных, характеризующих успешность реабилитационной работы.

Первоочередной задачей для отделения является совершенствование качественной стороны принудительного лечения. Поэтому с декабря 2007 года в отделении внедрена биопсихосоциальная модель лечебно-реабилитационной работы. Для этой цели создана многопрофильная бригада (МПБ), которая имеет полный состав специалистов: врач-психиатр (зав. отделением, врач-психиатр); врач-психотерапевт; врач-сексолог; клинический психолог; социальный работник. Работа методом МПБ позволила сформировать группы больных, в первую очередь нуждающихся в психосоциальном и психотерапевтическом вмешательстве. Группы подбирались с примерно аналогичными синдромами, возрастом, изменением личности, предполагающими лечебно-психотерапевтическое и психолого-коррекционное воздействие. Например, в одну группу могло входить шесть человек в возрасте от 20 до 35 лет, в основном с диагнозом «Шизофрения. Параноидная форма», совершивших убийство, (ст. 105 ч. 1 УК РФ). Проведение психотерапевтических занятий (арттерапия, психодрама) осуществлялось параллельно с медикаментозным лечением.

Было обследовано 130 человек, из которых 60 – находились на ПЛ и участвовали в терапевтических занятиях, 40 человек – контрольная группа, находилось в том же отделении, однако, не принимали участие в занятиях. 30 психически больных, не совершивших ООД, находящихся в Кемеровской ОКПБ, были выбраны в качестве группы сравнения. Они также не принимали участие в психотерапевтических группах.

Основная группа (психотерапия во время ПЛ) отличалась меньшей социально-трудовой адаптацией. Их характеризовал в 2 раза меньший трудовой стаж по сравнению с двумя другими группами. В этой же группе отмечались лучшие бытовые условия (46,5% имели отдельную квартиру, против 27,5 в контрольной и 6,7 в группе сравнения). Однако 68,5% из них не были женаты, 60% были одиноки. Образовательный уровень, в целом, был одинаковым во всех группах. По нозологическому составу группы были представлены следующим образом: шизофрения (63,34% – основная, 52,5% – контрольная и 43,34% – группа сравнения); органическое психическое расстройство (8,33, 12,5 и 10% соответственно); умственная отсталость (20, 22,5 и 36,6% соответственно); эпилепсия (8,33, 12,5 и 10%). Также участников психотерапевтических занятий отличало то, что их большая часть (86,6%) впервые была привлечена к уголовной ответственности.

Опыт работы групп показал, что у больных, занимающихся в течение 2-3 месяцев в группе, отмечается снижение агрессивных тенденций в поведении. Больные активнее включаются в трудовые процессы внутри отделения, помогают медицинскому персоналу и т.п.

Так, результаты однофакторного анализа показали, что в группе сравнения, психически больных, не совершавших ООД, значимо было больше лиц, которые имели проблемные отношения в отделении. Конфликтные отношения и постоянные нарушения режима значимо чаще отмечались среди больных, находящихся на ПЛ, но не участвующих в психотерапевтических группах. Больным, участвующим в психотерапии, была свойственна активная позиция в отделении, они не нарушали режим, не общались с асоциальными больными. При этом они занимали активную позицию, либо выступали организаторами спортивно-культурных мероприятий. Среди таких больных значимо было больше лиц, у которых появлялось полное осознание болезни. В то время как среди совершивших ООД больных, не участвующих в психотерапии, значимо больше было лиц, у которых было двойственное отношение к болезни и совсем не было частичного признания ее.

Приведение только поведенческих критериев динамики, обусловленной, в том числе и психотерапевтической работой с больными, подтверждает уместность и практическую выгоду ее внедрения в практику работы отделений, осуществляющих принудительное лечение.

Патопсихологические факторы риска нарушений режима больными эпилепсией во время стационарного принудительного лечения

Усюкина М.В., Корнилова С.Н.¹

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии

¹ Авторы выражают благодарность руководителю Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики ФГУ «ГНЦ ССП им. В.П. Сербского» Булыгиной В.Г.

Судебными психиатрами справедливо подчеркивается необходимость определения общественной опасности больных эпилепсией, обусловленной повторностью и непредсказуемостью начала состояний нарушенного сознания, наличием ауто- и гетероагрессивных форм поведения, часто значительно превосходящих по своей выраженности вызвавшие их психосоциальные стрессы (Болдырев, 2000). Врачи стационара подчеркивают сложность прогноза поведения больных эпилепсией во время принудительного лечения (ПЛ) и трудоемкость курации таких пациентов (Усюкина, 1998).

В настоящей работе была предпринята попытка выявить те патопсихологические переменные, которые отличали больных, нарушающих режим в отделении. На примере 36 больных эпилепсией, находящихся на ПЛ в МПБ № 5 анализировались стилевые особенности процессов регуляции поведения, составляющие психологического благополучия и самоотношения.

Методический комплекс состоял из карты клинико-психопатологических переменных и методик: «Стили саморегуляции поведения», Исследования Самоотношения, Самооценка, «Коммуникативные умения».

У больных эпилепсией конфликты с персоналом отмечались в 55,6%, с пациентами – в 44,4% случаев. Участие в побегах и групповых неповиновениях больничному режиму было выявлено в 5,6% случаев.

Нападение на персонал отмечались только у больных с эмоциональной и личностной деформацией, отмечаемой до начала эпилептического процесса, с низким уровнем развития всех звеньев регуляции поведения.

В качестве предикторов отнесения больных в группу тех, кто склонен к нападениям на персонал можно отнести высокие уровни агрессивности в общении, внутренней конфликтности и «самоценности» в самоотношении.

Высокий уровень конфликтности в отделении отмечался у больных, отличающихся злобностью, подозрительностью, мнительностью. Профиль саморегуляции этих больных отличался дисгармоничностью, а не низким уровнем развитости всех регуляторных звеньев. Они не нападали на персонал, однако чаще других участвовали в побегах и групповых неповиновениях режиму.

Меньше всего наблюдалось конфликтов и не отмечалось нападений на персонал и групповых неповиновений режиму в группе больных, уровень саморегуляции которых был наиболее развитый.

Анализ тех переменных, которые вносят наибольший вклад в предсказание возможных разрушительных действий после выписки больных эпилепсией, оказался не столь ожидаемым. Но в то же время подтвердил положения Н.Недопила (2005) о том, что инциденты нарушения режима во время заключения или ПЛ не могут прогнозироваться теми же самыми параметрами, которые используются для прогноза повторных случаев антисоциального поведения уже после освобождения. Так, переменные самоотношения и субъективной оценки психологического благополучия

вносят статистически значимый вклад в вероятность отнесения больных в группу, совершавших разрушительные действия. Что нельзя сказать в отношении параметров процесса саморегуляции.

Самоотношение у больных эпилепсией характеризуется ригидностью Я-концепции, высокой внутренней конфликтностью, наличием ригидных аффективных комплексов, трудностями локализации истинного источника отрицательных эмоций, амбивалентным отношением к себе. Причем, установка на самообвинение сопровождается внутренней напряженностью и «открытостью» к восприятию отрицательных эмоций. Выражены явления стигматизации, что подтверждается устойчивым комплексом представлений о том, что их личность, характер и деятельность не способны вызывать у других уважение, симпатию, одобрение, понимание.

Таким образом, психологические характеристики осознанной регуляции поведения можно рассматривать как один из критериев прогноза нарушений режима в стационаре. Выявленные патопсихологические факторы риска общей рецидивности и внутрибольничной агрессии позволят сделать прогностическую деятельность практиков более дифференцированной.

Литература

1. Болдырев А.И. Психические особенности больных эпилепсией. М.: Медицина, 2000.
2. Усюкина М.В. Психопатологические механизмы агрессивного поведения при эпилепсии //Материалы международной конференции психиатров. Москва, 16-18 февраля 1998 года. М: Фармединфо, 1998. С.178-179.
3. Nedopil N. Prognosen in der forensischen Psychiatrie – ein Handbuch für die Praxis. Lengerich: Pabst Science Publisher. 2005.

Психологические особенности опознания как процессуального действия информационного характера

Фадеева Д.А.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Сафуанов Ф.С.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского (Москва)

На точность свидетельских показаний, и в частности, на качество опознания, влияет огромное количество различных факторов: установки опознающего, уровень интеллекта опознающей личности, физические ситуативные условия восприятия, продолжительность и частота восприятия объектов, эмоциональное состояние опознающего, условия для проведения опознания, схожесть черт внешности членов группы опознания, содержание инструкции свидетелю, последовательность предъявления членов группы опознания, выбор ведущего опознание и др. В целом все факторы, влияющие на точность опознания, можно разделить на объективные,

субъективные и на условия непосредственно самой процедуры опознания. По изучению многих из них были проведены немногочисленные исследования, что, на наш взгляд, недостаточно для изучения такой серьезной и ответственной процедуры уголовного следствия.

Наше исследование было направлено на изучение трех тактических и двух психологических факторов, влияющих на качество опознания личности по фотографиям: последовательность предъявления фотографий, их количество и цветность (цветные и черно-белые), а так же уровень интеллекта и тип локус контроля у опознающей личности.

Наш эксперимент преследовал следующие цели: выявление оптимальной цветовой гаммы и количественного эквивалента, предъявляемых для опознания фотографий, а также выявление наиболее оптимального способа предъявления фото: изучения последовательного и одновременного; выявление влияния уровня интеллекта и типа локус контроля опознающей личности на качество опознания и их дальнейший учет при производстве процесса опознания личности по внешним критериям.

Все пробы эксперимента были разделены на 4 блока по 5 проб в каждом. В каждом блоке использовалось одинаковое количество фотографий – от 2 до 6. Первый блок был направлен на исследование последовательного предъявления цветных фотографий. Второй блок – на исследование последовательного предъявления черно-белых фото. Третий блок посвящен изучению одновременного предъявления цветных фотоснимков, а четвертый блок – черно-белых.

Испытуемыми были 60 человек от 18 до 23 лет, из них 45 девушек и 15 юношей.

Исследование позволило прийти к следующим выводам:

1. Одновременное предъявление фотографий улучшает качество опознания.
2. Увеличение количества предъявляемых фотоснимков качество опознания снижает.
3. Предъявление цветных фото не позволяет значительно улучшить результаты опознания.
4. Качество опознания не зависит от уровня интеллекта опознающей личности.
5. Качество опознания не зависит от локус контроля опознающей личности.

Также выявилось, что для повышения качества опознания личности наиболее эффективным является следующий способ предъявления фотографий: одновременное предъявление цветных или черно-белых фотографий в количестве двух-трех штук.

В ходе нашего эксперимента и по его результатам удалось обнаружить следующую тенденцию, не подтвержденную статистическими данными, о том, что при одновременном предъявлении цветных фотографий, независимо от их количества, качество опознания значительно выше, чем при других условиях предъявления для опознания личности по фотографиям.

Активизация памяти при оказании психологической помощи пострадавшим от противоправных деяний

Хабалев В.Д.

Московская государственная юридическая академия
им. О.Е. Кутафина (филиал) (Вологда)

В некоторых ситуациях только пострадавший заинтересован сообщить правдивую информацию о криминальном событии, однако травматическая амнезия (соматического или психического генезиса) является препятствием для воспроизведения хранящихся в его памяти следов прошлого. В ходе оказания психологической помощи пострадавшему используются различные методики для нормализации психической деятельности, в том числе и различные психотехники активизации процессов памяти. Вместе с тем репродукция пережитого опыта личности и методы управления этим процессом играют существенную роль при раскрытии преступлений. Именно в тех случаях, когда человек испытывает затруднения с припоминанием оперативно значимой информации, и появляется проблема управления процессом репродукции в целях активизации воспроизводящей функции памяти.

Результаты многочисленных экспериментальных исследований психологии памяти свидетельствуют, что мозг хранит значительно больше информации о прошлом, чем человек может произвольно воспроизводить (Penfield, Rasmussen, 1952; Бехтерева, 1971 и др.). Проблема заключается в том, как, какими методами, в случае необходимости помочь человеку актуализировать хранящуюся в его памяти латентную информацию.

В юридической психологии для активизации процессов припоминания рекомендуется использовать приемы потенцирования ассоциативных связей (по смежности, сходству и контрасту), однако в некоторых ситуациях эти приемы не позволяют восстановить в памяти искомую информацию. В работах отечественных и зарубежных психологов и психофизиологов описаны методы, позволяющие человеку воспроизводить информацию, казалось бы, полностью им забытую и не оставившую в сознании индивида каких-либо следов. За рубежом данные приемы получили название когнитивного интервью, следственного и судебного гипноза и используются как дополнительный метод активизации памяти в случае полной или частичной амнезии у пострадавших. Анализ некоторых работ Geiselman (1988), Malpass и Devine (1981) позволяет выделить следующие основные подходы, используемые для активизации воспроизведения в процессе когнитивного интервью: детализация обстоятельств конкретного события, изменение состояния сознания, изменение эмоционального состояния, использование хронологических ассоциаций, изложение эмоционально значимого момента, изменение перспективы осмотра места (происшествия) события и субъективной точки зрения. Некоторые зарубежные авторы для купирования явлений дисмнезии и амнезии у пострадавших используют данные приемы в сочетании со следственным гипнозом.

Метод следственного или судебного гипноза основан на репродукции в гипнозе пережитых в прошлом состояний, одновременно с которыми активизируется и воспроизведение субъектом воспринимавшихся при этом сигналов разной модальности. Этот феномен получил название гипнотической гипермнезии. Метод «гипнорепродукции» пережитых состояний применительно к исследованию деятельности оператора авиакосмического профиля предложил и детально разработал Л.П. Гримак (1978).

Органы следствия ряда стран при расследовании тяжких преступлений, а также при расследовании авиакатастроф, для активизации памяти пострадавших применяют метод следственного гипноза (Kleinhaus, 1977; Gibson, 1982). По данным Департамента полиции Лос-Анджелеса, применение специальных приемов активизации памяти при опросе пострадавших позволяет получить до 75% новой информации по делу, причем около 16,5% только в гипнозе (Reiser, 1986).

В настоящее время уже имеется и отечественный опыт применения методов активизации памяти при раскрытии преступлений. Практика автора работы по применению методов активизации памяти (АП) показывает, что в основном за помощью обращаются сотрудники правоохранительных органов, а иногда и сами пострадавшие. При проведении психотехник активизации памяти обязательно соблюдаются следующие условия:

- по обстоятельствам дела опрашиваемое лицо имело доступ к искомой информации и воспринимало ее органами чувств, но в момент опроса не может воспроизвести (вспомнить);
- лицо, обладающее специальными познаниями в области активизации памяти человека, привлекается к расследованию в качестве специалиста либо консультанта;
- опрашиваемое лицо обязательно получает информацию о методике активизации памяти, и затем в письменной форме выражает свое добровольное согласие на проведение АП;
- АП применяется только в отношении психически здоровых лиц;
- процесс АП следует фиксировать средствами видео и аудиозаписи.

В настоящее время автором работы опрошено более пятидесяти человек с использованием методики АП. Все факты обращения по причине АП можно классифицировать:

- по инициатору обращения – представители правоохранительных органов и частные лица;
- по виду ситуации – бытовая, криминальная и экспериментальная;
- по видам амнезии – травматическая (психотравма, травма головного мозга, алкогольное и др. опьянение) и естественное забывание.

Высказанные выше положения свидетельствуют в пользу того, что назрела необходимость активизировать работы по принятию правовых норм регламентирующих использование психофизиологических методов активизации

памяти пострадавших от противоправных деяний. Положительным шагом в этом направлении следует отметить стремление руководства СК при Прокуратуре РФ активно использовать методы АП в раскрытии преступлений А. Гридасов (2010).

Литература

1. Бехтерева Н.П. Нейрофизиологические аспекты психической деятельности человека. Л., 1971.
2. Гридасов А. Вещие доказательства, Русский newweek, 29 марта – 4 апреля 2010 года №14 (283) (<http://www.runewsweek.ru/society/33320/>)
3. Гримак Л.П. Моделирование состояний человека в гипнозе. М., 1978.
4. Geiselman, R.E. Improving eyewitness memory through mental reinstatement of context//In G.M. Davies & D.M. Thomson, Memory in Context: Context in Memory. L.1988
5. Gibson H.B. The background to the second draft of Home Office Guidelines on the use of hypnosis in police investigations // British Journal of Experimental and Clinical Hypnosis. 1988. Jan Vol. 5(1).
6. Kleinhaus M., Horowity I. and Tobin Y. The Use of Hypnosis in Police Investigation // Journal of Forensic Science Society. 1977. Vol. 17.
7. Malpass R. S., Devine P. G. Eyewitness identification: Lineup instructions and the absence of the offender.// Journal of Applied Psychology, 1981, 66.
8. Penfield W., Rasmussen T. The cerebral cortex of man. NY. 1952.
9. Reiser M. Some current issues in investigative hypnosis //International Journal of Investigative Hypnosis. 1985. N 33.

А.Ф. Кони о психологии участников уголовного процесса

Шутемова Т.В.

Самарский государственный экономический университет (Тольятти)

Анатолий Федорович Кони (1844-1927), знаменитый русский юрист, судебный оратор, правовед, известен и своими трудами в области юридической психологии. Психологическое содержание ярко присутствует в таких работах А.Ф.Кони, как: «Самоубийство в законе и жизни» (1898), «Нравственные начала в уголовном процессе» (1905), «Свидетели на суде» (1909), «Психология и свидетельские показания» (1913), «Память и внимание (из воспоминаний судебного деятеля)» (1922), «Приемы и задачи прокуратуры» (1924).

На правовые позиции юристов того времени большое влияние оказала Судебная реформа 1864 года. А.Ф. Кони был горячим сторонником и исполнителем этой реформы. Состязательный судебный процесс, осуществляемый с участием присяжных заседателей, требовал нового подхода к содержанию деятельности всех участников судебного процесса. Понимание А.Ф. Кони роли судьи, прокурора, защитника в процессе, существа требований к этим юридическим профессиям, отношения к участникам процесса выдержало проверку временем.

Важное значение А.Ф. Кони придавал умению говорить публично, он предложил свою систему приоритетных методов подготовки к участию в судебном процессе в качестве обвинителя, проанализировал необходимость и возможность предварительного составления текста судебной речи.

Выдающийся пример психологического исследования – очерк А.Ф. Кони «Память и внимание». Автор рассмотрел многие вопросы психологии и высказал свою точку зрения по проблемам экспериментальной психологии, по психологической экспертизе степени достоверности показаний особо важных свидетелей, о свойствах свидетелей, влияющих на восприятие ими впечатлений и способ передачи, о видах внимания, видах памяти, видах лжи.

Признавая заслугу экспериментальной психологии в расширении знаний об объеме, продолжительности и точности памяти, А.Ф.Кони писал, что опыты едва ли смогут что изменить в ходе и устройстве судебного процесса, поддерживая в то же время широкое изучение душевных свойств и умственного состояния обвиняемого, ссылаясь на известный труд профессора Л.Е. Владимирова «Психологическое исследование в суде». Он (А.Ф. Кони) предлагал в круг преподавания на юридическом факультете ввести психологию и психопатологию, указывая, что судья, приступающий к исполнению обязанностей судьи с сознанием их возвышенного значения и своей нравственной ответственности, усилит свои теоретические познания вдумчивою наблюдательностью и выработает в себе навык в распознавании свойств свидетелей и умение делиться своим опытом в слове и на деле с присяжными заседателями.

К общим свойствам свидетелей, которые отражаются не только на восприятии ими впечатлений, но и на способе передачи, А.Ф. Кони относил: темперамент, пол и возраст свидетеля, поведение свидетеля на суде, отражающееся на способе передачи им своих воспоминаний, учет физических недостатков свидетеля. Среди видов внимания А.Ф. Кони отмечал внимание сосредоточенное и рассеянное, эготическое, близкое к центростремительному, центробежное, и выделял виды внимания по отношению к способности души отзываться на внешние впечатления (одни объективно и с большим самообладанием реагируют на то, что видят и слышат, а другие – отдают себя во власть своим душевным движениям).

Последующее развитие юридической психологии показало состоятельность психологических воззрений А.Ф. Кони.

Литература

1. Кони А.Ф. Избранные труды и речи / Сост. И.В. Потапчук. Тула: Автограф, 2000.

Синдром эмоционального выгорания у медицинского персонала в судебной психиатрии и способы его профилактики

Щукина Е.Я., Булыгина В.Г.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского (Москва)

Было обследовано 76 психиатров и 35 психологов, работающих в судебной психиатрии, в экспертной и лечебной практике. Из них 74% женщин и 26% мужчин, средний возраст обследованных составил 43 года, стаж работы колебался от 17 до 18 лет.

У 19% были продиагностированы психосоматические и психовегетативные нарушения. В среднем за 12 месяцев каждый пробыл на больничном листе 4 дня. На рабочем месте врачам приходилось быть свидетелями, а иногда и жертвами, различных категорий агрессивного или насильственного поведения, чаще всего они сами оценивали свое поведение как пассивное агрессивное – каждый отмечал 13 случаев в год. Каждому обследованному примерно 7 раз в год приходилось сталкиваться с вызывающе-агрессивным или «агрессивно-раскалывающим поведением» (такое поведение проявлялось в виде провокации или спора и вызывало у врача отрицательную реакцию или внутренний дискомфорт). Чуть реже опрошенные были свидетелями случаев демонстративного суицида (5-6 случаев в год) и законченного суицида пациента (1-2 случая в год).

Все специалисты были обследованы с помощью методики «Диагностика уровня эмоционального выгорания» (В.В. Бойко). Кроме того, нами был составлен сводный список социально-психологических и клиничко-психопатологических факторов риска, используемых в отечественной и зарубежной практике. Интервьюируемым было предложено отдельно отметить те факторы, которые они учитывают при принятии решений в следующих ситуациях: 1) при оценке общественной опасности больного; 2) при оценке высокой вероятности совершения суицида больным; 3) при оценке вероятности нападения на персонал; 4) при оценке вероятности нападения на других больных.

Был проведен частотный и качественный анализ тех факторов риска, которые использовали специалисты со сформированным синдромом эмоционального выгорания и не сформированным.

Анализ результатов показал, что специалисты, у которых сформированы стадии резистенции и истощения использовали намного больше факторов риска при оценке степени опасности нападения больных на персонал и высокой вероятности риска суицида. При этом они использовали почти в два раза меньше переменных из перечня возможных рисков при оценке степени общественной опасности больных, нежели их коллеги с несформированным синдромом эмоционального выгорания. То есть были выявлены серьезные последствия синдрома эмоционального выгорания, а именно гипердиагностика и гиподиагностика по ряду принципиально важных аспектов деятельности специалистов, осуществляющих принудительное лечение.

Выявленные закономерности подчеркивают необходимость разработки мер профилактики синдрома эмоционального выгорания. Это связано с тем, что штаты психиатрических стационаров такого профиля недоукомплектованы высокопрофессиональными кадрами и стратегия ресурсосбережения крайне важна. Влияние синдрома эмоционального выгорания приводит не только к редукации

профессиональных достижений и используемых навыков, но и трансформирует такую важную компетенцию как оценка риска насилия и рецидивности.

В качестве адекватной формы профилактической работы, позволяющей соблюдать профессиональные и этические требования при работе с коллегами являются тренинги. В литературе приводятся данные о том, что среди факторов, способствующих возникновению СЭВ, немаловажная роль принадлежит неэмоциональности или неумению общаться, алекситимии, тревожности, что нашло подтверждение и в нашем исследовании. Более того, СЭВ как средство психологической защиты возникает быстрее у тех, кто менее реактивен и восприимчив, более эмоционально сдержан.

Опыт проведения тренингов, направленных на повышение стрессоустойчивости, уверенности в себе, дифференцирование эмоциональных состояний как собственных, так и воспринимаемых с сотрудниками ФГУ «ГНЦ ССП Росздрава» показал их эффективность в плане уменьшения уровня эмоционального напряжения на рабочем месте.

Психолого-правовые признаки диффамации и судебно-психологическая экспертиза

Южанинова А.Л.

Саратовская государственная академия права (Саратов)

В Конституции РФ честь и достоинство человека признаны высшими ценностями, защита которых гарантируется государством. Однако работники СМИ нередко допускают нарушения, ущемляющие право гражданина на доброе имя: дискредитирующие его материалы могут содержать ошибки, не подтвержденные должным образом обвинения, вульгарные сравнения, жаргонизмы. С точки зрения психологии, выражение деструктивного обвинительно-злобного отношения к тому, о ком сообщается, является проявлением вербальной агрессии.

Психологическое содержание понятий оскорбления и унижения человеческого достоинства шире их правового содержания. Юридическое значение могут иметь умышленная недостоверная диффамация в виде клеветы (предусмотрена уголовно-правовая ответственность) и неумышленная недостоверная диффамация (предусмотрена гражданско-правовая ответственность), которые осуществляются путем распространения о человеке не соответствующих действительности сведений, порочащих его честь и достоинство. Распространение сведений, позорящих человека, но, в отличие от порочащих, соответствующих действительности, не ведет к наступлению правовых последствий.

Негативное мнение о человеке, выраженное в неприличной форме, унижающее его честь и достоинство, законодатель определил как оскорбительное. Если же о человеке высказано отрицательное мнение, но признак неприличия отсутствует, то такой человек не может быть признан судом оскорбленным, хотя он и может

чувствовать себя обиженным. В последнем случае наступления правовых последствий быть не может.

В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ «О судебной практике по делам о защите чести и достоинства граждан, а также деловой репутации граждан и юридических лиц» (от 24.02.2005 г.) судам рекомендуется различать две подсистемы языковой информации, отличающиеся по своей природе, – утверждения о фактах, соответствие действительности которых можно проверить, и оценочные суждения, мнения, убеждения, которые, являясь выражением субъективного мнения, не могут быть проверены на предмет соответствия их действительности. Свобода в выражении и распространении собственного мнения является конституционным правом публикатора, даже если при этом распространяется негативная информация о человеке.

Для определения природы элементов вербального поведения сотрудники правоохранительных органов нередко прибегают к использованию специальных знаний в области речеведческих наук, в том числе – судебно-психологической экспертизы. По своей предметной направленности на установление психологических признаков унижения человека и формирования о нем негативного общественного мнения она является социально-психологической. В текстологическом анализе как части такой экспертизы предлагаем определять природу речевых высказываний в целях соотнесения их с правовыми категориями «сведения» или «мнения», опираясь на разграничительные критерии «познавательный – ценностный», «измерительный – оценочный», «утвердительный – предположительный».

В вышеназванном Постановлении отмечается, что «не соответствующими действительности сведениями являются утверждения о фактах или событиях, которые не имели места в реальности во время, к которому относятся оспариваемые сведения». Исходя из этого информация, выраженная в виде оценочных суждений, предположений о событиях в прошлом или настоящем времени, а также предположений о возможных событиях в будущем должна быть отнесена к разряду мнений. Распространенным приемом выражения мнения является сообщение негативной информации о человеке через приписывание не называемым конкретным его поступкам определенного смысла (в терминах А.Н. Леонтьева). Встречаются на практике и высказанные в форме суждений о внутренней психической составляющей поступков человека (его намерения, цели, чувства) мнения. По смыслу такие утверждения могут быть только предположениями, поэтому мы и относим их к категории мнений.

Правовая социализация: проблема социально-правовой идентичности

Андрианов М.С.

Академия генеральной прокуратуры Российской Федерации (Москва)

Изучение проблематики социально-правового становления личности, развития ее правосознания наряду с вопросами периодизации процесса правовой социализации и раскрытия содержания каждого этапа, неизбежно приводит к поиску определенных психологических средств и закономерностей – универсальных механизмов, лежащих в основе самого этого процесса. В науке термином «механизм» обозначают некий принцип, призванный объяснить содержание различных сложных явлений действительности. Причем, желательно вычленять так называемые базовые механизмы, к которым уже не сводима специфика явления более высокого уровня анализа, но которые способны выполнять функцию средства такого анализа. Использование подобных объяснительных механизмов оправдано и в юридической психологии, поскольку соответствует принципам соотношения уровней научного анализа уровням исследуемых аспектов социально-правовой реальности.

Основываясь на идеях теории социальной идентичности (А. Тэшфел, Дж. Тернер и др.) в качестве важного механизма правовой социализации можно рассматривать социально-правовую идентификацию. Действие этого механизма проявляется в принятии индивидом социально-правовой роли при вхождении в группу и усвоение разделяемых членами группы социально-правовых представлений, групповых норм и ценностей, образцов определенного правового поведения. Таким образом, социально-правовая идентификация – это правовое самоопределение или соотнесение себя с правовыми категориями в терминах и смыслах, общих для членов одной группы в противоположность другим социальным группам. В наиболее явном виде это проявляется в молодежной среде, где процесс правовой социализации происходит наиболее активно. Можно предполагать, что представители различных молодежных групп и объединений с большей вероятностью примут те формы правового поведения, которые получают одобрение в данной группе, чем те, которые одобряют члены других социальных групп. То есть главным фактором, определяющим принятие той или иной модели правового поведения молодого человека является значимое социальное окружение, которое принимает и готово общаться с ним, либо отторгает его как чужого. Следовательно, правовое развитие во многом определяется не только уровнем сформированности познавательных процессов и собственной активностью человека, но и действием значимых других, членов референтной группы, а также существующей системой социального контроля.

Представляется возможным говорить о действии механизма социально-правовой идентификации в различных социальных группах. Поскольку молодой

человек одновременно или последовательно является членом многих разнообразных групп (не только половой, возрастной, национальной, религиозной, но также и объединений по интересам и увлечениям), то в процессе отождествления себя с их членами он осваивает разные правовые представления, модели и образцы правового поведения, особо значимые и распространенные в каждой социальной группе. В целом, он приобретает не только сумму правовых знаний, представлений и правовой опыт, но и, в конечном итоге, самоопределяется с правовой точки зрения, т.е. мысленно соотносит себя с должным и приемлемым правовым поведением в окружающем его социуме. И хотя очевидно, что в каждой группе есть свои правила и «законы», но, в целом, они так или иначе соотносятся с правом и законами государства, в котором каждая группа функционирует.

В юридической психологии наиболее значима социально-правовая идентичность человека на основе его гражданства, т.е. со всем населением страны. При осознании себя гражданином – одна из самых высоких степеней иерархии групповых идентичностей – в процессе правовой социализации через последовательный опыт отождествления себя с разными социальными группами обретается и окончательно формируется правовое самоопределение личности с гражданских позиций.

Особенности базового и ситуативного доверия к миру и к себе у несовершеннолетних правонарушителей

Астанина Н.Б.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

В настоящее время все более популярным становится новое направление психологической науки и практики – позитивная психология, основной задачей которой является развитие позитивного начала в каждом человеке как основы его счастья и благополучия (М. Селигман, М. Чикзентмихали). Традиционно в психологии принято рассматривать асоциальную личность как ущербную, испытывающую дефицит определенных качеств и навыков. С позиций позитивной психологии весьма продуктивным является поиск, изучение и развитие ее сохранных и перспективных качеств.

Базовое доверие к миру мы определяем как тип мироотношения субъекта, при котором мир рассматривается как справедливый, благожелательный, дружественный; базовое доверие к себе – это отношение к себе как автору своей жизни, как к субъективной и объективной ценности. Ситуативное доверие является авансом надления другого человека или себя качествами надежности, благожелательности, способностью стать опорой в конкретной ситуации. Мы предполагали, что асоциальные подростки могут испытывать дефицит доверия к миру при нормальном или повышенном доверии к себе; такая особенность вполне может служить объяснением их необычайной жизнестойкости.

В исследовании приняли участие 113 подростков-правонарушителей (воспитанники спецшкол закрытого типа, воспитательных колоний Воронежской и Липецкой областей) и правопослушные подростки (ученики школ г. Воронежа).

Для достижения целей исследования мы использовали методики «Шкала доверия-подозрительности» (Heretick D.M.L.) в авторской адаптации, новый личностный опросник измерения доверия к себе, созданный и апробированный нами, методика «Суверенность психологического пространства» С.К. Нартовой-Бочавер, авторская методика «Моделирование гипотетических ситуаций».

Согласно результатам, для обеих групп подростков характерны пониженные показатели доверия к миру. Складывается впечатление, что у современных подростков в норме принято не доверять миру: рассматривать людей как корыстных, ненадежных, потенциально опасных – и при этом полагаться на себя (показатели доверия к себе высокого уровня и ближе к верхней границе среднего). В группе правонарушителей показатели доверия к себе также выше, чем доверия к миру, однако, значимо ниже, чем в группе нормы (обнаружены значимые различия по критерию Манна-Уитни, $p=0,02$). Таким образом, базово они оказываются достаточно неустойчивыми: при отношении к миру как опасному и ненадежному, они прочных опор не находят и в себе. Показатель психологической суверенности у правонарушителей также значимо ниже, при этом обнаружены значимые корреляции суверенности с доверием к себе. Видимо, для формирования подлинно субъектной позиции в жизни важен опыт средовой защищенности, переживания уважения к границам своей личности со стороны других людей. Базовое доверие к себе у правонарушителей оказывается непрочным в связи с длительным опытом лишений и разного рода депривации.

По результатам измерения ситуативного доверия зрелая позиция выхода из проблемных ситуаций, предполагающая опору на других людей и на свой ресурс, а также позиция безоглядного доверия другому у правонарушителей менее выражена (обнаружена тенденция к различиям, $p=0,1$, позиции обозначены нами как «доверие к миру и себе», «доверие к миру и недоверие себе» соответственно). При этом стратегия опоры на свой ресурс при недооценке ресурса других выражена значимо выше ($p=0,03$, позиция «доверие себе и недоверие миру»). В проблемных ситуациях правонарушители склонны интерпретировать обстановку и поведение других людей как угрожающее или безразличное, и выход из ситуации пытаются найти самостоятельно, несмотря на всю ее сложность.

Таким образом, при общей базовой неустойчивости подростков-правонарушителей им свойственно повышенное ситуативное доверие к себе, которое можно рассматривать как ресурс и опору для их развития.

Установление признаков увлеченности компьютерными играми при изучении личности несовершеннолетних правонарушителей

Белоусов А.Д.

Всероссийский научно-исследовательский институт
Министерства внутренних дел Российской Федерации (Москва)

Строгое соблюдение процессуальных норм при производстве по делам о преступлениях несовершеннолетних является неотъемлемым условием для достижения как снижения уровня подростковой преступности, так и оздоровления и гуманизации общества в целом.

Информация о мировоззрении, убеждениях, принципах, ценностях, идеалах, интересах, увлечениях несовершеннолетнего, образующих в своей совокупности направленность его личности, способна дать следствию много ценной и объективной информации.

Компьютерные игры как часть общей информатизации и компьютеризации становятся все более заметным феноменом современного общества. В совокупности с другими средствами масс-медиа они, несомненно, оказывают влияние на личность несовершеннолетних.

Проблема осложняется присутствием на рынке игровой компьютерной продукции образцов игр деструктивного содержания, с элементами насилия, агрессии, порнографии, сквернословия и асоциального поведения.

При этом отсутствуют серьезные исследования на тему влияния компьютерных игр агрессивного содержания на преступное поведение несовершеннолетних. В то же время исключать это влияние нельзя уже в связи с широким общественным резонансом, который имеют факты жестоких преступлений, совершаемых подростками, проводившими много времени за этими играми. Причем, лицам, проводящим предварительное расследование по делам о преступлениях несовершеннолетних, необходимо учитывать, что увлечение компьютерными играми, по-видимому, может по-разному способствовать мотивообразованию совершения молодыми людьми разных преступлений.

На основании проведенных исследований нами были выделены следующие из этих мотивов:

- заимствование сюжета из компьютерной игры для преступления в жизни;
- перенос агрессии, спровоцированной компьютерной игрой против людей в реальной жизни;
- агрессивные действия, направленные против лиц, препятствующих продолжению данных игр;
- искаженное восприятие реальности с пониженной эмоциональной чувствительностью, как следствие чрезмерного увлечения компьютерными играми;

- корыстные преступления, направленные на добывание средств, необходимых для продолжения компьютерных игр (оплата времени в компьютерных салонах и на Интернет-сайтах, приобретение технического оборудования и компьютерных программ);
- пренебрежение родительскими обязанностями из-за пристрастия к компьютерным играм;
- преступления, совершенные подростками с психическими расстройствами, осложненными чрезмерным увлечением компьютерными играми.

К сожалению, результаты изучения уголовных дел и историй болезни свидетельствуют, что пока увлеченность несовершеннолетних подозреваемых, обвиняемых компьютерными играми, как вид досуга не находит должного внимания при изучении их личности.

В результате статистической обработки и анализа полученных данных нами были установлены специфические признаки, в различной мере указывающие на степень увлечения подростками компьютерными играми, а также силу и, в ряде случаев, причину и направление связи между этими признаками. К их числу относятся:

- возраст начала увлечения компьютерными играми;
- физические проблемы со здоровьем, вызванные компьютером;
- признаки увлечения играми в комнате подростка;
- степень самоконтроля геймера;
- игровой сленг;
- степень компьютерной компетентности;
- отдельные виды используемых игр (в частности, «шутеры»);
- время, затрачиваемое на игры в неделю;
- продолжение игры в транспорте и других, неудобных для этого местах;
- посещение компьютерного клуба ночью и вместо учебы;
- число видов, используемых игр.

Знание следователем этих признаков, связей между ними и способов их установления позволит более целенаправленно и оптимально осуществлять сбор необходимой информации о личности несовершеннолетнего и делать обоснованные обобщения о степени его увлеченности компьютерными играми.

Увлеченность подростками компьютерными играми нельзя рассматривать вне взаимосвязи и взаимообусловленности с другими психологическими факторами и факторами социальной среды. Изучение личности несовершеннолетнего подозреваемого, обвиняемого должно быть комплексным – только тогда оно может являться объективным.

Само рассматриваемое увлечение в своей ярко выраженной форме – всегда результат сочетания средовых и наследственно-обусловленных причин. Поэтому различную степень предрасположенности к нему можно устанавливать и владея информацией по следующим направлениям:

- уровень и вид семейного надзора с формирующими его факторами;
- личностные особенности подростка с формирующими их факторами;
- особенности взаимодействия несовершеннолетнего со сверстниками;
- «конкурирующие» с компьютерными играми увлечения и занятия подростка.

Эти признаки также находятся между собой во взаимосвязи и для работы с ними удобнее пользоваться разработанной нами структурной схемой.

Способами получения информации о личности несовершеннолетнего, совершившего преступление, в том числе и о его увлеченности компьютерными играми, являются как процессуальные, предусмотренные ст. 86 УПК РФ (производство следственных и иных процессуальных действий; истребование и представление документов), так и непроцессуальные действия следователя, дознавателя, не предусмотренные уголовно-процессуальным законом (беседы с несовершеннолетним, привлекаемым к уголовной ответственности, с лицами, обладающими сведениями о его личности; наблюдение за несовершеннолетним при проведении следственных действий; консультации со специалистами относительно личности совершившего преступление; осмотр жилища и предметов, принадлежащих несовершеннолетнему во время производства следственных действий в указанном помещении; получение и изучение любых сведений о несовершеннолетнем, не закрепленных процессуальным путем и др.).

Интернет-зависимость и склонность к девиантному поведению

Бобышева Е.О.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

В настоящее время персональный компьютер стал электронным средством, вошедшим в семейный быт, и человек не может быть исключён из этого средового информационного поля. Уход в виртуальность – это одна из сложных проблем сегодняшнего человечества. Последние годы характеризуются распространением малоизвестных ранее форм зависимостей. К ним относятся такие характерные для подростков и молодёжи зависимости, как зависимость от компьютерных игр и Интернета. Речь идет о так называемой Интернет-зависимости, которая возникла за рубежом еще в конце 1980-х. Интернет-зависимость проявляется в том, что подростки настолько сосредоточены на своей виртуальной жизни, что фактически отказываются от реальности. С помощью компьютерной игры в Интернете подростки реализуют уход от себя настоящего. Компьютерная игра служит средством, позволяющим удовлетворить те потребности подростков, которые не удовлетворены в реальной жизни, средством компенсации жизненных проблем. Личность начинает реализовываться в иллюзорном игровом мире, а не в реальном. Это влечёт за собой ряд серьёзных проблем в развитии личности, в формировании самосознания и самооценки.

Мы предположили, что Интернет-зависимость представляет собой одну из форм девиантного поведения, а также что существует связь между Интернет-зависимостью и склонностью к отклоняющемуся поведению у подростков. В качестве частной гипотезы предполагалось, что формированию Интернет-зависимости способствуют определенные индивидуально-психологические особенности. Для проверки этих гипотез было проведено эмпирическое исследование. Материалом исследования послужили данные психологического обследования 60 учащихся гимназии с условно нормативным поведением (30 девочек и 30 мальчиков) и 20 учащихся специальной школы для подростков с девиантным поведением (8 девочек и 12 мальчиков), средний возраст испытуемых $14,51 \pm 0,95$ лет.

В исследовании использовались тест на «Интернет-зависимость» (Никитин, Егоров, 2005) и опросник «Склонность к отклоняющемуся поведению» (СОП) (Орел, 1999). Специально разработанная анкета применялась для определения игр, в которые играют подростки. Обработка велась методами математической статистики, а также качественного анализа характера и классов предпочитаемых подростками компьютерных игр.

В процессе исследования были получены данные о взаимосвязи между Интернет-зависимостью и девиантным поведением, о различиях в группах подростков с условно нормативным поведением и девиантным поведением по степени выраженности Интернет-зависимости, по предпочтениям компьютерных игр, а также по характеру и степени выраженности индивидуально-психологических особенностей, способствующих возникновению Интернет-зависимости.

Полученные результаты подтверждают нашу гипотезу о том, что подростки с девиантным поведением более склонны к Интернет-зависимости, чем их сверстники с условно нормативным поведением. В исследовании было установлено, что существует статистически значимая связь между Интернет-зависимостью и девиантным поведением, проявившаяся как в условно нормативной, так и в девиантной выборках. Обнаружены различия между группами по характеру предпочитаемых игр. В условно нормативной выборке предпочтения подростками отдаются спортивным компьютерным играм, а в девиантной – играм типа «преследование-избегание». Степень выраженности зависимости от игр типа «преследование-избегание» у подростков в девиантной группе также выше, чем у условно нормативной группы подростков. Следует отметить, что данный класс игр отличается наибольшей агрессивностью, кроме того характеризуется включенностью в игровой процесс интуитивного компонента мышления и эмоционально-чувственного восприятия, что способствует идентификации играющего с компьютерным персонажем.

Анализируя показатели по Интернет-зависимости и шкале волевого контроля эмоциональных реакций, мы можем констатировать у девиантных подростков низкий волевой контроль, значимо отличающий их от условно нормативной группы и свидетельствующий о слабости механизмов сдерживания как по отношению к игре в Интернете, так и при реализации других девиантных поведенческих проявлений.

В дальнейшем возможно более подробное изучение взаимосвязи между Интернет-зависимостью и отклоняющимся поведением у подростков. Результаты исследования могут быть использованы для выявления индивидуально-психологических особенностей, способствующих возникновению Интернет-зависимости, а также для более детального определения и описания связи Интернет-зависимости и девиантного поведения.

ИмPLICITное знание о нормах уголовного права

Бодрова О.К.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

В настоящее время в юридической психологии проблема правосознания у школьников разработана недостаточно глубоко. Со стороны юридической науки проблема правосознания как таковая не выделена, а со стороны психологии и педагогики существует слишком мало диагностических и профилактических программ. Уровень правосознания прежде всего школьников должен учитываться в процессе составления просветительских и общеобразовательных программ по формированию правовой культуры. С возрастом у несовершеннолетнего возрастает объем знаний о праве, независимо от того, осуществляется ли это путем целенаправленной системы получения правовой информации или складывается стихийно-эмпирическим путем. Возрастной аспект определяет разные цели, уровни и формы получения правовой информации как основы формирования правовой культуры и правового сознания. Эта особенность развития лиц школьного возраста должна учитываться правоустановителем.

Цель данной работы: выявление имPLICITного (скрытого) и эксплицитного отношения к нормам уголовного права у старших и младших школьников.

В данном исследовании приняло участие 50 учащихся 5-ых и 10-ых гимназических классов средней образовательной школы.

В исследовании применялись Цветовой Тест Отношений (ЦТО) и анкета (авторская разработка), составленная из 21 статьи Уголовного Кодекса и сокращенной анкеты из 10 статей.

План исследования:

1) Учащиеся отвечали на 21 пункт авторской анкеты в соответствии с инструкцией: «Ниже представлен список противоправных действий. Подумайте и отметьте на шкале, сколько лет тюремного заключения, по вашему мнению, нужно дать преступнику, совершившему это преступление».

2) Учащимся предлагалось ответить на те же пункты анкеты, которая была сокращена до 10 вопросов, подобрать к каждому вопросу анкеты 1 из 8 предложенных цветов Люшера, и проранжировать выбранные цвета от самого приятного к самому неприятному.

Далее был проведен количественный и качественный анализ данных. Для количественного анализа использовались критерий Манна-Уитни, критерий Спирмена.

Исходя из результатов исследования, можно сделать выводы:

1) Знание о нормах уголовного права весьма нестабильно у учеников как 5-го, так и 10-го классов. Существует возрастная тенденция к неправильному представлению о правосудии в России;

2) В связи с личностной незрелостью учеников 5-х классов (возраст 11-12 лет) они не дифференцируют тяжесть преступлений, для них каждое правонарушение является преступлением закона, которое карается по всей строгости;

3) ИмPLICITное и эксплицитное отношение к правовым нормам различается у младших и старших школьников. У младших школьников оно отличимо от эксплицитного, у старших, наоборот, совпадает.

В данной работе выявлено, что чем младше несовершеннолетний, тем менее сформированы личностные дифференциалы правовых норм. Воспитание правосознания у детей и подростков должно быть важно и для такого первоначального института социализации, как семья.

Таким образом, необходимость развития и формирования правосознания школьников неоспорима, и чем раньше ввести его в процесс обучения, тем существеннее будут результаты в дальнейшем.

Показатели риска девиантного поведения у подростков

Голянд Е.А.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Проблема девиантного поведения подростков традиционно сохраняет свою актуальность в современном обществе. Среди факторов, влияющих на формирование данного явления, чаще всего рассматриваются социальные условия. Вместе с тем известно, что среди подростков с девиантным поведением высока доля тех, кто имеет нарушения психики и психического развития.

Настоящее исследование направлено на выявление выраженности и соотношений показателей риска девиантного поведения, социальных и психологических проблем у подростков. Предполагается, что выраженность этих показателей будет разной в группах подростков, различающихся по характеру социального поведения и психическому здоровью.

Материал исследования представляют данные обследования 120 подростков. Выборка включала в себя три группы: группу условной социальной нормы (40 человек), подростков с девиантным поведением (40 человек), подростков с отклонениями от нормы психического здоровья (40 человек).

Показатели риска девиантного поведения у подростков определялись с помощью опросника «Склонность к отклоняющемуся поведению», а также метода структурированной оценки риска совершения повторных правонарушений несовершеннолетними «Оценка риска и потребностей» (ОРП). Показатели социальных факторов устанавливались на основании методики ОРП. Клинико-

психологические факторы оценивались с помощью отдельных шкал опросника Д-ОЭРШ и ОРП.

В результате проведенного анализа мы получили данные, подтверждающие то, что подростки, имеющие отклонения в психическом развитии (как мальчики, так и девочки), – категория молодых людей с ярко выраженными показателями исследуемых феноменов.

Анализ корреляционных связей между показателями риска девиантного поведения и факторов (социальных и клинико-психологических) показывает, что в группе условной нормы высокий риск возникновения и развития отклоняющегося поведения связан с взаимоотношениями со сверстниками, имеющими асоциальную ориентацию, низким уровнем и качеством образования и трудовой занятости, неблагоприятной ситуацией в семье, личными асоциальными установками и ориентациями. В группе подростков с девиантным поведением риск такого поведения связан с широким спектром факторов, включающим в себя как социальные (сферы досуга, детско-родительских отношений, уровня образования и трудовой занятости, личных социальных установок), так и клинико-психологические (синдром оппозиционного поведения, расстройства поведения, злоупотребление алкоголем, курение, злоупотребление наркотическими веществами, посттравматическое стрессовое расстройство, склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению, волевой контроль эмоциональных реакций). В группе подростков с отклонениями от нормы психического здоровья корреляционные связи риска девиантного поведения обнаруживаются со сферами взаимоотношений со сверстниками, личных асоциальных установок и ориентаций, негативной семейной ситуации и детско-родительских взаимоотношений, предпочитаемого досуга и развлекательных мероприятий, низким качеством образования и трудовой занятости. Также риск возникновения отклонений в поведении подростков данной группы связан со склонностью к зависимости от психоактивных веществ.

Сопоставление полученных данных, позволяет заключить, что в нормативной группе подростков вероятность развития девиантного поведения невелика и в основном определяется социальным влиянием сверстников. Для подростков с девиантным поведением и с отклонениями от нормы психического здоровья риск развития отклоняющегося поведения высок и связан как с социальными, так и с клинико-психологическими факторами, что свидетельствует о необходимости учета последних при решении вопросов о профилактической работе с несовершеннолетними этих категорий.

Результаты исследования позволяют определить факторы, которые могут быть использованы в прогностических целях, а также служить мишенями профилактической работы с подростками групп риска.

Семья как фактор криминализации подростка

Горьковая И.А.

Российский государственный педагогический университет

(Санкт-Петербург)

С конца 90-х годов XX годов все больше говорят об упадке традиционной семьи, где супружеские отношения становятся «относительно бесструктурными», воспитание детей носит бессистемный характер или переадресуется во вне: телевизионные программы, интернет-пространство и т.д. В таких семьях воспитательный потенциал родителей резко падает, что может повлечь за собой искажение формирования правосознания у детей. Вообще о кризисе семьи появилось довольно много научных публикаций, в которых отмечается серьезная трансформация семьи и, соответственно, снижение воспитательного потенциала в отношении детей. В последние годы все больше говорится о том, что во внешне благополучных семьях (наличие обоих родителей, достаточно материально обеспеченных, имеющих собственную жилплощадь в соответствии с нормативами, не злоупотребляющие спиртными напитками, систематически занимающиеся квалифицированным трудом и т.д.) растет количество несовершеннолетних с девиантными формами поведения, в частности, противоправным поведением.

Целью данного исследования явилось изучение влияния родителей на противоправное поведение несовершеннолетних. Объектом исследования стали подростки мужского пола в возрасте от 12 до 17 лет – 373 воспитанников Специального ТУ. У каждого зарегистрирована целая серия краж, грабежей и/или иных криминальных эпизодов. Таким образом, все обследованные воспитанники Специального ТУ характеризуются устойчивым противоправным поведением. По отношению к ним и их родителям неоднократно применялись меры дисциплинарного характера, они обсуждались на заседаниях комиссий по делам несовершеннолетних и в итоге оказывались в специальном пенитенциарном государственном учреждении. Комплексное обследование несовершеннолетних происходило в виде пяти поперечных срезов за последних два десятилетия: 1989, 1994, 1996, 2004, 2008 годах. Выборку последнего среза составили несовершеннолетние, состоящие на учете в инспекциях по делам несовершеннолетних Санкт-Петербурга.

В итоге обследования родительских семей несовершеннолетних с устойчивым противоправным поведением было обнаружено, что две трети из них росло в полных семьях (60%, 67, 71, 72, 67%) соответственно всем 5 срезам. Следует отметить, что полными считались также семьи, в которых родители имеют одно и то же место жительства и ведут совместное хозяйство. В некоторых семьях родители свой брак не зарегистрировали или его расторгли, но проживают совместно. Также к разряду полных семей были отнесены семьи с отчимами, даже если отчимы довольно часто менялись. Исходили в такой оценке из того, что при развитии ребенка на него оказывали влияние взрослые мужчина и женщина, т.е. несовершеннолетний имел возможность усвоить поведенческие паттерны семейных и межполовых взаимоотношений. Параллельно обследованные подростки с законопослушным поведением (контрольная группа) в 86%, 80, 85, 78 и 82% проживали в полных родительских семьях.

Социальный статус родителей у воспитанников СТУ на всем обследовании в основном низкий, они выполняют неквалифицированный труд, в связи с низким образовательным уровнем. Практически каждый третий родитель не имеет даже среднего образования (22%, 20, 18, 20, 22% матерей и 9%, 11, 14, 12, 14% отцов соответственно пяти срезам). Следовательно, можно сделать вывод о том, что эти родители в свое время злостно уклонялись от обучения в школе и получили справки об окончании 6-8 классов. Образовательный уровень родителей школьников, составляющих контрольную группу, значительно выше.

По результатам обследования 1996 года 41% родителей из семей воспитанников СТУ нигде не работают. Практически та же картина наблюдается и в 2008 году – нигде не работают 36% родителей. Естественно, они эпизодически работают, но основным регулярным доходом семей становятся пособия на детей.

К одному из основных показателей семей можно отнести количество детей. У несовершеннолетних правонарушителей наблюдается по 13%, 13, 30, 18, 22% многодетных родительских семей (до 7-8 детей в семье), тогда как у школьников отмечается от 4 до 6% многодетных родительских семей (по 3-4 ребенка) по всем пяти срезам.

Также была предпринята попытка отследить судимость близких родственников (мать, отец, брат, сестра, бабушка, дедушка) обследованных подростков-правонарушителей. На момент обследования находились в местах лишения свободы 19%, 35, 12, 24, 20% родственников подростков соответственно всем пяти срезам. Необходимо отметить, что эти данные не совсем отражают истинную картину. Например, если родственник был осужден и погасил свой срок до постановки несовершеннолетнего на учет в инспекцию, то обычно это и не регистрируется. Видимо, наиболее адекватной цифрой будет около 50%, что подтверждается беседами с подростками.

У подавляющего большинства обследованных подростков с противоправным поведением выявляется злоупотребление родителями спиртными напитками. С учетом алкоголизации одного из родителей можно констатировать, что 88%, 86, 87, 88, 88% несовершеннолетних экспериментальной группы росли в специфических отклоняющихся условиях жизни. Во время запоев родителей они практически с самого раннего детства были предоставлены сами себе.

Вне зависимости от структурной организации семьи и даже злоупотребления отцом и/или матерью спиртными напитками, к вполне благополучным условиям воспитания в итоге можно отнести от 8 до 10% несовершеннолетних с устойчивым противоправным поведением. Остальные же семьи можно причислить к криминальной субкультуре.

Тем не менее полная безнадзорность, равнодушие к своему ребенку, его витальным и духовным потребностям зафиксирована в 76%, 67, 72, 74, 72% случаев по результатам обследования соответственно 1989, 1994, 1996, 2004, 2008 гг. В остальных же случаях, даже не смотря на пьянство родителей с явно выраженной

социальной адаптацией, предпринимались попытки контроля, проявлялась заинтересованность в дальнейшей судьбе своего ребенка.

В контрольных группах не выявлены ни аморальный образ жизни, ни выраженная алкоголизация, ни преступность среди родителей. Можно предположить, что алкоголизация кого-нибудь из родителей школьников и судимости среди близких родственников конечно же встречаются, но они скрываются и явно носят единичный характер. Во всех этих семьях в достаточной мере выполняются основные родительские функции по жизнеобеспечению ребенка и контроля за их поведением. Правда, при обследовании 1996 г. в 3% случаев, 2004 г. в 12% и 2008 г. в 10% случаев классные руководители и администрация школы констатировали безнадзорность подростков вследствие чрезмерной производственной занятости родителей.

На основании полученных данных можно сделать основной вывод о том, что подавляющее большинство подростков с устойчивым противоправным поведением происходят из неблагополучных семей, которые относятся к криминальной субкультуре в 90% случаев. Обращает на себя внимание, что ни перестройка в России, которая повлекла за собой серьезные изменения в политической, экономической, духовной жизни нашего народа, ни глобальный экономический кризис мире, по нашему мнению, не оказали существенного влияния на криминализацию несовершеннолетних. Иными словами, криминализация подростков объясняется не внешними, а внутрисемейными причинами.

Актуальные проблемы ювенальной юридической психологии

Дозорцева Е.Г.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского,
Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

В последние годы получает развитие новое направление юридической психологии – ювенальная юридическая психология. Оно находится на пересечении двух психологических дисциплин: детской и юридической психологии. Детско-подростковая проблематика всегда была одной из составляющих предмета юридической психологии, однако самостоятельного статуса не имела. Все большее ее практическое значение, необходимость теоретического осмысления на единой методологической основе, определяемой закономерностями психологии развития и детской психологии, привело к выделению этого нового направления.

Традиционно внимание юридических психологов привлекали вопросы профилактики и коррекции девиантного поведения детей и подростков, а также особенностей работы с несовершеннолетними на этапах предварительного и судебного следствия, в том числе проведения судебно-психологической и комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы. Не утратили они своего значения и сегодня. Однако изменение социальной ситуации развития детей в настоящее время ставит перед психологами новые проблемы и задачи. Так, возникли

новые социальные явления, которые могут служить факторами отклоняющегося поведения, как, например, вхождение в жизнь ребенка компьютера с новыми играми, фильмами, виртуальным общением. Тревожно звучат проблемы ксенофобии и совершаемых подростками на этой почве преступлений ненависти. Как и прежде, не теряет своей актуальности клиничко-психологический аспект отклоняющегося и социально опасного поведения детей и подростков, развития у них личностных аномалий и нарушений регуляции социального поведения. Вопросы дифференциальной диагностики личностных расстройств и их психологических коррелятов у несовершеннолетних правонарушителей имеют значение как для понимания природы и характера отклоняющегося поведения, так и для эффективного проведения экспертных судебно-психологических и комплексных психолого-психиатрических исследований.

Претерпевает изменения характер психологической работы с подростками с девиантным и противоправным поведением. Все большее значение придается профилактике поведенческих отклонений, агрессии, насилия в детско-подростковой среде. Актуальная задача психологов состоит в разработке концепции и программ первичной профилактики девиантного поведения в образовательных учреждениях, включая программы развития правосознания и социально ответственного поведения, примирительных процедур при разрешении конфликтов, антибуллинговые программы. В системе вторичной и третичной профилактики адаптируются и разрабатываются методы оценки риска девиантного поведения подростка, предназначенные для построения конкретной индивидуализированной программы реабилитации и помощи несовершеннолетнему.

Российская судебная система все в большей степени ориентируется на учет особенностей несовершеннолетних и применение по отношению к ним специальных процедур и мер. Внедрение ювенальных технологий и элементов ювенальной юстиции в виде восстановительного подхода и примирительных процедур, социального и психологического сопровождения несовершеннолетних демонстрирует положительные результаты. Современная тенденция все более широкого назначения подросткам-правонарушителям наказания, не связанного с лишением свободы, требует от специалистов готовности к комплексной реабилитационной работе с такими подростками, в которой психологу принадлежит одна из ключевых ролей. Перечисленные технологии, том числе их психологические составляющие, нуждаются в дальнейшем совершенствовании, мониторинге и комплексной оценке эффективности.

Вместе с тем проблемы детства в контексте российской юридической психологии определяются в настоящее время не только ее традиционными направлениями, но и в значительной мере – противоречивыми тенденциями развития социальных концепций и практики. В России, как и в других развитых странах, все большее внимание уделяется правам детей. Однако этот процесс встречает упорное и хорошо организованное сопротивление некоторых общественных кругов. Соблюдение прав и интересов детей трактуется ими как вседозволенность,

поощрение распушенности и вредных привычек, а также подрыв устоев и разрушение традиционной российской семьи. В то же время описанная ситуация в утрированной и искаженной форме заостряет ряд вопросов, которые должны ставить перед собой и специалисты в области ювенальной юридической психологии, а ответ на них требует четкой концептуальной проработки некоторых базовых категорий и подходов. Вряд ли у кого-то вызывает сомнение определение понятия «интересы ребенка» (или «наилучшие интересы ребенка») как потребности ребенка в полноценном и всестороннем развитии, а «права ребенка» – как прав и возможностей реализации именно этой потребности. В то же время возникает вопрос об объективном и субъективном содержании этих категорий, о субъектности самого ребенка, его возможности адекватно выражать свои интересы и защищать права. При этом на первый план выступают проблемы психического и личностного развития, зрелости ребенка и развития его правосознания на разных возрастных этапах. Кроме того, встает вопрос о том, кто и каким образом оценивает объективную сторону соблюдения интересов и прав ребенка, какие меры принимает.

В рассматриваемом контексте часто ставится вопрос о соотношении интересов и прав ребенка и его родителей, семьи. Может ли ребенок выступать против своих родителей, если его интересы ущемляются? В каких случаях пребывание в семье противоречит его интересам? Где грань между допустимыми воспитательными тактиками и жестоким обращением с ребенком? В каких случаях необходимо вмешательство государства, социальных служб? Что происходит с ребенком, когда его изолируют от семьи и помещают в детский дом? Как следует работать с семьей, чтобы не допустить жестокого обращения с ребенком и обеспечить его наилучшие интересы? Какова роль и функции психолога в этом процессе? Несмотря на кажущуюся очевидность и традиционность многих ответов, они заслуживают более пристального внимания профессионалов. Необходимо отметить, что в данном случае тема жестокого обращения с ребенком, семейного насилия звучит несколько иначе, чем обычно.

Следует подчеркнуть, что проблема семьи в трудной жизненной и юридически значимой ситуации, семейной системы, частью которой является ребенок и на которую он имеет гарантированное право, становится одной из главных для ювенальной юридической психологии, а помощь не только ребенку, но и, в тех случаях, когда это возможно, семье, – практическим приоритетом. Это имеет значение не только для профилактики жестокого обращения с детьми и их девиантного поведения. Помощь семье с использованием технологий медиации могла бы быть эффективной и в ситуациях судебных споров о детях при разводе родителей. Концепция психологической работы с семьей в различных юридически значимых ситуациях требует еще своей разработки.

Затронутые вопросы далеко не исчерпывают всего спектра современной проблематики ювенальной юридической психологии. В докладе рассматриваются наиболее острые проблемные моменты и ориентиры для дальнейших исследований и разработок в этой области.

Особенности правосознания подростков с девиантным поведением

Каниболоцкая И.А.

Межрайонный Центр «Дети улиц» (Москва)

Процессы существенных социально-экономических и политических преобразований в современной России неизбежно приводят к появлению новых видов отклоняющегося поведения в подростковой среде: молодежные течения агрессивного и неагрессивного характера, множество видов аутодеструктивного поведения. Субъекты подросткового возраста являются наиболее уязвимыми для внешнего воздействия социума, они моделируют свое поведение, согласно вновь появляющимся установкам и нормам.

Целью настоящего исследования стало изучение особенностей правосознания подростков с девиантным поведением, не совершавших правонарушений, предусмотренных УК РФ. В качестве гипотезы исследования выступал тезис о том, что в структуре правосознания подростков с девиантным поведением возможна рассогласованность образа «Я» с нормосообразными категориями в сравнении с условно осужденными подростками и подростками с нормативным поведением.

В качестве материала исследования было отобрано 90 психически здоровых подростков, старшего пубертатного возраста (15-17 лет): 30 учащихся ГОУ СОШ ЗАО г. Москвы (нормативное поведение, контрольная группа), 30 условно осужденных, проживающих в ЗАО г. Москвы (контрольная группа), 30 учащихся Школы №5 «Доверие» (для детей с девиантным поведением) ЮАО г. Москвы (экспериментальная группа).

В исследовании использовались методики: Ориентационная анкета (авторская), Анкетирование (авторское), направленное на выявление отношения к значимым категориям, методика «Ценностные ориентации» Р. Рокича, 16-ти факторный личностный опросник Р.Б. Кеттелла, тест «Определение направленности личности» Б. Басса, методика И.Л. Соломина «Семантический дифференциал», методика оценки уровня развития морального сознания Л. Колберга.

Экспериментальная часть исследования показала, что:

Наблюдаются отличия в особенностях правосознания подростков с нормативным поведением, девиантных подростков и условно осужденных.

У девиантных подростков наблюдается прямая корреляция на высоком уровне между «Я-реальное» и «Преступление» (0,69), «Я-реальное» и «Наркотики» (0,67), умеренная корреляция между «Я-идеальное» и «Безответственность» (0,35) и обратная средняя корреляция между категориями «Закон» и «Правда» (-0,44), что свидетельствует о рассогласованности образа «Я» с нормосообразными категориями в сравнении с условно осужденными подростками и подростками с нормативным поведением.

Девиантные подростки имеют такие личностные особенности, как: эмоциональная лабильность, категоричность, негативное отношение к критике и возражениям, проявляющееся вспышками вербальной агрессии, низкий уровень самоконтроля, склонность к риску, неадекватность оценки собственных возможностей, смелость вплоть до авантюризма, беспринципность, небрежность, ненадежность, подозрительность, несамостоятельность, индифферентность, что является высокими детерминирующими факторами возникновения делинквентного поведения.

В группе девиантных подростков доминирующей является направленность личности «на себя», что говорит об ориентации на прямое вознаграждение и удовлетворение собственных потребностей, агрессивности в достижении статуса, склонности к соперничеству, властности, раздражительности.

Выявленные устойчивые особенности правосознания девиантных подростков, позволяют судить о влиянии этих особенностей на механизм их поведения, содействовать качественному изменению правосознания подростков.

Обозначенные проблемы в личностном развитии подростков показывают, что важным условием успеха в принятии ими социально-правовых ценностей является разрешение вышеуказанных проблем путем создания благоприятных для этого условий. С целью профилактики противоправного поведения среди девиантных подростков была разработана программа «Право имею».

Развитие общечеловеческих ценностей у подростков через изучение права

Камышева А.В.

Государственное учреждение «Веста Юго-Востока» (Москва)

В современном обществе знание основ государства и права является необходимым для каждого гражданина вне зависимости от его профессии и рода занятий. Особенно важно, чтобы в правовой сфере ориентировалось подрастающее поколение, т.к. это является важным элементом для воспитания социально ответственных, активных, общественно ориентированных граждан, с высокой правовой культурой и правосознанием. Именно такие люди смогут создать фундамент сильного, свободного и независимого государства. К сожалению, в настоящее время школьники часто не владеют знаниями своих прав и обязанностей, не умеют защищать их правовым путём. С другой стороны, права детей и подростков часто нарушаются, совершается большое количество преступлений, жертвами которых становятся несовершеннолетние. Для успешного преодоления сложившейся ситуации ведётся работа на всех уровнях: в школьных программах нормы права и основные законы обсуждаются в рамках различных дисциплин, таких как обществознание, граждановедение и др.; появляется большое количество тематической социальной рекламы; широко обсуждается необходимость относительно новой для нашей страны области права – ювенальной юстиции.

Другим приоритетным направлением молодёжной политики в нашей стране является духовно-нравственное развитие детей. И этой проблеме тоже уделяется значительное внимание. Но, как правило, работа по данным направлениям ведётся параллельно, часто разными специалистами (учителями, воспитателями, психологами).

В таких условиях в районе Капотня ЮВАО была разработана программа для учеников 5-6 классов «Правовая школа подростка» (Камышева, Ревун, Москва, ГУ «Веста Юго-Востока», 2010), которая стала результатом совместной работы педагога-психолога и юрисконсульта данного учреждения. В настоящее время она успешно внедряется в нескольких школах района. Результаты апробации программы в 2009-2010 учебном году показали её эффективность не только для овладения учениками знаниями основ права и отдельных законов, но и в развитии у них общечеловеческих ценностей, таких как закон и правопорядок, долг и ответственность, здоровье и др., а также в качестве профилактики правонарушений и девиантного поведения.

Практика нашей работы показала, что школьники достаточно хорошо знают свои собственные права и права граждан России в целом. Но при этом свои обязанности перед государством и обществом, а также ответственность, которая может возникать, ученики знают гораздо хуже. Изучение данных тем позволяет, с одной стороны, развивать чувство патриотизма – как активной позиции, а не только как чувство гордости за свой народ и его историю. С другой стороны, это является профилактикой тех противоправных действий, которые являются результатом незнания законов. И наконец, беседы об ответственности в более широком смысле (за свои поступки, за свой выбор, за свою жизнь) способствуют формированию у школьников более активной личной и гражданской позиции.

Таким образом, уникальностью программы «Правовая школа подростка» и её отличием от школьных программ, является её направленность на личностное духовно-нравственное развитие школьников и развитие у них общечеловеческих ценностей, а не только на освоение знаний о государстве, правах и обязанностях. Возникнув на стыке юриспруденции, психологии и педагогики, она позволяет использовать достижения всех этих наук, как в плане содержания, так и в форме проведения занятий.

Психотерапевтические эффекты психологической экспертизы в гражданском судопроизводстве

Кулькова Ж.Г.

Областной центр диагностики и консультирования (Челябинск)

Психологическая экспертиза в гражданском судопроизводстве, затрагивающем интересы несовершеннолетних, осуществляется по запросу заинтересованных лиц — родителей, родственников детей, а так же представителей судебных, правоохранительных и иных ведомств и организаций, призванных защищать права детей. Обращение с запросом на проведение психологической экспертизы в

государственные (муниципальные) образовательные учреждения ставит перед педагогами-психологами ряд вопросов как организационного, так и методического порядка. Квалифицированное решение проблем организации и проведения психологической экспертизы не только расширяет границы профессиональной компетентности педагогов-психологов, но и повышает качество и эффективность деятельности Службы практической психологии образования.

Психологическая экспертиза в гражданском судопроизводстве осуществляется в рамках решения об определении места жительства несовершеннолетних, об определении порядка общения родителей и родственников с несовершеннолетними, об ограничении общения с несовершеннолетними ввиду негативного влияния со стороны родителей или иных лиц.

Психологическая экспертиза проводится на базе Областного центра диагностики и консультирования в отношении несовершеннолетних в возрасте от 1,5 до 18 лет. При этом более 80% составляет работа с детьми в возрасте от 5 до 9 лет. Осуществление деятельности в данном направлении на протяжении более трех лет, проведение психологической экспертизы в отношении более 70 несовершеннолетних позволяет акцентировать внимание на некоторых существенных положениях.

Психологическая экспертиза должна осуществляться высококвалифицированным психологом, имеющим опыт работы с детьми не менее 5 лет. Психологическая экспертиза должна проводиться в условиях, обеспечивающих психологический комфорт и безопасность всех участников. Для этого в Областном центре диагностики и консультирования используется помещение, оборудованное зеркалом Гезелла. Для решения поставленных перед экспертом вопросов в работе с несовершеннолетними должен использоваться только профессиональный инструментарий. Нами широко применяется методика Эйдемиллера Э.Г. и Юстицкиса В.В. "Анализ семейных взаимоотношений" (АСВ), метод комплексной экспресс-диагностики состояния социально-педагогической запущенности детей Р.В. Овчаровой (МЭДОС), методика Г. Мюррея (САТ) и пр.

В ходе психологической экспертизы помимо решения поставленных перед психологом вопросов по существу возникает необходимость в оказании более широкого спектра психологических услуг для участников экспертизы. В первую очередь, оптимизация нервно-психического состояния участников, для которых экспертиза является стрессом. Во вторую очередь, это обеспечение возможности урегулирования отношений между участниками в досудебном порядке. Около 7-10% обращений за проведением психологической экспертиза в Областной центр диагностики и консультирования имели результат в виде мирового соглашения по вопросам регулирования порядка общения с ребенком отдельно проживающего родителя.

Позиционирование и распределение ролей в ходе психологической экспертизы в гражданском делопроизводстве, затрагивающем интересы несовершеннолетних, представляет малоизученный в настоящее время предмет и нуждается в исследовании.

Ксенофобические установки у подростков

Маланцева О.Д.

Российский федеральный центр судебной экспертизы
при Министерстве юстиции Российской Федерации (Москва)

В странах, где основным принципом являются равенство и свобода граждан, ксенофобия становится социальной проблемой: убийства, нанесение побоев, унижения достоинства по признакам расы, национальности, отношения к религии и т.д. Все большее количество преступлений на почве ненависти совершаются молодыми людьми. Причины ксенофобии среди молодежи и подростков различны: социально-экономические условия, влияние социальных институтов (например, СМИ), семейные факторы (например, особенности воспитания и передачи родительских установок), индивидуально-психологические особенности, в том числе – уровень развития мотивационно-смысловой сферы. Изучение причин возникновения ксенофобии позволяет целостно подойти к возможности разрешения данной проблемы.

В проведенном нами исследовании был сделан акцент на изучение индивидуальных особенностей и моральной сферы личности подростков, склонных к ксенофобическим установкам. Опираясь на отечественные исследования (Ратинов, Кроз, Ратинова, 2005, Солдатова, Макачук, 2006), мы определили ксенофобическую установку как отношение враждебного, агрессивного, запретительного характера к лицам другой культурной группы.

В исследовании приняли участие 140 испытуемых (средний возраст $14,5 \pm 0,25$ лет). Из них 100 подростков (50 мужского пола и 48 женского пола) – учащиеся средней общеобразовательной школы, 40 подростков мужского пола, находящиеся на содержании в ЦВСНП ГУВД г. Москвы. В задачи исследования также входило изучение гендерных особенностей ксенофобии и особенности ее проявления у девиантных подростков.

В процессе исследования для измерения уровня выраженности ксенофобической установки была разработана исследовательская шкала, состоящая из 9 утверждений о допустимости тех или иных мер по отношению к лицам другой национальности, расы или религии. Для исследования уровня развития моральных суждений было проведено полуструктурированное интервью Д.С. Ошевского (Ошевский, 2006). Индивидуально-психологические особенности были изучены при помощи методики ИТДО Л.Н. Собчик, а также исследованы особенности агрессивного поведения подростков с использованием методики А. Басса – М. Перри.

В результате исследования были получены данные, свидетельствующие о том, что выраженность ксенофобических установок связана с уровнем развития морального сознания и индивидуально-психологическими особенностями подростков. Высокая выраженность ксенофобических установок соответствует пониженному (эгоцентрическому и группоцентрическому) уровню моральных

суждений. Склонность к ксенофобии у подростков связана с высоким уровнем агрессивности, слабостью факторов, сдерживающих агрессию, спонтанностью, низким уровнем тревожности и сензитивности. Высокий уровень морального сознания, тревожность и сензитивность являются факторами, препятствующими развитию ксенофобических установок.

Изучение гендерных различий показало, что к формированию ксенофобических установок в большей степени склонны мальчики. Девочки проявляют меньшую их выраженность, более высокий уровень моральных суждений, а также комплекс индивидуально-психологических черт, препятствующих агрессивным тенденциям.

Согласно полученным данным, подростки с девиантным поведением более склонны к формированию ксенофобических установок, чем их сверстники с нормативным поведением, обладают повышенным уровнем физической агрессии, спонтанности, пониженной сензитивностью и тревожностью, отличаются слабой сформированностью моральной сферы по сравнению с подростками с условно нормативным поведением, а также более низким уровнем развития моральных суждений.

По вышеприведенным результатам исследования, мы пришли к выводу о том, что в подростковом периоде развития ксенофобические установки и их психологические корреляты (уровень моральных суждений, паттерны поведения, определяемые индивидуально-психологическими особенностями) могут выступать в качестве объектов коррекционного и профилактического воздействия для предупреждения агрессивного поведения в отношении лиц другой национальности, расы или религии.

Литература

1. Ошевский Д.С. Психическое развитие у подростков с психическими расстройствами, совершивших агрессивно-насильственные правонарушения: психологический аспект. Автореф. дис. М., 2006.
2. Ратинов А.Р., Кроз М.В., Ратинова Н.А. Ответственность за разжигание вражды и ненависти. Психолого-правовая характеристика / Под ред. А.Р. Ратинова М., 2005.
3. Солдатова Г.У., Макачук А.В. Может ли «другой» стать другом? Тренинг по профилактике ксенофобии. М., 2006.

Психолого-правовая характеристика несовершеннолетнего компьютерного игромана

Медведев В.С., Федоренко Л.Н.

Киевский национальный университет Министерства внутренних дел Украины (Киев, Украина)

XXI век – век компьютеризации и информатизации общества – особенно повлиял на несовершеннолетних, которые получили новые формы досуга – Интернет

и компьютерные игры. В связи с этим возникает беспокойство по поводу формирования психологической зависимости у детей от компьютерных игр.

На основании анализа научных публикаций, официальной статистики, сообщений в СМИ, личного опыта общения с представителями служб внутренних дел, несовершеннолетними компьютерными игроками, родственниками указанной категории детей, администраторами игровых салонов, мы предлагаем модель наиболее возможных связей компьютерной игромании с содеянными правонарушениями: а) кражи денег и ценностей в семье, у друзей, у родственников и др.; б) агрессия по отношению к лицам, которые не дают деньги или мешают овладению ими; в) разбой и ограбления незнакомых лиц или случайных прохожих с целью овладения деньгами; г) вымогательство среди ровесников и младших по возрасту; д) кражи, разбой, убийства, при которых несовершеннолетние подражают или копируют поведение своих героев в реальной жизни.

Проведенное эмпирическое исследование, в котором приняли участие 593 человека, имеющих непосредственное отношение к проблеме компьютерной игромании, позволило нам составить психолого-правовую характеристику несовершеннолетнего компьютерного игрока.

Большинство компьютерных игроков – лица мужского пола, которые воспитываются в неполных, неблагополучных, малообеспеченных семьях, где отсутствует родительский контроль. Взаимоотношения между членами семьи характеризуются равнодушием, отчуждением, негативизмом.

Карманные деньги (в среднем от 5-10 грн. в день), которые родители дают преимущественно для школьных обедов, геймеры тратят на развлечения в компьютерных клубах, либо на покупку новых игр. Часто пропускают школьные занятия. Желание и стремление к учебной деятельности выражены слабо или перекрываются потребностью в игровой деятельности. Имеют вредные привычки – курение, употребление слабоалкогольных и стимулирующих напитков, психотропных веществ.

Словарный запас бедный, любимая тема для общения – обсуждение новых компьютерных игр, постоянно употребляют ненормативную лексику, особенно во время игр, по отношению к друзьям, компьютерным героям, при неудаче, проигрыше и др. Круг общения ограничивается близкими родственниками и ровесниками, которые также увлекаются компьютерными играми.

В реальной жизни такие несовершеннолетние – изгои, слабые, их постоянно за что-то наказывают, не могут найти общего языка с ровесниками, часто выступают объектами насмешек и обид. Склонны к обману, расточительные, нерешительные. Отличаются чрезмерной инфантильностью, мечтательны, зачастую имеют нереальные идеи, в реальной жизни не строят планов на будущее (ни близких, ни далеких), слова расходятся с действиями, с появлением трудностей пасуют, не доводят начатое дело до конца, не способны в полной мере контролировать собственные желания. Наблюдается притупленное чувство опасности, инстинкт самосохранения зачастую не срабатывает.

Относительно психологических качеств, по результатам психологического тестирования несовершеннолетние компьютерные игроки характеризуются повышенной тревожностью, застреванием, экзальтированностью, интровертированностью, средним уровнем мотивации к достижению успеха и высоким уровнем мотивации к избеганию неудач. Они относятся к ситуативно-рискованному типу, агрессивность проявляют в зависимости от сложившейся ситуации, имеют склонность к нарушению общепринятых норм и правил, к аддиктивному и делинквентному поведению. Многие утрачивают интерес к собственной внешности, не следят за одеждой, становятся неопрятными.

Среди компьютерных игроков могут встречаться несовершеннолетние, которые не вписываются в вышеизложенную психолого-правовую характеристику. В количественном соотношении их намного меньше, а увлеченность компьютерными играми прекращается на начальных стадиях зависимости, т.к. они постоянно изменяют свои вкусы, и со временем компьютерные игры надоедают им, а на смену приходит новое, более интересное занятие.

**Основные особенности назначения комплексных судебных
психолого-психиатрической экспертиз в отделении
судебно-психиатрической экспертизы**

Неустроев В. С.

Отделение судебно-психиатрических экспертиз

Иркутского областного психоневрологического диспансера (Иркутск)

В связи с ростом преступности, а также законодательного расширения прав лиц, находящихся под следствием, в настоящее время очень часто возникает необходимость участия психолога в процессе судебно-психиатрической экспертизы. В этом случае назначается комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (КСППЭ), которая чаще всего необходима в ситуации, когда в отношении психически здорового человека, которому назначается экспертиза, возникают сомнения в интеллектуальной и эмоциональной полноценности. В таком случае требуются специальные познания в области судебной психологии. Судебный психолог, кроме патопсихологической работы совместной с психиатрами, отвечает на вопросы судебно-следственных органов об индивидуально-психологических особенностях личности, соответствии уровня психического развития фактическому возрасту, психологической мотивации поведения подэкспертного, нахождении лица, в момент инкриминируемого ему преступления, в состоянии аффекта и состояний, приравненных к нему, возможности потерпевших понимать внутреннюю и внешнюю сторону совершённых действий против их личности, и возможности в силу личностных особенностей оказывать сопротивление.

Часто задаются вопросы, в отношении подростков, находящихся под следствием, о соответствии уровня психического развития фактическому возрасту, а также об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим

расстройством, необходимость которых возникает, учитывая ч. 3 ст. 20 УК РФ. Возраст, в данном случае, определяется в рамках психологических возрастных периодов, которые изучаются возрастной психологией, когда психические процессы формируются от одного этапа развития эмоциональной сферы и мышления к другому. Мы придерживаемся тех обозначений возрастных периодов, которые даны нам для исполнения в методических рекомендациях, издаваемых ГНЦ социальной и судебной психиатрии им. В. П. Сербского. В данных методических рекомендациях нам предписывается устанавливать соответствие уровня психического развития фактическому возрасту до окончания старшего подросткового возрастного периода, т. е. до 18 лет. Это же касается и вопроса об отставании в психическом развитии, не связанном с психическим расстройством, так как после личность уже является, как правило, сформированной, и не подвержена каким-либо серьёзным изменениям. Отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством, может возникнуть у несовершеннолетнего, в связи с задержкой психического развития или с эмоциональной незрелостью, называемое обычно инфантилизмом, которое может быть сформировано по разным причинам, как то неправильное воспитание (гиперопека, гипоопека, социально-педагогическая запущенность и т. д.). Судебный эксперт-психолог отвечает на вопросы, касающиеся малолетних потерпевших, о способности понимать значение совершаемых с ними действий и возможности оказывать сопротивление. Психолог-эксперт в медицинском учреждении участвует и в гражданском бракоразводном процессе только в рамках КСППЭ при решении спорных вопросов о месте проживания детей. Часто судебно-следственные органы назначают КСППЭ аффекта или иных эмоциональных реакций, приравненных к аффекту. Такая необходимость возникает, когда преступление было связано с причинением тяжкого вреда здоровью либо со смертью.

Ответ на данный вопрос может дать только судебный эксперт-психолог. Для установления того, было ли совершено преступление в состоянии аффекта или сильного душевного волнения, что является одним и тем же, необходимо, чтобы присутствовало в поведении в момент преступления специфическая динамика фаз эмоциональных реакций. Эта динамика характеризуется сильным возбуждением, внезапным или накопленным, причиной которого является обычно выраженная психотравмирующая ситуация. В результате которой может резко сузиться сознание, до такой степени, что человек может не осознавать происходящее и забыть события, происходившие в сам момент преступления, так называемая аффектогенная амнезия событий. А затем должно возникнуть выраженное истощение нервной системы, так называемая

астенизация психических процессов, которая проявляется в дезорганизации поведения. Надо сказать ещё о том, что аффект не устанавливается лицам, которые находились в момент преступлений в состоянии среднего или тяжёлого алкогольного опьянения, так как необходимо наличие для данного состояния, естественных нейродинамических процессов.

При проведении посмертных КСППЭ в гражданском или уголовном процессе также задается много вопросов к психологу, когда нужно выяснить индивидуально-психологические особенности и психологическую мотивацию поведения, которые были присущи человеку при жизни. В этом случае судебные эксперты-психологи работают с материалами уголовного или гражданского дела.

Надо добавить, что эксперт-психолог не устанавливает юридическую мотивацию преступлений, а только психологическую мотивацию поведения. Также в их компетенцию не входят ответы на вопросы, касающиеся правдивости показаний.

В заключение необходимо ещё раз подчеркнуть, что в компетенцию судебного эксперта-психолога не входит рассмотрение перечисленных вопросов, если подэкспертный имеет какое-либо психическое расстройство или заболевание, поскольку психолог не имеет права выставлять медицинские диагнозы и делает свои выводы только после выводов, сделанных психиатром относительно психического здоровья человека. Это касается всех без исключения вопросов, поскольку психолог занимается только количественными наблюдениями за изменениями психики в рамках психической нормы, а следить за изменениями личности в рамках психической патологии входит в компетенцию врачей-психиатров.

**К вопросу о способности ребенка адекватно воспринимать
семейную ситуацию и пользоваться правами,
предоставляемыми законодательством России**

Ошевский Д.С.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского,
Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Эффективная политика в сфере защиты прав и интересов детей должна основываться на понимании места ребенка в обществе, его потребностей и способов их реализации. С точки зрения законодательной и правоприменительной практики при определении границ социальной и правовой способности ребенка осознавать свои права и реализовывать их необходимо учитывать ряд аспектов. Формальным признаком такой способности является достижение субъектом определенного календарного возраста, который отражает количество прожитых лет. Его границы устанавливаются исходя из определенной конвенциональной договоренности, которая в дальнейшем закрепляется в правовых документах. Предполагается, что начиная с определенной возрастной границы, ребенок может быть субъектом при реализации собственных прав. Так, в 57 статье Семейного Кодекса РФ возрастной рубеж такой возможности определен в 10 лет. Из всех законодательных актов России, где фигурирует понятие «возраст» Семейный Кодекс содержит самую низкую возрастную границу. Начиная с десяти лет, с точки зрения законодателя ребенок приобретает социальную и правовую зрелость, которая позволяет ему выражать свое мнение по целому ряду вопросов (проживание с одним из родителей, находящимся в

разводе, восстановление родителя в родительских правах и т.п.). Это мнение должно учитываться судом или органами опеки и попечительства.

Вместе с тем, следует подчеркнуть, что в основу конвенционального определения возрастных границ должны быть положены социальные и психологические характеристики зрелости субъекта, которые наполняют ее внутренним содержанием. Способность человека правильно воспринимать свои права и реализовывать их предполагает сформированность соответствующих психологических структур (функций). В связи с этим для определения зрелости следует учитывать социальный и психологический возраст. Однако если уголовное законодательство в отношении несовершеннолетних имеет хорошо разработанную систему комментариев на эту тему (Кудрявцев, Дозорцева, 1988; Ситковская, 1999, 2009), то в семейном и гражданском праве психологических работ по этой проблематике практически нет. Между тем, вопросы, касающиеся интересов ребенка, все чаще ставятся перед органами опеки и попечительства, решаются в гражданском судопроизводстве и требуют привлечения специальных психологических познаний.

Независимо от теоретических и методологических воззрений в психологии под возрастом ребенка понимается определенный период (этап, стадию) развития. Возраст характеризуется специфичными именно для данного периода свойствами психической жизни и развития личности. В отечественной психологии одна из наиболее четких периодизаций была предложена Д.Б. Элькониным (1971) и развита в дальнейших работах Д.И. Фельдштейна (1995). В ней основанием для выделения возрастных этапов является положение о смене ведущей деятельности в процессе развития. Ведущая деятельность характеризуется тем, что в ней возникают и дифференцируются другие виды деятельности, перестраиваются и формируются основные психические процессы и происходит изменение психологических особенностей личности на данной стадии её развития, появляются новые психологические образования. Существуют и другие концепции (Божович, 1968; Петровский, 1984), которые используют иные объяснительные принципы, однако, в целом не противоречат периодизации описанной выше.

Десятилетний возраст в соответствии с систематикой Д.Б. Эльконина относится к периоду младшего школьного детства. Учебная деятельность, которая является ведущей на этом этапе развития, стимулирует формирование целого ряда психических функций. К завершению данного возрастного этапа внимание становится относительно устойчивым, появляется возможность удерживать в памяти достаточно большие объемы информации, использовать средства для более эффективного заучивания. Восприятие также становится достаточно устойчивым и избирательным. У ребенка формируется способность осмысливать окружающую действительность на более высоком – понятийном уровне. Необходимость учитывать школьные нормы и правила способствует формированию произвольности, которая позволяет осуществлять контроль над эмоциями. Вместе с тем, указанные процессы на этапе младшего школьного детства находятся еще в стадии развития. Кроме того, у младшего школьника еще не сформировано самосознание, которое позволяет

целостно и обобщенно воспринимать явления внешнего мира, своего места в нем, и выступает основой для осознанной произвольной регуляции социально значимого поведения. Следует отметить, что на этой стадии возрастного развития ребенок оценивая собственные интересы, во многом ориентируется на конкретные ситуационные факторы и не до конца способен учитывать ситуацию в целом, а также отдаленные последствия принятых решений.

Резюмируя сказанное выше, можно заключить, что мнение ребенка десяти лет следует учитывать при судопроизводстве, однако, в силу его недостаточной психологической зрелости ребенка оно не должно быть решающим при определении его интересов. Всесторонний анализ с приоритетом интересов ребенка, а также принятие взвешенного решения относится к прерогативе суда. Вопрос относительно нижней возрастной границы, начиная с которой ребенок может целостно воспринимать семейную ситуацию и использовать свои права, требует более глубокой психологической проработки.

Соотнесенность уровня тревожности и мотива достижения успеха у подростков с девиантным поведением

Поваляева А.С.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Актуальную проблему современного общества можно обозначить как нестабильность общества, неопределенность социальной ситуации. С одной стороны, это дает широкий спектр возможностей для развития каждого конкретного человека, с другой, – многие люди не могут определить, как дальше строить свое будущее в таком многообразии вариантов. Нестабильность и противоречивость, в частности, в юридической сфере влечет за собой напряженность в обществе.

Психическое напряжение и связанная с ним тревога определенным образом соотносятся с мотивацией достижения успеха и склонностью к риску.

Нам представляется важным вопрос об основных закономерностях взаимосвязи тревожности и мотивации достижения успеха у подростков. Именно в этот период, когда личностные установки не до конца сформированы, тревожность может быть особенно высокой. Мы предположили, что тревожность у подростков имеет обратную связь с мотивацией к достижению успеха, причем эта связь имеет особую специфику у подростков с девиантным поведением.

В проведенном нами эмпирическом исследовании приняли участие подростки старшего школьного возраста, из них 49 подростков с девиантным поведением и 56 подростков с нормативным поведением. Возраст испытуемых – 15-17 лет.

Изучение особенностей мотивации достижения успеха подростков проводилось при помощи следующего методического комплекса: методика диагностики мотивации к успеху Т. Элерса, методика диагностики мотивации избегания неудач Т. Элерса, методика диагностики степени готовности к риску Шуберта, “Мотивация успеха и боязнь неудачи” А.А. Реана. Для изучения и определения уровня

тревожности использовалась методика исследования тревожности Спилбергера-Ханина.

В результате проведенного нами исследования были выявлены следующие особенности мотивационной сферы и тревожности, характерные для подростков старшего школьного возраста с девиантным поведением.

У подростков с девиантным поведением преобладает высокий уровень личностной тревожности, характеризующий неустойчивость их нервно-психического состояния. У них выявляется и ситуативная тревожность, что означает подверженность негативным переживаниям при воздействии на них социально-психологических стрессоров. Высокий уровень тревожности имеет негативную связь с результатами деятельности. Отмечается корреляция тревожности со свойствами личности, от которых зависит учебная успеваемость подростков с девиантным поведением. В ситуациях риска такие подростки проявляют излишнюю осторожность, либо ориентированы на средний уровень готовности к риску. У подростков с девиантным поведением преобладает мотивация избегания неудач, причем между мотивацией избегания неудач и уровнем личностной тревожности выявлена статистически значимая и достоверная взаимосвязь.

Таким образом, выраженность уровня тревожности и мотивации достижения успеха и избегания неудач является одной из важных составляющих формирования и развития личности подростков с девиантным поведением.

Значение семьи в формировании у детей навыков адаптации в социуме

Поликашкина Е.А.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

В России в основных сферах жизнедеятельности детей возникают проблемы, вызывающие озабоченность как государственных органов, так и широкой общественности. Лабильность общества, связанная со сложной историей России, экономическими и социальными кризисами, привела к тому, что на протяжении десятилетий в нашей стране не было возможностей ориентироваться на образцы для создания модели благополучной семьи. По настоящее время семья как социальный институт постоянно претерпевает изменения. Из-за этого сама личность родителя, как и наше общество, остается нестабильной и очень переменчивой, что сильно отражается на формировании морального сознания детей, а также является для них источником психотравмирующих переживаний, что может повлечь развитие у детей различных психических отклонений, социальную дезадаптацию и породить девиантное поведение. Учитывая, что долгое время психологические аспекты семьи оставались без внимания, существенным является вопрос, как именно родители влияют на формирование личности ребенка, и какие факторы семейного воспитания сказываются на отклонениях в поведении детей и нарушениях их социальной адаптации.

С целью ответа на эти вопросы и изучения роли семьи в социальной адаптации ребенка, нами было проведено исследование субъективного мнения детей с просоциальным, девиантным и делинквентным поведением об их семьях, а также исследование особенностей и уровня их социальной адаптации. Основная гипотеза заключалась в предположении о том, что у детей с девиантным и делинквентным поведением имеется высокий уровень дезадаптивности, в отличие от детей с просоциальным поведением, опосредованный неблагоприятными факторами семейного воспитания.

В исследовании приняли участие 80 детей в возрасте от 12 до 17 лет, являющиеся учениками средней общеобразовательной школы, специальных общеобразовательных школ открытого типа и специальной школы закрытого типа. Для проверки гипотезы были использованы следующие методики: методика диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) Орел А.Н, опросник «Поведение родителей и отношение подростков к ним» Вассерман Л.И. (методика «Подростки о родителях»), методика диагностики социально-психологической адаптации Роджерса К. и Даймонда Р., проективная методика "Семейная социограмма", а также анкета, направленная на выявление интересов, потребностей, жизненных ценностей и установок детей.

Проведенное исследование позволило сделать следующие выводы. Во-первых, обнаруживается значимая связь факторов семейного воспитания с успешностью адаптации детей. Во-вторых, у детей с девиантным и делинквентным поведением имеется высокий уровень дезадаптивности, в отличие от детей с просоциальным поведением, опосредованный неблагоприятными факторами семейного воспитания. В-третьих, в семьях детей с девиантным и делинквентным поведением имеется высокая директивность со стороны родителей, а также повышена враждебность родителей в воспитании детей, что обуславливает снижение принятия ими других людей, высокий уровень эмоционального дискомфорта и эскапизма, приводит к дезадаптации. Результаты исследования доказывают, что семья влияет на ребенка значительно больше, нежели другие факторы.

Неопределенность социума и его воздействий на семью как социальный институт отрицательно сказывается на ее функциональности, воспитании и развитии детей, так как неустойчивая семья с внутренними противоречиями не может обеспечить устойчивое воспитание ребенка. Именно поэтому при коррекции дезадаптации необходимо делать акцент на восстановлении оптимального взаимоотношения личности ребенка и среды, посредством восстановления семейных отношений, чтобы ребенок мог реализовать потенциальные возможности своего возрастного развития, способности к самореализации и личностному росту, что впоследствии повысит успешность функционирования ребенка в обществе и исключит его социальную дезадаптацию.

Проявление чувства вины и ответственности у несовершеннолетних преступников

Романко О.А., Смирнова А.Р.

Нижевартовский государственный гуманитарный университет (Нижевартовск)

Негативное социальное воздействие со стороны сверстников или неудовлетворение родительским вниманием, а так же множество других факторов подталкивают подростков на совершение преступления: хулиганство, мошенничество, кража и даже убийство. Следует отметить, что некоторые несовершеннолетние преступники включаются в преступление, чтобы не казаться серой вороной в своем кругу общения, от желания доказать себе и окружающим, что он ничего не боится и может делать все, что хочет, демонстрируя тем самым свою взрослость. С другой стороны, несовершеннолетние уже способны отвечать за свои действия и слова, т.е. брать на себя ответственность за свои деяния, но впоследствии большинство из них испытывает чувство вины за совершенные криминальные действия. Вина, как правило, возникает в ситуациях, связанных с чувством ответственности. Существует тесная связь между чувством ответственности и порогом эмоции вины. Поводом для вины становятся собственные действия человека или неспособность к действиям.

Для возникновения чувства вины необходима «интернализация» определенных стандартов поведения. Это значит, что диктуемые обществом стандарты поведения переходят из разряда внешних в разряд внутренних норм. Сам человек становится источником и хранителем этих норм, он сам следит за их соблюдением. Он несет ответственность за свои поступки в первую очередь перед собой и поэтому чувствует себя виноватым, если его поведение не соответствует усвоенным им нормам (Бурбо, 2009). Специфическая функция эмоции вины заключается в том, что она стимулирует человека исправить ситуацию, восстановить нормальный ход вещей. Если подросток чувствует себя виноватым, у него возникает желание загладить свою вину или хотя бы принести извинения. Такое поведение – единственно эффективный способ разрешения внутреннего конфликта, порожденного виной. Эмоция вины в подростковом возрасте дает возможность понять и почувствовать страдания, боль мучения обиженного, она заставляет несовершеннолетнего искать варианты поведения, с помощью которых они могут исправить ситуации. Вина заставляет чувствовать ответственность и таким образом содействует росту личности, ее зрелости и психологической состоятельности. Существуют виды вины, так Р. Кочюнас (1999) различает истинную, невротическую и экзистенциальную вину. Истинная вина возникает в результате совершенных проступков. В этом случае возможна и необходима заслуженная расплата. Невротическая вина возникает из-за воображаемых проступков или нарушения запретов. Для невротического чувства вины характерны преувеличенность и неискренность. Экзистенциальной вины нельзя избежать, поэтому важно ее осознать. Она помогает воспитывать человечность и

чуткость в отношениях с другими, побуждает творчески реализовывать свои возможности.

Таким образом, изучение проявлений чувства вины и ответственности как индикаторов присвоения моральных норм и правил, играет существенную роль при формировании личности и социально-психологической адаптации несовершеннолетних в обществе.

Психологические аспекты социальной адаптации и деформации развития личности несовершеннолетних в условиях ХМАО-ЮГРЫ:

Постановка проблемы

Снегирева Т. В., Романко О.А.

Нижевартовский государственный гуманитарный университет (Нижевартовск)

Тенденции современного общественного развития, сопровождающиеся ломкой социальных стереотипов, бурным ростом культа личной свободы и личного успеха, характерного для западного общества и получившего развитие в России, находят отражение в таких деструктивных проявлениях у молодежи как: противоправное поведение, различного рода аддикции, наркотизация и алкоголизация и т.д. Социальная значимость проблемы требует ее решения не только в аспекте преодоления названных феноменов, но и в исследовании факторов, ведущих к деформациям личности и противоправному поведению, а также к выявлению их детерминант. В настоящее время все большее число детей оказывается в положении острого социального неблагополучия. Плохая экология, рост социальной агрессии, экономические проблемы, распространение наркотиков, нарастание миграционных процессов, нестабильность семьи, родительская и педагогическая некомпетентность — эти и многие другие факторы становятся внешними ограничителями процесса развития ребенка. Наличие деструктивных проблем, проблем социальной адаптации, ресоциализации и деформаций развития личности несовершеннолетних, не только мешает гармоничному развитию ребенка, но и часто ограничивает его образовательные возможности, с учетом его индивидуальных образовательных запросов и потенциала развития. Следовательно, мы имеем дело с реально существующим социальным запросом (в частности, в ХМАО-Югра) который, как и вся система образования и социального обеспечения несовершеннолетних, нуждается в конструктивной помощи и качественном сопровождении. Забота о реализации прав ребенка на полноценное и свободное развитие становится сегодня неотъемлемой целью деятельности любой социальной системы. Необходима поисковая научная исследовательская работа, которая представляет собой ответ науки и практики на требования общества и дает гарантию сопровождения и поддержку любому ребенку, в том числе и совершившему преступления.

Необходимо, чтобы специалисты в области образования (педагоги, психологи, социальные работники, учителя), а так же специалисты по работе с молодежью уделяли внимание не только социально и психологически благополучным детям, но и

контингенту несовершеннолетних, которые по разным причинам оказались в разряде девиантных.

Недостаточная разработанность проблемы в теоретическом плане и отсутствие научно обоснованных критериев оценки деформаций личности в отклоняющемся поведении, снижают эффективность прогноза в отношении дальнейшего развития личности и качество практических рекомендаций по организации психокоррекционной работы. Психологические измерения личностных деформаций субъекта, выступая как фиксация результата развития личности к моменту исследования, не позволяют однозначно судить о том, какими путями развивалась данная личность и какие факторы играли в этом развитии решающую роль. «...Простая констатация наличия той или иной индивидуально-психологической особенности оказывается неплодотворной без указания ее генеза и места в структуре целостной системы агрессивного поведения, а психологическая интерпретация поведения субъекта — неполной (в некоторых случаях — просто невозможной)» (Михайлова, 2000).

Авторский научный коллектив на сегодняшний день разрабатывает модель функционирования Центра сопровождения несовершеннолетних с различными видами девиаций на территории Ханты-Мансийского автономного округа, с учетом «рисков» ее внедрения; формулирует адресные задачи, реализация которых предусматривает построение и функционирование данного Центра в ХМАО-Югре (Михайлова, 2000; Романко, 2007; Снегирева, 2009).

**Деформация самореализации личности как фактор склонности
к делинквентному поведению подростков,
воспитывающихся в условиях детского дома**

Снегирева Т.В., Старцев М.Ю.

Нижевартовский государственный гуманитарный университет (Нижевартовск)

Формирование системы ценностных ориентаций личности является предметом пристального внимания и разнопланового изучения для различных исследователей. Актуальность социально-философского анализа ценностного мира российской молодежи, в целом, и трансформирующихся ценностных установок в период социально-экономических реформ, в частности, подчеркивается в работах Ивахненко Е.Н., Камалдиновой Э.Ш., Крокинской О.К., Локовой М.Ю. и других исследователей (Леонтьев, 1997).

Данное исследование, включающее два этапа, направлено на выявление связи деформации самореализации личности и склонности к делинквентному поведению подростков. Исследование проходило на базе УСО ЦПД «Аистенок» города Нижневартовска. В качестве испытуемых выступали воспитанники учреждения в возрасте 13-17 лет, имеющие правонарушения административного и уголовного характера, а также наблюдающиеся у психиатра (опасны для себя и окружающих). Численность выборки составила 30 человек, 17 юношей и 13 девушек соответственно.

Был использован опросник А.Н. Орла для диагностики склонности к отклоняющемуся поведению (СОП) и модификация опросника А.В. Лазукина (ДСЛ), предложенная Н.Ф. Калиным для исследования проявления компонентов самоактуализации личности.

По результатам первого этапа ясно, что «крайними» в процентном отношении выступают компоненты «ценность» – 5% от общего числа испытуемых и «автономность» – 38%. Для данного исследования представляется значимым низкий показатель компонента «ценность», что может свидетельствовать о деформации самореализации личности.

Из общего числа обследованных были выделены группы, участники которых проявили склонность к одному единственному типу отклоняющегося поведения: I группа – ярко выраженная склонность к делинквентному поведению – 16,6% (5 человек); II группа – склонность к агрессивному поведению – 12,5% (4 человека); III группа – склонность к преодолению норм и правил – 12,5% (4 человека); IV группа – склонность к аддиктивному поведению – 8,4% (3 человека); V группа – склонность к самоповреждающему и саморазрушающему поведению – 4,2% (1 человек). Связь между степенью склонности к отклоняющемуся поведению и выраженности компонента «ценность» в структуре самоактуализации личности испытуемых изучалась с помощью коэффициента корреляции рангов Спирмена.

Качественный анализ показал, что наиболее сильная связь выявлена между низким уровнем компонента «ценность» и склонностью к делинквентному поведению. Полученные данные способствуют подтверждению влияния деформации самоактуализации личности на возможность или реализацию противоправного поведения; нивелирование таких ценностей, как жизнь ближнего, порядок, справедливость, честность приводит к совершению огромного числа преступлений – от незначительных до особо тяжких. Уголовная практика России сегодня предлагает огромное число примеров, иллюстрирующих вышесказанное, что лишний раз подтверждает актуальность и значимость изложенной проблематики для современного общества.

**Особенности подготовки и назначение судебно-психологической
и комплексной психолого-психиатрической экспертизы
по делам несовершеннолетних**

Суворова И.В.

Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации (Москва)

Подготовка к назначению экспертизы включает следующие элементы: выбор экспертного учреждения и эксперта, сбор материалов и объектов для экспертного исследования, вынесение постановления, формулировка вопросов эксперту и др. Этот перечень можно дополнить следующими тактическими моментами: определением выбора времени назначения экспертизы, последовательностью назначения

нескольких экспертиз по одному делу, своевременностью предоставления эксперту постановления с материалами исследования.

Наибольшую специфику имеет назначение судебно-психологической экспертизы по уголовным делам с участием несовершеннолетних. Как свидетельствует судебная и следственная практика назначение данной экспертизы целесообразно в тех случаях, когда психическое здоровье направляемых на экспертизу несовершеннолетних не вызывает сомнения у следователя или подтверждено заключением судебно – психиатрической экспертизы. Поводами к назначению судебно-психологической экспертизы являются:

1. установление способности отстающих в психическом развитии несовершеннолетних обвиняемых полностью сознавать значение своих действий и определения способности руководить своими действиями;

2. выявление способности психически здорового несовершеннолетнего обвиняемого, свидетеля, потерпевшего правильно воспринимать существенные для дела обстоятельства и давать правдивые о них показания;

3. по делам, связанным с половыми преступлениями, необходимость установления способности психически здоровых потерпевших правильно осознавать значение совершаемых с ними действий.

4. установление наличия или отсутствия у обвиняемого в момент совершения преступления состояния физиологического аффекта или иных эмоциональных состояний, способных существенно повлиять на сознание и деятельность испытуемого.

Поводами для назначения комплексной психолого-психиатрической экспертизы являются факты установления у психически вменяемых несовершеннолетних обвиняемых признаков олигофрении в степени дебильности, психопатий, имеющих признаки психофизического инфантилизма, а также признаки остаточных явлений органического поражения центральной нервной системы.

Помимо названных элементов подготовки назначения экспертизы следует отметить также своевременность ее назначения. На начальных стадиях предварительного следствия назначение судебно-психологической экспертизы несовершеннолетнему обвиняемому чаще всего бывает неоправданно. Следователю необходимо собрать значительный объем информации о личности несовершеннолетнего, его образе жизни, об обстоятельствах преступления, в том числе из материалов уголовного дела, в которых должны содержаться данные о развитии и поведении несовершеннолетнего. Эти материалы можно разделить на две категории:

а/ содержащие общие психологические сведения об испытуемом;

б/ содержащие сведения о психологическом состоянии испытуемого в криминальной ситуации.

Эффективность судебно-психологической экспертизы во многом определяется корректностью вопросов, выносимых на разрешение эксперта. В судебной и следственной практике нередки случаи постановки вопросов, выходящих за пределы

компетенции судебного психолога. Недопустимо ставить перед экспертом-психологом правовые вопросы. Эксперт-психолог не должен давать правовую оценку материалам дела, имеющимся в них доказательствам, устанавливать виновность лица, квалифицировать совершённое деяние.

Таким образом, в подготовку к назначению судебно-психологической экспертизы входят следующие элементы: принятие решения о назначении и проведении указанной экспертизы, определение очерёдности назначения судебно-психиатрической и судебно-психологической экспертиз, подбор участников данного следственного действия и разъяснение им их прав и обязанностей, выбор эксперта или экспертного учреждения, подбор и предоставление материалов для экспертного исследования, постановка вопросов, выносимых на разрешение эксперта-психолога, в пределах их компетенции.

Личностные расстройства в подростковом возрасте в контексте судебно-психологической оценки

Сыроквашина К.В.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского,
Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Личностное расстройство как диагностическая категория наиболее широко разрабатывалась в аспекте девиантного и противоправного поведения. В практике судебного психолога-эксперта в рамках комплексной диагностики личностных расстройств необходимо психологическое исследование особенностей личности подэкспертного. При оценке структуры личности ключевыми являются такие проблемы, как установление индивидуально-психологических особенностей, оценка развитости и содержания его ценностно-смысловой сферы, изучение особенностей реагирования в различных ситуациях, степени интегрированности самосознания. Кроме того, в контексте судебной экспертизы предполагается установление влияния личностных особенностей правонарушителя на способность к осознанному руководству своими действиями.

В настоящее время в сфере психологической диагностики личностных расстройств существует ряд актуальных проблем. Оценка зрелости личности подростка – одна из основных задач при судебно-психологической диагностике. Наиболее важной в этом контексте становится дифференциация параметров, свидетельствующих о незрелости, и специфических дисгармоничных характеристик личностного реагирования. В настоящее время параметры, используемые как при оценке личностной незрелости, так и при диагностике инфантильного расстройства личности, достаточно схожи. Диагностируемая незрелость преимущественно проявляется в виде недостаточной развитости мотивационно-смысловой сферы, слабой сформированности самосознания, поверхностности суждений, преобладания непосредственных ситуативно обусловленных форм поведения, при которых

реализация незрелых мотивов облегчается слабой включенностью или отсутствием опосредующих звеньев, а также недостаточностью отдаленного прогноза последствий своего поведения. Одной из важных исследовательских задач является комплексная разработка критериев отграничения личностной незрелости как таковой от незрелости как ведущего компонента в структуре инфантильного личностного расстройства.

Другая важнейшая задача при оценке личности несовершеннолетнего – дифференциация психологических особенностей, характерных для различных типов личностных расстройств. При этом в рамках современных клинико-диагностических подходов существуют как более привычные для профессионалов категории, такие как шизоидное, истерическое, эмоционально-неустойчивое расстройства личности, так и более новые диагнозы. Диссоциальное расстройство личности – относительно новая в отечественной практике категория личностных расстройств, требующая дальнейшей разработки. Одной из проблем диагностики диссоциального личностного расстройства является возрастное ограничение, поскольку, не рекомендуется устанавливать этот диагноз подросткам до 18 лет. Однако многие исследователи соглашались с наличием социопатических черт уже в подростковом возрасте, в отдельных случаях – в детском. Наиболее частыми психологическими характеристиками подэкспертных с диагностированным диссоциальным личностным расстройством являются асоциальная направленность ценностей, стремление к реализации рискованных форм поведения, сниженная способность к сопереживанию другим людям, низкое чувство вины. Отмечается также слабая способность к усвоению опыта, что способствует закреплению сложившихся паттернов поведения, а бравада в отношении совершаемых действий свидетельствует о тенденции к формированию негативной идентичности. В отношении совершенных деяний для большинства таких подростков выносится решение о способности к осознанному и волевому руководству своими действиями. Вместе с тем, в ряде случаев у них фиксируется ограничение способности к руководству своими действиями. В контексте диссоциального личностного расстройства необходимо уточнение параметров клинической и психологической диагностики, а также особенностей экспертных решений.

Обозначенные вопросы не исчерпывают проблем в области, однако в настоящее время являются наиболее острыми и значимыми для клинико-психологических исследований личностных расстройств.

Представления о родительской семье у детей из разведенных семей

Терехина С.А.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии

им. В.П. Сербского,

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

В соответствии с системным подходом к семье развод сопровождается кардинальными изменениями на всех уровнях ее функционирования, в том числе

перестройкой семейной структуры. Все эти изменения находят отражение в трансформации соответствующих субъективных представлений как бывших супругов, так и детей.

Цель данного исследования состояла в анализе представлений о родительской семье и характере внутреннего отношения к каждому из родителей у детей, переживших развод. Для анализа были использованы результаты психодиагностических исследований детей, проведенных в рамках экспертизы по гражданским делам об определении места жительства ребенка после развода родителей (всего 44 ребенка в возрасте от 3 до 11 лет). С учетом возраста ребенка были использованы следующие методы и методики: наблюдение, беседа, проба на совместную деятельность ребенка и родителя, психосемантическая модификация Цветового теста отношений (А.Эткинд), методика определения семейных отношений (Р. Жиль), «Рисунок семьи», «Семья животных», «Превращенная семья», детский тест тематической апперцепции (САТ).

Полученные данные позволяют выделить несколько групп детей на основании особенностей системы представлений о собственной семье. У детей первой группы наблюдалось расплывчатое и нечеткое представление о собственной семье, что выражалось в расширении субъективно представленной семейной структуры за счет включения в нее родственников различной степени родства, а также друзей и знакомых. Такая система представлений свидетельствует, по нашему мнению, не столько о трудностях дифференциации членов своей семьи от других значимых лиц, сколько о фрустрировании потребности ребенка в теплых эмоциональных контактах в семье с «восполнением» их при помощи «расширения» семейной структуры.

Другой вариант представлений о семье предполагал сохранение у ребенка образа семьи, включающего его самого и обоих родителей, несмотря на тот факт, что объективно родительская семья как единое целое уже перестала существовать. Такие представления были свойственны детям, у которых психологическая переработка ситуации развода началась относительно недавно, и реальные изменения еще не нашли отражения в системе соответствующих субъективных представлений. Необходимым условием в таких случаях выступало сохранение позитивных отношений к обоим родителям. Также сходная картина наблюдалась у детей, которые сохраняли «идеализированные» представления о родительской семье, что может свидетельствовать о «психологическом» дистанцировании от реальности и уходу в область фантазий.

Система семейных представлений, где фигура одного из родителей «заменялась» фигурой отчима или мачехи зачастую отмечалась у детей, чьи родители после развода вступали в повторный официальный или «гражданский» брак, и такая «замена» активно навязывалась другим родителем. При этом постепенно формировалось негативное либо амбивалентное отношение к ушедшему из семьи родителю.

Переход от полной семейной структуры к неполной семье проявлялся в исключении ребенком «отвергаемого» родителя из собственных представлений о

семье и формировании «субъективной» семейной структуры, состоящей из ребенка и одного родителя. Такой вариант психологической переработки травмы развода у детей соответствует процессу «расщепления» значимых фигур при «конфликтах лояльности» (Фигдор, 2007).

Таким образом, анализ субъективных представлений ребенка о структуре родительской семьи в ситуации развода позволяет получить сведения как о характере протекания для ребенка послеразводного периода, так и о специфике субъективного отражения объективных процессов трансформации семейной системы. Эти результаты могут быть использованы при проведении экспертных исследований детей в гражданских делах, связанных с разводом родителей, для комплексной оценки их психологического благополучия и разработки рекомендаций для соответствующей психокоррекционной работы.

Особенности правовой социализации несовершеннолетних

Тимченко О.В.

Донецкий юридический институт Министерства внутренних дел Украины (Донецк, Украина)

Социализация представляет собой процесс усвоения индивидом образцов поведения, психологических механизмов, социальных норм и ценностей, необходимых для успешного функционирования в данном обществе. Социализация – процесс поэтапного включения индивида в социальную жизнь общества, приобщения к неизведанной социальной реальности. Результатом такого включения является формирование гармоничной личности, занимающей определенную позицию в многообразных общественных отношениях.

Важным элементом этого процесса выступает *правовая социализация*, которая позволяет индивиду включиться в систему правоотношений данного общества в ходе усвоения существующей правовой культуры. Основу правовой социализации составляют:

- усвоение правовых норм и формирование определенной позиции по отношению к этим нормам;
- оценка непосредственной реализации норм в правовом поле, выработка отношения к правовым институтам и учреждениям;
- усвоение правовой идеологии как системного, научно обоснованного отражения правовой действительности в идеях, понятиях, принципах.

Самой очевидной целью правовой социализации является обеспечение правомерного поведения личности, что предполагает формирование у каждого индивида такого интегрального правового образования, как правовое сознание.

Подростковый период является одним из самых сложных этапов в жизни человека. В это время подросток активно социализируется, входит в социум, в мир широких общественных отношений. Именно этот период жизненного пути считается

наиболее важным с точки зрения формирования правосознания и правопослушного поведения. Вот почему дефекты правовой социализации в подростковом возрасте во многом определяют картину жизни личности в дальнейшем, что может выразиться как в незначительных социально-негативных отклонениях, так и в серьезных правонарушениях.

Анализ научных разработок по изучению делинквентного поведения несовершеннолетних позволяет выделить его детерминанты (Иншаков, 2001; Корнилова и др., 2009; Бабенко и др., 2009):

- негативное влияние микросоциума на подростка (дефекты в воспитательном процессе, отсутствие контроля со стороны родителей, аморальное и противоправное поведение близких родственников, жестокость);
- психические расстройства, психопатии, повышенная возбудимость, десублимация агрессии;
- правовая безграмотность, незнание элементарных правовых норм;
- отсутствие адекватной помощи родителям в воспитании подростков со стороны педагогов, представителей правоохранительных органов, социальных служб и общественности;
- существенные недостатки в организации досуга несовершеннолетних, идеологический вакуум и, как следствие, наркотизация, алкоголизация, ситуативная, а позднее, и сознательная делинквентность.

На наш взгляд, этот сжатый перечень факторов позволяет сделать вывод о том, что проблема дефектов правовой социализации в подростковый период может быть решена только на государственном уровне с привлечением всех заинтересованных сторон (родителей, педагогов, социальных служб, правоохранительных органов). Главным направлением этой работы остается профилактика делинквентности, с помощью которой своевременно выявляются несовершеннолетние с противоправной направленностью. При проведении воспитательно-профилактических мероприятий с данной категорией лиц необходимыми являются как меры принудительного характера, так и другие формы психолого-педагогического воздействия.

Психологические характеристики несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью

Федонкина А.А.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского (Москва)

В настоящее время многим несовершеннолетним, совершившим общественно опасные деяния, свойственна личностная незрелость. При проведении экспертизы в отношении несовершеннолетних правонарушителей часто задаются вопросы на основании части 3 статьи 20 УК РФ о наличии у подростка «отставания в психическом развитии, не связанного с психическим расстройством», а также вызванного таким отставанием ограничения возможности осознанного и волевого руководства

действиями при совершении правонарушения. Категория «отставание в психическом развитии, не связанное с психическим расстройством» рассматривается в качестве экспертного понятия, имеющего своим психологическим эквивалентом личностную незрелость несовершеннолетнего. Существуют различные психологические подходы к трактовке феномена личностной незрелости. Некоторые признаки личностной незрелости могут считаться нормой для подросткового возраста, однако в юношеском возрасте выраженная личностная незрелость, как правило, является одним из проявлений психической патологии. В значительном числе случаев личностная незрелость у подростков сочетается с психической патологией, требующей лечения, вследствие этого, ч.3 ст.20 УК РФ применяется достаточно редко.

Нами проведено эмпирическое исследование, основанное на гипотезе, что личностная незрелость является весьма распространённым феноменом среди несовершеннолетних правонарушителей, имеющих определенные психологические характеристики и специфическую структуру. Мы предположили, что рассматриваемая в этом контексте личностная незрелость связана с определёнными видами психопатологии, что в совокупности может вести к недостаточной способности подростка к осознанию фактического характера и значения своих противоправных действий, а также недостаточной способности к руководству ими.

Материалом исследования послужили 150 заключений психологических исследований, проведенных в рамках стационарной комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы несовершеннолетних обвиняемых (средний возраст 15,8 лет) в ГНЦССП им. В.П. Сербского в 2006 – 2009 годах. При анализе заключений фиксировались выявленные в экспертизе индивидуально-психологические особенности, сопутствующая клиническая диагностика психических расстройств подэкспертных, сведения относительно степени осознанности общественно опасных деяний и волевого руководства ими.

По данным анализа, личностная незрелость была зафиксирована психологами-экспертами у 33,0% несовершеннолетних выборки. Были выделены 15 признаков, характеризующих личностную незрелость, которые мы содержательно классифицировали следующим образом: специфические признаки мотивационно-смысловой сферы (ее недостаточная развитость, поверхностность и облегченность суждений, узкий кругозор, узкий круг интересов, в основном развлекательного характера), самосознания (слабая сформированность самосознания, недифференцированность самооценки), регулятивных функций (сниженный прогноз последствий своих действий; трудности конструктивного разрешения проблемных ситуаций, трудности волевого контроля активности, зависимость от мнения референтной группы), социальных установок (эгоцентризм, фиксация на удовлетворении собственных интересов и потребностей, низкое чувство ответственности), а также (в случаях совершения сексуальных правонарушений) – слабость полоролевой самоидентификации и идентификации объекта сексуальных потребностей.

Обнаружено, что некоторые из перечисленных признаков могли встречаться не только у несовершеннолетних с диагностированной личностной незрелостью, но и у подэкспертных без такой диагностики. Существенное различие между этими группами подростков заключалось в количестве признаков: если у первых их число составляло не менее 4 из 15 возможных, то во второй – не более 3.

С помощью кластерного анализа у несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью были выделены типичные группировки признаков:

- слабая сформированность мотивационно-личностной сферы и способности разрешать проблемы (узкий кругозор, узкий круг интересов и предпочтение развлекательных форм активности, слабая сформированность самосознания, низкое чувство ответственности, недостаточная развитость мотивационной сферы, сниженный прогноз последствий своих действий и трудности конструктивного разрешения проблемных ситуаций);
- пониженный уровень морального развития (фиксация на удовлетворении собственных интересов и потребностей, эгоцентризм, зависимость от мнения референтной группы);
- недифференцированность оценок (поверхностность суждений и недифференцированная самооценка);
- трудности волевого контроля активности.

Можно заключить, что в совокупности эти признаки образуют психологический симптомокомплекс личностной незрелости, а полученная группировка характеризует его структуру.

В проведённом нами исследовании обнаружено, что для несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью характерны определённые виды психопатологии. В подавляющем большинстве случаев у таких подростков диагностируется психопатология органического генеза (70,0%), причем значительно чаще, чем у несовершеннолетних правонарушителей с отсутствием незрелости. Отсутствие психопатологии встречается достаточно редко, всего в 6,0% случаев.

По данным анализа, большинство подростков с личностной незрелостью, могут, в целом, осознанно руководить своими противоправными действиями, то есть признаются вменяемыми в 78,0% случаев. Вместе с тем, в отличие от подростков с отсутствием личностной незрелости, такая способность у них ограничена, и их значительно чаще рекомендуется признавать ограниченно вменяемыми (56,0%) вследствие имеющихся у них органических расстройств, сопровождающихся личностной незрелостью. Таким образом, психопатология органического генеза, сопровождающаяся личностной незрелостью, существенно снижает способность несовершеннолетнего к осознанному руководству своими действиями. Механизмы взаимодействия между психопатологическими и психологическими факторами в формировании личностной незрелости, остаются пока, однако, недостаточно исследованными.

Результаты проведенного исследования могут быть применены в психологической диагностике при проведении комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз несовершеннолетних. Использование сведений о выявленном симптомокомплексе личностной незрелости, а также о количественном выражении признаков незрелости будут способствовать принятию более точных и обоснованных экспертных решений.

Природа девиаций и их связь с разными возрастными периодами

Филонов Л.Б., Коноплева И.Н.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Социальные психологи и социологи, занимающиеся изучением отклоняющегося поведения, пришли к выводу, что девиантное и нормативное поведение – две стороны социально-ролевого поведения. Именно поэтому проявление девиантного поведения у подростка имеет целью преодоление фрустрации из-за невозможности и нежелания соответствовать нормам общества, которые еще не стали нормами для взрослеющего человека. Проявления девиантного поведения зависят от того, как подросток умеет регулировать взаимоотношения в обществе. Причем это поведение может иметь не только негативную, но и позитивную направленность, вместе с тем оно отличается от принятого в обществе. Различия между негативной и позитивной девиацией достаточно условны – нормы общества постоянно претерпевают изменения и отдельные формы девиантного поведения могут становиться социально приемлемыми.

Отклоняющимся может быть признано и поведение, не соответствующее возрастным шаблонам и традициям, являющееся следствием ряда причин. Наличие норм, позволяющих фиксировать типичные черты несовершеннолетних определенного хронологического возраста, дает возможность рассматривать каждого отдельного подростка как вариант, более или менее отклоняющийся от основного типа. В соответствии с этим к отклонениям можно отнести и категорию одаренных детей, поскольку они также отличаются от сверстников. Существует определенная параллель между творческой и девиантной личностью, на что так же указывали многие специалисты.

Психологи, придерживающиеся гуманистического подхода, рассматривают отклонения в поведении как следствие потери ребенком согласия со своими собственными чувствами и невозможность реализовать себя в сложившихся условиях воспитания. В соответствии с учением Л.С. Выготского, человек становится личностью по мере включения в окружающую жизнь, т.е. личность и ее аномалии рассматриваются в социально обусловленной, развивающейся жизнедеятельности, в смене отношений ребенка к окружающему социуму. Искаженные формы самоутверждения могут возникнуть у несовершеннолетнего, если взрослые продолжают относиться к нему, не обращая внимания на его изменения, на его развитие и взросление. По нашему мнению природа девиаций лежит в задержке

смены отношений к ребенку\подростку в то время, когда он переживает возрастной кризис.

Возрастной кризис понимается как состояние, в котором могут возникать специфические переживания непонятности подростка окружающим миром. Девиантные формы поведения – это приспособление к социальным и психологическим особенностям реальной жизни подростка. Аналогичную причину возникновения отклонений в поведении выдвинул Роберт Мертон, который пришел к вводу, что несогласованность между целями, выдвигаемыми обществом, и средствами, которые оно предлагает для их достижения может вызвать необходимость в изменении поведения образом, не принятым в обществе (Осипова, 1998). Несовершеннолетний меняет свое отношение к жизни и к окружающим, а вот его окружение к этому оказывается не готово, в связи с чем подросток вынужден вести себя непривычным для него и окружающих образом.

С подобными взглядами трудно не согласиться, ведь ускорение биологических и психологических процессов в период возрастных кризисов приводит к изменениям в поведении и самосознании подростка. Окружающие его близкие, как правило, оказываются не готовы признать быстро свершившиеся изменения и продолжают относиться к повзрослевшему человеку на прошлом уровне, запуская этим конфликтную ситуацию. Период взросления может спровоцировать возникновение глубоких психологических проблем.

Многие девиантные поступки подростков, попадающие в поле зрения воспитателей, являются следствием личностного кризиса. На это обращает внимание В.Л. Васильев, описывая такие изменения в строении организма подростка, которые обусловлены процессом полового созревания и проявляются в изменении пропорций тела, что болезненно воспринимается подростком, в соматических жалобах. В тоже время меняется и поведение несовершеннолетнего, что проявляется в эмоциональной неустойчивости, повышенной возбудимости, неуравновешенности, неадекватности реакции, выливающихся в неоправданную резкость и повышенную конфликтность, что само по себе способно затруднить его отношения с окружающими (Васильев, 2000). Резкое появление качественно новых свойств психики подростка требует от взрослых перестройки характера отношений с ребенком, изменений системы воспитательных мер и воздействий.

Для подросткового возраста характерна также повышенная конфликтность, особенно в отношениях со взрослыми, родителями и учителями. Одной из причин таких конфликтов со старшим поколением является новообразование подросткового периода – «чувство взрослости».

В подростковом возрасте заканчивается процесс усвоения моральных и правовых норм поведения. Это обстоятельство учитывается законодательством, которое установило частичную уголовную ответственность за убийство, кражи, грабежи, разбои, изнасилования и другие опасные преступления с 14 лет и полную уголовную ответственность за все преступления, предусмотренные Уголовным Кодексом – с 16 лет.

Конфликтность подростка приводит к тому, что меняется вся система отношений подростка и с близкими взрослыми и со сверстниками. В период роста и взросления у подростка закладывается самосознание и самооценка, чем и обусловлены большинство возникающих противоречий с окружающими. Проблемой изучения самооценки у девиантных подростков к настоящему времени занималось очень большое количество специалистов – психологов, педагогов и социологов. Важнейшей особенностью подростков является постепенное превращение оценки общественной значимости поведения в его собственную самооценку, в ходе чего у них формируются критерии самооценки.

Исследования, проведенные под руководством Л.Б. Филонова (И.В. Егоров, И.С. Дьяченко, А.А. Ларин, Л.М. Ганьшина, Т.Г. Дюбина) позволили предположить наличие устойчивой связи между самооценкой и проявлениями девиаций. При этом отдельные девиации позволили подросткам продемонстрировать свою уникальность, повысить тем самым самооценку и заявить о себе окружающим. Нами высказано предположение, что изучение крайних вариантов самооценки подростка в сочетании с личностными особенностями и анамнезом жизни даст возможность лучше понять природу девиаций и выявить факторы, влияющие на отклоняющееся поведение.

Психологические последствия отказа родителей для подростков с девиантным поведением

Челнокова М.Л.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Кризисные явления в современном обществе резко обострили проблему социального сиротства. Эта проблема затрагивает не только социально-экономические, а также психологические и нравственные аспекты нашей жизни. В настоящее время в нашей стране на всех уровнях государственной власти ведется поиск методов борьбы с этим социальным злом. Основное внимание уделяется материальной составляющей данного вопроса: социальным сиротам предоставляется благоустроенное жилье, оказывается помощь в трудоустройстве. Тем не менее, на наш взгляд, этого недостаточно. Практика показывает, что основными причинами социального сиротства являются лишение прав родителей, ненадлежащим образом исполняющих свои родительские обязанности, и отказ самих родителей от своих детей, вследствие чего дети попадают в группу риска социальной дезадаптации и возникновения психических расстройств (Вассерман, Горьковая, Ромицына, 2004). В связи с этим первоочередной задачей в работе с данной категорией детей является профессиональная помощь в преодолении посттравматических стрессовых реакций, расстройств адаптации, а также негативного влияния на последующую социализацию (Селявина, 2005).

По мнению Е.Г. Дозорцевой (2007), при работе с детьми, пережившими психическую травматизацию, необходимо создавать ресурс позитивного личностного развития ребенка и, устраняя его негативные переживания, формировать

положительный образ Я и окружающего мира. Так же по нашему мнению, необходимо проводить коррекционно-реабилитационную работу с детьми на базе учреждений системы образования и социальной защиты, включающую в себя проработку перенесенных ими психологических травм.

Большая часть отказов родителей от детей происходит вскоре после рождения ребенка. Случаи отказа родителей от ребенка в подростковом возрасте более редки и имеют свои характерные черты. Причинами таких отказов обычно становятся конфликты между ребенком и его родителями, а точнее, неспособность родителей правильно подойти к разрешению этих конфликтов. Подобное развитие детско-родительских отношений обусловлено различными факторами, одним из которых является девиантное поведение самого подростка. Известно, что девиантное поведение имеет многообразие форм проявления, начиная от незначительных проступков и кончая стойкими поведенческими отклонениями, и многообразие причин возникновения, начиная от генетических и кончая социальными факторами. Становится очевидным тот факт, что проблема, побудившая родителей принять решение об отказе от ребенка, еще больше усугубляется после его реализации.

Так, специалисты, занимающиеся проблемами социального сиротства (Беляков В.В., Бурлакова Т.Т., Заславская О.В., Иванова Н.П., Кобринский М.Е., Прихожан А.М., Толстых Н.Н., Щелованов Н.М. и др.), отмечают, что дети, пережившие отказ родителей, характеризуются обидчивостью, эмоциональным напряжением, обособленностью, конфликтностью, агрессивностью. Наблюдаются также искажения в структуре самосознания, низкая самостоятельность, отсутствие временной перспективы будущего, ограниченность мотивации.

В исследуемой нами проблеме, где речь идет о подростках с девиантным поведением, данные проявления являются последствием психологической травмы, возникшей вследствие отказа от подростка родителями.

Подростки имеют специфическую реакцию на травму: они могут начать избегать людей, перестать взаимодействовать с окружающими, либо наоборот, чрезмерно кому-то подражать, впасть в зависимость от мнения идеализируемого субъекта, начать проявлять агрессию в поведении, подавленность, сниженную концентрацию внимания, кататонию, резкую смену настроения, соматические расстройства, предпринимать суицидальные попытки.

Следует признать, что даже самая активная психолого-педагогическая работа по снижению уровня негативных проявлений у детей, переживших отказ родителей, никогда полностью не компенсирует той утраты, которую они понесли. По результатам исследований Е.Г. Дозорцевой (2002), дети, оказавшиеся в детском доме, испытывают еще более неблагоприятное воздействие на личностное и психическое развитие, чем те, которые воспитываются в неблагополучных семьях.

В работе над этой проблемой, нам представляется целесообразными выделить следующие этапы:

- выявление и анализ психологических предпосылок отказа родителей от подростков с девиантным поведением;

- выявление и описание психологических последствий для подростков с девиантным поведением отказа от них родителей, так как это необходимо для адекватной диагностической оценки характера и степени выраженности последствий травмы для успешной психокоррекционной и реабилитационной работы;
- разработка, реализация и оценка эффективности программ психокоррекционной помощи подросткам, переживших отказ от них родителей.

Клинико-социальные характеристики подростков-правонарушителей с расстройствами шизофренического спектра

Шадуро Ю.В.

Московская психиатрическая больница № 5 (Москва)

Прогноз опасности лиц с психическими расстройствами, главным образом, риска совершения ими в будущем агрессивных, насильственных действий является предметом большого числа зарубежных и отечественных исследований (Мальцева, Котов, 1987-1995, Hall, 1987; Hodgins, 1992; Megargee, 1976; Monahan, 1981; Monahan, Steadman, 1994; Mulvey, Lidz, 1984, 1995). В таких исследованиях выделяется целый ряд факторов, которые могут быть использованы в качестве маркеров, «предсказателей» будущей опасности (Полубинская С.В.). К таким факторам относятся клинические (диагноз психического расстройства, его тяжесть, динамика, синдромальное описание психического состояния больного и т.п.), социально-демографические (пол, возраст, расовая или этническая принадлежность, принадлежность к определенной социальной группе и др.), употребление алкоголя или наркотических средств, факты применения насилия в прошлом и т.п.

Выявление различий клинико-социальных комплексов криминального поведения подростков, могут послужить для прогнозирования и предупреждения ООД, а также помогут дифференцировать методы профилактики и повысить эффективность этих мер.

С целью выполнения поставленной задачи были обследованы 61 пациент, находившиеся на стационарном принудительном лечении (общий и специализированный тип) в МПБ №5, совершившие в подростковом возрасте разные по степени тяжести правонарушения, которым были установлены диагнозы шизофренического спектра. Информация была собрана с помощью специально разработанной «Индивидуальной карты обследования подростка».

В 83% (51) случаев был установлен диагноз F 20.XX, в том числе недифференцированная шизофрения, шизофрения параноидная, гебефреническая шизофрения. В остальных случаях 17% (10) диагноз F 21.XX псевдопсихопатоподобная шизофрения, шизотипическое расстройство, шизотипическое расстройство на органически неполноценной почве.

В результате проведенного исследования были выявлены следующие клинические, социальные, возрастные и личностные факторы, способствующие общественно опасному поведению подростков-правонарушителей.

1. Наследственная отягощенность отмечена в 70,5% наблюдений.

2. Патология беременности отмечена при анализе анамнестических данных в 34,3% случаев, патология родов в 40% наблюдений.

3. В дошкольном возрасте выявлены экзогенно-органические факторы в 44% случаев, инфекционные заболевания с осложнениями выявлены в 31% случаев.

4. В препубертатном периоде отмечены ведущие синдромы: с преобладанием эмоционально-волевых расстройств – 30% наблюдений, криминализацией поведения – 21%, почти в половине случаев выражено аффективное поведение, особенно эмоциональная неустойчивость – 23% случаев.

5. Пубертатный период:

5.1. Течение пубертатного криза наблюдалось как дисгармоническое в 50% случаев, с явными признаками патологии развития 10% случаев.

5.2. Гебоидный синдром встречался в 29% случаев.

5.3. Наблюдение специалистами: наибольшее количество несовершеннолетних – 40% систематически наблюдались у специалистов (невролог, психиатр, нарколог).

5.4. Употребление алкоголя в повседневной жизни отмечено у 57% подростков, из них 21,1% употребляло алкоголь систематически, а 5% злоупотребляло.

5.3. Употребление наркотических веществ отмечено у 13% подростков.

5.4. Употребление токсических веществ выявлено у 8% обследуемых.

5.5. Госпитализации в психиатрические учреждения проводились в 54% из них 39% госпитализировались повторно и более раз.

5.6. Школьное обучение: в общеобразовательной школе обучались 60% несовершеннолетних, во вспомогательной (для детей с девиантным поведением) – 20% , в коррекционной – 11,4%, дублировали классы – 31,5%.

5.7. Проявление социальной дезадаптации: 92,8% обследуемых в той или иной форме проявляли дезадаптации. В подавляющем большинстве случаев это было асоциальное поведение – 46% обследуемых, также присутствовала агрессивность, конфликтность – 32% подростков, уход в мир мистических представлений – 16%, утрата прежних интересов, безучастность – 11,4%, иные формы дезадаптации присутствовали в 8% (угрозы родителям, отсутствие мотивации самостоятельной жизни). В 23% случаев одновременно наблюдались 2 и более проявлений дезадаптации.

5.8. По данным психологических исследований: повышенная утомляемость встречалась в 78,5% наблюдений, эмоциональная обедненность, отсутствие включенности встречалось в 85,3% случаев. Ярко выраженная конкретность мышления в 16,4% случаев, инертность мышления наблюдалась у 14,7% подростков, затрудненная переключаемость – 10% , ослабление механической памяти в 6,5% случаев.

Таким образом, можно отметить, что в генезе ООД наряду с клиническими проявлениями в рамках различных нозологических форм существенную роль играют возрастно-половые особенности больных, уровень их образования, специфика трудовой деятельности, семейно-бытовые условия, алкоголизация и другие экзогенно-органические влияния, наконец, реально-бытовая ситуация, в которой оказался пациент.

Судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетних в ювенальной юстиции

Шипшин С.С.

Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции
Российской Федерации (Ростов-на-Дону)

Традиционно, когда речь заходит о судебно-психологической экспертизе (СПЭ) несовершеннолетних, у практических работников (следователей, судей, адвокатов, а также экспертов – психологов и психиатров) по ассоциации возникает образ несовершеннолетнего обвиняемого/подсудимого. Однако проблема защиты прав детей (а детьми являются лица в возрасте до 18 лет) не ограничивается только лишь учетом прав несовершеннолетнего обвиняемого или подсудимого. В условиях внедрения ювенальных подходов, а также принципов восстановительного правосудия в практику российского судопроизводства в поле зрения практических работников оказываются также несовершеннолетние потерпевшие и свидетели, которым правонарушением/преступлением причинена психотравма. Это связано с повышенной уязвимостью ребенка в силу незавершенности процесса его физиологического, психического и личностного развития. Именно поэтому дети являются особым объектом защиты их прав. Необходимо отметить, что ребенок в большей степени требует защиты и в сфере гражданско-правовых отношений и в сфере, охраняемой административным правом. Подобные потребности судебной и следственной практики послужили толчком для развития СПЭ несовершеннолетних.

Существующая классификация судебно-психологической экспертизы базируется на «процессуально-предметном» принципе, а потому в ней выделена в качестве самостоятельного вида СПЭ несовершеннолетних обвиняемых. Что касается несовершеннолетних потерпевших и свидетелей, то они изучаются в рамках других видов – СПЭ свидетелей и потерпевших и СПЭ потерпевших по делам о сексуальных преступлениях, предполагающих экспертизу не только детей. Разделяя традиционный подход к классификации СПЭ, следует отметить, что в случае, когда подэкспертным является ребенок, «предметность» превалирует над «процессуальностью». Это связано с отмечавшейся выше незавершенностью физиологического, психического и личностного развития ребенка, а поэтому юридически значимые факты, относящиеся к его психической деятельности, независимо от процессуального статуса ребенка, требует особого подхода, как к диагностике, анализу, так и их правовой оценке.

В настоящее время, исходя из процессуального положения несовершеннолетнего, можно выделить 3 вида СПЭ: 1. психологическая экспертиза несовершеннолетнего, нарушившего закон (права), т.е. экспертиза правонарушителя; 2. психологическая экспертиза несовершеннолетнего, чьи права были нарушены, т.е. экспертиза потерпевшего; 3. психологическая экспертиза несовершеннолетнего свидетеля нарушения закона (прав).

1. Касаясь экспертизы несовершеннолетнего правонарушителя, необходимо отметить, что данный вид СПЭ востребован, прежде всего, уголовным процессом, однако может иметь значение и в гражданском процессе (ст. 1078 ГК РФ), а также в административном процессе (ч. 2 ст. 2.3 КоАП РФ). К числу традиционно решаемых экспертных задач при расследовании преступлений несовершеннолетних следственная и судебная практика добавляет новые – в частности, оценку риска рецидива правонарушения. Предлагаемый подход также позволяет по-иному рассматривать несовершеннолетних правонарушителей, которые к моменту совершения правонарушения не достигли возраста уголовной ответственности и традиционно изучаются в рамках экспертизы свидетелей. Предметом такой экспертизы являются факторы (индивидуально-психологические, социально-психологические), свидетельствующие о случайности/закономерности совершенного правонарушения или обуславливающие вероятность рецидива; «защитные» факторы, способствующие успешной ресоциализации.

2. Психологическая экспертиза в отношении несовершеннолетнего, чьи права были нарушены (потерпевшего) назначается в тех случаях, когда несовершеннолетний становится жертвой преступления. Назначение подобной экспертизы целесообразно в случаях, когда преступлением ребенку причиняется (либо может быть причинена) физическая либо психическая травма. Практика свидетельствует о том, что чаще всего психологическая экспертиза потерпевшего назначается по фактам совершения преступлений против половой неприкосновенности и половой свободы личности (ст.ст. 131- 135 УК РФ). Реже назначаются экспертизы потерпевших по фактам преступлений против жизни и здоровья (ст.ст. 111-119, ст.ст. 121-122 УК РФ). Только в последнее время стали назначаться экспертизы при расследовании и судебном разбирательстве дел по фактам совершения преступлений против здоровья населения и общественной нравственности (ст.ст. 230, 240, 242.1 УК РФ). Так же только в последние два года отмечаются случаи назначения психологических экспертиз по фактам совершения преступлений против семьи и несовершеннолетних (ст.ст. 150 – 151, ст.ст. 155-156 УК РФ). Это требует определения новых экспертных задач, решаемых СПЭ, разработки методических подходов к их решению, а также конкретных методов исследования.

3. СПЭ несовершеннолетнего свидетеля нарушения закона (прав) назначается в тех случаях, когда свидетель представляется «ненадежным», т.е. его показания характеризуются неполнотой, внутренней противоречивостью либо противоречат большинству других показаний, собранных по делу, и могут быть вызваны как

причинами психологического порядка (невысокий либо недостаточный уровень психического развития вследствие возраста или отставания в психическом развитии; особенности познавательной деятельности, в том числе обусловленные недостатками сенсорных систем; экстремальное эмоциональное состояние и т.д.), так и неблагоприятными условиями восприятия. Следует отметить, что противоречивость в показаниях может быть вызвана и социально-психологической атмосферой, которая складывается вокруг расследования преступления, ее влиянием (чаще негативным) на несовершеннолетнего. Данный вид экспертизы, как правило, назначается по уголовным делам, но может быть востребован в гражданском и административном процессах.

Необходимо особо остановиться на СПЭ детей и несовершеннолетних в гражданском процессе. Помимо упоминавшейся ст. 1078 ГК РФ (экспертиза несовершеннолетнего правонарушителя), экспертиза может назначаться в отношении несовершеннолетних, чьи права нарушены (т.е. потерпевших), в случаях, когда рассматривается вопрос о лишении или ограничении родительских прав (п. 1 ст. 70 и п. 1 ст. 73 СК РФ), а также при разрешении споров о месте жительства ребенка при раздельном проживании родителей (п. 3 ст. 65 СК РФ); об осуществлении родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка (п. 2 ст. 66 СК РФ); об устранении препятствий к общению с ребенком его близких родственников (п. 3 ст. 67 СК РФ).

Следует особо подчеркнуть, что до настоящего времени не уделяется внимания экспертизе морального вреда, причиненного несовершеннолетнему потерпевшему (прежде всего, по делам о сексуальном насилии). Это важно с учетом наметившегося поворота правосудия к жертве преступления, прежде всего несовершеннолетней, что делает этот вид экспертизы актуальным.

Таким образом, фокус на особом предмете экспертизы – психике ребенка в юридически значимой ситуации, во-первых, базируется на особых правовых и процессуальных подходах при защите прав детей различного процессуального статуса; во-вторых, позволяет концентрировать усилия на разработке универсальных (для различных видов процесса) методических подходов, конкретных методов экспертного исследования ребенка, с учетом особого предмета экспертизы; в-третьих, требует разработки программы подготовки и самой подготовки экспертов, специализирующихся на экспертном исследовании детей и несовершеннолетних, нуждающихся в защите их прав.

Исследование «морального вреда» в судебно-психологической экспертизе несовершеннолетних

Шипшин С.С.

Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции
Российской Федерации (Ростов-на-Дону)

В последние годы резко возросло количество дел по фактам сексуального насилия в отношении малолетних и несовершеннолетних (дела по фактам «педофилии»), расследуемых органами прокуратуры. Несовершеннолетние потерпевшие в силу недостаточного уровня психического, сексологического развития, а также личностной незрелости часто оказываются в беспомощном состоянии в ситуации сексуального насилия. В то же время беспомощность жертвы не всегда бывает очевидной в процессе расследования или судебного рассмотрения уголовных дел. Судебно-психологическая экспертиза (СПЭ) может существенно помочь следственным органам и судам для выявления признаков «психологической беспомощности» жертвы в ситуации сексуального преступления.

Как показывает экспертная практика, психологическая и комплексная психолого-психиатрическая экспертиза в отношении несовершеннолетних потерпевших по делам о сексуальных преступлениях занимает второе место после экспертизы несовершеннолетних обвиняемых. В первую очередь, следствие интересуется установление способности потерпевших к адекватному восприятию юридически значимой информации, ее сохранению и адекватному (правильному) воспроизведению, а также – способности потерпевшего лица понимать характер и значение совершаемых с ним действий и оказывать сопротивление. В результате проведения экспертизы следствие получает научно обоснованные, процессуально оформленные и защищенные от заведомой ложности данные, позволяющие оценить достоверность показаний потерпевшего лица и решить вопрос о его нахождении в беспомощном состоянии в момент совершения в отношении него преступного деяния. Эти данные позволяют, с одной стороны, изобличить обвиняемого, с другой, – правильно квалифицировать его деяние. Следует отметить, что данные экспертные задачи традиционно содержатся в вопросах, выносимых на разрешение экспертизы. В последнее время некоторыми следователями начал ставиться вопрос о том, привели ли действия насильников к психологической травме у потерпевшей. Подобный вопрос закономерно вытекает из содержания п. б ч. 3 ст. 131, п. б ч. 3 ст. 132 УК РФ («...иные тяжкие последствия») и также влияет на квалификацию преступного деяния. Однако вытекающая из него экспертная задача позволяет следствию и суду обратиться не только к правонарушителю, но и к жертве, поскольку психологическая травма, не будучи тождественной «моральному вреду», лежит в основе «нравственных страданий».

Известно, что действиями насильника нарушаются фундаментальные права человека (в частности, право на жизнь, здоровье, свободу, честь, достоинство, половую неприкосновенность и т.д.). При этом самым тяжелым последствием насилия (не только сексуального), является разрушение «внутренней картины мира» жертвы. В частности, по мнению С. Эпштейна (1993), краеугольными для любого человека являются четыре убеждения, которые позволяют успешно адаптироваться в окружающем мире. Во-первых, убеждение в том, что мир доброжелателен, не несет угрозу. Во-вторых, – что мир осмыслен, предсказуем, контролируем и стабилен. В-третьих, окружающие являются доброжелательными по отношению к человеку, не

несут для него угрозы. Наконец, в-четвертых, сам человек представляется стоящим, ценным. Насилие способно не просто поколебать эти убеждения, но и разрушить их, дестабилизировав тем самым структуру личности. Это приводит к дезадаптации, глубина которой зависит как от степени причиненного ему вреда, так и от индивидуально-психологических особенностей (в частности, потенциала совладания с экстремальными ситуациями).

Таким образом, моральный вред в качестве предмета судебно-психологического экспертного исследования определяется, с одной стороны, потребностями следственной и судебной практики, с другой, вытекает из уголовного закона, и, наконец, обусловлен реальностью негативных изменений, возникающих у жертвы сексуального насилия.

Согласно разработанной в системе СЭУ Минюста России методике экспертной оценки морального вреда, выделяются следующие обязательные психологические признаки морального вреда: 1) высокая личностная значимость факта нарушения права (психотравмирующего события) и последствий этого нарушения (является необходимым условием возникновения переживаний суть морального вреда); 2) наличие изменений в психической деятельности различной длительности, глубины, интенсивности, сопровождающихся преимущественно отрицательно эмоционально окрашенными переживаниями; 3) нарушение адаптации на различных уровнях, в одной или нескольких сферах деятельности личности. Факультативным признаком может являться осознание факта нарушения прав, принадлежащих личности (притом, что осознание может происходить не только на уровне правового сознания, но и на уровне морального и обыденного сознания и описываться в категориях, им присущих).

Таким образом, если традиционно общим предметом экспертизы несовершеннолетних потерпевших по делам о сексуальных преступлениях является способность понимать характер и значение совершающихся с ними действий и способность к оказанию сопротивления, то частным предметом является установление фактических данных об изменениях психической деятельности потерпевшей, наступивших в результате действий насильника. Из этого следует, что задачами СПЭ потерпевших по делам о сексуальных преступлениях в этой части являются: 1) выявление изменений психической деятельности пострадавшего; 2) определение степени выраженности этих изменений; 3) выявление индивидуально-психологических особенностей, существенно повлиявших на изменения в психической деятельности (на динамическом и содержательном уровнях); 4) установление причинно-следственной связи между изменениями психической деятельности потерпевшей и действиями обвиняемого.

В тех случаях, когда у следствия или суда возникают обоснованные сомнения относительно психического здоровья потерпевшей или факт психического расстройства (в том числе пограничного) зафиксирован в медицинской документации, экспертиза должна проводиться в комплексной форме (психолого-психиатрическая, в ряде случаев медико-психолого-психиатрическая). В таком

случае, к совместной компетенции экспертов относится установление степени изменений психической деятельности, потенциальной способности пострадавшего противостоять стрессогенным воздействиям, причинной связи между обнаруженными изменениями психики и внешними факторами, в том числе событием причинения морального вреда, а также прогноза динамики и содержания психического состояния пострадавшего, возможности рецидива негативных изменений психической деятельности. Дополнительно могут быть определены возможность дальнейшего участия потерпевшей в следственных действиях, а также при судебном рассмотрении дела, а также необходимость и содержание медицинской, психотерапевтической или психологической помощи, других реабилитационных мер с целью устранения имеющих место негативных последствий морального вреда (при постановке следствием или судом соответствующих экспертных задач).

Представления о семье у несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательной колонии

Шипшина О.С.

Южный региональный центр судебной экспертизы Министерства юстиции
Российской Федерации (Ростов-на-Дону)

Существует достаточно большое количество факторов, которые влияют на возможную криминализацию несовершеннолетнего. Подобные факторы могут быть разного порядка, относиться как к макросоциальному, микросоциальному уровню, так и непосредственно к индивидуальным особенностям конкретного несовершеннолетнего. Одним из наиболее важных факторов риска является семейная ситуация, в которой находится несовершеннолетний. Семья может оказать решающее значение при формировании делинквентного поведения у несовершеннолетних.

В настоящее время для оценки риска совершения несовершеннолетними преступлений используются различные структурированные методы, которые включают в себя набор различных факторов риска, а также, в некоторых случаях, защитных факторов, которые оцениваются специалистом. Среди наиболее известных методов можно выделить SAVRY, HCR-20, RNA и т.д. Каждый из этих методов выделяет семью и взаимоотношения в семье как один из наиболее значимых факторов риска криминализации несовершеннолетнего.

Нами был использован адаптированный и модифицированный вариант метода RNA – Оценки риска/потребностей (ОП, Risk/Needs Assessment, Д. Эндрюс, Дж. Бонта, Р. Хоуг) – STOPP (Структурированная оценка риска и ресурсов). Он рассматривает восемь групп факторов риска: прошлые и настоящие правонарушения/решения суда; семейные обстоятельства/выполнение родительских функций; образование/трудова занятость; отношения со сверстниками; злоупотребление психоактивными веществами; свободное время/досуг; личность/поведение; установки/социальные ориентации, а также четыре группы дополнительных факторов (социально-психологические факторы, проблемы

физического и психического здоровья, личностные проблемы, предыстория криминализации). Поскольку предметом нашего исследования являлись представления несовершеннолетних осужденных о семье, нас интересовало, насколько полно отражает СТОРР семейные обстоятельства в генезисе противоправного поведения. В СТОРР данный фактор включает в себя такие показатели, как отсутствие должного контроля, трудности в осуществлении контроля над поведением ребенка, применение неприемлемых и неадекватных дисциплинарных методов, непоследовательное воспитание, плохие взаимоотношения отец-ребенок, плохие взаимоотношения мать-ребенок. Из дополнительных факторов (социально-психологические факторы риска) уточнить семейные обстоятельства могут такие факторы, как эмоциональные проблемы в семье, алкоголизация родителей, криминальный опыт родителей и некоторые другие. Источниками информации для оценки являются интервью (беседа) с родителями и подростком, характеризующий материал с места учебы и места жительства, меддокументация, информация, полученная от учителей, друзей, данные психологического (психодиагностического) исследования и т.д. Как показывает практика, при оценке семейного фактора специалисты опираются на формальные, «социологические» данные (возраст, образование, занятость родителей). При этом такие данные не отражают качественное своеобразие семейного воспитания, отношение к ребенку, взаимоотношения в семье. Нас интересовало «психологическое наполнение» данного фактора, и, прежде всего, «взгляд изнутри» – то, как сами несовершеннолетние оценивают своих родителей и методы их воспитания. Нас также интересовало, насколько эти представления будут соответствовать оценкам специалистов и дополнять их. Для этого была использована методика «Подростки о родителях» (Л.И. Вассерман, И.А. Горьковая, Е.Е. Ромицына), которая изучает установки, поведение и методы воспитания родителей так, как видят их дети в подростковом и юношеском возрасте. Результаты методики отражают как объективные, то есть действительные отношения и стили воспитания родителей, так и субъективные представления подростков, образы, которые создают подростки о воспитательной практике родителей. В исследовании приняло участие 105 человек в возрасте от 15 до 18 лет, отбывающих наказание в Азовской воспитательной колонии. Испытуемые были разделены на три группы в зависимости от уровня риска по фактору «семейные обстоятельства/выполнение родительских функций»: низкий, средний и высокий. Получены результаты по шкалам позитивного интереса, директивности, враждебности, автономности, непоследовательности и проведен их качественный анализ. По всем группам результаты оказались практически равными. Так, по шкале позитивного интереса (как при оценке матери, так и отца) были получены низкие показатели (1 Ст.), что отражает отсутствие позитивного интереса со стороны родителей, который заключается в построении отношений, основанных на взаимном уважении, поддержке, построении адекватных эмоциональных контактов, дружеского общения. Также во всех группах были получены высокие показатели по шкале враждебности (как при оценке матери, так и отца), что свидетельствует об

агрессивности и чрезмерной строгости в межличностных отношениях, неприятия ребенка, эмоциональной холодности. Высокие показатели по шкале непоследовательности во всех группах (как при оценке матери, так и отца), указывают на восприятие испытуемыми линии воспитания как непредсказуемого чередования разнонаправленных тенденций, непредсказуемости реакций на свое поведение.

Таким образом, на основе полученных результатов можно говорить, что:

1. «Семейные» факторы риска СТОРР, без проведения специального исследования представлений несовершеннолетних о семье, недостаточно точно отражают степень риска, связанного с семейными проблемами. По большинству параметров оценки данный показатель является латентным, скрытым, что может приводить к неточной либо искаженной картине влияния семьи на противоправное поведение несовершеннолетнего, а также проблемам при оценке ресурсов по данным факторам.
2. «Внешняя» оценка семейных обстоятельств не всегда отражает существующие риски, может входить в противоречие с «внутренней» оценкой самого несовершеннолетнего (так, семейные обстоятельства, оцененные специалистами как благополучные, несовершеннолетним были оценены как «опасные»).

О границах юридически релевантного в пенитенциарной психологии

Алмазов Б.Н.

Уральская государственная юридическая академия (Екатеринбург)

Термин «пенитенциарное» пришел на смену «исправительно-трудовому» на редкость бесконфликтно. В те годы (начало перестройки) государственные структуры с явным облегчением отказывались от сложившихся традиций, которые вынуждали их считаться с общественными интересам. И система исполнения наказания в этом отношении ничем не отличалась от смежников и партнеров. Достаточно вспомнить с каким воодушевлением был провозглашен лозунг «школа воспитывать не обязана». Возможно администрация посчитала, что за время советской гегемонии общественного воспитания семья соскучилась по настоящему делу и родительскому долгу. Результат известен. За решение проблемы социальной адаптации детей, к которым школа потеряла интерес, пришлось браться учреждениям министерства социальной защиты населения, сотрудники которых (приютов, центров социальной реабилитации) были вынуждены на ходу учиться работе с детьми. С большим трудом общество силами ассоциаций педагогической реабилитации детей и подростков заставило систему образования из остатков вечерних школ, учебно-производственных комбинатов и интернатов скомпоновать «образовательные учреждения для детей, нуждающихся в психолого-педагогической и медико-социальной помощи» (Постановление Правительства РФ № 867 от 31.07.1998 г.). Нечто подобное с некоторым отставанием по времени происходит в системе исполнения наказаний.

Начать, по-видимому, следует с того, что в правовом поле уголовного законодательства РСФСР не было категории «вменяемость». Она презюмировалась. Если человек не был признан невменяемым, все заботы о его социальной адаптации возлагались на исправительное учреждение, где самым главным средством перевоспитания было включение человека в здоровый трудовой коллектив. Это относилось и к лицам с ограниченными возможностями. В частности, В.Н. Мясищев советовал и в лечении невротозов опираться именно на него (здоровый трудовой коллектив).

Естественно, отмена трудовой повинности в пользу пенитенциарной доктрины изменила ситуацию. Нерентабельность, низкая квалификация осужденных, отсутствие мотивации к достижениям, пренебрежение к труду как смыслу существования, идущее от уголовной субкультуры, сделали саму вероятность добровольного вовлечения в трудовой коллектив осужденных весьма проблематичной. Причем не только для заключенных, но и для осужденных условно, число которых будет нарастать, а среди них увеличиваться процент людей с психическими недостатками (следуя рекомендациям ООН суды ориентируются на

меры социальной поддержки из жалости и сострадания, а не только на карательные способы социального контроля).

Пока что ГУФСИН озабочено сложившейся ситуацией не очень сильно. В частности, несмотря на прямое указание ст. 173 Уголовно-исполнительного кодекса, который уже пятнадцать лет требует освобождать заключенного с паспортом на руках, многие выходят на свободу с прежней «справкой об освобождении». Да и суды, вынося решение «об обязательном привлечении к труду», не озабочены его исполнением в условиях, когда средства производства находятся в руках предпринимателя. Инспекциям, ведающим контролем за исполнением наказания по месту жительства, приходится брать на себя ответственность за приобщение к нормальным жизненным ценностям людей с ограниченными возможностями, имеющими все основания считать себя неприветствуемыми членами общества. Для этого нужны силы, средства, профессиональная компетенция и многое другое, чем они (инспекции) не располагают и располагать не могут. Тем самым в пространстве, где соприкасаются интересы правоприменительных структур и общества, накапливается все возрастающее количество социально неприспособленных людей со своеобразной психологией. Заниматься их реабилитацией вроде бы обязаны органы социальной защиты населения, но для них это новая работа (как в свое время – детские приюты). Им тоже нужны кадры, которых пока нет. Более того, пока не создана даже учебная база для их подготовки. И если в работе с детьми можно было полагаться на здравый смысл и житейский опыт взрослого человека, партизанщина в работе с криминальной средой просто опасна. Специалист соответствующего профиля должен быть подготовлен по вопросам психологии: социального отчуждения; индивидуальных особенностей людей с неудачным складом психики; ограничений свободы волеизъявления. На сегодняшний день каждым из этих направлений занимается отдельная отрасль знания. Концепция психической средовой дезадаптации, пригодная для их объединения на теоретическом уровне, не выходит за рамки дискуссии профессионального сообщества, так что пресловутый «реальный гуманизм» остается на уровне «здравого смысла» (по словам Л.Троцкого – низшей формы интеллекта).

Таким образом, хотела бы она этого или нет, пенитенциарная психология должна будет осваивать основы теории социального отчуждения и психической средовой дезадаптации. К необходимости сделать этот шаг в нашей профессиональной ментальности я и хотел привлечь внимание участников конференции.

Влияние профессионально-психологической подготовки руководителей на их социально-психологическую компетентность и эффективность в управленческой деятельности коллективами ОВД

Гузева Т.В.

Московский государственный гуманитарный университет имени М.А. Шолохова (Москва)

Индивидуальные качества личности и социально-психологической компетентности руководителя состоят, прежде всего, из социально-психологической и управленческой составляющих компетентности руководителя, где в управленческую составляющую входят: содержательный, ресурсно-временной и социально-психологический компоненты деятельности руководителя (Марьин, Петров, Адаев, Боренко, 2005).

При этом, управленческая компетентность представляется как система внутренних ресурсов руководителя, необходимых для организации эффективного руководства подчиненным подразделением.

Социально-психологическая компетентность руководителя находит выражение в профессиональной готовности руководителя осознано, своевременно и творчески решать многообразные управленческие задачи, в способности к адекватному межличностному восприятию и взаимодействию, оптимально сочетать различные стилевые приемы управления. Это личностное состояние представляет собой единство мотивационно-ценностного эмоционально-волевого и содержательно-операционного компонентов и характеризует уровень профессионального развития личности (Марьин, Петров, Касперович, Поздняков, Котенев, 2003; Марьин, Петров, Якушев, Адаев, Савин, Боренко А.В., Коновалова, 2004).

Социально-психологический анализ позволяет выделить в управленческой деятельности руководителя следующие основные направления работы с подчиненными:

- создание из совокупности сотрудников гармоничного единого целого – коллектива;
- обеспечение выполнения совместных действий сотрудников ОВД на определенном отрезке времени при выполнении служебных задач;
- организация эффективного взаимодействия между членами коллектива органа внутренних дел;
- формирование личностных и деловых качеств сотрудников, управление морально-психологическим потенциалом и деловыми возможностями коллектива;
- предупреждение, своевременное выявление и разрешение служебных конфликтов (Марьин, Якушев, Петров, Коновалова, 2004).

Успешность выполнения руководителем сложных функциональных обязанностей находится в прямой зависимости от его профессионально-

психологической подготовленности, как к управленческой деятельности, так и к уровню социально-психологической компетентности.

При рассмотрении социально-психологических особенностей деятельности руководителя ОВД возникает необходимость проанализировать основные факторы, определяющие индивидуально-стилевые особенности руководства, а также различные подходы к классификации стилей управления служебными коллективами.

Таким образом, содержанием и целью нашей работы будет являться изучение влияния и значимости профессионально-психологической подготовки руководителя на его дальнейшую социально-психологическую и управленческую деятельность.

Литература

1. Марьин М.И., Петров В.Е., Адаев А.И., Боренко А.В., Социально-психологическая компетентность руководителя органа внутренних дел: Учебно-методическое пособие. М.: ЦОКР МВД России, 2005.
2. Марьин М.И., Петров В.Е., Касперович Ю.Г., Поздняков В.М., Котенев И.О. Психологическое обеспечение работы с руководящими кадрами органов внутренних дел: Методическое пособие. М.: ГУК МВД России, 2003.
3. Марьин М.И., Петров В.Е., Якушев И.В., Адаев А.И., Савин Д.Г., Боренко А.В., Коновалова Т.Ю. Диагностика и развитие социально-психологической компетентности руководителя органа внутренних дел: Методическое пособие. Хабаровск, 2004.
4. Марьин М.И., Якушев И.В., Петров В.Е., Коновалова Т.Ю. Социально-психологическая компетентность руководителя органа внутренних дел: Учебно-методическое пособие. М., 2004.

Психологическая служба федеральной службы исполнения наказаний как организационная система

Дебольский М.Г.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

В органах государственной власти, коммерческих и неправительственных организациях повышается осознание важности человеческого фактора, необходимости создания психологической службы в различных ведомствах (федеральных министерствах, федеральных службах) и организациях. Это предполагает анализ и обобщение накопленного опыта функционирования психологической службы, выявление ее типовой модели. В качестве объекта исследования предлагается психологическая служба уголовно-исполнительной (пенитенциарной) системы России.

В отличие от традиционных подходов, рассматривающих психологическую службу как работу отдельных субъектов (психологов), мы ее представляем как организационно-структурный компонент ведомства. *Психологическая служба* – это централизованно управляемая система структурных подразделений (отделов, отделений, психологических лабораторий) и должностей специалистов–психологов,

осуществляющих целенаправленную работу по психологическому обеспечению деятельности органов и учреждений уголовно-исполнительной системы. *Создание и развитие психологической службы обусловлено рядом объективных факторов:* повышением роли человеческого фактора в жизни общества в целом и в правоохранительной сфере в частности; принимаемыми мерами по реформированию уголовно-исполнительной системы, ее ориентации на международные стандарты, принципы законности, гуманизма, дифференциации и индивидуализации процесса исполнения наказаний; потребностью практики в широком использовании возможностей психологической науки в работе как с персоналом, так и спецконтингентом; состоянием развития самой науки, наличием в ее арсенале современных методов изучения личности осужденных и коррекции их поведения.

Для успешного функционирования психологической службы как организационной системы (структурного подразделения) ведомства должны быть созданы следующие организационные предпосылки: определены миссия и цель деятельности; регламентированы нормативно-правовые и этические основы деятельности психологов; определены основные функции, задачи и направления деятельности; создана организационная структура на всех уровнях системы управления; организована система подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров (психологов); организовано научное и методическое обеспечение психологической службы; обеспечено стратегическое и текущее управление; создана необходимая материально-техническая база.

В настоящее время в уголовно-исполнительной системе работает более 3700 специалистов-психологов.

Цель психологической службы направлена на достижение основной цели ведомства – повышение эффективности процесса исполнения наказаний на основе использования современных достижений психологической науки. Введение в штаты тюремной системы принципиально новых специалистов, способных оказать психологическую помощь людям, осуществлять психологическую коррекцию и развитие личности – это прогрессивная инновация. В этой связи можно утверждать, что *психологическая служба выполняет особую миссию* – повышение профессиональной культуры исполнения наказаний, интеллектуализацию и гуманизацию уголовно-исполнительной системы.

Психологическая служба УИС имеет два направления деятельности: психологическое обеспечение работы с персоналом и психологическое обеспечение работы с осужденными. В 2009 году психологами выполнены следующие виды работ (основные): с персоналом – обследовано кандидатов на службу – 77,3 тыс. чел.; проведено экспресс-диагностических обследований, как правило, при заступлении на службу с оружием – 2,6 млн.; поставлено на профилактический учет 26,3 тыс. сотрудников (около 10% личного состава), в связи с риском различных форм деструктивного поведения; снижено количество суицидов на 20%; с осужденными – обследовано вновь прибывших (в карантине) – 387,5 тыс. и выявлено лиц склонных к суицидам и членовредительству – 44,5 тыс., с признаками психических отклонений –

73,2 тыс.; с высокой агрессивностью и возбудимостью – 91,7 тыс.; проведено индивидуальных психокоррекционных мероприятий – 635,7 тыс., в том числе по инициативе осужденных – 159 тыс.; с участием психологов разрешено 9906 конфликтов. В связи с решением вопроса об условно-досрочном освобождении осужденных психологами обследовано на предмет выявления риска повторного преступления 134 тыс. человек. Этот неполный перечень работы пенитенциарных психологов свидетельствует о том, что психологическая служба оказывает существенное влияние на результаты деятельности УИС в соответствии с поставленной миссией.

Опыт организации и функционирования психологической службы ФСИН России может использоваться в других ведомствах, прежде всего в государственных органах.

Совладающее поведение осужденных при нахождении в карантине исправительного учреждения строгого режима

Дьяконова Р.С.

Управление Федеральной службы исполнения наказаний России (Ульяновск)

В период реформирования уголовно – исполнительной системы необходимо искать новые формы и методы работы, особенно с осужденными, впервые оказавшимися в местах лишения свободы. Важно уменьшить влияние криминальной субкультуры на эту категорию осужденных. Изучение совладающего поведения осужденных, впервые попавших в стены исправительного учреждения, позволит разработать для них психокоррекционные программы, направленные на формирование способности применять социально одобряемые стратегии совладания, самостоятельно справляться с внутренним напряжением и смягчать вероятные формы конфликта. На сегодняшний день никто не отрицает того факта, что для понимания специфики совладающего поведения важно иметь представление не только о личностных особенностях человека, но и учитывать особенности ситуации запустившей его.

Для пенитенциарных учреждений свойственна вынужденная, длительная изоляция, без возможности ее прерывания. С позиции пенитенциарной психологии, изоляция – обособление индивида или группы людей от привычных условий жизни и общения с другими людьми (Човдырова, 2001).

В зарубежной психологии предпосылкой активизации исследований личности и среды осужденных послужили публикации таких психологов, как Бруно Беттельхейм, Виктора Франкла и некоторых других, кто был в период Второй мировой войны узником немецких концентрационных лагерей. Ими было отмечено, что пребывание человека в условиях вынужденной изоляции неизбежно вызывает состояние шока, паники, сопровождается страхом за свою жизнь [4]. Одним из направлений исследований зарубежных психологов является проблема стресса у осужденных. В рамках этих исследований американскими психологами Т.Х. Хомсом

и Р.Х. Рахом еще в 1960-х годах было выявлено, что на ранних стадиях заключения осужденным характерны повышенный уровень тревожности и депрессии, эмоциональный дистресс.

В отечественной науке проблематика стресса осужденных разрабатывалась представителями различных областей научного знания. В связи со спецификой набора провоцирующих стресс факторов, в пенитенциарной психологии в качестве отдельной формы стресса выделяют стресс пенитенциарный, вызываемый воздействием на индивида стрессогенных факторов пенитенциарной среды (А.И. Ушатилов, Б.Б. Казак, М.Е. Сандомирский и др.). М.Е. Сандомирский связывает особенности пенитенциарного стресса с экстремальными характеристиками окружающих условий как физической, так и социальной среды (Сандомирский, 2000). Значительное внимание отечественными учеными было уделено выявлению сути и динамики психических состояний осужденных на различных этапах отбывания наказания. Наиболее изучены они по периоду адаптации осужденных к месту лишения свободы (М.И. Затуловский, Б.Ф. Водолазский, В.Н. Волков, А.Д. Глоточкин, А.И. Мокрецов, В.Ф. Пирожков, В.А. Гришин и другие).

В последнее десятилетие особенности совладающего поведения отдельных категорий осужденных, отбывающих наказание в исправительных учреждениях были предметом изучения в диссертационных исследованиях Штефан Е.Ф., А.Н. Баламут (Баламут, 2007). Вместе с тем, особенности совладающего поведения впервые осужденных при нахождении в карантине исправительного учреждения строгого режима, как специфического этапа первоначального нахождения в исправительном учреждении до настоящего времени не подлежали изучению.

Цикл исследований, проведенный нами в течение полугода в карантине исправительных учреждений строгого режима в 2008-2009 гг., был посвящен изучению факторов и условий, способствующих или затрудняющих выбор осужденными конструктивных стратегий совладания. Нами изучено 396 вновь прибывших осужденных, из которых 196 – впервые осужденные, 200 – неоднократно судимые.

Применяя непараметрические критерии Mann-Whitney, мы выявили, что при нахождении в карантине исправительного учреждения лица впервые осужденные испытывают высокий уровень стресса (2,17). Выбор копинг – стратегий с помощью методики «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» Н.С. Эндлера, Дж.А. Паркера, (*Coping Inventory for Stressful Situation, 1990*) в адаптации Т.А. Крюковой (Крюкова, 2007) показал, что у впервые осужденных в отличие от неоднократно судимых выявлены высокие значения эмоционально-ориентированного копинга (1,96) и средние значения социального отвлечения (2,8). Эмоциональное совладание включает не внутреннюю, а внешнюю агрессию. В случае агрессии человек не сосредоточен на своих недостатках и переживании невозможности справиться с ситуацией. Его агрессия направлена на других, порождая конфронтацию как способ изменения обстоятельств (2).

Применяя корреляционный анализ Kendall-tau значимые корреляции были выявлены в группе впервые осужденных со средними значениями проблемно-ориентированного копинга (0,08, $z=2,33$), высокими значениями эмоционально-ориентированного копинга (0,09, $z=2,94$) и средними значениями социального отвлечения (0,14, $z=4,3$). В группе неоднократно судимых наблюдается низкие значения проблемно-ориентированного копинга (0,07, $z=2,02$), низкие значения эмоционально-ориентированного копинга (0,08, $z=2,38$) и низкие значения социального отвлечения (0,1, $z=3,13$). Также значимые различия наблюдаются в уровне субъективного контроля в данных группах. Так, у впервые осужденных выявлены низкая общая интернальность (Ио – 2,7), низкая интернальность при описании личного опыта (Я) (2,19) и низкими значениями Ид (2,29). Эта категория осужденных отличается неверием в возможность существенно повлиять на свою жизнь, они больше нуждаются в психологической и любой другой помощи, являясь недостаточно самостоятельными в решении жизненных задач. А лица неоднократно судимые, имеющие влияние криминальной субкультуры, как показывают результаты исследования, подавляют в себе все эмоции.

Для изучения способов совладания нами использовался опросник, разработанный R. Lazarus и S. Folkman (WCQ). Значимые корреляции были выявлены в группе впервые осужденных, высокие значения поиска социальной поддержки (0,06, $z= 2,01$) и низкие значения принятия ответственности (0,07, $z=2,16$). А в группе неоднократно судимых – низкие значения поиска социальной поддержки (0,1, $z=2,18$) и высокие значения принятия ответственности (0,11, $z=3,6$).

Таким образом, результаты исследования показывают, что при нахождении в карантине исправительного учреждения строго режима существуют значимые различия в выборе стратегий, применяемых впервые осужденными к лишению свободы и неоднократно судимыми. Фактор «заключения» воспринимается различной категорией осужденных весьма специфично. Крайне болезненно переживается он впервые осужденными на длительный срок отбывания наказания, что связано с лишением возможности соприкосновения с окружающей средой и вынужденным нахождением в ограниченном пространстве (Човдырова, 2001). В зависимости от времени пребывания в колонии, у осужденных отмечается тенденция «приспособления» к условиям отбывания наказания, что может привести к постепенному усвоению личностью установившихся стереотипов поведения в условиях однообразной, регламентированной тюремной жизни, снижению самокритичности в поступках и поведении, с последующим нивелированием убеждений и ценностей, ведущих к дезадаптации личности осужденного. Результаты исследования позволяют разработать рекомендации сотрудникам психологической службы исправительных учреждений ФСИН России и позволит повысить эффективность исправительного воздействия на осужденных мужского пола.

Литература

1. Баламут А.Н. Психологическая помощь осужденным с пожизненными сроками отбывания наказания. Дис. канд. психол.наук 19.00.06. Вологда: ВИПЭ ФСИН, 2007.
2. Крюкова Т.Л. Методы изучения совладающего поведения: три копинг-шкалы. Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2007.
3. Сандомирский М.Е. Психическая адаптация в условиях пенитенциарного стресса и личностно-типологические особенности осужденных (монография). Уфа: Изд-во “Башкортостан”, 2000.
4. Човдырова Г.С. Проблемы стресса, психической дезадаптации и повышения стрессоустойчивости личности в условиях социальной изоляции // Тюремная библиотека, 2001.

Психологические особенности агрессивных проявлений условно осужденных

Зеленина М.М., Дворянчиков Н.В.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Исследование психологических особенностей условно осужденных приобретает актуальность при разработке программ психологического сопровождения данной категории лиц. Кроме того, изучение агрессивных проявлений у условно осужденных определяется возможностью разработки программ профилактики рецидивов общественно опасных, агрессивных видов правонарушений. Необходимо отметить, что исследованию агрессивности преступников уделено значительное внимание в отечественной и зарубежной литературе. Однако, авторы (Бойко, 1993; Масагутов, Ениколопов, 2004), развивая этот вопрос, как правило, опираются на исследование личностных особенностей осужденных к реальному сроку лишения свободы. Учитывая тенденцию гуманизации Российского законодательства УК РФ предполагает возможным видом наказания – ограничение свободы за совершение объективно агрессивных деяний, в их числе: доведение до самоубийства (ст. 110), умышленное причинение лёгкого вреда здоровью (ст. 115), побои (ст. 116), угроза убийством или причинением тяжкого вреда здоровью (ст. 119) и др. В данной работе внимание уделено агрессивным проявлениям у условно осужденных, поскольку представители этой группы, при наличии опыта агрессивного преступного поведения, фактически остаётся не ограниченной от общества, а следовательно и от возможности совершения повторного правонарушения.

Для изучения психологических особенностей агрессивных проявлений условно осужденных было проведено исследование с использованием следующих методик:

- методика Э. Вагнера «Тест Руки» (Ратинова, 1989);
- опросник диагностики агрессии А. Баса и М. Перри (Бурлачук, 2008);
- тест-опросник механизмов психологической защиты Р. Плутчика (Романова, Гребенников, 1996);

– методика определения индивидуальных копинг-стратегий Э. Хайма (Змановская, 2006).

В исследовании приняли участие 50 условно осужденных мужчин, 20 из которых получили наказание по ст. 228 ч. 1 УК РФ (незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов). Вторую группу условно осужденных составили 30 мужчин осужденных за агрессивные правонарушения по ст. умышленное причинение легкого вреда здоровью (ст. 115 ч. 1,2 УК РФ) и побои (ст. 116 ч.1,2 УК РФ). Нормативную группу составили 20 мужчин, не имеющих опыта условного осуждения.

В соответствии с темой исследования были поставлены следующие задачи: проанализировать и сравнить уровень склонности к агрессивным проявлениям в разных экспериментальных группах, выявить особенности индивидуальных копинг-стратегий и механизмов психологических защит и их возможную связь с уровнем агрессивных проявлений.

В результате проведённого исследования были получены следующие данные:

1. Группы условно осужденных имеют разные психологические особенности, в том числе в уровне агрессивности, в зависимости от характера совершённых правонарушений.
2. Уровень агрессивности условно осужденных совершивших агрессивные правонарушения выше, чем у нормативных групп и осужденных за неагрессивные правонарушения. Условно осужденные за совершение не агрессивных правонарушений имеют не столь значимую разницу с группами, не имевшими опыта условного осуждения в показателях агрессивности. Мужчины, проявившие делинквентное поведение, не всегда характеризуются выраженными агрессивными особенностями.
3. Высокая подверженность к агрессивным проявлениям соответствует склонности к использованию мало адаптивных и неэффективных механизмов психологической защиты.
4. Группы, проявившие делинквентное поведение склонны к использованию непродуктивных копинг-стратегий. Ведущие когнитивные, эмоциональные и поведенческие стратегии совладания со стрессом у условно осужденных значимо отличаются от копинг-стратегий, характерных нормативным группам.

Результаты исследования свидетельствуют о наличии значимых различий в уровне и форме проявления агрессивности в разных экспериментальных группах условно осужденных. Склонность к агрессивности соответствует тенденции к использованию мало адаптивных копинг-стратегий и механизмов психологических защит. Такие связи необходимо учитывать при разработке коррекционных программ, с целью повышения эффективности психологического воздействия. Результаты данного исследования так же подчёркивают важность составления максимально индивидуализированных коррекционных программ, с учётом характера и тяжести совершённого преступления для разных категорий осужденных.

**Совершенствование профессионального самовосприятия
на этапе обучения, как основа профессионализации личности
будущих специалистов ФСИН России**

Кусакина Е.А.

Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний (Пермь)

Развитие личности будущего специалиста уголовно-исполнительной системы и формирования его готовности к профессиональной деятельности являются первоочередными задачами в теории и практике совершенствования работы современного высшего учебного заведения ФСИН России.

Пути совершенствования профессионального самовосприятия включают в себя два основных направления: 1) психологическое обеспечение учебно-воспитательного процесса в ВОУ ФСИН России и 2) деятельность психологов по мониторингу и внедрению современных психотехнологий развития профессионального самовосприятия у будущих специалистов. Предметом рассмотрения в данной статье будут являться особенности организации и психологическое обеспечение учебно-воспитательного процесса вуза.

Для обеспечения эффективного формирования у будущих специалистов профессионального самовосприятия в процессе обучения в вузе необходимо ориентироваться на *создание системы внешних и внутренних психолого-педагогических условий*.

Внешние условия должны способствовать устранению несоответствия между растущими требованиями общества к специалистам ФСИН России и реальными возможностями ведомственных образовательных учреждений подготовить таких специалистов.

Внутренние условия, связанные с организацией и психолого-педагогическим обеспечением процесса формирования у будущих специалистов профессионального самовосприятия, могут быть *дифференцированы на следующие виды*:

- 1) организационно-педагогические условия;
- 2) дидактико-методические условия;
- 3) акмео-развивающие условия;

Реализация указанных психолого-педагогических условий прежде всего обеспечит улучшение профессионального самопознания будущих специалистов, так как в итоге произойдёт:

- расширение информационной основы деятельности посредством введения новых форм и приемов работы;
- стимулирование познавательной активности обучающихся;
- формирование гностических умений;
- ориентация обучающихся на конкретные сферы профдеятельности.

Общей задачей ВОУ ФСИН России является оказание помощи будущим специалистам в преодолении препятствий, встающих на пути адекватной интериоризации знаний о себе как субъекте профессиональной деятельности.

Нами поддерживается позиция Головахи Е.И. (1988), что важным элементом организации процесса профессионального становления личности на этапе обучения является проектирование ею своего профессионального будущего, через: 1) формирование жизненных и профессиональных целей; 2) планирование этапов личностного и профессионального развития; 3) создание условий для психологически комфортной, мобилизующей среды в образовательном процессе, способствующей развитию и самосовершенствованию личности; 4) стимулирование развития способностей и профессионально важных качеств личности.

По И.Ф. Демидову, необходимо содействовать развитию у будущих специалистов особой интерсубъектности, формировать «Я» в системе отношений с другими «Я» как профессиональной общностью» (Демидов, 2003).

Наиболее активно формирование профессионального самовосприятия происходит во время учебных практик и стажировки, где вначале формируются представления о себе как субъекте квазипрофессиональной деятельности, а затем и профессиональной деятельности.

С помощью метода фокус-групп на тему «Пути совершенствования профессионального самовосприятия будущих специалистов ФСИН России» было определено, что у молодых специалистов отсутствует ясное представление о специфике службы в уголовно-исполнительной системе, а также в недостаточной мере развиты качества личности, которые способствовали бы и успешной адаптации, и закреплению в исправительных учреждениях.

При организации учебно-воспитательного процесса необходимо создавать реальную практико-ориентированную направленность. Для этого, по мнению Ромашиной С.Я. (2002) требуется соблюсти ряд принципов:

- принцип интенсивной профессионально-практической подготовки;
- принцип межличностной апперцепции;
- принцип изменения стереотипной точки зрения;
- принцип «зеркального» отражения;
- принцип адекватного оценивания и самооценивания.

Рассматривая профессиональное самовосприятие как когнитивную основу профессиональной идентификации личности еще раз подтверждается вывод о том, что важным для позитивного развития представлений о профессии на этапе профессионального обучения выступает ее личностное осмысление, наличие профессиональных мотивов, соответствие сложившихся представлений получаемым знаниям, самооценка профессионально важных качеств, отношение к себе как субъекту профессиональной деятельности (включая осознание обязанностей), что можно рассматривать в качестве психологического критерия этапа профессионального становления.

Самохронометраж деятельности психолога отдела охраны СИЗО и тюрем

Майорова Т.М.

Изолятор № 4 Управления Федеральной службы исполнения наказаний
по г. Москве (Москва)

Службная деятельность сотрудников отдела охраны следственных изоляторов (СИЗО) и тюрем носит напряженный и экстремальный характер, связана с большим риском для здоровья. Это обусловлено несением службы с оружием, высокой ответственностью, постоянной готовностью незамедлительно реагировать в ситуации осложнения оперативной обстановки, вплоть до применения оружия на поражение при угрозе нападения или попытке побега преступника из под охраны. На психическом состоянии сотрудников отрицательно сказывается также монотонный характер деятельности. Отмеченные факторы снижают надежность несения службы, способствуют развитию у сотрудников караула психологической перегрузки и стрессовых состояний, проявлению деструктивных форм поведения.

С целью профилактики негативных явлений в штатах отдела охраны исправительных учреждений и следственных изоляторов УИС введена должность старшего психолога.

В данных тезисах излагается опыт оптимизации работы психолога отдела охраны с учетом разработки типовой модели его деятельности (почасовой алгоритм работы в течение недели) применительно к психологу отдела охраны СИЗО и тюрем г. Москвы. На основе проведенного самохронометража выявлены основные виды работы психолога и перечислены согласно временной затраты в порядке убывания.

Углубленная психодиагностика сотрудника. Углубленная диагностика личности проводится с целью изучения особенностей адаптации к условиям несения службы, динамического наблюдения за развитием профессионально важных качеств и поведением в конкретных ситуациях. Психологу необходимо затрачивать не менее 30% рабочего времени на данный вид работы. В случае выявления факторов риска разрабатывается дополнительный план психопрофилактической работы с сотрудником, а в отдельных случаях, вносятся предложения руководству отдела охраны об отстранении сотрудника от несения службы с оружием. Для реализации данной работы используется система методик, включенная в компьютерную программу Psychometric Expert- 7, разработанную межрегиональной психологической лабораторией УФСИН России по Ярославской области.

Психокоррекционные мероприятия (20% рабочего времени). Для минимизации влияния негативных факторов на несение службы сотрудниками охраны разрабатываются и внедряются в практику тренинговые упражнения, как со всеми сотрудниками дежурной смены при заступлении на службу, так и по индивидуальным психокоррекционным планам. Повышенное внимание уделяется психопрофилактике утомляемости, агрессии, суицидов, служебных и семейно-бытовых конфликтов. План

групповых психокоррекционных мероприятий утверждает начальник отдела охраны СИЗО.

Отбор кандидатов на службу. Высокий уровень текучести кадров в условиях г. Москвы, требует не менее 15% времени уделять работе с кандидатами на службу. Углубленная диагностика кандидата на службу предполагает определение следующих характеристик личности: профессиональная направленность, включая ценностные ориентации, ответственность, мотивы поступления на службу, отношение к оружию; уровень стрессоустойчивости, склонность к риску; развитие когнитивных способностей (наблюдательность, переключаемость внимания, уровень интеллекта, адекватность представлений о себе и службе); противопоказания к службе и вредные привычки.

Исследование морально-психологического климата. В подразделениях караулов отдела охраны психологом регулярно проводится изучение уровня общей удовлетворенности трудом, условиями несения службы и стилем руководства с целью психопрофилактики деструктивного поведения. Для реализации данного пункта используется анонимное анкетирование с помощью специального бланка. Заполнение сотрудниками бланков, обработка результатов и составление отчета о проделанной работе с углубленным анализом результатов захватывает примерно 15% рабочего времени. Изучение климата позволяет своевременно выявлять межличностные и организационные проблемы, обеспечивать своевременную психопрофилактику должностной деформации, разъяснять сотрудникам политику учреждения и ведомства.

Психологическая подготовка сотрудников (10% рабочего времени). Для этого психологом отдела охраны разрабатываются лекции по наиболее актуальным темам («Развитие навыков саморегуляции», «Конфликтология», «Способы борьбы со стрессом», «Профилактика профессиональной деформации»), проводятся социально-психологические тренинги и деловые игры.

Экспресс-диагностика до заступления на службу и после сдачи поста. Одна из задач психолога отдела охраны – не допустить к службе сотрудника в неадекватном психоэмоциональном состоянии. Для этого перед заступлением на сутки сотрудники проходят экспресс-диагностику. В случае если психолог оценивает состояние сотрудника как неадекватное, то он ставит вопрос об отстранении его от несения службы. Данный вид деятельности занимает в среднем 10% рабочего времени.

Самохронометраж и рефлексия личного опыта работы позволил оптимизировать модель деятельности психолога отдела охраны, и повысить эффективность служебной деятельности сотрудников.

Предложения по организации психолого-психиатрической помощи осужденным к лишению свободы

Малкин Д.А.

Государственный научный центр социальной и судебной психиатрии
им. В.П. Сербского (Москва),
Трубецкой В.Ф.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы
исполнения наказания России (Москва)

На конец декабря 2009 г. в учреждениях Федеральной службы исполнения наказания России содержалось 875841 заключенных. Из общего числа лиц, находящихся в учреждениях уголовно-исполнительной системы (УИС) России (следственные изоляторы, колонии, тюрьмы), 267983 человек (данные на конец 2009 г.) получали психиатрическую помощь в связи с наличием того или иного психического расстройства. По данным, представленным медицинским управлением Федеральной службы исполнения наказания России, ежегодный прирост числа осужденных с психическими расстройствами в УИС составляет в последние несколько лет в среднем 5-10%. По данным А.Р. Мохонько, Л.А. Муганцевой (2007) в среднем ежегодно на 2,7% увеличивается число лиц с психическими расстройствами, признаваемых вменяемыми. По экспертным оценкам в психолого-психиатрической помощи в настоящее время в местах лишения свободы нуждается каждый третий-четвертый осужденный.

Было проведено исследование обеспеченности исправительных учреждений кадрами для психолого-психиатрической помощи осужденным в 61 регионе нашей страны. Было установлено, что из 840 исправительных учреждений в 296 (35,2%) отсутствуют физически и специалисты психиатры, а также и психологи, имеющие подготовку по «клинической психологии». В 18 (2,1%) исправительных учреждениях имеются психологи, однако физически отсутствуют специалисты психиатры. В 490 (58,3%) исправительных учреждениях имеются врачи-психиатры, однако отсутствуют психологи, имеющие подготовку по «клинической психологии». Лишь в 36 исправительных учреждениях имеются как врачи-психиатры, так и специалисты психологи, имеющие подготовку по «клинической психологии». Следует отдельно оговориться, что отсутствие психологов, имеющих подготовку по «клинической психологии», вовсе не означает, что психологи в учреждениях совсем отсутствуют. Психологи имеются во многих исправительных учреждениях, однако они не имеют подготовку по «клинической психологии», которая необходима для решения ряда задач, связанных с оказанием психолого-психиатрической помощи.

Недостаток обеспеченности кадров заставляет специалистов перераспределять приоритеты в своей работе. Акцент больше делается на психодиагностической работе в ущерб психокоррекционным и психореабилитационным мероприятиям. Все это ограничивает эффективность функционирования служб психического здоровья уголовно-исполнительной системы (УИС).

В связи с этим для повышения эффективности функционирования служб психического здоровья УИС мы предлагаем создать в качестве промежуточного звена между службами психического здоровья исправительного учреждения (психиатр медицинского отдела исправительной колонии и психолог) и психиатрическими больницами (отделениями) УИС новую структуру Центр психиатрической и психотерапевтической помощи.

Центр организуется на базе медицинского отдела территориального органа ФСИН России (в регионах, где нет больницы для осужденных с психиатрическим отделением) или психиатрического отделения больницы (специальной психиатрической больницы) для осужденных.

Основными задачами Центра должны являться:

- диспансерное наблюдение и лечение лиц, страдающих хроническими и затяжными психическими расстройствами с тяжелыми стойкими или часто обостряющимися болезненными проявлениями, которые склонны к совершению общественно опасных действий;
- амбулаторное принудительное наблюдение и лечение у психиатра осужденных, которым судом назначена данная принудительная мера медицинского характера;
- оказание амбулаторной психиатрической и психотерапевтической помощи осужденным, нуждающимся в такой помощи.

В структуре Центра должны быть по штату специалисты психиатры, психотерапевты, клинические психологи, социальные работники. Специфика деятельности Центра состоит в координации и организации лечебно-реабилитационных мероприятий, которые должны помимо медикаментозного лечения включать различные программы комплексной психосоциальной терапии, обязательные психокоррекционные и социальные реабилитационные формы помощи. В Центре должны реализовываться позиции био-психо-социальной парадигмы лечения, адаптации и реабилитации осужденных.

Представления заключенных и законопослушных граждан о справедливости и вера в справедливый мир – сравнительный анализ

Михайлова М.М.

Институт социальных исследований Даугавпилского Университета
(Даугавпилс, Латвия)

Правовые и моральные представления составляют значительную часть общего представления об окружающем мире, значимости соблюдения социальных норм и социально одобряемого поведения. Одним из составляющих элементов правосознания и морального сознания является представление о справедливости и восприятие справедливости мира. На протяжении нескольких десятилетий феномен справедливости исследуется разными научными дисциплинами. Первоначальный интерес проявлялся в работах философов (Платон, Аристотель и др.) и социологов

(М. Вебер, Дж. Ролз и др.). В современной социальной психологии исследования справедливости проводятся в нескольких направлениях, но особый интерес вызывают исследования обыденных представлений о справедливости (Гулевич, 2007; Голынчик, 2004; Соснина, 2006 и др.) и влияние веры в справедливый мир на поведение личности и принятие социально одобряемых норм поведения (Dalbert, Filke, 2007; Otto, Dalbert, 2005; и др.).

Целью исследования было выявить представления заключенных ($n=208$) о справедливости и проанализировать веру в справедливый мир в контексте теории социальных представлений и теории справедливого мира, проведя сравнительный анализ с группой законопослушных граждан ($n=226$). В исследовании были выдвинуты три гипотезы: а) существуют статистически значимые различия в представлениях о справедливости между заключенными и законопослушными гражданами; б) существует статистически значимые различия в уровне веры в справедливый мир между исследуемыми группами; в) уровень личной веры в справедливый мир у заключенных ниже, чем уровень общей веры в справедливый мир.

Для проверки выдвинутых гипотез была использована анкета, в которой оценивались: словесные ассоциации с термином «справедливость», Шкала личной веры в справедливый мир (ЛВСМ), разработанная К. Далбэрт, и Шкала общей веры в справедливый мир (ОВСМ), авторами которой являются Л. Монтада, М. Шмитт и К. Далбэрт.

Анализ результатов исследования позволил сделать несколько выводов.

Результаты исследования показали, что в исследуемых группах справедливость доминирует как элемент морального сознания, однако факторный анализ ассоциаций выявил три составляющих представления о справедливости – моральные нормы, правосознание и межличностные отношения. Было выявлено, что статистически значимые различия существуют в представлениях о справедливости в межличностном (U-критерий Манна-Уитни $p=0,001$) и правовом контексте ($p=0,040$), заключенные реже воспринимают справедливость в контексте правосознания и чаще ассоциируют данный феномен с нормами, влияющими на межличностное взаимодействие.

Проверка второй гипотезы выявила, что не существует статистически значимых различий между группами в восприятии ОВСМ, однако статистически значимые различия связаны с ЛВСМ (коэффициент Стьюдента, $p=0,000$).

Для проверки третьей гипотезы использован кластерный анализ и выявлены 4 кластера. Результаты показали статистически значимую связь в данных кластерах между группами заключенных и законопослушных граждан ($\chi^2=21,952$; $p=0,0007$), в результате констатировано, что в группе заключенных ОВСМ доминирует над ЛВСМ (4-й кластер), а также уровень общей и личной веры ниже, чем у законопослушных респондентов.

**Актуальность учета интеллектуальных способностей
несовершеннолетних осужденных в процессе конструирования
содержания правового воспитания**

Панова О.Б.

Вологодский институт права и экономики Федеральной службы
исполнения наказаний России (Вологда)

В условиях гуманизации исполнения наказаний, когда усиливается актуальность педагогического подхода к исправлению несовершеннолетних осужденных, среди прочих средств возрастает роль правового воспитания. В соответствии с нормативными документами оно призвано способствовать пониманию несовершеннолетними сущности и целей законов государства, осознанию ими вины и справедливости наказания за совершенное преступление, приобретению социально-правовых компетенций, необходимых для ориентации в юридически значимых жизненных ситуациях. Таким образом содержание данного направления деятельности предполагает опору на интеллектуальную сферу воспитанников.

Развитие интеллектуальных способностей и успешное обучение основам права находятся в прямой зависимости друг от друга. При этом субъекты организации правового воспитания в исправительном учреждении для несовершеннолетних должны не только опираться на имеющиеся у осужденных способности, но и всячески их развивать.

С 2000 г. по настоящее время нами осуществляется изучение вопросов организации правового воспитания в исправительных учреждениях для несовершеннолетних. Согласно полученным результатам, одной из ведущих проблем в данной сфере является отсутствие интереса к правовым знаниям со стороны воспитанников. Именно недостаточность адаптированности предлагаемой информации к уровню познавательных способностей несовершеннолетних осужденных создает психологический барьер для успешности решения обозначенных выше задач.

Для выявления психолого-педагогических условий преодоления этого барьера на базе нескольких воспитательных колоний нами был проведен эксперимент, включающий диагностический и формирующий этапы. Его содержание включало оценку уровня интеллектуальных способностей воспитанников, актуальных для усвоения ими жизненно важных социально-правовых знаний, а также апробацию программы правового воспитания, разработанную в контексте интерпретации полученных данных.

Нами выявлены четыре наиболее значимые с точки зрения задач правового воспитания группы интеллектуальных способностей. К их числу отнесены: общая эрудиция, включающая запас относительно простых сведений и знаний из самых разных областей; способность к установлению связи между понятиями, реализуемому в процессе поиска аналогий; способность к определению общего, предусматривающего выделение абстрактных свойств предметов, посредством тех

взаимоотношений, в которых эти предметы выступают; способность сопоставления (сравнения) отношений между различными элементами и выявления на этой основе повторных (т.е. общих для данного вида) отношений.

При исследовании уровня развития перечисленных способностей нами использовались тест Векслера, тест структуры интеллекта Амтхауэра, прогрессивные матрицы Равенна, тесты Айзенка. По интересующим аспектам у несовершеннолетних осужденных выявлены в целом достаточно низкие показатели. Так у воспитанников имеется небольшой запас относительно простых сведений и знаний; у них наблюдаются низкие способности к актуализации имеющихся знаний при решении тех или иных задач, обусловленных целями правового воспитания; проявляется неумение сопоставлять и варьировать компоненты одной совокупности так, чтобы выделить в них нечто устойчивое и существенное. Воспитанники испытывают затруднение при осуществлении операций сравнения, обобщения, которое осуществляется на основе анализа и выявления существенных отношений в рамках единого целого, определения общего в ряде предметов путем сравнения.

В процессе исследования нами определены психологические условия, обеспечивающие соответствие содержания правового воспитания несовершеннолетних осужденных их интеллектуальных способностей. При конструировании содержания правового воспитания в каждом воспитательном мероприятии собственно правовые знания следует давать малыми «дозами» в контексте имеющегося у данной категории детей жизненного опыта; при оперировании научными терминами (напр., «право», «юридическая ответственность», др.) конкретизировать их реальными примерами из жизни; использовать ситуации, в которых юридически значимые связи преломляются через жизненный опыт воспитанников; с учетом выявленного достаточного уровня способностей к поиску аналогий целесообразно использовать приемы, соответствующие данной способности с тем, чтобы включить детей в ситуации успешности, тем самым вызвать интерес к усвоению правовых знаний.

На основе выявленных условий нами была разработана программа правового воспитания несовершеннолетних осужденных «Человек в правовом поле». Она отражает современные психолого-педагогические подходы к содержанию, структуре и организации воспитательной работы и основана на использовании интерактивных методов, к числу которых отнесены: лекция с элементами эвристической беседы, дидактическая игра, читательская (зрительская) конференция, дискуссия, диспут, педагогический тренинг, др. В качестве ведущего средства включения воспитанников в активную деятельность по усвоению правовых норм рассматриваются задачи, содержащие задания информативной, оценочной, установочно-поведенческой направленности.

В реализации данной программы в Вологодской воспитательной колонии приняли участие, наряду с автором, курсанты юридического факультета Вологодского института права и экономики ФСИН России, волонтеры из числа профессиональных юристов и психологов. О заинтересованности воспитанников в

посещении воспитательных мероприятий свидетельствуют результаты наблюдения, осуществляемого по специально разработанной методике. К числу наиболее значимых индикаторов достаточной мотивации подростков следует отнести: добровольность посещения, переживания по поводу возможного переноса занятия, активное участие в работе, сосредоточенность при восприятии информации, обращение к ведущим с интересующими вопросами, участие в групповой работе, использование примеров из жизни при аргументировании своей правоты, желание участвовать в обсуждении юридически значимых вопросов, проявление положительных эмоций, просьбы дать возможность посмотреть фильм повторно или в отряде с тем, чтобы обсудить его с остальными воспитанниками.

Показателем успешности овладения необходимыми социально-правовыми компетенциями являются результаты познавательных игр, завершающих рассмотрение основных тематических блоков, в ходе которых воспитанники демонстрируют общее понимание обсуждаемых вопросов.

Профессиональный психологический отбор в уголовно-исполнительной системе России

Раков А.М.

Центральная военно-врачебная комиссия Федеральной службы
исполнения наказаний России (Москва)

Согласно ст. 4 Приказа Министерства Юстиции о порядке применения "Положения о службе в органах внутренних дел Российской Федерации в учреждениях и органах уголовно – исполнительной системы Министерства Юстиции Российской Федерации" № 76 от 6 июня 2005 года "в процессе предварительного изучения личности кандидата выясняется состояние его здоровья, соответствие имеющегося у него образования и специальной подготовки требованиям, предъявляемым к должности, на которую он принимается, деловые, личные и нравственные качества". Установление соответствия этих качеств и свойств личности кандидата, поступающего на службу в УИС Минюста России или на учебу в образовательные учреждения системы Минюста России, нормативно одобренным требованиям является основной задачей профессионального психологического отбора. Важным является и тот факт, что отказ в приеме на службу или учебу по результатам этого отбора защищает как самого кандидата от непосильной для него психоэмоциональной нагрузки, снижая риск возникновения у него психосоматических заболеваний, так и общество от негативных последствий его профессиональной несостоятельности. Одновременно профессиональный психологический отбор обеспечивает правовую обоснованность назначения на должность наиболее подходящего кандидата, определяет качества и характеристики, проявления которых следует учитывать и контролировать в процессе профессионального становления, предотвращая тем самым профессиональную деформацию.

Статья 54.1 3 части "Европейских пенитенциарных правил" гласит: "Пенитенциарная администрация обеспечивает тщательный подбор персонала всех уровней при найме или последующем назначении на должности. Во внимание принимаются, прежде всего, честность, человечность, профессиональные и личные качества, необходимые для такого рода работы".

Профессиональный отбор в УИС представляет собой комплекс мероприятий, включающий в себя медицинское и психофизиологическое с использованием инструментальных методик обследование и психологическое изучение кандидатов с применением различных тестовых методов. На основе результатов формируется заключение об уровне готовности данного индивида к службе в УИС.

Профессионально-психологический отбор осуществляется в три этапа:

I. Предварительный этап профессионально-психологического отбора.

На предварительном этапе профессионально-психологического отбора сотрудниками кадровых аппаратов и психологами учреждений УИС ФСИН России проводится социально-правовое и психологическое изучение кандидатов на службу, на учебу и сотрудников при перемещении на другие должности. Целью данного изучения является принятие решения о направлении или не направлении на прохождение процедуры профессионального отбора кандидатов.

В процессе собеседования и психологического обследования проводится предварительное изучение интеллектуальных, личностных характеристик кандидатов, а также необходимая профессиональная ориентация. На данном этапе психологи учреждений и органов УИС изучают аспекты профессиональной пригодности кандидата к службе с учётом особенностей уголовно-исполнительной системы, специфики стоящих перед подразделением задач в предстоящей деятельности.

По окончании предварительного изучения кандидата на службу, на учебу или сотрудника при перемещении отдел кадров и психолог подразделения оформляют направление на медицинское освидетельствование кандидата в военно-врачебной комиссии и психодиагностическое обследование в ЦПД, являющееся основанием для его углублённого изучения в ЦПД.

II. Основной этап профессионального психологического отбора.

На основном этапе профессионально-психологического отбора в ЦПД проводят экспертизу профессионально-психологической пригодности кандидата на службу, на учебу и сотрудников при перемещении на другие должности.

Основанием для обследования в ЦПД кандидатов на службу, на учебу и сотрудников при перемещении является направление из ОК подразделений УИС на экспертизу профессионально-психологической пригодности.

По результатам экспертизы в ЦПД готовятся следующие документы:

1. Заключение для кадровых аппаратов учреждений и органов УИС, образовательных учреждений ФСИН России с выводами:

- "рекомендуется в первую очередь";
- "рекомендуется" (в основном соответствует требованиям предполагаемой должности);

- "условно рекомендуется" (в ЦПД по истечении испытательного срока на кандидата предоставляется служебная характеристика, заключение психолога подразделения; в случае необходимости психолог подразделения направляет кандидата на повторное тестирование);
- "не рекомендуется" (не соответствует требованиям предполагаемой должности).

2. Заключение для психологов подразделений органов УИС ФСИН России, образовательных учреждений ФСИН России с результатами исследований, проведенных в ЦПД.

Заключения для психологов, оформленные по форме с результатами исследований, проведенных в ЦПД, направляются психологам подразделений с исключением возможности ознакомления с его содержанием самим кандидатом.

Содержание и выводы заключений центров психофизиологической диагностики являются конфиденциальной информацией, не подлежащей разглашению, особенно для обследуемых лиц и их близких. По факту разглашения проводится расследование.

Заключения ЦПД по результатам экспертизы профессиональной пригодности кандидатов на службу, на учебу, сотрудников при перемещении действительны в течение 6 месяцев.

III. Заключительный этап профессионального психологического отбора.

Заключительный этап профессионально-психологического отбора кандидатов на службу, сотрудников при перемещении осуществляют психологи психологической службы ФСИН (УФСИН) России, учреждений и органов УИС.

Психолог ФСИН (УФСИН) России, учреждения, органа УИС при необходимости проводит дополнительное обследование кандидата; вносит предложения руководству ФСИН (УФСИН) России, учреждения, органа УИС о целесообразности его назначения на должность в качестве стажера, о длительности испытательного срока, о мерах, направленных на социально-психологическую адаптацию.

Кандидаты в период прохождения испытательного срока находятся под наблюдением психолога подразделения. При этом непосредственный руководитель должен быть информирован психологом подразделения о позитивных и негативных личностных качествах стажера, об особенностях индивидуально-воспитательной работы с ним.

По окончании установленного испытательного срока психолог подразделения вносит предложения руководству учреждений и органов УИС о целесообразности назначения стажера на должность или перемещения сотрудника. Он же оформляет заключение на стажеров, условно рекомендованных ЦПД, которое отправляется в ЦПД вместе со служебной характеристикой. В случае необходимости психолог подразделения направляет стажера на повторное обследование в ЦПД.

Заключение по форме приложения 6 оформляется на кандидатов на службу по окончании стажировки (прохождения испытательного срока), на учебу, сотрудников при перемещении с выводами:

- "рекомендуется" (соответствует требованиям предполагаемой должности);
- "не рекомендуется" (не соответствует требованиям предполагаемой должности).
- После прохождения повторного обследования в ЦПД на стажера оформляются те же виды заключений, что и при первичном обследовании, но только с выводами:
- "рекомендуется" (соответствует требованиям предполагаемой должности);
- "не рекомендуется" (не соответствует требованиям предполагаемой должности).

Эти этапы определяют основные методологические подходы к экспертной оценке пригодности кандидата к службе на конкретной должности или обучению в образовательном учреждении ФСИН России и предусматривают раскрытие значений конституциональных, социальных, психогенных и соматогенных характеристик для развития состояний психической дезадаптации; выявление условий, способствующих возникновению и формированию этих нарушений.

ППО является частью профессионального отбора, который предполагает:

- социально-правовой отбор (проверка соответствия претендентов установленным требованиям по социальным и демографическим данным, образованию, отношению к военной обязанности, специальности, трудовому и жизненному опыту, характеристикам, криминологическому и наркологическому учетам, достоверности предоставленных сведений, документов, а также отсутствия негативной информации на их ближайшее окружение и др.);
- медицинский отбор, направлен на выявление явной или скрытой патологии, препятствующей осуществлению профессиональной деятельности, сюда же относится и определение уровня физической подготовленности. В медицинском отборе, в связи с его особой значимостью в силовых структурах, выделился психиатрический аспект, заключающийся в углубленном исследовании психической сферы кандидата с целью выявления, в основном, скрытых, стертых форм нервно-психической патологии.

ППО может быть первичным (отбор кандидатов на службу или учебу в УИС) и вторичным (отбор резерва на выдвижение или перемещение по службе, отбор на должности руководителей, отбор для выполнения специальных задач).

В настоящее время существуют два подхода к критериям профессионального психологического отбора.

1. Выявление и отсеивание лишь кандидатов, имеющих крайне неблагоприятные социально-психологические, индивидуально-психологические или психофизиологические характеристики. (Отбор по минимуму требований).

2. Выявление и отбор на службу и учебу кандидатов, как можно более соответствующих требованиям к профессионально важным качествам. (Отбор по максимуму требований).

Первый из них направлен, преимущественно, на профилактику деструктивных явлений среди личного состава УИС (увольнения по отрицательным основаниям, нарушения служебной дисциплины и законности, совершение преступлений, суициды и др.). Второй – на повышение эффективности оперативно-служебной

деятельности, т.е. выбор лучших из кандидатов, проходящих процедуру ППО.

Выбор подхода определяется степенью укомплектованности УИС, престижностью службы в ней, количеством и качеством рабочей силы на рынке трудовых ресурсов, уровнем компетентности психологов, наличием избытка кандидатов (конкурса), системой организации ППО, лимитом времени на его проведение и степенью централизации, наличием нормативного правового и методического обеспечения, уровнем технического оснащения и др.

В настоящее время эти объективные обстоятельства диктуют реализацию первого подхода при отборе кандидатов на службу в УИС. В большинстве развитых стран при проведении ППО используется второй подход, который всегда комбинируется с элементами первого.

В ППО можно выделить два направления: социально-психологическое и индивидуально-психологическое, которые тесно взаимосвязаны. Превалирование того или иного направления зависит от конкретных задач и этапа отбора.

Социально-психологическое направление превалирует там, где профессиональная деятельность требует наличия групповой сплоченности, взаимовыручки, распределения функций в группе, выраженности лидерских качеств или, наоборот, склонности к подчинению, т.е. качеств, необходимых для бесконфликтных и эффективных коммуникаций в группе, деятельность которой протекает в экстремальных условиях деятельности.

Там, где деятельность не предъявляет жестких требований к социально-психологическим характеристикам кандидата, может превалировать индивидуально-психологический подход.

В настоящее время определением степени рекомендованности кандидата к службе на конкретной должности или учебе в образовательном учреждении ФСИН России служат показатели экспертной оценки профессиональной пригодности. По результатам психофизиологического обследования в 2009 году условно рекомендовано – 25% и не рекомендовано – 7% от общего числа обследуемых лиц. Как показал анализ, при вынесении такого рода заключений были определены следующие показатели экспертной оценки профессиональной пригодности кандидатов:

- трудности социальной адаптации;
- эмоциональная незрелость;
- отсутствие четкой мотивационной направленности;
- импульсивность, конфликтность;
- бытовое пьянство, причастность к асоциальным группировкам;
- примитивность, ограниченность кругозора;
- низкий объем общеобразовательных знаний, сложности усвоения инструкции.

При вынесении заключений с выводом «не рекомендуется» доминируют такие показатели как:

- эгоцентричность;

- неразборчивость в выборе средств достижения целей, стремление к извлечению выгоды из сложившейся ситуации;
- склонность к невротическому типу реагирования в стрессовых ситуациях;
- тенденция к избеганию ответственности;
- высокий уровень тревожности;
- трудности социальной адаптации (ограниченность в контактах, отсутствие друзей, видение людей только с отрицательной стороны);
- утилитарно-корыстные мотивы поступления на службу.

Таким образом, в настоящее время профессиональный психологический отбор (ППО) в УИС представляет собой комплекс мероприятий, направленных на достижение более или менее качественного комплектования на основе обеспечения соответствия профессионально важных социально-психологических, психологических качеств и психофизиологических характеристик кандидатов, принимаемых на службу или учебу, требованиям служебно-профессиональной деятельности или обучения.

**Личность осужденного, отбывающего пожизненное лишение свободы:
социально-демографические и криминологические аспекты**

Славинская Ю.В.

Академия Федеральной службы исполнения наказаний России (Москва)

Бовин Б.Г.

Научно-исследовательский институт Федеральной службы
исполнения наказаний России (Москва)

Со времени введения моратория на смертную казнь рост количества осужденных к пожизненному лишению свободы (ПЛС) можно, исключая пики середины 90-х годов, аппроксимировать линейным уравнением вида:

$$y = 1577 + 2,125 t, \text{ где:}$$

y – прогнозируемое число осужденных к ПЛС на начало любого периода, начиная с января 2005г., когда число осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, равнялось 1577 человек;

t – сквозной, порядковый номер закончившегося месяца.

Ошибка прогноза составляет около 2%.

Ежегодное увеличение количества осужденных к ПЛС, согласно линейной модели, составляет 25-27 человек в год.

Относительное число осужденных к ПЛС равно 0,2% от общей численности "тюремного населения". Однако, в отличие от других мест лишения свободы, где численность осужденных колеблется в зависимости от освобождаемых по окончании срока, условно-досрочному освобождению (УДО), амнистиям и другим *социально-политическим решениям*, количество осужденных к ПЛС имеет явно выраженную тенденцию к аккумуляции, что и отражает линейная модель.

Это особая категория осужденных, не подлежащая ни амнистиям, ни освобождению по причине тяжелой болезни, и не имеющая каких-либо иных реальных шансов на освобождение. В ст. 97 УИК РФ закреплено право осужденных, отбывающих пожизненное лишение свободы, на УДО через 25 лет.

Чем большее количество лет составляет практика исполнения лишения свободы в виде пожизненной изоляции от общества, тем более актуальным становится вопрос о необходимости изучения личности пожизненно осужденного, поскольку срок заключения у многих из них приближается к 20 годам.

С этой целью мы предприняли анализ выборки осужденных к ПЛС, согласившихся принять участие в исследовании и способных ответить на утверждения стандартизованного метода исследования личности (СМИЛ). Также были изучены социально-демографические и криминологические данные на этих лиц.

Выборка составила 259 осужденных, отбывающих ПЛС в исправительных учреждениях ИК-5 УФСИН России по Вологодской области и ИК-1 (участок ПЛС) в республике Мордовия, что составило примерно 15% от общего числа осужденных к ПЛС. Преступления были совершены в период с 1988 г. по 2000 г., пик приговоренных к ПЛС приходился на период с 1992 по 1994 годы, что составляет почти 30%.

Возраст осужденных при совершении последнего преступления составлял от 18 до 54 лет. Однако наибольшее число преступлений было совершено ими в возрасте от 22 до 38 лет (до 72%). В более молодом – от 18 до 22 лет (11%) и более зрелом – от 38 до 54 лет (17%).

До совершения последнего преступления не имели судимости только 21% осужденных, т.е. первое и единственное преступление было настолько тяжелым, что судом было назначено ПЛС. Подавляющее большинство осужденных, отбывающих ПЛС (79%), являлись ранее судимыми. Из них: 29% имели одну судимость за совершение в основном тяжких преступлений; 25% осужденных – имели уже две судимости; 14% – имели три судимости, 11% осужденных были признаны особо опасными рецидивистами, имеющими от 4 до 7 судимостей. Рецидивная преступность характерна почти для 80% лиц, осужденных впоследствии к ПЛС.

Сроки осуждения за предыдущие преступления имеют следующее распределение: менее 4-х лет – 23% осужденных; от 4-х до 10-ти – 37%; от 10-ти до 20-ти – 28%; свыше 20 лет – 12%. Можно заметить, что длительность лишения свободы никак не повлияла на развитие "криминальной карьеры" изучаемого контингента. Со временем увеличилась лишь тяжесть совершаемых деяний, приведшая, в итоге, к ПЛС.

Составившие нашу выборку 251 осужденный лишили жизни 607 человек. Среди потерпевших было: 120 несовершеннолетних или малолетних детей; 188 женщин (из них 23 женщины пенсионного возраста, включая престарелых); 299 мужчин (из них 10 мужчин пенсионного возраста); 15 сотрудников правоохранительных органов; 6 осужденных в ИУ.

Причем, около 40% детей и 20% женщин перед убийством были изнасилованы.

Обнаруживается, что более 50% всех убийств было направлено на слабую или беззащитную часть населения: малолетние и несовершеннолетние дети, женщины, престарелые или лица пенсионного возраста.

Мотивы убийств, совершенных лицами данной категории, по своей частоте встречаемости можно проранжировать следующим образом:

1. Завладение имуществом убитого (корыстный мотив) (22% совершенных убийств)
2. Конфликтные и неприязненные отношения с родными и близкими, супругами, сожительницами, друзьями и знакомыми (20%).
3. Изнасилование и убийство с целью сокрытия этого преступления (19%).
4. Убийство свидетелей иного преступления (17%).
5. Импульсивные убийства, связанные с возникновением неожиданных неприязненных отношений в ходе конфликта с незнакомыми людьми (8%).
6. Разбойные нападения и убийства в составе организованной преступной группы (4% совершенных убийств).
7. Глубинные мотивы преступления (серийные убийцы) (2,5%)
8. Убийство сотрудника УИС во время отбывания наказания в исправительном учреждении (побег, месть, захват заложников) (2,5%).
9. Убийство милиционера во время задержания (2%).
10. Убийство из ревности (2%).
11. Убийство сокамерника в результате неприязненных отношений (1%).

Таковы мотивы наиболее часто совершаемых преступлений, за которые, впоследствии, приговором суда была назначена смертная казнь или ПЛС. Причем, анализ показывает, что в состоянии алкогольного опьянения совершено только 28% убийств, которые, несмотря на то, что алкогольное опьянение является отягчающим обстоятельством, еще как-то можно объяснить измененным состоянием сознания. Подавляющее большинство убийств (72%) не связаны с употреблением алкоголя и характеризуются спонтанностью, необдуманностью, странностью, недомыслием, противоречивостью, немотивированностью, но вместе с тем – безжалостностью, аморальностью, жестокостью. Как правило, для преступлений, совершаемых осужденными, отбывающими ПЛС, характерны жестокость, хладнокровность, презрение к человеческой жизни, многоэпизодность.

Вот несколько примеров убийств, позволяющих нам лучше понять то, за действия какого характера эти люди пожизненно изолированы от общества:

- *осужденный изнасиловал несовершеннолетнюю. Спустя некоторое время, он, узнав, что она рассказала об этом эпизоде родным и в милиции, убивает ее, предварительно взяв с нее расписку о его непричастности к убийству;*
- *осужденный, находясь в качестве пассажира в машине, выражает свое недовольство ценой за проезд, в ходе чего наносит водителю проникающие ранения в грудь, от которого потерпевший скончался на месте;*
- *осужденный пил чай и смотрел видео с 2-мя малолетними девочками. Девочки*

захотели уйти, но он их не отпускал. Они начали плакать и осужденный задушил их, т. к., по его словам на суде, их слезы действовали ему на нервы. Опомившись, он пытался привести их в чувство, но было поздно;

– *осужденный пытался добиться расположения своей невесты и взял в заложники ее малолетнего сына. Отказываясь его отпустить, нанес колото-резанные ранения милиционеру, пытавшемуся освободить мальчика. Милиционер скончался на месте;*

– *осужденный на велосипеде поехал на рыбалку. По дороге встретил знакомого подростка. Вместе удили рыбу. Затем осужденный решил изнасиловать несовершеннолетнего, который оказал сопротивление. Совершив половой акт, осужденный гибкой веткой задушил подростка.*

Подобный характер преступлений типичен для значительного числа осужденных, отбывающих ПЛС.

Анализ социально-демографических характеристик лиц, отбывающих ПЛС, показал, что для них и их родительских семей (до 70%) типичен низкий образовательный и культурный уровень. Сами семьи – часто не полные, один или несколько членов семьи были склонны к злоупотреблению алкоголем. По профессии – это в основном представители тяжелых механических видов труда: каменщики, сварщики, токари, слесари, монтажники, кузнецы, пилорамщики, кровельщики, землекопы, крановщики, бурильщики, формовщики железобетонных конструкций, грузчики, скотники, дворники, забойщики скота.

В значительно меньшей степени встречаются среди этой категории представители других, обслуживающих профессий: повара, пекари, водители.

Известно, что низкий социальный уровень развития в сочетании с крайне негативными личностными особенностями, в значительной мере обуславливают криминальное развитие личности.

Нередко всплески подобных преступлений приходится на периоды резких социальных перемен и экономических катастроф в обществе. Неслучайно, как уже отмечалось выше, пик частоты совершения преступлений, за которые была назначена смертная казнь, а затем ПЛС, приходится на 1992-94 гг. Однако и в более благополучные и стабильные периоды социального развития общества отмечается постепенное, но неуклонное приращение численности осужденных к ПЛС, прогнозируемое нами в выше представленной линейной модели.

На наш взгляд, этот рост численности в значительной мере связан с негативными личностными характеристиками, представляющими собой особенности данного контингента осужденных.

Характер совершенных преступлений, значительная часть которых (52%) связана с жестокими убийствами самых незащищенных слоев населения, отличающаяся к тому же многоэпизодностью, свидетельствует о серьезных личностных расстройствах подавляющего большинства этих осужденных. Это подтверждается импульсивным, странным, порой нелепым и противоречивым и, часто, немотивированным характером совершенных преступлений. К тому же, вся

предшествующая пожизненному осуждению «криминальная карьера», состоявшая из череды достаточно тяжких преступлений и длительных сроков лишения свободы, не заставляла сделать шаг в сторону социально-приемлемого поведения. Их преступное поведение оставалось постоянным и нарастала лишь тяжесть совершаемых деяний.

Кроме того, их криминальное поведение характеризовалось еще одним признаком – тотальностью: они убивали взрослых и детей, родных и близких, знакомых и незнакомых, случайных попутчиков и сотрудников правоохранительных органов и других осужденных.

Можно сказать, что их криминальный путь характеризовался тремя признаками – крайней асоциальностью, стабильностью и тотальностью.

Длительные сроки заключения за предшествующие преступления и пребывание в исправительных учреждениях особого режима (покамерное содержание в условиях ПЛС) способствовали лишь их дальнейшей психопатизации.

Личностный рост и нравственное возрождение оказались для этой категории невозможными ни в условиях свободы, ни в условиях пенитенциарных учреждений.

Возможности метода фокус-групп для диагностики моральных представлений в правовой сфере у осужденных женщин

Сучкова Е.Л.

Вологодский институт права и экономики Федеральной службы
исполнения наказаний России (Вологда)

В отечественных исследованиях, посвященных изучению правосознания жителей России, отмечается специфика правосознания россиян, заключающаяся в том, что правосознание наших граждан является своеобразным сплавом моральных представлений и правовых знаний, причем правовые представления не развиты и компенсируются моральными (Николаева, 1995; Абульханова-Славская, Енакаева, 1996; Славская, 1997). В правовой ситуации россияне привыкли руководствоваться не правовыми нормами, а категориями морали.

Несмотря на возросший интерес отечественных ученых к изучению моральных представлений в правовой сфере, у лиц, отбывающих наказание в виде лишения свободы, данный элемент правосознания остается практически неизученным, несмотря на то, что результаты подобных исследований помогли бы понять механизмы принятия решения в правовых ситуациях, что особенно важно для пенитенциарных психологов, осуществляющих психологическое сопровождение деятельности по исправлению и ресоциализации осужденных. Для проведения указанных исследований необходимо разрабатывать и апробировать соответствующее методическое обеспечение. На наш взгляд, к такому методическому обеспечению может относиться метод фокус-групп, направленный на выявление мотивов и побуждений людей и на понимание их поведения в повседневной жизни и во взаимодействии со значимыми ситуациями. Существенным элементом

методического развития фокус-групп стало включение в них и массовое использование проективных и других «клинических» методов.

Результаты хорошего качественного исследования всегда дают ощущение присутствия участника фокус-групп и, что важно, этот участник имеет свою индивидуальность, он реальный и узнаваемый. Квалифицированно проведенное качественное исследование может ответить практически на любой вопрос, связанный с пониманием исследуемой категории лиц. Существенное достоинство фокус-групповых исследований заключается в том, что они относительно быстрые и недорогие, а также легко приспособляются к конкретно поставленным задачам. Фокус-группы активно используются в предвыборных кампаниях и политическом консультировании, образовании, социальной сфере, при принятии управленческих решений, в средствах массовой информации, исследовании правосознания в психологии и т. п. Хотя фокус-группы и завоевали широкую популярность, но практического руководства по их проведению в нашей стране до сих пор не было. Справедливости ради следует отметить, что и западные издания дают лишь фрагментарное представление о применении тех или иных методических приемов и не содержат более или менее полного и систематизированного обзора существующих методик.

Целью проведенного нами исследования явилось изучение возможностей метода фокус-групп для диагностики моральных представлений в правовой сфере у осужденных женщин. Эмпирическое исследование проводилось на базе колонии общего режима УФСИН России по Вологодской области (сбор эмпирических данных был проведен Ю.В. Шумиловой в дипломной работе «Возможности метода фокус-групп для диагностики моральных представлений в правовой сфере у осужденных женщин» (Вологда, 2009), выполненной под нашим руководством). Всего в исследовании приняли участие 70 женщин.

На первом этапе был проведен анализ карточек индивидуальной воспитательной работы с целью выявления наиболее часто встречающихся преступлений, за которые отбывают наказание осужденные женщины. Всего было просмотрено 898 карточек. Наиболее часто встречаются следующие виды преступлений: незаконное приобретение, хранение, перевозка, изготовление, переработка наркотических средств, психотропных веществ или их аналогов (ст. 228 УК РФ) – 204 случая; убийство (ст. 105 УК РФ) – 214; кража (ст. 158 УК РФ) – 187; умышленное причинение тяжкого вреда здоровью (ст. 111 УК РФ) – 111; грабеж (ст. 161 УК РФ) – 60; разбой (ст. 162 УК РФ) – 52; мошенничество, вымогательство (ст. 159, 163 УК РФ) – 3; хулиганство – 3; прочие – 57.

Второй этап включал в себя разработку плана опросного листа по изучению моральных представлений в правовой сфере у осужденных женщин. С учетом данных, полученных по итогам анализа карточек ИВР, были сформулированы дилеммы, включающие в себя описание ситуаций, в которых представлены общественно опасные деяния, запрещенные настоящим Уголовным Кодексом РФ под угрозой наказания. Респондентам предлагалось ответить на вопрос о том, какие

формы поведения и поступки они считают для себя недопустимыми, а какие – важными и обязательными в ситуации конфликта норм морали и права, а также оценить выбранный вариант по 5-бальной шкале. В опросный лист было включено 11 утверждений. Полученные с помощью опросного листа данные анализировались при помощи частотного анализа, затем полученные распределения представлялись в процентах.

На третьем этапе исследования моральные представления в правовой сфере осужденных женщин изучались с помощью метода фокус-групп. Для проведения фокус-групп был подготовлен топик-гайд, включавший в себя дилеммы в морально-правовой сфере, в которых представлены общественно опасные деяния, запрещенные настоящим Уголовным Кодексом РФ под угрозой наказания. Было проведено 3 фокус-группы, в каждую группу было включено 10 осужденных женщин (5 человек, отбывающих наказание за корыстные преступления, 5 человек, отбывающих наказание за насильственные преступления). Общая продолжительность фокус-группы составила около 1,5 часов. Протоколы фокус-групп анализировались при помощи частотного анализа, затем полученные распределения представлялись в процентах.

Далее, полученные с помощью фокус-групп и опросного листа данные сопоставлялись с целью выявления диагностического потенциала метода фокус-групп. Для оценки диагностического потенциала метода фокус-групп мы решили сопоставить количество вариантов решения дилемм, полученных в ходе проведения интервью и фокус-групп с помощью критерия χ^2 . Распределения вариантов ответов, полученных при проведении фокус-групп и опросного листа, значительно различаются.

Результаты проведенного исследования показали, что применение метода фокус-групп дает возможность получить такое же количество ответов, как и проведение трудоемкого индивидуального интервью, но при этом предлагаемые респондентами варианты решения дилемм более разнообразные и детальные. При проведении индивидуального интервью при опросе 30 респондентов было затрачено более 30 часов, в то время как на проведение фокус-групп около 4,5 часов. Таким образом, можно сделать вывод о том, что применение метода фокус-групп для диагностики моральных представлений в правовой сфере является эффективным и экономичным средством для получения информации о содержании моральных представлений в правовой сфере и может использоваться в пенитенциарной практике.

Психотренинговые технологии в системе подготовки сотрудников правоохранительных органов

Бесчастный В.Н., Лефтеров В.А.

Донецкий юридический институт Министерства внутренних дел Украины (Донецк, Украина)

Сегодня актуализируются задачи создания качественного кадрового потенциала и работоспособных коллективов в правоохранительных органах. Для этого открываются реальные перспективы более широкого использования в правоохранительных органах психологических психотренинговых технологий – системы уникальных обучающих и развивающих методов.

Применительно к правоохранительным органам внедрение тренинговых технологий представляет собой закономерный процесс оптимизации и интенсификации процесса подготовки специалистов, а также в целом совершенствования всей правоохранительной деятельности.

В настоящее время психологические тренинговые технологии активно внедряются в Донецком юридическом институте МВД Украины, где с 2003 года функционирует научно-исследовательский центр психотренинговых технологий (далее Центр). Это первое и пока единственное в силовых ведомствах Украины научно-исследовательское и учебно-практическое подразделение, где целенаправленно проводятся тренинги с разными категориями персонала, и осуществляется подготовка тренеров-психологов.

В Центре разработаны и внедрены десятки разнообразных тренинговых программ для сотрудников правоохранительных органов. Базовые тренинги центра – «Коммуникация-Стресс-Безопасность» (КСБ), «Тренинг по профессионально-психологической подготовке работников ОВД» и «Психология эффективного руководителя» (ПЭК) сегодня используются в подготовке работников и руководителей ОВД Украины. Целью отмеченных тренингов является формирование у специалистов навыков профессиональной коммуникации, безопасного поведения, управленческой компетенции, умений позитивной мотивации персонала, организации командной работы, а также развитие психологической стойкости, лидерских черт и навыков инновационного менеджмента.

Проведенным комплексным экспериментальным исследованием установлено многоплановое позитивное влияние психологических тренингов на профессиональную и личностную динамику правоохранителей. В результате участия в тренингах у них выявлены значимые улучшения многих коммуникативных качеств, оптимизация стилей межличностного общения, снижение уровня тревожности и фрустрации, повышение нервно-психической устойчивости. У руководителей ОВД после тренинга повысился

уровень таких лидерских качеств, как инициативность, собранность, целеустремленность, в коллективах их подразделений заметно улучшился социально-психологический климат, возросла оценка подчиненными деловых и личностных качеств руководителей.

В целом, тренинг способствует преодолению личностной или профессиональной стагнации, повышению самоэффективности и стремительному движению вперед. Не случайно для многих участие в тренингах стало значимым событием в жизни, определенным поворотным моментом. Они связывают участие в тренинге с ростом общей жизненной компетенции, практичностью и даже мудростью, и становятся успешнее в разнообразных сферах жизнедеятельности.

Использование психотренинговых технологий в системе подготовки сотрудников правоохранительных органов, на наш взгляд, должно основываться на следующих концептуальных положениях:

1. Направленность психотренингов на решение ведомственных проблем оптимизации профессиональной подготовки кадров для правоохранительных органов, адаптации к требованиям служебной деятельности, достижение профессионального мастерства, а также выполнение задач кадрового мониторинга и предупреждения профессиональной деформации сотрудников.

2. Соответствие психотренинговых технологий основным методологическим требованиям и критериям технологичности, которыми являются: концептуальность; системность; управляемость; эффективность; воспроизводимость, а также этическим нормам осуществления психологической практики.

3. Научно-прикладная разработка, сертификация, стандартизация и апробация психотренинговых методик, включение их в программы ведомственного вузовского обучения, профессиональной подготовки, переподготовки и повышения квалификации персонала.

4. Системное внедрение психотренинговых технологий в процесс подготовки работников правоохранительных органов, что требует создания сети региональных тренинговых центров; внесение изменений в ряд нормативных документов, регламентирующих прохождение службы и подготовку сотрудников правоохранительных органов.

5. Всестороннее обеспечение проведения тренингов с сотрудниками, что предусматривает урегулированную процедуру и создание инфраструктуры тренинговой деятельности, благоприятной для обучения и развития персонала.

6. Подготовка квалифицированных тренеров-психологов для правоохранительных органов, а также создание необходимых условий для их деятельности и самосовершенствования. Подготовку ведомственных тренеров целесообразно осуществлять как среди действующих психологов правоохранительных органов, так и среди практических работников и руководителей.

В целом, психотренинговые технологии в системе подготовки сотрудников призваны способствовать процессу гуманизации отношений в силовых государственных институтах, должны соответствовать критерию эффективности, основанному на

реализации концептуальных положений внедрения психотренингов.

**Совершенствование коммуникативных умений
инспекторов дорожно-патрульной службы
Государственной инспекции безопасности дорожного движения**

Борисова С.Е.

Орловский юридический институт

Министерства внутренних дел Российской Федерации (Орел)

В настоящее время одной из актуальных задач государственной политики России является обеспечение безопасности дорожного движения, что обусловлено высоким уровнем дорожно-транспортного травматизма и тяжестью последствий дорожно-транспортных происшествий. Реализация утвержденной Правительством Российской Федерации федеральной целевой программы «Повышение безопасности дорожного движения в 2006-2012 годах» позволила добиться значимых позитивных результатов, однако ситуация на дорогах России продолжает оставаться тревожной.

Существенная роль в области обеспечения безопасности дорожного движения принадлежит деятельности инспекторов дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения (далее – ДПС ГИБДД), реализующим профессиональные функции в процессе взаимоотношений с участниками дорожного движения.

Поэтому практическую значимость представляет изучение и совершенствование коммуникативных умений инспекторов ДПС ГИБДД. Некоторые из этих умений исследованы нами в результате анкетирования сотрудников ДПС ГИБДД (инспекторов ДПС ГИБДД и командиров (заместителей) батальонов (рот) ДПС, входящих в состав полка и отдельных рот ГИБДД) и участников дорожного движения (студентов заочного обучения внебюджетного факультета и неаттестованных сотрудников Орловского юридического института МВД России). Мы использовали анкету, направленную на изучение мнения о важности коммуникативных умений инспекторов дорожно-патрульной службы ГИБДД, влияющих на их взаимоотношения с участниками дорожного движения. В ходе анкетирования использовался перечень умений сотрудника органов внутренних дел в сфере профессионального общения, разработанный С.Е. Кораблевым (Кораблев, 2009).

По мнению всех опрошенных, наиболее важными *аналитико-перцептивными характеристиками личности* инспектора ДПС ГИБДД являются умения планировать общение и оценивать собеседника, предвидя его намерения. Сотрудники ДПС ГИБДД также в число наиболее важных особенностей включают умение анализировать мимику, позы, жесты, взгляд партнера по общению, сопоставляя их с высказываниями, а участники дорожного движения большее значение, чем вторая категория опрошенных, придают умению сотрудника осуществлять самоанализ и оценку собственных переживаний в ходе общения. Отметим, что специфика профессиональной деятельности инспекторов ДПС ГИБДД предполагает проявление

высокого уровня действенности в общении, что, вероятно, не оставляет достаточного количества времени на рефлекссию и анализ собственных состояний. В то же время данное умение является одним из компонентов компетентности инспектора ДПС ГИБДД в общении.

Оценивая роль *тактико-психологических умений* в сфере взаимоотношений с участниками дорожного движения, обе группы опрошенных в числе наиболее значимых указали умение предупреждать и преодолевать конфликты во взаимоотношениях и умение устанавливать психологический контакт с разными категориями граждан.

Умение строить общение с лицами, находящимися в состоянии опьянения, сотрудники ДПС ГИБДД располагают на третьем месте по степени значимости. Участники же дорожного движения не включают его даже в первую пятерку наиболее важных умений инспектора ДПС ГИБДД. Это, возможно, объясняется отсутствием у большинства граждан опыта общения с лицами, находящимися в состоянии опьянения, аналогичного тому, который имеется у инспекторов ДПС ГИБДД.

Характеризуя *отдельные коммуникативные действия* инспекторов ДПС ГИБДД обе группы респондентов среди первых четырех наиболее важных указали следующие умения: верно подобрать слова, соответствующие ситуации взаимоотношений и психологии участника дорожного движения; слушать собеседника (участника дорожного движения), проникать в смысл того, что порой неявно выражено в его словах; аргументировано защищать свою позицию и опровергать неприемлемые для служебных задач предложения; задавать вопросы.

В завершение хотелось бы сделать вывод, что даже краткий психологический анализ показывает актуальность профессионально-психологической подготовки инспекторов ДПС ГИБДД. В рамках данной подготовки представляется целесообразным проведение занятий, предусматривающих формирование устойчивых представлений о психологических особенностях и закономерностях взаимоотношений с участниками дорожного движения, развитие и совершенствование профессионально-важных коммуникативных умений в ходе проведения социально-психологических тренингов.

Литература

1. Кораблев С.Е. Тренинг развития коммуникативной компетентности сотрудников правоохранительных органов: Учебное пособие. М.: ЦОКР МВД России, 2009.

Феномен посттравматического роста у сотрудников правоохранительных органов

Будыкин С.В., Коноплева И.Н.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Сотрудники правоохранительных органов очень часто сталкиваются с критическими ситуациями, которые могут вызывать как негативные, так и позитивные последствия (Linley & Joseph, 2004). Несмотря на то, что конкретный

инцидент может привести к нарушению психического равновесия, эти обстоятельства необходимо понимать скорее как катализатор изменений, чем как фактор, автоматически ведущий к посттравматической патологии. Экстремальная ситуация представляет собой контекст, в котором ранее работавшие механизмы понимания приходится пересматривать. Тем не менее то, будет ли новое состояние равновесия характеризоваться тенденциями роста или патологии, является отражением того, насколько сотрудник справляется с вызовами, содержащимися в данной экстремальной ситуации.

Позитивные психологические изменения и повышение уровня функционирования личности – это феномены, описываемые как посттравматический рост (Posttraumatic Growth, PTG). Tedeschi, Park and Calhoun (1998), выделяют пять проявлений посттравматического роста для определения которых ими был создан опросник (Calhoun, Tedeschi, 2006), адаптированный на русскоязычной выборке М.Ш. Магомед-Эминовым (2009). Это следующие феномены: 1) повышение силы личности; 2) более близкие отношения с другими людьми; 3) открытие новых возможностей в жизни; 4) повышение ценности жизни; 5) лучшее понимание духовного измерения в жизни.

Посттравматический рост рассматривают не только как позитивный эффект воздействия травмы, но и как стратегию психологического преодоления травмы (Jackson, 2007). Внимание исследователей привлекает также адаптивное значение посттравматического роста, который может быть как изолированным результатом травматического события, так и проявляться одновременно с симптоматикой ПТСР. В последнем случае прогноз более благоприятный.

Давая определение посттравматическому росту, Тедеси и Калхоун (Tedeschi, Calhoun, 2003) делают акцент на том, как рост отражает изменения, которые выходят за пределы прежнего уровня адаптации. Применительно к сотрудникам правоохранительных органов, которые неоднократно сталкиваются с экстремальными ситуациями, любой стойкий продолжительный эффект будет отражать степень, в которой новые знания, отношения, точки зрения и понимание становятся частью ментальных моделей сотрудников и организационной культуры, способствуя повышению адаптивных способностей в будущем. Важно понимать рост и адаптацию как взаимозависимые, и оценивать последствия психологической травмы у сотрудников правоохранительных органов в соответствии с этим.

Взаимосвязь между регулярной подверженностью экстремальным ситуациям и психическим состоянием сотрудников может рассматриваться как периодически нарушаемое равновесие. То есть эти взаимоотношения характеризуются периодами стабильности (определяемыми способностью существующих ментальных моделей способствовать адаптации к событию, с которым столкнулся сотрудник), которые могут быть нарушены периодами подверженности внезапным экстремальным ситуациям, характеристики которых превосходят имевшиеся ранее уровни адаптивных способностей и стимулируют процесс изменений. Однако неверно полагать, что последующие изменения будут негативными. Не исключая возможность

негативных последствий (ПТСР), необходимо обратить внимание на определение предикторов (факторов, способствующих) позитивных изменений.

Хотя оценка посттравматического роста - это пример количественной оценки изменений, которые превосходят имевшийся ранее уровень адаптации, когда изменения происходят, они становятся устойчивыми только в том случае, когда они вносят вклад в качественные различия в уровне развития адаптивных способностей, проявляющих себя через ментальные модели сотрудников правоохранительных органов, внутриличностные процессы и характеристики профессиональной культуры сотрудников (Paton, 2005; Paton & Jackson, 2002; Paton et al., 2004).

До настоящего времени феномен посттравматического роста не был в фокусе внимания отечественных теоретиков и практиков, занимающихся экстремальными ситуациями. На материале работы с психологической травмой воинов-интернационалистов этот вопрос исследовал М.Ш. Магомед-Эминов. Однако вопрос посттравматического роста и оценки его роли в профилактике последующих стрессов и восстановлении после психологической травмы у сотрудников правоохранительных органов до сих пор не рассматривался. С нашей точки зрения этот пробел необходимо восполнить, используя наряду с методиками оценки уровня адаптации, ПТСР и уровня развития стратегий совладания с жизненными трудностями, методику оценки ПТР у сотрудников правоохранительных органов, сталкивавшихся в своей профессиональной деятельности с психотравмирующими ситуациями. Это важно не только для понимания психологической травмы и всего спектра ее последствий, но и для более грамотного и эффективного проведения психокоррекционных и психопрофилактических мероприятий среди сотрудников правоохранительных органов. Если, как показывает значительное число исследований, ПТР является стратегией психологического преодоления (копинг-стратегией) которая конструктивна и адаптивна по своей сути, одновременно являясь и результатом такого совладания с психотравмирующим событием, тогда ПТР потенциально является мощной составной частью терапевтического процесса. Тем не менее, даже в зарубежных источниках отсутствуют исследования роли ПТР в терапевтической практике (Jackson, 2007). Это существенный пробел в исследованиях, посвященных данной проблематике, и его необходимо восполнить.

К вопросу изучения уровня развития правосознания личности

кандидатов на службу в ОВД

Ведешкин Н.А., Мягких Н.И.

Центр психофизиологической диагностики медико-санитарного центра
Министерства внутренних дел Российской Федерации (Москва)

В последних нормативных правовых и директивных документах МВД России (приказ МВД России № 341 от 30.04.2009, приказ МВД России № 386 от 19.05.2009) подчеркивается приоритет отбора кандидатов на службу с адекватными мотивами,

развитым правосознанием, морально-психологической подготовленностью к службе и психологической готовностью к действиям в экстремальных ситуациях.

Одной из содержательных особенностей правоохранительной деятельности, обуславливающих профессиональную пригодность к службе, является правовая регламентация профессионального поведения сотрудника, включающая в себя необходимость наличия развитого уровня правосознания кандидатов на службу в ОВД (Романов, Кроз, 1994). Развитое правосознание должно включать в себя развитые морально-нравственные качества кандидата на службу в ОВД.

Признаками низкого уровня развития правосознания у кандидатов на службу в ОВД могут выступать: утилитарно-корыстная мотивация поступления на службу; прием наркотических средств в немедицинских целях; злоупотребление алкоголем; увольнение с прошлых мест работы или службы по отрицательным мотивам; различные формы делинквентного, девиантного поведения; внеслужебные устойчивые личные или деловые связи с криминальными элементами.

Частично проблема выявления негативной информации, свидетельствующей о нарушении правосознания, решается в настоящее время с помощью специальных психофизиологических исследований с применением полиграфа (Мягких, 2003).

Специальное психофизиологическое исследование с применением полиграфного устройства (СПФИ) – это процедура регистрации психофизиологических показателей обследуемого лица с использованием технических средств (полиграфов) при предъявлении словесных или зрительных стимулов, не наносящая ущерба жизни и здоровью людей и не причиняющая вреда окружающей среде, осуществляемая для оценки достоверности информации, сообщаемой этим лицом, по проявлению его психоэмоциональных реакций.

Необходимо отметить, что ограниченные возможности специального психофизиологического исследования, высокие временные затраты на данное исследование и отсутствие достаточного технического оснащения не позволяют в полной мере охватить данной процедурой всех кандидатов на службу в ОВД. В связи с этим возникает необходимость разработки методов и методик, направленных на массовое выявление лиц с низким уровнем развития правосознания как среди кандидатов на службу в ОВД, так и среди сотрудников.

В данном ключе на базе Центра психофизиологической диагностики Медико-санитарного Центра МВД России был проведен эксперимент по изучению уровня развития правосознания кандидатов на службу в ОВД.

В ходе процедуры профессионального психологического отбора помимо основных психодиагностических методов исследования интеллектуальных и характерологических особенностей личности (тест КОТ, СМИЛ) кандидатам предлагалось пройти тест на определение Локуса субъективного контроля поведения.

Локус контроля – это характеристика волевой сферы человека, которая отражает его склонность приписывать ответственность за результаты своей деятельности внешним обстоятельствам или собственным способностям и усилиям.

Экстернальный (внешний) локус контроля – данный радикал указывает на приписывание ответственности за результаты деятельности индивида исключительно внешним силам и жизненным обстоятельствам. Личности, имеющие данный локус, мало прослеживают связь между своими действиями и значимыми для себя жизненными событиями.

Интернальный (внутренний) локус контроля – данный радикал указывает на приписывание ответственности за результат деятельности индивида собственным способностям и усилиям.

Выборку составили 100 человек в возрасте от 16 до 47 лет, поступающих в подразделения МВД России. Из них: 86 кандидатов на службу в ОВД, 17 сотрудников при перемещении на вышестоящую должность, 7 кандидатов на поступления в образовательные учреждения МВД России. Из них 84 мужчины и 16 женщин. 46 человек имели высшее и неполное высшее образование, 33 человека среднее техническое и среднее специальное образование, 21 человек среднее и неполное среднее образование.

Гипотеза исследования заключалась в том, что лица, входящие в группу риска в большинстве случаев должны иметь экстернальный локус контроля поведения, который связан с нарушенным правосознанием.

Предварительные результаты исследования показали:

– по результатам психодиагностического тестирования и клинической беседы из 100 обследованных лиц 40 чел. (40%) были направлены на СПФИ с применением полиграфа и составили группу риска; не вошли в группу риска 58 обследованных лиц (58%) имеющие высокий и средний уровень интернального локуса контроля; 2 обследованных (2%) так же не вошли в группу риска, однако имеют экстернальный локус контроля.

– из группы риска (40 обследованных лиц) 12,5% (5 человек) имели экстернальный и 60% (24 человека) средний интернальный уровень локуса контроля поведения. 27,5% (11 человек) обследуемых имеют высокий интернальный уровень локуса контроля поведения.

– по результатам СПФИ с применением полиграфа среди группы риска (40 обследованных лиц) в структуре случаев выявленной негативной информации преобладают: употребление наркотических и психоактивных веществ, злоупотребление алкоголем, совершение в прошлом асоциальных и антисоциальных поступков, повлекших административную или уголовную ответственность наличие негативных характерологических особенностей, препятствующих успешному выполнению своих должностных обязанностей.

В соответствии с полученными результатами, в группе риска лишь 12,5% обследуемых имели экстернальный локус контроля поведения. Таким образом, выдвинутая гипотеза была отклонена.

Полученные результаты свидетельствуют о глубоком морально-нравственном кризисе современного российского общества. Данный кризис следует рассматривать

через призму психологических установок, транслирующихся через СМИ в общество. Подобные установки формируют эмоционально-волевую сферу личности в сторону интернальности, для которой характерна психологическая установка на максимальную финансовую независимость личности; стремление максимально удовлетворить собственные потребности за счет окружающих и общественных институтов.

По данным ВЦИОМ за 2009 год наиболее коррумпированными сферами и институтами общества по мнению россиян считаются ГАИ (33%), власть на местах (28%) и милиция (26%) (ВЦИОМ, 2009).

Приведенные статистические данные свидетельствуют о необходимости разработки комплексного психодиагностического метода изучения уровня развития правосознания, как критерия отбора, включающего морально-нравственную сферу сознания кандидата на службу в ОВД.

Литература

1. Коррупция бессмертна, но бороться с ней все равно надо. Пресс-выпуск №1210, ВЦИОМ, 2009.
2. Мягих Н.И. Теоретические нейрофизиологические и психологические аспекты применения СПФИ (специального психофизиологического исследования) // Материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 30-летию системы профессионального психологического отбора в органах внутренних дел: Состояние и актуальные проблемы профессионального психологического отбора в органах внутренних дел Российской Федерации. М.: МУ СТ МВД России, 2003.
3. Романов В.М., Кроз М.В. Руководство по профессиональному психологическому отбору кандидатов на службу в органы прокуратуры Российской Федерации. Методическое пособие / Генпрокуратура РФ. М.: 1994.

Исследование психологических особенностей оперативных работников в процессе оперативно-служебной деятельности

Калягин Ю.С.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Реализация служебных задач в профессиональной деятельности оперативного работника нередко происходит в ситуациях с непредсказуемым исходом и сопряжена с повышенной ответственностью сотрудника за принятые решения, необходимостью общаться с различным контингентом граждан, воздействием различного рода перегрузок, что требует от сотрудника решительных действий, способности идти на риск. Эти особенности деятельности оказывают значительное влияние на личностные характеристики оперативных работников. В наиболее общем виде следствием развития данного феномена могут быть такие поведенческие проявления, которые влекут за собой нежелательные оценки окружающих и не совпадают с профессиональной этикой.

В нашем исследовании были рассмотрены и проанализированы особенности социального восприятия оперативных работников в процессе профессиональной деятельности, особенности восприятия лиц, с которыми оперативные работники взаимодействуют в процессе деятельности, результаты оценки сотрудниками своего реального "Я", а также проведена диагностика показателей и форм агрессии. При проведении эмпирического исследования использовалась методика ДМЛЮ Т. Лири, методика диагностики показателей и форм агрессии А. Баса и А. Дарки, методы математической статистики. В исследовании приняли участие 74 оперативных работника и 179 граждан.

При анализе результатов исследования восприятия гражданами оперативных работников выявлено, что воспринимаемое гражданами высокое доминирование оперативных работников может снижать эффективность общения, так как приводит к блокированию одной из базовых потребностей человека, потребности в безопасности. Между тем, в процессе осуществления профессиональной деятельности оперативный работник нередко достигает результата как раз за счет фрустрированной потребности в безопасности у партнера по общению. Мы полагаем, что является целесообразным предотвращение закрепления данного (доминирующего) стереотипа поведения и его переноса в повседневную жизнь оперативного работника, что достигается через осознание оперативным работником того факта, что способ общения с позиции доминирования может быть эффективен в достаточно узком спектре задач профессионального взаимодействия с другими людьми. Более того, на наш взгляд, стратегия доброжелательности, направленная на удовлетворение потребности в безопасности у партнера по взаимодействию в конечном итоге более выгодна и эффективна. Наблюдая общие тенденции самовосприятия в исследуемых выборках, можно говорить как о механизме проекции (или переноса), так и о развитых механизмах ролевой подстройки под оперативного работника.

Для изучения отдельных негативных особенностей личности нами было проведено исследование оперативных работников с помощью методики диагностики показателей и форм агрессии А. Баса и А. Дарки. Полученные нами результаты показывают, что проявления агрессии в целом невысокие, наиболее выражена у оперативных работников косвенная агрессия, т.е. использование окольным путем направленных против других лиц злословия, шуток и проявление ненаправленных, неупорядоченных вспышек злости. Заслуживает внимания и то, что выражен показатель аутоагрессии, характеризующий отношение и действия по отношению к себе, проистекающие из возможного убеждения оперативного работника в том, что он является плохим человеком, поступает нехорошо – вредно, злобно или бессовестно. Менее всего выражена форма агрессии в виде подозрительности. Показатели проявления вербальной и физической агрессии находятся у оперативных работников в прямой зависимости ($r = 0.53$). Кроме того, вербальная агрессия также положительно связана с косвенной агрессией ($r = 0.45$) и негативизмом ($r = 0.54$). Уровень обиды оперативного работника положительно коррелирует с проявлением подозрительности ($r = 0.50$).

Результаты по выборке оперативных работников дают определенную характеристику их психологических качеств, за рамками нашего исследования остается вопрос происхождения этих качеств. Предметом отдельного изучения может стать вопрос приобретения данных психологических качеств в процессе оперативной деятельности, а также привлекательности этой деятельности для лиц с выявленными психологическими качествами.

К вопросу развития профессиональной мотивации у курсантов в период обучения

Ковальчишина Н.И.

Макеевский экономико-гуманитарный институт (Макеевка, Украина)

На современном этапе реформирования системы органов внутренних дел в Украине существенное значение приобретает развитие профессиональной мотивации работников. Сегодня в правоохранительных органах сложились обстоятельства, которые не способствуют возникновению у сотрудников милиции желания повышать свой профессиональный уровень. Практика показывает очевидную демотивированность значительного количества специалистов и, как следствие, снижение стандартов и базовых показателей в их профессиональном росте.

Снижение качественного уровня персонала, с одной стороны, неудовлетворительное материальное обеспечение сотрудников, с другой, не только отрицательно влияют на результаты их деятельности, а и на моральную атмосферу, что приводит к использованию служебных полномочий в личных целях, работе по совместительству в коммерческих структурах, коррупции. Существенным образом противостоять подобным отрицательным явлениям может только сильная мотивация сотрудников правоохранительных органов, формирование которой необходимо осуществлять уже на ранних этапах профессионализации курсантов, в период их обучения в вузе.

Проблеме изучения мотивации человека посвящены труды многих исследователей (А. Маслоу, Л.И. Божович, Е.П. Ильин, В.Г. Леонтьев, А.К.Маркова, В.Е. Мильман Х. Хекхаузен и др.). Особенности формирования профессиональной мотивации в правоохранительных органах исследовали В.Г. Андросюк, А.М. Бандурка, В.Л. Васильев, А.Н. Столяренко, А.В. Тимченко, С.И. Яковенко и др.

На современном этапе общественного развития страны в системе высшего специального профессионального образования МВД Украины ведется активный поиск новых, вариативных и альтернативных образовательных концепций и подходов, которые бы способствовали преодолению возникшего противоречия, повышению качества подготовки специалистов для органов внутренних дел. Одним из наиболее эффективных направлений этого поиска являются исследования мотивации учебной деятельности курсантов вузов МВД Украины.

Период обучения следует рассматривать как важнейший этап профессионального самоопределения будущего специалиста. Профессиональное самоопределение – это процесс формирования отношения личности к себе как субъекту будущей профессиональной деятельности, которая в перспективе поможет ей адаптироваться к жизни в быстро меняющихся социально-экономических условиях. К характеристикам профессионального самоопределения, как правило, относят ряд важных показателей: осознанность процесса и результата выбора, противоречивость внешних и внутренних факторов, мотивы профессионального выбора, профессионально-ценностные ориентации, наличие индивидуального жизненного плана.

Из аналитических справок МВД Украины известно, что сегодня одним из важных вопросов подготовки будущих правоохранителей является проблема их адаптации к специфическим условиям обучения, особенно на первом курсе. Отчисление курсантов в первый год обучения (за нарушение нормативно-правовых требований, академические задолженности, употребление спиртных напитков, хулиганство, кражи и др.) свидетельствует об отсутствии стойкой мотивации, действительного интереса к избранной профессии, незрелости взглядов, недостаточном представлении о профессии во время выбора, возможно деструктивное воображение о ее содержании. Так, например, в иерархии мотивов уволившихся первокурсников не прослеживается мотивация к обучению, усвоение профессии не занимает ведущего, доминирующего места.

Безусловно, прежде всего, причины этого кроются в специфичности обучения в вузах системы МВД. Вчерашним школьникам тяжело привыкнуть к суровому распорядку, выполнению множества приказов, инструкций, авторитарного стиля руководства командиров, невозможности уединения. Резкий контраст между домашними условиями и условиями жесткой регламентации, которая предусмотрена всей системой органов внутренних дел, может вызвать психоэмоциональное напряжение и стресс.

Оптимизация профессионального обучения в значительной мере зависит от сформированности положительных мотивов обучения, которые определяют отношение человека к познавательной деятельности. В системе мотивов ведущее значение имеет осознание социальной и личностной значимости знаний и умений, которые поддерживают интерес к предметам профессиональной направленности. Мотивация к обучению, как и любая деятельность, в значительной мере является следствием предыдущего пути развития личности и выступает в роли субъективной реакции на внешние влияния, которые стимулируют появление мотивов. Для того чтобы курсант занимал активную позицию в процессе профессиональной подготовки, необходимо применять такую систему методов, которая бы обеспечивала генерализацию определенных чувств, эмоций, мотивов, что приведет к установлению динамического стереотипа в его понимании и поведении (Кузнецов В.В., 2008). Важную роль в этой системе будут играть упражнения и тренировка, создание эмоционального фона обучения и др. Одним из эффективных способов развития

учебной мотивации может служить проведение специальных занятий с курсантами в виде социально-психологического тренинга.

Тренинг – это, прежде всего, форма нестандартного социально-психологического обучения, которая ориентирована на закрепление выявленных участниками навыков эффективных моделей поведения в избранной сфере, максимальную стимуляцию их активности относительно самоисследования и обмена опытом. Использование тренинговых технологий в органах внутренних дел имеет сегодня довольно широкий диапазон. Психологи МВД Украины, высших учебных заведений активно внедряют тренинги в систему профессиональной подготовки персонала ОВД и обучение курсантов.

Моделирование ситуаций разнообразного характера в условиях тренинга предоставляет возможность сотруднику приобрести навыки и умения, которые позволят ему быстро реагировать в опасных ситуациях, сохраняя не только жизни людей, но и свою собственную. Хорошо сформированная положительная профессиональная мотивация способствует положительному восприятию избранной профессиональной деятельности, стремлению сотрудника к самоосознанию желаний, целей и быстрейшего профессионального самоопределения.

Таким образом, мотивация – один из важных компонентов профессионального становления будущего сотрудника правоохранительной сферы, успешность профессиональной деятельности которого зависит от уровня сформированности мотивов и профессионального самоопределения. Эффективным способом развития профессиональной мотивации курсантов в период обучения является использование тренинговых технологий в учебно-воспитательном процессе.

Организация психологической подготовки сотрудников правоохранительных органов

Коноплева И.Н.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Проблема профессионально-психологической подготовки сотрудников органов внутренних дел к деятельности интересует значительное количество авторов, которые подходят к ней с различных позиций. Прежде всего, это связано с неодинаковым пониманием значимости различных психических характеристик для профессионально-психологической подготовленности сотрудников. Профессионально-психологическая подготовка сотрудников подразделений органов внутренних дел традиционно предполагает решение большого круга вопросов, включая диагностику личности и коллектива, коррекцию психологических качеств, регуляцию психических свойств и процессов личности, межличностных взаимоотношений в группах.

Структура и цели профессионально-психологической подготовки неоднозначны и зависят от особенностей деятельности специалистов, с которыми она проводится. В соответствии с этим ряд ученых (А.И. Папкин, А.М. Столяренко, А.Н.

Тихонов, Н.А. Токарев) рассматривают психологическую подготовку, как состоящую из общей, специальной и подготовки к различным видам служебной деятельности (в том числе, к деятельности в экстремальных условиях). Профессиональную психологическую подготовку, по мнению вышеперечисленных авторов, необходимо рассматривать в двух аспектах – как сознательный процесс формирования мобилизационной готовности к участию в конкретной ситуации (возможно экстремальной), и как сознательный процесс систематического эффективного выполнения конкретных целей и заданий. Различают такие виды (формы) психологической подготовки как – воспитание, формирование соответствующих качеств, обучение, тренировка, а также система хорошо организованного программирования подсознания сотрудника (на успех решения задач в экстремальных для него условиях).

Содержанием всех видов и форм профессионально-психологической подготовки является такая психологическая коррекция личности сотрудника, которая позволила бы ему максимально эффективно и качественно выполнять поставленные задачи служебной деятельности, причем с минимальными затратами психической, нервной энергии и за минимальное время. В качестве форм профессионально-психологической подготовки сотрудников правоохранительных органов используются лекции, семинары, конференции, практикумы, тренинги, деловые игры, учения, просмотр учебных фильмов.

Для достижения цели и задач профессионально-психологической подготовки сотрудников желательно приблизить обучение к реальным условиям деятельности. В связи с чем в процессе профессионально-психологической подготовки в большей степени должны применяться формы обучения, позволяющие использовать комплекс различных видов профессиональных подготовок. Ряд авторов считают, что психологическая подготовка сотрудников к деятельности должна быть нацелена на достижение психологической устойчивости и формирование эмоционально-волевых качеств (Вахов, Волков, Колос, Назаренко, Калманов, 1992), другие в качестве цели выбирают формирование профессионально-важных психологических качеств (Горлинский, Постоев, Скобелев, 1986; Столяренко, 2001), третьи – подходят к подготовке комплексно, рассматривая ее как совокупность взаимосвязанных мероприятий, направленных на формирование и развитие психологических свойств и состояний сотрудников, обеспечивающих эффективное решение ими профессиональных задач (Смирнов, 2002; Столяренко, Андреев, Котенев, Хохлова, 1997).

Таким образом, профессионально-психологическая подготовка является научно организованным и эффективно осуществляемым процессом формирования, повышения и поддержания высокого уровня психологической подготовленности сотрудников органов внутренних дел к решению оперативно-служебных задач. При этом подготовка должна быть направлена на повышение эффективности выполнения профессиональных задач, на обеспечение личной безопасности и сохранение физического и психического здоровья сотрудников.

Психологические исследования прокуроров

Кроз М.В.

Академия Генеральной прокуратуры Российской Федерации (Москва)

Одним из направлений юридической психологии является изучение различных юридических профессий, а также психологических особенностей субъектов профессиональной деятельности – исследования личности сотрудников правоохраны. Такая работа активно проводится в органах прокуратуры. К настоящему времени сложилось несколько основных направлений изучения психологии прокуроров.

Первый подход можно условно назвать «нормативным». При его разработке определяется набор требований, которые профессиональная деятельность предъявляет к личности и всей психической сфере работника, то есть *психограмма* профессионально успешного прокурора как элемент психограммы прокурорской деятельности. Совокупность этих требований задает некоторую «идеальную модель» профессионала. При создании системы психологического отбора в органы прокуратуры была предложена психограмма профессионально эффективного прокурора, включающая ряд факторов профессиональной пригодности (Романов, Кроз, 1994; Кроз, 1999).

В рамках **второго подхода** изучались *психические свойства реальных прокуроров* с использованием традиционного психологического инструментария. Применяя его, мы переходим от «идеальной модели» прокурорского работника к «психологическим портретам» прокуроров и следователей различного возраста, стажа работы, должностного положения и профессиональной эффективности, построенным по данным эмпирических исследований; от того, «каким прокурор должен быть», к тому, «какой он есть на самом деле». Одно из таких исследований было проведено для эмпирической проверки и обоснования предложенной психограммы профессионально успешного прокурорского работника (Романов, Кроз, 1994; Кроз, 1999), другие осуществлялись позже, вне рамок психодиагностического анализа (Горьковская, 2001; Кроз, 2003). Кроме того, необходимо отметить специальные исследования *мотивации профессиональной деятельности прокуроров* (Кроз, 2002; Кроз, Ратинова, 2009).

Третий подход к изучению психологических особенностей прокуроров связан с анализом того, какими их видят, воспринимают, *с оценками, выносимыми в их адрес*. В свою очередь, здесь можно выделить два направления исследований. В первом изучались оценки, даваемые прокурорам со стороны различных социальных групп, стереотипизированные образы прокуроров, сложившиеся в общественном сознании, а также динамика этих образов на протяжении ряда лет (Ефремова, 2002; Андрианов, Ефремова, 2004; Ефремова, Андрианов, 2005). Особое внимание при этом уделялось оценкам прокуроров, выносимым журналистами как представителями особой группы, в значительной мере влияющей на формирование общественного

мнения, а также образу прокурора, транслируемому масс-медиа (Ефремова, Андрианов, Кроз, Вишнякова, 2001; Андрианов, 2001).

Во втором случае изучались различные *самооценки* прокуроров: их стереотипизированные представления о том, каким является типичный прокурорский работник, а также рефлексивные представления об образе прокурора, сложившемся в общественном мнении (Ефремова, 2002). В том же исследовании анализировались оценки прокурорами своих руководителей (Ефремова, 2002). Наконец, необходимо отметить исследования, в которых прокуроры формулировали свои представления о профессионально непригодных коллегах.

Возможны и другие подходы к анализу личности прокурора, например, связанные с исследованиями *изменений, происходящих в личности субъекта в процессе профессиональной деятельности*. Так, с одной стороны, существует традиция психологического изучения *процесса развития личности, становления специалиста в ходе овладения профессией*, достижения высокого профессионального мастерства, а с другой – исследования *профессиональной деформации личности* в процессе трудовой деятельности. Подобного рода работ в прокуратуре до настоящего времени не проводилось, планируется осуществить их в будущем.

Интеграция творческого и алгоритмизированных подходов в профессиональном обучении сотрудников органов внутренних дел

Левенец Е.А.

Киевский национальный университет Министерства внутренних дел Украины
(Киев, Украина)

Общеизвестно, что учет психологических закономерностей развития определенных профессиональных умений способствует более быстрой и качественной подготовке специалистов. В связи с этим многие ученые предлагают направить усилия на разработку методик обучения на основе жесткого соблюдения психологических закономерностей овладения человеком общественно-исторического опыта.

По данным основательных исследований Б.Ц. Бадмаева, Н.Н. Нечаева, А.И. Подольского, Н.Ф. Талызиной и др., учеба с помощью методик, разработанных с учетом психологических закономерностей развития новых умений, дает эффект, который значительно превышает показатели традиционного. Эти методики являются структурно-логическими схемами, которые содержат информацию о порядке и последовательности выполнения действий и операций. Их преимущества по сравнению с другими методиками заключаются в том, что при использовании алгоритмов практически исключается ошибочное припоминание знаний и искажение информации.

Необходимость применения алгоритмов в процессе развития профессиональных умений обусловлено тем, что алгоритм содержит систему ориентиров, которые дают уверенность в правильном выполнении отдельного

действия и операции, а также деятельности в целом. Вместе с тем, правоохранительная деятельность часто требует от сотрудников нестандартных подходов в решении профессиональных заданий, которые предопределяют необходимость развития креативности, творчества при применении алгоритмов в профессиональном обучении.

Таким образом в процессе динамики развития профессиональных умений можно выделить такие этапы: репродуктивный (по образцу, алгоритму); репродуктивно-творческий (привнесение индивидуального в состав действий); творческий.

Мы уверены, что применение нормативно-одобренных способов выполнения деятельности не противоречит принципам творчества. Творчество, в свою очередь, является источником формирования, развития и усовершенствования профессиональных умений. Это еще раз доказывает тот факт, что алгоритмизированные методы учебы, с одной стороны, обеспечивают четкое представление о процессе, целях и заданиях деятельности, с другой – обеспечивают возможность развивать умения, творчески использовать знания, придерживаясь необходимых требований, стандартов деятельности.

В связи с этим нами были внедрены в процесс учебы методики, которые основываются на психологических механизмах формирования и развития умений. Одной из них является методика разработки информационных карт, которая применяется в развитии информационно-поисковых умений сотрудников ОВД.

Методика разработки информационных карт основывается на теории поэтапного формирования умственных действий. Главная цель этой методики – не только формирование интеллектуальных действий, но и развитие творчества, креативности мышления, генерирования новых идей, версий и тому подобное. Эта методика применяется с целью обучения сотрудников разрабатывать схематическую карту как ориентировочную основу деятельности, которая помогает интегрировать необходимую профессиональную информацию и направлять поиск решения определенных заданий. Суть методики разработки ориентировочной основы деятельности – складывание схемы, которая учитывает особенности профессиональной ситуации, интегрирует необходимую информацию и направляет умственную деятельность в необходимом направлении.

Благодаря информационным картам в сознании образуется многоканальная система обработки и хранения информации. В процессе работы с помощью такой методики активизируются возможности мозга к творческому и логическому мышлению, а информация, которая воссоздается графически, "материализуется", приобретает реальный наглядный образ.

Таким образом, разработка методов, которые бы способствовали оптимизации умственной деятельности, позволяли творчески и эффективно применять знание на практике, а также формировали профессиональные умения, является важным и перспективным заданием.

Применение психодиагностического метода Ассесмент-Центр в полиции Баварии

Литвинова Г.А.

Донецкий юридический институт Министерства внутренних дел Украины (Донецк,
Украина)

Необходимость координации межгосударственной правоохранительной деятельности, обеспечение профессиональной готовности сотрудников органов внутренних дел к взаимодействию с правоохранительными ведомствами других стран в решении таких острых проблем, как терроризм, транснациональная преступность, межнациональные конфликты, закономерно усиливает потребность совершенствования профессиональной подготовки персонала ОВД. Для решения этих задач полезно обратиться к опыту стран, имеющих сложившиеся устойчивые структуры гражданских обществ и эффективные правовые системы.

В современных условиях в странах Европы все более важную роль играет необходимость иметь на рабочих местах специалистов высокой квалификации, точно соответствующих занимаемой должности. Особенное внимание уделяется руководящему звену организации. Решающую роль при отборе на руководящую должность играет социальная компетенция кандидата. С помощью различных методов можно выявить определенные предпосылки оптимального развития личности руководителя. Один из таких методов – это **Ассесмент–Центр** (далее АЦ). Данный комплексный метод оценки персонала предназначен для выявления имеющихся у кандидатов профессионально значимых качеств (умений, компетенций, потенциала) и базируется на наблюдении за поведением кандидата в ситуациях, имитирующих основные моменты его будущей деятельности.

В последние 10 лет именно этот метод используется в полиции Баварии для отбора кандидатов на высшие руководящие должности. В полиции земли это руководители крупных подразделений, таких как полицейские президиумы, полицейские инспекции, отраслевые управления полиции, руководители служб или специальных отрядов полиции.

Ежегодно в Институт повышения квалификации полиции Баварии приглашаются для прохождения АЦ руководители, которые формально соответствуют всем необходимым требованиям для участия в отборе. АЦ продолжается 2 дня, с его помощью отбирают тех кандидатов, которые во-первых, имеют желание руководить и во-вторых, имеют потенциал для эффективного управления крупными подразделениями полиции. Параметры, по которым наблюдатели оценивают кандидатов, разработаны практиками и психологами, АЦ построен так, что демонстрация нетипичных для руководителей паттернов поведения представляется невозможным.

Проведение АЦ опирается на ряд принципов:

1. Принцип ориентации на требования. Оценка профессиональной пригодности проводится после тщательного анализа требований к должности

руководителя полиции и постоянного изучения актуального положения в полиции Земли, проблем и слабых мест в руководстве персоналом.

2. Принцип ориентации на поведение. В протоколах АЦ регистрируются наблюдаемые факты поведения участника, а не оценочные термины, обозначающие его способности.

3. Принцип имитации. В Ассесмент-Центре поведение наблюдается и оценивается в ситуациях, имитирующих те, которые в реальной деятельности определяют эффективность достижения целей должностной позиции.

4. Принцип открытости. Все заинтересованные стороны (участники, наблюдатели, разработчики) должны быть полностью проинформированы об основных целях, процедуре и значении метода.

5. Принцип индивидуальности. По окончании АЦ каждому участнику предоставляется максимально конкретная обратная связь, с ориентацией на его собственное поведение.

6. Системный принцип. АЦ без включения в общую систему обучения и оценки персонала полиции не может соответствовать своим изначальным целям. Поэтому все задания АЦ согласованы с принципами предварительного отбора абитуриентов для обучения в Академии управления полиции Германии (г. Мюнстер), а также с проведением последующих тренинговых мероприятий для руководящего состава полиции Баварии.

Концепция АЦ в полиции построена таким образом, что содержательная сторона постоянно изменяется, однако общая структура проведения сохраняется: ролевые игры; интервью для прессы перед камерой; саморефлексия (умение объективно оценить свои сильные и слабые стороны); заключительное собеседование с кандидатом.

Из 13 составляющих социальной компетенции руководителя (по разработанной в полиции Баварии профессиограмме) оцениваются следующие: навыки управления персоналом; навыки управления конфликтом; эмоциональная стабильность и стрессоустойчивость; коммуникативные способности; навыки саморефлексии.

К упражнениям предъявляются следующие требования:

- упражнения подбираются на основе анализа деятельности руководителя;
- не требуют специальных знаний, чтобы не создавать особые преимущества для участников, владеющих ими;
- поведение, релевантное используемым показателям, должно наблюдаться в течение одного упражнения несколько раз;
- имеется более чем одно упражнение, в котором наблюдаются и оцениваются одни и те же показатели;
- упражнения стандартизированы настолько, чтобы проявления поведения участников можно было сопоставить и оценить;
- упражнения должны несколько раз предварительно апробироваться на представителях соответствующей целевой группы сотрудников.

В состав команды наблюдателей входят как представители высшего руководящего состава полиции, так и психологи. Именно при таком сочетании экзаменаторов можно достичь наибольшей точности диагностики претендентов.

Проведение ассесмент-центров имеет очевидные преимущества для полиции Баварии. Это, прежде всего, большая точность при принятии кадровых решений, систематический мониторинг имеющегося кадрового потенциала. Кроме того, решения, связанные с персоналом, становятся «прозрачными», что ведет к улучшению психологического климата в подразделениях полиции. В качестве еще одного позитивного момента метода АЦ можно назвать изучение дефектов предыдущей подготовки персонала, которое позволяет наметить направления повышения квалификации полицейских.

Пути повышения эффективности психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел

Марьин М.И.

Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации
(Москва)

Практическая психология в органах внутренних дел Российской Федерации начала активно развиваться с 1993 года. С этого момента создавалась система психологического обеспечения, включающая нормативно-правовую, организационно-штатную, научно-методическую компоненты, подготовку кадров и повышение их квалификации, оценку эффективности деятельности психологической службы.

Психологическое обеспечение охватывает все этапы прохождения службы сотрудниками, начиная с периода поступления кандидатов на службу, их адаптации к профессии, сопровождения профессиональной деятельности в течение всего периода службы, включая психологическую подготовку перед уходом на заслуженный отдых. Профессиональные возможности психологов способствуют повышению эффективности оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, результативности работы с личным составом милиции в целом, управленческой психолого-педагогической компетентности руководителей всех уровней.

Вместе с тем в последние годы отмечился глубокий системный кризис в работе с личным составом органов внутренних дел. Отчетные материалы свидетельствуют об ухудшении состояния работы по профилактике чрезвычайных происшествий среди милиционеров, существенном увеличении роста числа уголовных преступлений против личности, совершенных сотрудниками.

Это в определенной степени связано с тем, что у психологической службы системы МВД России существуют проблемы, не способствующие повышению эффективности ее деятельности как в области профилактики различного рода чрезвычайных происшествий среди сотрудников милиции, так и в области психологического обеспечения оперативно-служебной деятельности.

До настоящего момента в органах внутренних дел существует практика

игнорирования заключений и рекомендаций психологов по многим аспектам принятия кадровых решений, рекомендации психологов на принятие управленческих решений существенного влияния не оказывают.

Ежегодно около 600 человек принимаются на службу с заключением психологов «не рекомендован». В отдельных субъектах «не рекомендованные» составляют более 5% от общего числа принятых на службу, около 6% сотрудников назначаются на вышестоящие должности без учета рекомендаций психологов. Практика показывает, что почти в 90% случаев такие сотрудники являются потенциальными источниками чрезвычайных происшествий. К серьезным последствиям приводит и назначение на руководящие должности сотрудников, не обладающих необходимыми личностными качествами, организационно-управленческим потенциалом.

Психологическая служба МВД России, как структурное подразделение воспитательных аппаратов, осуществляет преимущественно решение несвойственных ей задач. По выборочным исследованиям установлено, что общие временные затраты на выполнение указанных функций, т.е. на выполнение непсихологической работы, составляют до 60% от общего служебного времени психологов. Подчиненность практических психологов воспитательным аппаратам, вхождение в структуру этих аппаратов на уровне МВД России, ГУВД, УВД, нацеленность на решение текущих повседневных задач по направлению воспитательного процесса милиционеров не позволяют в полной мере использовать потенциал психологической службы.

Существуют проблемы и в стабилизации кадрового ядра психологической службы. Ежегодно до 20% состава психологической службы обновляется. Высокая текучесть кадров психологической службы по данным специальных исследований обусловлена отсутствием перспектив для служебного роста, низким уровнем специальных званий и, в ряде случаев, с невостребованностью результатов психологической работы при организации работы с кадрами.

С целью совершенствования форм и методов психологического обеспечения, повышения эффективности деятельности психологической службы в органах внутренних дел в течение 3 лет был проведен эксперимент. В рамках эксперимента была создана психологическая служба одного из субъектов Российской Федерации как единая организационно-штатная структура, руководство которой осуществлялась Управлением психологического обеспечения. Оптимально сочетались структурная самостоятельность психологов и их подчиненность руководству. За этот период появилась возможность сформировать профессиональное ядро специалистов-психологов, существенно повысить их мотивацию к службе в органах внутренних дел, возможность комплектовать должности психологов квалифицированными специалистами на конкурсной основе, увеличить объем и качество выполняемых ими основных видов работ.

Эксперимент способствовал эффективному решению вопросов профилактики преступлений, нарушений дисциплины и законности среди личного состава, формированию благоприятного социально-психологического климата в служебных

коллективах. Такая организация работы позволила в 7 раз уменьшить число уволенных по отрицательным мотивам на первом году службы; значительно сократить количество сотрудников, привлеченных к уголовной ответственности и осужденных за совершение различных видов преступлений; не допустить боевых и небоевых потерь среди сотрудников, существенно снизить число самоубийств, особенно среди молодых сотрудников.

Данный эксперимент убедительно показал, что самостоятельная психологическая служба, не входящая в структуру воспитательных аппаратов, дает многократно больший положительный эффект как в работе с кадрами, так и в обеспечении оперативно-служебной деятельности.

Результаты эксперимента свидетельствовали также о необходимости активизации деятельности психологической службы по направлению обеспечения оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, осуществления комплекса мероприятий по сопровождению расследования и раскрытия преступлений, применения психологических знаний в решении задач борьбы с преступностью, обеспечения правопорядка и общественной безопасности в обычных и экстремальных условиях. Значительное внимание психологи должны уделять изучению и прогнозированию социально-психологических процессов в местах массового скопления людей, предупреждению групповых нарушений общественного порядка, участию в разработке рекомендаций для принятия управленческих решений по ликвидации последствий террористических актов и других чрезвычайных обстоятельств.

В целях повышения эффективности работы психологической службы, повышения профессионального статуса психологов, преодоления сложившихся негативных тенденций в системе психологического обеспечения предлагается:

1. Создать единую психологическую службу МВД России с самостоятельной организационно-штатной структурой, обеспечивающей решение задач как по направлению оперативно-служебной деятельности органов внутренних дел, так и по направлению работы с личным составом. Выделить психологов из состава подразделений по воспитательной работе (морально-психологическому обеспечению) и подчинить их непосредственно руководителю органа или подразделения внутренних дел.

2. Организовать психологическое обеспечение основных направлений оперативно-служебной деятельности: проведения различных видов психологических экспертиз (подозреваемых, свидетелей, потерпевших); осуществления переговорного процесса в ситуациях захвата заложников и угрозы совершения террористических актов; раскрытия серийных насильственных преступлений; деятельности органов предварительного следствия и т.д.

3. Нормативно закрепить на уровне федерального законодательства критерии профессионального психологического отбора кандидатов на службу. В рамках мероприятий психологического сопровождения кандидатов, включаемых в резерв на выдвижение или назначаемых на вышестоящие должности, предусмотреть

углубленное изучение лидерского и организационно-управленческого потенциала личности; изучение социально-психологических особенностей внутрисемейных взаимоотношений и поведения в быту.

Профессиональное становление офицеров-пограничников: проблемы и перспективы

Матеюк О.А.

Национальная академия Государственной пограничной службы Украины
имени Богдана Хмельницкого (Хмельницкий, Украина)

Профессиональное становление – один из основных факторов развития личности. Изучение и анализ проблемы профессионального развития позволяет утверждать, что профессиональное становление личности определено как регулируемый процесс изменения определенных качеств личности как субъекта деятельности. Оно не ограничивается периодом обучения в учебном заведении, а является продолжительным процессом овладения профессией.

Профессиональное становление офицеров-пограничников – это интегративное понятие, которое отображает продуктивный, обусловленный пограничной спецификой процесс профессионального развития личности, который побуждает её к профессиональной деятельности.

Анализ проблемы профессионального становления офицеров-пограничников дал возможность выделить три этапа этого сложного процесса: начальный (фундаментальная (базовая) подготовка), основной (общепрофессиональная подготовка) и определяющий (подготовка к назначению и деятельность после назначения на первичную офицерскую должность). Основная задача всех этапов профессионального становления офицеров-пограничников – формирование профессионала, который способен решать сложные профессиональные задачи и который имеет навыки воспитания и обучения подчиненных.

В структуре профессионального становления офицеров-пограничников было определено три компонента и их содержательная характеристика: организационный (состоит в формировании профессиональных знаний, умений и навыков), личностный (обеспечивает осуществление профессиональной деятельности и формирование профессионально важных качеств офицера-пограничника), мотивационный (побуждает к профессиональной деятельности). Все указанные компоненты профессионального становления офицеров-пограничников взаимообусловлены и находятся во взаимосвязи.

Одной из основных проблем становления офицеров-пограничников является нечеткое законодательное определение понятия правоохранительной деятельности, нет и исчерпывающего перечня правоохранительных органов. В разных законодательных актах понятия правоохранительной деятельности и перечень правоохранительных органов определяются по-разному, а часто даже противоречат один другому. Например, в ст. 2 «Положения о прохождении гражданами Украины

военной службы в Государственной пограничной службе Украины» отмечается, что граждане, которые проходят военную службу в Госпогранслужбе, являются военнослужащими. Тогда как в ст. 6 Закона Украины «О Государственной пограничной службе Украины» отмечается, что Госпогранслужба является правоохранительным органом специального назначения, соответственно, офицеры-пограничники являются представителями правоохранительных органов.

Нечеткое и противоречивое употребление термина «правоохранительные органы» свидетельствует об отсутствии единого подхода в его понимании и толковании. Это усложняет решение теоретических проблем в этой сфере, отрицательно влияет на правовое регулирование компетенции Государственной пограничной службы Украины, правовое и социальное положение офицеров-пограничников, то есть, на их деятельность вообще и их профессиональное становление в частности.

Одну из основных предпосылок и перспектив профессионального становления офицеров-пограничников усматриваем в привлечении и подчинении профессиональной пограничной деятельности современной пограничной науке, пограничному менеджменту, а также в изучении пограничного (правоохранительного) опыта других стран, и его использовании с учетом собственных наработок и специфики.

Подготовка полицейских Кипра к ведению переговоров

Менелау С.

Служба психического здоровья Кипра (Ларнака, Кипр)

Криминальность для большинства людей – это просто слово из научной криминологии, или из преступного расследования. А для учёных это значительно больше, особенно, для психологов и психиатров. Связанно это в первую очередь с тем, что психология является наукой, которая имеет знания не только об исследовании самого преступления и объясняет его в помощь правоохранительным органам, но и ставит вопросы общечеловеческого существования, касающиеся преступного действия. Отсюда понятна значимость психологии в социальном институте и её роль в психологическом исследовании психосоциальной эволюции. Так преступное действие получает смысл от эволюции по форме, по формированию, по акту и т.д. То есть здесь речь идёт о личностном смысле этнопсихологической эволюции развития преступления.

Республика Кипр всегда считалась специалистами страной побочного эффекта из-за политического и экономического развития мира, особенно Европы. Здесь взаимодействуют географические, экономические и, особенно, политические аспекты. В свою очередь, криминальность получила свою форму: развивается как организованная преступность, так и преступления против личности. Высок процент суицидов, попытки покончить с собой – истинная проблема современного общества Кипра. Кипрская Республика вступила в Европейский союз сравнительно недавно и

её этнопсихологический статус изменился. Очень часто полицейские встречаются с попытками самоубийства как киприотов, так и граждан других стран Европы.

Потребность и актуальность подхода к проблеме, кроме политических принципов, включает в себя и криминологический принцип. А акт и действие для реализации этого принципа означает психологический подход в течение процесса общения и коммуникации с людьми (террористами), с людьми, происходящими не из организованной преступной группы, но выступающими в качестве террориста, с людьми, которые пытаются покончить с собой. Таким образом психологический фактор является ключевым.

Специфика переговорной деятельности для полиции Кипра является новым, малознакомым и малоизученным объектом исследования, который требует дополнительного научно-практического обеспечения в профессиональном обучении, тренинге и подготовке кадров полиции Кипра по переговорной деятельности. Особенно в сфере попыток самоубийства национальных и иностранных субъектов. Так обеспечение обучения кадров полиции Кипра по переговорной деятельности, психолого-педагогическому сопровождению и тренинговой подготовке, продиктовано запросами практики.

Такая научно-практическая работа высокого академического уровня в сфере профессионального психологического исследования переговорной деятельности в полиции проводится в Республике Кипр впервые. Всё вышеуказанное определяет актуальность работы в теоретическом плане.

В рамках нашей работы запланировано проведение обучающих мероприятий по переговорной деятельности, которые станут частью общего курса обучения кадрового состава полиции Республики Кипр. Такое обучение проводится один или два раза в год с привлечением международных высококвалифицированных специалистов и педагогов.

Обучение переговорам происходит по стандартному плану. Мы предлагаем систему психологического сопровождения обучающего процесса, призванного повысить эффективность понимания, усвоения и запоминания изученного материала, внедрить освоенные навыки в повседневную практическую деятельность.

Переговорная деятельность – это метод, который используется уже в течение совершения преступления. Переговорная деятельность как вмешательство, является динамическим процессом с целью спасения жизни людей.

Экспериментальное исследование содержит проверку психологических знаний переговорщиков, их обучение (включающее проведение тренинговых занятий) и проверку их психологических знаний по переговорной деятельности после обучения.

О профессионально-психологической компетентности и психологической культуре личности юристов

Поздняков В.М.

Московский государственный гуманитарный университет
им. М.А. Шолохова (Москва)

Интернет-опрос на тему «Юристы и психология» показал, что сегодня повышение психологической компетентности необходимо юристам разных сфер деятельности, т.к. на это указали все участники опроса, а 12, 5% из них считают, что это «очень важно, больше, чем для других профессий». Одновременно со стороны двух третей респондентов (64,71%) обращено внимание на «актуальность создания специальных психологических тренингов для юристов». Подчеркнуто, что в особой мере они востребованы юристами, реализующими новые формы профтруда – участие в переговорах при заключении сделок, сопровождение риэлтерской и коллекторской деятельности, осуществление медиации (посредничества) в рамках процедуры «восстановительного правосудия» и др. (Жданухин, 2010).

Анализируя современную практику психологической подготовки юристов в вузах и ее дидактическое обеспечение, можно констатировать наличие ряда узких мест. Во-первых, за исключением образовательных учреждений правоохранительных органов, психологическая подготовка юристов в гражданских вузах осуществляется на основе ограниченного объема аудиторных занятий и преимущественно на втором и третьем курсах, когда еще не пройдены многие отраслевые юридические дисциплины. Во-вторых, доминирование лекционно-семинарской формы занятий и одновременно отсутствие комплекса дидактически обоснованных заданий для самостоятельной работы (с отработкой первичных умений) негативно сказывается на практической обученности будущих юристов. В-третьих, в образовательной практике в недостаточной мере используются психотехнологии и методические рекомендации из диссертационных исследований по проблеме совершенствования качества профессионально-психологической подготовки специалистов юридического профиля.

Преодоление указанных недостатков видится в переходе отечественных вузов на компетентностную модель подготовки юристов. При этом, учитывая зарубежный опыт (Равен, 2002), необходимо в государственных образовательных стандартах третьего поколения, которые будут вводиться с 2011 года, прописать профессионально-психологическую компетентность юристов в рамках «плавающих профграниц». Это позволит, с одной стороны, лучше учесть перспективу трансформации юридических специализаций в условиях глобализации и развития информационного общества, а с другой стороны, создать условия для формирования у обучающихся в вузах диспозиции самоорганизации и ответственности как субъектов профтруда.

Феномен «компетентность» как сложно организованный конструкт, характеризующий профессиогенез психики, имеет внешнюю и внутреннюю стороны. Первая из них характеризует соответствие выпускников вуза социально-исторически

обусловленным и прагматически сформулированным профсообществом требованиям, а вторая акцентирует важность профессиональной самоактуализации личности, ее мотивации аффилиации, способности самостоятельно и творчески преодолевать возникающие в профдеятельности проблемы. В этой связи у юристов в рамках вузовской подготовки, на наш взгляд, важно формировать психологическую компетентность одновременно в ракурсе следующих аспектов:

1) когнитивного, обеспечивающего адекватное усвоение и использование понятий и теорий, а также отрефлексированных «скрытых знаний» из жизненного опыта;

2) функционального, связанного с развитием не только профессиональных умений в контексте возможной специализации, но и способности творчески подходить к разрешению проблем в сфере профтруда;

3) деонтологического, базирующегося на выработке установок на соблюдение законности и отстаивание нравственно-этических и правовых ценностей при реализации профдеятельности;

4) личностного, ориентирующего на акмеологическое развитие и эмпатийно-толерантное поведение в отношении своих различных клиентов.

Учитывая, что среди обучающихся на юридических факультетах вузов России более 90% имеют намерение получать магистерский уровень юридического образования (Кириленко, Пиджаков, 2005), а профессия юристов относится к типу «человек – человек» (по классификации Е.А. Климова) и, как следствие, создает предпосылки для профвыгорания личности, представляется важным при профподготовке юристов обращать внимание на развитие двух сторон их профессионализма: профессионализма деятельности и профессионализма личности.

Первая составляющая профессионализма юристов характеризует процессуально-результативные особенности их профессионального поведения и, прежде всего, в аспекте успешного преодоления возникающих проблемных ситуаций. И именно такой подход с целью формирования конкретных видов профессионально-психологической компетентности юристов реализован в исследованиях юридических психологов, проведенных в последние годы, в том числе по развитию таких видов компетентности, как морально-психологическая (Соколова, 1999; Знаменская, 2004); коммуникативная (Аминов, 2000; Кондаурова, 2001; Кораблев, 2003; Возженникова, 2004; Коновалова, 2004; Мишин, 2007; Потлачук, 2009); профессионально-перцептивная (Свободный, 2004; Гребенников, 2006; Кусакина, 2010); конфликтологическая (В.П. Трубочкин); регулятивная (Пестриков, 2007; Соловьева, 2007; Попов, 2009); профессионально-ролевая (Гусева, 2007).

Вторая составляющая профессионализма личности юристов связана с их психологической культурой. Она предопределяется, прежде всего, ценностно-смысловой направленностью личности и аутопсихологической компетентностью. В итоге обеспечивается оптимальность в реализации специалистами профессионального поведения, в том числе в аспекте психологического здоровья. И хотя о важности развития психологической культуры личности юриста речь ведется

уже несколько десятилетий (Ратинов, 1987; Столяренко, 1989; Поздняков, 1992; Васильев, 1998 и др.), но в отношении операционализации данного феномена как теоретического конструкта еще много нерешенных проблем.

Нами разделяется позиция В. Библера (1989), что «культура – это форма самодетерминации индивида в горизонте личности». В этой связи в качестве компонентов психологической культуры личности представляется возможным, вслед за Я.Л. Коломинским (2000), выделять две составляющие – концептуально-теоретическую и практическую.

Концептуально-теоретическая составляющая психологической культуры личности юриста базируется на сформированности «концепции профессии» – представлений о ее сущности (духе), ее миссии, вытекающего из нее идеала профессионального поведения (Kasher, 2005). При этом для появления у специалиста системного «индивидуального видения профессии, по мнению данного ученого, недостаточно быть компетентным только в своей сфере, т.к. запросы и ценности общества (и клиентов) необходимо перевести на язык ориентиров для профессионально-личностного развития и деятельности, которая ради этого общества (и клиентов) осуществляется». В этой связи на юридических факультетах надо реализовывать личностно-развивающий подход. Он призван обеспечить осознанный выбор и принятие будущими юристами «модели гуманистического человека», которая необходима им как для профессионального саморазвития личности, так и построения конструктивного поведения как субъектами познания, общения и труда. При этом важными становятся интеграция учебных дисциплин, а также реализация психотехнологии формирования у обучающихся «профессионального гештальта» (Харин, 2009).

Опыт успешного развития аутопсихологической компетентности – сложноинтегрированного личностного новообразования, включающего уровневое освоение человеком знаний, умений и навыков в сфере самопознания, саморегуляции и самореализации (Степнова, 2003) к настоящему времени накоплен. Именно благодаря внедрению в практику вузов современных психотехнологий появляется возможность коррекции у обучающихся профессиональной Я-концепции, выработки индивидуального стиля, обеспечивающего психологически грамотное построение диалогического взаимодействия с окружающими людьми, изменение своего психического состояния за счет рефлексии субъективного опыта и саморегуляцию в изменяющихся условиях труда, психологическую мобилизацию для достижения значимых результатов в профтруде.

Исследование динамики представления человека о себе в группе (на примере студентов юридического факультета)

Постнова А.А.

Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова (Ярославль)

С усложнением различных сторон юридической деятельности растут требования, предъявляемые к личности человека, который избрал профессию юриста в качестве основной жизненной цели. Все большее значение среди них приобретают психологические факторы: наличие у абитуриентов соответствующих личностных качеств, и задатков, которые в ходе обучения в юридическом вузе должны быть приведены в системы навыков, умений и знаний, обеспечивающих успех на практической работе. Профессия правоведа относится к числу таких профессий, которые обладают повышенной социальной значимостью, и к личностным качествам представителям которой предъявляются особые требования.

Самым первым и одним из важных шагов в воспитании личности будущего профессионала является формирование студенческого коллектива, который оказывает мощное социализирующее и воспитательное воздействие на личность.

Как известно, поведение людей в группе имеет свою специфику по сравнению с индивидуальным поведением. Происходит как унификация, рост схожести поведения членов группы за счет формирования и подчинения групповым нормам и ценностям на основе механизма внушаемости, конформизма, подчинения власти, так и рост возможностей оказывать свое ответственное влияние на группу. В студенческой группе происходят динамичные процессы структурирования, формирования и изменения межличностных (эмоциональных и деловых) взаимоотношений, распределения групповых ролей и выдвижения лидеров и т.п. Все эти групповые процессы оказывают сильное влияние на личность студента, на успешность его учебной деятельности и профессионального становления, на его поведение.

В данной работе мы представляем результаты эмпирического исследования особенностей динамики представления человека о себе в группе.

В нашем исследовании приняли участие студенты юридического факультета Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (54 человек), в возрасте от 17 до 20 лет.

Сбор информации осуществлялся с помощью Методики «Q – Сортировка» (В. Стефансон).

В ходе исследования представлении человека о себе в группе, мы получили следующие результаты:

При переходе с первого курса на второй имеются достоверные различия – увеличение показателя «независимость» ($p < 0,01$), «необщительность» ($p < 0,01$), «принятие «борьбы» ($p < 0,01$), показатель «избегание «борьбы» ($p < 0,01$) при переходе с 1 на 2 курс достоверно уменьшается. Это свидетельствует о склонности избегать взаимодействия, сохранять нейтралитет в спорах и конфликтах. Тенденция к независимости от мнения других людей, мнение о себе строится на основе личных представлений о результатах своей деятельности, и в меньшей степени зависит от внешнего окружения. Отношения в группе строятся по типу «партнерства», где каждый участник воспринимается как равный.

Влияние агрессивности как личностного свойства на особенности интеллектуальной деятельности оперативного работника

Савченко П.В.

Федеральное бюро медико-социальной экспертизы (Москва)

Калягин Ю.С.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Проблема агрессивности на сегодняшний момент едва ли не одна из самых насущных проблем многих современных гуманитарных наук. События, произошедшие в 20 веке: две мировые войны, унесшие громадное количество человеческих жизней, изобретение мощнейшего по своей разрушающей силе оружия, дают этому достаточное основание.

Многие авторы разводят понятия «агрессии» как специфической формы поведения человека и «агрессивности» как психического свойства личности. Агрессия рассматривается как процесс (действие), агрессивность — как некоторая структура. В литературе, посвященной изучению агрессии, часто указывают на состояние враждебности, которое может служить импульсом к возникновению агрессивного поведения. Враждебность всегда направлена на определенный объект. Она выражается чувством возмущения, обиды и подозрительности. Часто враждебность и агрессивность сочетаются, но нередко люди могут находиться во враждебных и даже антагонистических отношениях, однако никакой агрессивности не проявлять. Бывает и агрессивность без враждебности, когда обижают людей, к которым никаких чувств не питают.

Агрессию рассматривают не только как поведение, но и как психическое состояние, выделяя его познавательный, эмоциональный и волевой компоненты.

По сравнению с мышлением и мыслительной деятельностью субъекта агрессивность является приобретенным свойством личности. Будучи структурным элементом личности, агрессивность имеет также собственные параметры и взаимодействует с другими компонентами. Качественное своеобразие агрессивности проявляется в различной степени ее выраженности: от почти полного отсутствия до предельного развития.

В целях изучения различных аспектов мышления и их сравнительного анализа между группой с повышенной агрессивностью и агрессией в норме, в работе использовались следующие методики: методика Басса-Дарки, методика «Исключения четвертого», методика «Рисунок несуществующего животного», «Тест руки» Э. Вагнера, «Толкование пословиц и метафор», методика «Пиктограммы». Следует отметить, что в последних двух методиках, наравне с нейтральным материалом, использовался аффектогенный материал, провоцирующий агрессивность.

Анализ результатов выполнения указанных методик позволяет сделать следующие выводы:

– агрессивность, как личностная черта оперативного работника, оказывает существенное влияние на его мыслительную деятельность, обуславливая особенности

ее протекания, что выражается в более сильном искажении аффектогенного материала в методиках «Толкование пословиц» и в «Пиктограммах» в группе лиц с повышенной агрессивностью.

– виду того, что в группе оперработников с повышенной агрессивностью больше ошибок при воспроизведении нейтрального материала, можно сделать вывод о том, что степень искажения мыслительной деятельности оперработника находится в прямой зависимости от уровня его агрессивности.

– высокая личностная агрессивность, помимо оказания влияния на абстрактное мышление, может затрагивать и конкретно-ситуативное, что в свою очередь, не исключает возможность появления у человека агрессивного поведения.

Обобщая изложенное, мы получили подтверждение тому, что завышенный уровень агрессивности оперативных работников может влиять как на «высшие» формы мышления (абстрактное, способность к обобщению, развитость речевого аппарата), что может привести к интерпретации некоторых ситуаций, даже не являющихся таковыми, как агрессивных по отношению к нему. Еще более высокий уровень агрессивности в свою очередь может оказывать влияние на более важные, «базовые», более ранние в онто- и филогенезе виды мышления, вплоть до конкретно-ситуативного, что помимо тенденциозного восприятия окружающей реальности может вести к агрессивному поведению.

Изучение уровня сформированности правосознания у сотрудников органов внутренних дел

Сергачева О.В.

Управление внутренних дел г. Северодвинска (Северодвинск)

Марьин М.И.

Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации
(Москва)

Проблема правосознания, изучения его реального уровня, состояния, содержания относится к числу ключевых, основополагающих научных направлений юридической психологии. С ее решением связаны задачи укрепления законности и правопорядка, повышения эффективности и качества деятельности правоохранительных органов, борьба с преступностью и предупреждение причин, ее порождающих, постижение глубинных содержательно-психологических механизмов социального взаимодействия людей, познание движущих сил и внутренних регуляторов юридически значимого поведения (Столяренко, 2001).

С точки зрения психологии личности правосознание понимается как присущая человеку система представлений, основанных на понимании роли закона, правовых норм в регулировании взаимоотношений между гражданами государства, между личностью и государством, под воздействием которых складываются установки на подчинение этим нормам. Развитость правового сознания является стабилизирующим

фактором, способствующим совершенствованию гражданского общества (Ясюкова, 2005).

Юридическая психология добавляет, что личностное отношение к правам и обязанностям – это проявление степени усвоения социального, выражаемого в характере принимаемых решений, в мотивах, способах и средствах реализации правовых норм (Васильев, 2001).

Таким образом, оценивая уровень сформированности правосознания, можно говорить о степени готовности личности придерживаться тех или иных социальных и правовых норм.

Задачей исследования является изучение уровня сформированности правосознания и готовности придерживаться правовых норм в профессиональной деятельности и межличностных отношениях у сотрудников ОВД.

В исследовании принимали участие сотрудники ОВД в количестве 240 человек (160 мужчин и 80 женщин) и кандидаты на службу в ОВД в количестве 86 человек. В экспериментальном исследовании использована методика, предложенная Л.А. Ясюковой (2005).

Результаты изучения уровня сформированности правосознания позволили выделить и описать общую тенденцию в развитии правосознания у сотрудников ОВД. Она заключается в том, что у всех обследованных выявлены высокие значения показателей в области правовых знаний. Также в рамках высоких значений находятся показатели бытовой сферы функционирования правосознания, которые характеризуются достаточным пониманием групповой относительности морально-этических норм, способностью понять и принять систему жизненных ценностей другого человека. Значения деловой сферы находятся в рамках среднего, второго уровня, и характеризуются склонностью действовать в соответствии с правилами и законами, соблюдением договорных обязательств, средним уровнем надежности в деловой сфере. Самые низкие значения правосознания у обследованных выявлены в социально-гражданской сфере. Это позволяет говорить о слабой сформированности правосознания, проявляющегося в пассивности, нежелании проявлять инициативу, прикладывать личные усилия, самостоятельно искать выход из сложных ситуаций, о низкой гражданской ответственности. Такой человек привык перекладывать ответственность на других, он ожидает, а нередко и требует, чтобы кто-то (государство, начальник, родители) заботились о нем и обеспечивали всем необходимым. Выявленная тенденция в функционировании правосознания характерна и для кандидатов, не имеющих опыта службы и статуса защитника прав граждан, и для сотрудников ОВД.

Таким образом, общая тенденция проявляется в хорошем уровне правовых знаний, достаточном понимании групповой относительности морально-этических норм, гражданской пассивности, нежелании проявлять инициативу, брать ответственность на себя. Такая тенденция может отражать определенную позицию, при которой права человека рассматриваются односторонне, с точки зрения его

свободы, независимости, личностного самоутверждения в отрыве от ответственности, долга, гражданских обязанностей.

Также в исследовании было выявлено, что у женщин-сотрудников общий уровень сформированности правосознания выше, чем у мужчин-сотрудников. Низкий уровень сформированности правосознания, характеризующийся как правовой нигилизм (отрицание различных правил и норм, асоциальность поведения), выявлен у 20% мужчин-сотрудников; у 17,5% женщин. Обращает на себя внимание тот факт, что из всех мужчин-сотрудников с правовым нигилизмом 44% имеют стаж службы в ОВД более 10 лет (8,8% от общего количества); из всех женщин-сотрудников с правовым нигилизмом 14,3% имеют стаж службы в ОВД более 10 лет (2,5% от общего количества). Это может говорить об одной из форм деформации правового сознания у мужчин-сотрудников. Что касается правового сознания женщин-сотрудников, то можно предположить, что женщины-сотрудники меньше подвержены правовой деформации. Обобщение результатов исследования, характеризующих уровень сформированности правосознания у женщин-сотрудников с различным сроком службы в ОВД (более высокий уровень) позволяет утверждать, что у женщин-сотрудников более выражена готовность к соблюдению правовых и социальных норм. Это, в свою очередь, позволяет предположить, что на протяжении всей службы женщины-сотрудники могут являться носителями социально-позитивного образа сотрудника ОВД, поддерживая тем самым социальную значимость правоохранительной деятельности и имидж сотрудника милиции в современном обществе.

Социальная значимость правосознания заключается в том, что оно является необходимым условием готовности личности к соблюдению социальных и правовых норм. Изучение действительной картины сформированности, функционирования, особенностей правосознания у сотрудников ОВД позволит на основе комплексного анализа определять приоритетные направления в работе с личным составом, эффективно распределять силы и средства, строить прогнозы и профилактическую работу.

Таким образом, полученные результаты исследования позволяют сформулировать следующие выводы:

1. Выявлена общая тенденция в функционировании правосознания обследованных, которая проявляется в хорошем уровне правовых знаний, достаточном понимании групповой относительности морально-этических норм и гражданской пассивности, нежелании проявлять инициативу, брать ответственность на себя.

2. Более высокий уровень сформированности правосознания у женщин-сотрудников позволяет говорить о том, что они являются носителями социально-позитивного образа сотрудника, поддерживая тем самым социальную значимость правоохранительной деятельности и имидж сотрудника милиции.

3. Среди мужчин-сотрудников с низким уровнем сформированности правосознания 44% имеют стаж службы в ОВД более 10 лет. Это свидетельствует об определенной деформации правового сознания в процессе служебной деятельности.

4. С целью повышения качества отбора кандидатов на службу необходимо изучать уровень сформированности их правосознания. Эта информация поможет, оценивая степень готовности кандидата принимать или нарушать социальные и правовые нормы, точнее прогнозировать успешность профессиональной деятельности будущего сотрудника ОВД.

Литература

1. Васильев В.Л. Юридическая психология. СПб.: Питер, 2001.
2. Столяренко А.М. Прикладная юридическая психология: Учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2001.
3. Ясюкова Л.А., Самойлова В.А. Состояние и тенденции развития правосознания в современном российском обществе // Человек и общество: Научный и общественный альманах. Санкт-Петербургский университет, 2005. Выпуск № 31. С. 60-84.

Психологические аспекты деятельности государственных обвинителей

Смирнов В.П.

Санкт-Петербургский юридический институт (филиал)

Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (Санкт-Петербург)

В результате проведенной в России судебной реформы существенно возросла значимость судебной стадии уголовного судопроизводства, а вместе с ней и роли государственного обвинителя. Не только от следователей, производящих предварительное расследование, но и в большей степени от прокуроров, поддерживающих обвинение в судах, во многом стал зависеть исход рассмотрения уголовных дел. В условиях состязательности сторон в процессах с участием присяжных заседателей государственные обвинители нередко оказываются неподготовленными, проигрывают стороне защиты. В связи с этим становится актуальным исследование психологической составляющей деятельности гособвинителей в целях повышения эффективности их профессиональной подготовки, профессионального подбора и повышения квалификации. В своем исследовании мы предприняли попытку сравнения психологических аспектов деятельности гособвинителей и следователей, руководствуясь следующим: 1) психология следственной деятельности хорошо изучена; 2) следователи и гособвинители своей деятельностью реализуют последовательные этапы единого процесса уголовного преследования; 3) критерии профессионального психологического отбора будущих гособвинителей и следователей при поступлении в специализированные ВУЗы и на работу в органы прокуратуры едины; 4) система вузовской подготовки также не разделяет будущих гособвинителей и следователей. Действительно, в укоренившемся в психологии юридического труда

профессиографическом подходе центральное место отводится фигуре следователя. С различными вариациями исследователи выделяют в структуре следственной деятельности поисково-познавательную, коммуникативную, удостоверительную, организационную, конструктивно-реконструктивную и социально-воспитательную компоненты (Васильев, 1991; Романов, Кроз., 1994, Шиханцов, 2003). Деятельность прокурора в суде, располагающаяся на периферии внимания исследователей-психологов, рассматривается, как правило, применительно к его ораторскому мастерству, анализируется преимущественно коммуникативная сторона его профессии (Васильев, Горьковая, 1996). Наше исследование, включавшее интервьюирование и анкетирование 120 представителей этих профессий, подтвердило ведущую роль в работе гособвинителя коммуникативной составляющей, будь то официально-публичное или интимно-личностное общение, вертикальная или горизонтальная коммуникация. Как составную часть коммуникативных умений прокуроры выделяют значимость в своей профессии развитой устной и письменной речи. Гособвинители также подчеркивают необходимость умения быстро ориентироваться в изменяющейся судебной ситуации, анализировать ее и принимать решения, что требует как высокой скорости и гибкости мышления, так и стрессоустойчивости. Последнее качество обвинители также трактуют в терминах «спокойствие», «выдержка», «сдержанность». Большое значение прокурорами придается морально-нравственной стороне профессии, выражаемой в необходимости принципиальности, ответственности, честности, стремления к установлению истины. Меньшее значение, по сравнению со следователями, гособвинители придают организаторским качествам, распорядительности, навыкам планирования каждодневной деятельности.

Литература

1. Васильев В.Л. Юридическая психология: Учебник. М.: Юридическая литература, 1991.
2. Васильев В.Л., Горьковая И.А. Психология ораторского мастерства государственного обвинителя: Учебное пособие. СПб., 1996.
3. Романов В.В., Кроз М.В. Психологическая оценка при профессиональном отборе кадров для прокуратуры (современное состояние и перспективы) // Вопросы психологии. 1994. № 3. С. 94-105.
4. Шиханцов Г.Г. Юридическая психология: Учебник. М.: Зерцало-М, 2003.

Исследование личностных особенностей сотрудников органов внутренних дел, совершивших суицид

Смирнова М.В., Марьин М.И.

Академия управления Министерства внутренних дел Российской Федерации
(Москва)

Особую значимость проблема самоубийств приобретает в органах внутренних дел, так как самоубийства сотрудников милиции являются одним из видов наиболее

тяжких чрезвычайных происшествий и каждый случай самоубийства оказывает негативное влияние на психологическое состояние подразделения. Поэтому для повышения качества работы по профилактике суицидов необходимо решить проблему качественной диагностики суицидального риска.

Для решения этой задачи было проведено исследование, включающее анализ завершенных суицидов среди сотрудников органов внутренних дел за 2001-2008 годы; их социально-средовых, социально-демографических факторов по данным эмпирического материала за этот же период; личностных факторов суицидального риска с помощью анализа данных психодиагностического обследования суицидентов, зарегистрированных в федеральной базе суицидальных происшествий.

Исследование личностных факторов суицидального риска было проведено с использованием данных по методике СМИЛ в двух группах испытуемых (суицидентов и работающих сотрудников), полученных в результате тестирования при поступлении на службу в органы внутренних дел. Общая выборка составила 1240 человек.

В результате исследования личностных факторов суицидального риска после процедуры факторизации данных психодиагностического обследования по методике СМИЛ в двух группах исследования были получены различные факторные модели личностных показателей суицидентов и работающих сотрудников. Выявлены отличия между ними в типах реагирования на стрессогенные ситуации, психологических защитных механизмах и особенностях состояний психической дезадаптации.

В факторной структуре, полученной в группе суицидентов, наиболее информативным является фактор 1 (28%). Максимальные (положительные) факторные нагрузки имеют: шкала 2 («Пессимистичность»), шкала 7 («Тревожность»), шкала 0 («Социальная интроверсия»), шкала 8 («Индивидуалистичность»). Эти переменные определяют положительный полюс фактора. На противоположном полюсе расположены противопоставляемые признаки: оптимистичность (активность), стеничность (агрессивность), экстраверсия, коммуникативность. Выявленные признаки отражают свойства гипостенического типа реагирования и преобладания тормозимых черт характера.

Известно, что каждая базовая шкала СМИЛ выявляет тот или иной механизм трансформации тревоги, т.е. тот или иной вариант защитного механизма. Следовательно в полученных факторных моделях каждый фактор позволяет определить наиболее вероятные защитные механизмы психики, которые личность задействует в психотравмирующих ситуациях. Поэтому в случае психастенического варианта дезадаптации проявятся такие механизмы защиты, как отказ от реализации своих намерений, интеллектуальная проработка проблем, ограничительное поведение, направленное на избегание неуспеха и выраженное явлениями навязчивости, пассивного ухода от конфликта, отхода от социальной активности.

При стеническом типе реагирования с высокой вероятностью развития экспансивного варианта дезадаптации на психотравмирующие ситуации включаются

такие защитные механизмы психики, как отрицание проблем, гиперкомпенсаторная активация, внешнеобвиняющие агрессивные реакции.

Фактор 2 имеет информативность 19%. Наибольшими положительными факторными нагрузками обладают: шкала 1 («Сверхконтроль»), шкала 3 («Эмоциональная лабильность»). Противоположный полюс определяется такими переменными, как спонтанность, ригидность, т.е. данный фактор выявляет две пары противопоставляемых признаков: сензитивность – спонтанность, лабильность – ригидность.

Выявленные признаки в данной ортогональной плоскости обнаруживают смешанный тип реагирования на психотравмирующие ситуации. Значения на отрицательном полюсе данного фактора по шкалам 4 («Спонтанность») и 6 («Ригидность»), которые выше нормативных, свидетельствуют о нарушении адаптации в виде поведенческих реакций асоциальной и антисоциальной направленности, а повышение значений на положительном полюсе по шкалам «Сверхконтроль» и «Эмоциональная лабильность» – о нарушениях адаптации в виде психосоматических реакций. Этот фактор может быть идентифицирован как выявляющий, с одной стороны, смешанный тип реагирования на психотравмирующие ситуации с высокой вероятностью развития психосоматического варианта нарушения адаптации, а с другой – стенический тип реагирования с тенденцией к импульсивным агрессивным реакциям. В психотравмирующих ситуациях включаются такие защитные механизмы психики, как психосоматические проявления или импульсивные агрессивные реакции.

В факторе 3 (15%) наибольшую положительную факторную нагрузку имеет шкала 9 («Оптимистичность»). Данная переменная является доминирующей, и отрицательный полюс фактора 3 определяется такими характеристиками, как пессимистичность, пассивность. Соответственно, фактор 3 можно идентифицировать как фактор гипомании (стеничности) и прогнозировать гипертимный (экзальтированный) или гипотимный варианты реагирования в психотравмирующих ситуациях. Основными защитными механизмами при гипертимном варианте реагирования на стрессовые ситуации являются: снижение критичности, отрицание проблем, азитированная активность; при гипотимном варианте: пассивность, бегство от проблем.

В факторной структуре работающих сотрудников выявлены другие информативные факторы, отличающие их от факторной структуры личностных показателей группы суицидентов.

В результате проведенного исследования личностных показателей в группах сравнения (суицидентов и работающих сотрудников) установлены:

1. Варианты психической дезадаптации суицидентов, в число которых относятся: психастенический, сопровождающийся состоянием азитации, психосоматический; типы реагирования на стрессогенные ситуации: гипостенический с высокой вероятностью развития психастенического варианта дезадаптации,

сопровождающийся ажитированной тревогой; смешанный с высокой вероятностью развития психосоматических нарушений.

2. Защитные механизмы психики суицидентов: отказ от реализации своих намерений, интеллектуальная проработка проблем, ограничительное поведение, направленное на избегание неуспеха и проявляющееся в навязчивости; пассивный уход от конфликтов, отход от социальной активности, ажитированная активность.

3. Существование в группе суицидентов проблемы подавленной враждебности, в то время как в группе работающих сотрудников выход отрицательных эмоций (агрессии) происходит за счет отреагирования вовне по внешнеобвиняющему типу.

4. Смешанный тип реагирования в группе работающих с высокой вероятностью проявления непосредственных реакций на психотравмирующие ситуации. При этом сохраняется ориентация на социальные нормы. Психосоматические нарушения слабо выражены. Имеет место быть избирательная активность и общительность.

Применение методов экспресс-диагностики психологических свойств человека в ходе расследования преступлений

Соколова О.А.

Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации (Москва)

В практике расследования и раскрытия преступлений целесообразно выделить одно из пяти направлений использования данных психологии: методы экспресс-диагностики определения психологических особенностей человека и установления психологического контакта (Соколова, 2010).

При расследовании и раскрытии преступлений применение экспресс-методик при диагностировании психологических свойств человека, в первую очередь, связано с криминалистической тактикой. При проведении следственных действий активно применяются методики и рекомендации по установлению психологического контакта при допросе, проведении очной ставки, следственного осмотра и др., определении некоторых психологических особенностей допрашиваемого (характера, темперамента и т.д.) (Ратинов, 2001).

В юридической психологии применительно к способам исследования выделяют следующие частнонаучные методы: наблюдение; экспериментальный метод, метод тестов, беседа (интервью), метод психологического анализа нормативных актов и инструктивных материалов, метод обобщения независимых характеристик, анкетный метод и др. (Чуфаровский, 1995).

Экспериментальный метод (лабораторный и естественный эксперименты) применяется с целью изучения отдельных психических процессов, связанных с различными фактическими данными, например по реакции и движениям человека возможно определение его темперамента: холерик, меланхолик, флегматик или сангвиник и др.

Метод беседы. Данный метод позволяет получить информацию по заранее намеченным вопросам, подлежащим выяснению. Результаты беседы важны для оценки полученной информации в психодиагностическом исследовании, в частности позволяющие распознавать недостоверные и ложные сообщения, которые предлагается использовать для их выявления (Енгальчев, Юнда, 2010). В частности, проведение беседы оперативным сотрудником, следователем, дознавателем можно условно разделить на следующие группы: организационно-тактические, методические, технические, субъективные и оформление результатов беседы (Соколова, 2010).

1. Организационно-тактические факторы или подготовительная группа включает в себя: определение времени и организация места производства беседы; составление плана проведения беседы; уточнение участников, которые будут присутствовать при беседе (несовершеннолетний подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, свидетель, педагог, защитник, переводчик и др.) и предусмотреть вопросы взаимодействия всех субъектов, которые могут присутствовать при беседе и т.д.

2. Методические факторы подразумевают соблюдение морально-этических норм общения при беседе, использование элементов, позволяющих воспроизвести наблюдаемое событие (фотографии, рисунков, схем, планов, зарисовок и т.д.); приемов детализации высказываний, уточнения их смыслового содержания; избегать давления на собеседника собственными убеждениями, оценками и наводящих вопросов, которые, содержат в явной или в скрытой форме ответ; использовать необходимую научно-методическую литературу, справочные пособия, словари, периодические издания и т.д.

3. Технические факторы подразумевают применение научно-технических средств при проведении беседы, в том числе компьютерных технологий, фото-видеоаппаратуры с целью фиксации в процессе беседы всех высказываний и значимых проявлений, изменений в невербальном поведении т.д. с последующим воспроизведением полученной информации.

4. К субъективным факторам следует отнести компетентность сотрудника, проводящего беседу, его профессиональные качества: внимание, наблюдательность, самостоятельность мышления, способность преодолеть предубеждение, предвзятость и др.

5. Оформление результатов беседы: необходимо зафиксировать установочные данные лиц, присутствующих при проведении беседы, а также задаваемые ими вопросы и сделанные пояснения, изменения в невербальном поведении собеседника. Результаты беседы следует подвести сразу после ее проведения.

Метод наблюдения. В практике расследования преступления данный метод применяется практически при производстве всех следственных действий: допросе, очной ставке, проверки показаний на месте, освидетельствовании, следственном эксперименте и т.д., а также при проведении оперативно-розыскных мероприятий.

Наблюдаются внешние проявления опрашиваемого: движения, мимика и жесты, речь, одежда, выражения эмоций и т.д. (Оперативно-розыскная психология, 2008).

Изучение продуктов психической деятельности, в т.ч. изучение материалов дела. Данный метод заключается в сборе и анализе разнообразной информации, позволяющей исследовать различные психические свойства и их особенности у лиц, попавших в сферу уголовного судопроизводства, вплоть до анализа их почерка. Это могут быть материалы уголовного дела, дел оперативного учета, характеристика на человека, с которым планируется проведение беседы и др.

Биографический метод заключается в собирании и обобщении данных биографического характера лица, попавшего в сферу уголовного судопроизводства с целью изучения его психологических особенностей. Применение данного метода целесообразно проводить на стадии подготовки к проведению следственных действий и розыскных мероприятий. При этом важно спрогнозировать его поведение, возможности и др. действия (например, возможность совершения побега, оказания сопротивления сотрудникам правоохранительным органам и т.д.).

Методики исследования личности, мышления, памяти, воображения, восприятия, внимания и др. составляют отдельную группу методов исследования, и является прерогативой судебных экспертов-психологов, их применение при расследовании преступлений следователями, дознавателями и оперативными сотрудниками нецелесообразно. В данной группе так называемых формальных методов, выделяют и неформальные методы исследования личности или группы лиц – интуитивные способы.

Несомненно, что использование перечисленных и других методик позволит сотрудникам правоохранительных органов достаточно полно выявить основные особенности и индивидуальное своеобразие психической деятельности лица, попавшего в сферу уголовного судопроизводства.

Вопросы изучения сопротивления: юридический контекст

Соловьева А.В.

Московский университет Министерства внутренних дел
Российской Федерации (Москва)

Анализ отдельных сфер юридической деятельности указывает, что в сфере юстиции различные психологические понятия используются довольно активно. Именно поэтому психологические комментарии юридической деятельности получают в настоящее время все большее развитие.

Одним из наиболее востребованных в сфере юстиции психологических понятий можно назвать понятие «сопротивление». Так например, именно способность оказывать сопротивление находится в центре внимания СПЭ потерпевших по делам об изнасиловании. В противовес пассивно-подчиняемому поведению, способность потерпевшей оказывать сопротивление определяется как наличие у нее возможности

эффективно преодолевать принуждение со стороны преступника, действуя с пониманием ситуации, руководствуясь собственными целями и интересами.

Кроме того, понятие «сопротивление» просматривается, также и когда говорят об обстоятельствах, исключающих преступность деяния. Согласно УК РФ любое лицо имеет право оказывать сопротивление или, говоря юридическим языком, имеет право на необходимую оборону. Следует только иметь в виду, что оно (сопротивление) не должно превышать пределов необходимости.

И наконец, нередко в сфере юстиции к понятию «сопротивление» обращаются в контексте обсуждения поведения несовершеннолетних. Наиболее распространенным в данном случае является мнение о том, что сопротивление (в частности, реакция оппозиции – понятие «оппозиция» является одним из синонимов термина «сопротивление») представляется свидетельством нарушения поведения.

Современные психологические знания о сопротивлении позволяют утверждать, что мы имеем дело с довольно сложным и неоднозначным механизмом психической деятельности человека. Возможно, подобная оценка состояния проблемы обусловлена тем, что наибольшее влияние на ее разработку оказал психоанализ. Заметим, что психоаналитический контекст, в котором говорится о сопротивлении, преимущественно является негативным. В первую очередь это выражается в том, что сопротивление обычно обсуждалось в связи с лечебным процессом, а значит, присуще оно было человеку нездоровому. Существенным также является и тот факт, что действие сопротивления шло вразрез с лечением, а значит, препятствовало выздоровлению. Таким образом, основное содержание понятия «сопротивление» в парадигме психоанализа сводилось, главным образом, к «неповиновению». Между тем человеческая природа и вне контекста лечения также не является полностью поддающейся обработке – послушной.

На сегодняшний день факты все больше убеждают, что гармония не может основываться на способности индивида только подчиняться. Во всяком случае, если человек будет беспрекословно подчинять свое поведение любым оказывающим на него давление воздействиям, то он, по меньшей мере, потеряет ощущение стабильности жизни, а, в конечном счете, не сможет быть самим собой.

Согласно такому пониманию сопротивление представляет собой механизм, который помогает человеку сохранить принципы, традиции, а также личностные конструкции, которые он считает наиболее ценными и предпочтительными для себя.

На основании вышесказанного становится очевидным также и то, что сопротивление, перефразируя А. Фрейд (ее высказывание о том, что сопротивление выступает важным источником информации о функционировании Эго), является важным источником информации о функционировании индивидуальности человека. Речь здесь идет о том, что сопротивление, создавая препятствия различного рода воздействиям, предоставляет человеку возможность быть и оставаться самим собой. Тем самым оно указывает на то, что действительно личного есть у человека и какие личностные конструкции являются внутренними, глубоко укорененными.

Подводя итог, необходимо отметить, что назвать ту сферу жизнедеятельности человека, которая была бы гарантирована от действия сопротивления, практически невозможно. В этом понимании детальное рассмотрение такого механизма психической деятельности человека, как сопротивление, видится в будущем весьма перспективным исследовательским направлением, результаты которого будут иметь значение, в том числе и в сфере юридической деятельности.

Специфика психологического воздействия в сфере запрещающих норм права

Филонов Л.Б.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Анализ отдельных сфер юридической деятельности, в частности допроса, показал, что имеют место особые напряжения, которые связаны с экстремальностью в области юстиции. Известно, что сама по себе юридическая среда представляется экстремальной. Она связана с теми нормативными предписаниями, которые выходят за рамки обыденного (привычного) поведения. Так в допросе показания всегда связаны с представлением об их значимости для судьбы другого человека. Значимость показаний в допросе зависит от тактики поведения как следователя, так и допрашиваемого. Такая тактика ведет, как правило, не только к манипуляциям, но и к прямым искажениям реальной картины событий. Часто такие искажения бывают произвольными, неотчетливыми. И они порождаются, по существу говоря, состояниями допрашиваемого. Более того постоянный контроль за высказыванием также часто определяет сокрытие и утаивание, которые представляются рациональными.

Работа следователя всегда связана с несколькими составляющими, которые определяют специфическую форму воздействия – приемы следственной работы. Такая специфика требует понимания как личностных особенностей допрашиваемого (хотя бы ориентировочных), так и его эмоциональных состояний. В тоже время в центре внимания всегда господствуют конкретные ситуативные моменты (по поводу чего ведется разговор).

Тактика маневрирования приемами (соединение характеристик, напряжений и значимости высказываний) включает со стороны допрашиваемого особый контроль за высказыванием. Такой контроль в свою очередь резко повышает напряженность.

В рамках сообщения мы рассмотрим только два обстоятельства, связанные со спецификой воздействия. В первую очередь – это оперирование «величинами» самого напряжения. Так 80% приемов всегда являются контрастными и связаны с поочередным включением напряжения или расслабления. С тем, чтобы не создавался «привычный» ритм, периоды напряжения и расслабления определяются маневрами следователя. Так применяются контрастные приемы: создание напряжения – снятие напряжения, ускоренный темп допроса – замедленный темп допроса, пресечение лжи – поощрение легенды, отвергание доводов – согласие, создание длящегося ожидания

– удовлетворение ожидания, перекрестный допрос (как программа переключения на жесткие позиции и ослабленные позиции – «за» и «против»). По существу это можно свести к набору «стрессогенных» условий Нюттена (решение сложных задач, испытание способностей, дефицит времени, новизна).

Тактика чередования в принципе ведет к рассматриванию ранее состоявшихся конструкций. Это и есть вторая главная задача – разрушение ранее возникших, «ситуативных» личностных конструктов. В первую очередь, это есть установки (установка на заpiresательство, установка на сокрытие, установка на ложь). Практически оперирование «полюсами» аналогично тому, что происходит в фазе астенизации. В соответствии с представлениями о седьмой шкале ММРІ можно полагать, что происходит поочередное перебрасывание с одного полюса на другой. Известно, что такое явление возникает в состоянии тревожности, которое характеризуется перебором тех вариантов, которые могут удовлетворить на определенное время человека.

В настоящее время доказана (Егоров И.В., Ларин А.А., Ганьшина Л.М., Дьяченко И.С., Костыря С.С.) значимость подхода к ригидной личности и индивидуальности с переменными акцентами на полярные характеристики, которые узнаются у самих испытуемых.

Психодиагностика и психокоррекция межличностных и внутриличностных конфликтов

Цильмак А.Н.

Одесский государственный университет Министерства внутренних дел Украины
(Одесса, Украина)

В органах и подразделениях внутренних дел профессия психолога возникла совсем недавно. Психолог в своей профессиональной деятельности использует многочисленные формы, способы, методы и приемы психологической помощи. Чем они наиболее адекватны, естественны, вариабельны и незаметны для клиента, тем эффективнее будет деятельность психолога. Ежедневно развиваясь, такая помощь постоянно расширяет свои границы и возможности.

Мы разработали и апробировали (на 438 курсантах и 347 сотрудниках ОВД) психодиагностический метод «Зернышко», который основывается на образно-ассоциативном воображении. Его цель – психодиагностика межличностных и внутриличностных конфликтов для оказания профессионально-психологической помощи курсантам и сотрудникам милиции в кризисных ситуациях семейного, учебного, профессионального или бытового характера.

Методика проведения состоит из нескольких этапов. На первом этапе (3-10 минут) психолог объясняет не истинную цель, а суть метода (это не гипноз, это ассоциативный метод, он способствует личностному понятию себя). Предлагает выбрать круг лиц (себя, коллегу, начальника, отца, маму, сестру, брата, жену (мужа) и

т.п.), которые помогут ему разобраться в себе и своих ощущениях. Беседует об отношении к этим лицам.

Затем психолог предлагает сотруднику удобно сесть, закрыть глаза и расслабиться (второй этап – 15-25 минут). Спокойным, ровным, монотонным голосом, выдерживая паузы в такт дыхания обучающегося, психолог дает словесные инструкции на расслабление. После полного расслабления психолог предлагает представить, рассмотреть и описать (форму, цвет, запах, структуру, имена зернышек; например, рисовое зерно – это моя мать, зерно гречки – мой отец и т.д.). Основным скрытым заданием для психолога есть выяснение отношения сотрудника к каждому из «зернышек».

Затем, психолог предлагает посадить эти зернышки и помочь им прорасти (следует учесть, что сотрудник сам выбирает место (в цветочный горшок, на поле, на клумбу, необитаемый остров ...) куда он хочет посадить зернышки – это значимый диагностический критерий эмоциональной сферы личности). Сотрудник мысленно «сажает их» и описывает, как он это делает. Следует уточнять, где посажены зерна (слева, справа, по центру) и какое расстояние между ними. Он наблюдает, что вырастает из этих зернышек и рассказывает психологу (в зависимости от расстояния и того что выросло из зерен будет в дальнейшем осуществляться диагностика внутриличностных и межличностных конфликтов). Выходя из воображаемого ассоциативного образа, сотрудник должен попрощаться с ним, подтянуться, глубоко вдохнуть и выдохнуть, открыть глаза. Психолог уточняет его самочувствие, эмоции и отношение к происходящему.

Если сотрудник хорошо себя чувствует, психолог предлагает ему (третий этап – 10-15 минут) нарисовать образы проросших зернышек (растений, деревьев, кустов и т.д.). При этом ему даются на свободный выбор – цветные карандаши, фломастеры, простой карандаш, краски. Нарисовав, сотрудник описывает образы и свое отношение к ним. На четвертом этапе психолог раскрывает суть проблемы, которая была им диагностирована. Подчас использования этого метода и осуществляет психокоррекцию межличностных и внутриличностных конфликтов.

Необходимо отметить, что отношение к психодиагностической и психокоррекционной методике «Зернышко» у сотрудников разное (позитивное, недоверчивое, скептическое, саркастическое, ироничное, негативное), однако, после ее использования мнение о ней и психологической службе меняется. Ее «магичность» (завуалированность цели) способствует повышению уровня доверия сотрудника к психологу и его желания конструктивного профессионального разрешения межличностных и внутриличностных конфликтов. Многолетний опыт использования данного метода показал его эффективность.

Следует также отметить, что главным условием эффективного использования данного метода является личность психолога, его профессионально-значимые качества (внимательность, толерантность, эмпатийность, проницательность и др.); психоаналитические и психодиагностические знания; умение слушать и слышать, не вкладывать «свой смысл в слова сотрудника» и т.д.

Таким образом, своевременная психодиагностика и психокоррекция внутриличностных и межличностных конфликтов у сотрудников способствует психопрофилактике возникновения случаев деструктивных конфликтов в органах и подразделениях внутренних дел и повышает уровень психофизического здоровья персонала.

Психотренинговая работа с курсантами группы повышенного психологического внимания

Ярошенко С.В.

Донецкий юридический институт Министерства внутренних дел Украины (Донецк, Украина)

Метод психотренинга в психологической работе с курсантами высших учебных заведений системы органов внутренних дел в Украине применяется на протяжении нескольких лет. Его возможности многогранны. Использование тренинга на начальном этапе знакомства с новой системой обучения и работы, формирования учебного коллектива (во время курса молодого бойца, курсов первоначальной подготовки работников органов внутренних дел) позволяет узнать потенциал учебного взвода, продиагностировать возможности каждого курсанта, перезнакомить учащихся и сплотить коллектив. Проведение тренинговой работы позволяет снизить уровень тревоги и облегчить адаптацию курсантов к новым условиям учебы. Тренинг дает возможность сформировать из различных людей команду и выработать в безопасных условиях тренингового процесса тот стиль межличностного взаимодействия, который соответствует психологическим особенностям данной группы. В процессе взаимодействия во время тренинга происходит осознанное распределение групповых ролей, что снижает риск возможных межличностных конфликтов.

Как в вузах, так и системе органов внутренних дел, существует нормативно регламентированная группа повышенного психологического внимания (далее ГППВ). В эту группу входят сотрудники и курсанты, которые проявляют признаки дезадаптации, девиантного поведения и нуждаются в психологической помощи. Ранее применяемые методы, такие, как психодиагностика, проведение психологических бесед, наблюдение, посещение на дому, не дают эффективного результата и вызывают негативное отношение со стороны данной категории сотрудников. В течение трех месяцев один раз в неделю курсанты, входящие в ГППВ, собирались на групповой встрече. Тренинговое занятие было рассчитано на три часа.

На первой встрече ведущие этой тренинговой группы встретились с большим сопротивлением и протестом на предлагаемую форму занятий со стороны участников группы. Их возмущал сам факт их существования в статусе «члена ГППВ». Сопротивление снизилось спустя месяц регулярной тренинговой работы, направленной на устранение этого явления, однако протестное поведение у некоторых участников группы проявлялось до конца проекта.

Изначально работа в группе задумывалась как психокоррекционная, но столкнувшись с негативным отношением участников к данному новому для них виду работы и своего статуса «состоящего в ГППВ», было решено проводить занятия в другом ракурсе. Вся психотренинговая работа была направлена на развитие социально-психологических профессионально значимых личностных качеств в русле бихевиоральной теории личности и гештальт-подхода. Работа строилась осторожно, с ориентиром на запрос участников группы. Каждая встреча была посвящена новой теме, актуальной для курсантов. В результате были получены позитивные отзывы от участников группы с желанием продолжить свое участие в таких тренинговых занятиях. Говорить о том, что за три месяца курсанты кардинально изменили свое поведение, пока еще рано. Однако их желание продолжить работу над собой, осознание необходимости своего развития и самосовершенствования позволяет сделать вывод, что проведенная тренинговая работа была результативна.

Анализ проведенной работы позволил нам определить основные принципы в работе с этой категорией курсантов:

- каждая тренинговая встреча проводится в согласии с общими правилами проведения тренинга;
- вести тренинг должны одни и те же тренеры, их смена приводит к нарушению стабильности группы;
- определяющим фактором при подготовке к очередной тренинговой встрече должна быть обратная связь участников группы, это позволяет установить контакт с группой, расположить ее к себе и снизить первичное сопротивление;
- день недели, время начала группы и ее продолжительность должны быть документально зафиксированы;
- встречи должны проводиться вне учебного времени;
- на время тренинговой встречи курсанты должны быть освобождены от посторонних занятий (парко-хозяйственных, спортивных, культурных мероприятий, нарядов и т.д.);

Полученный опыт свидетельствует о том, что тренинговые технологии эффективны только при систематическом их применении. Увидеть результат после единичного занятия практически невозможно. Таким образом, мы приняли решение о продолжении проекта с целью накопления опыта, который можно будет в дальнейшем подробно проанализировать, систематизировать и рекомендовать для всех вузов МВД.

ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ

К вопросу о преподавании правовой психологии в контексте подготовки юридических психологов

Богданович Н.В., Дегтярев А.В.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Правовая психология наряду с криминальной, судебной, пенитенциарной и психологией юридических профессий, по мнению многих авторов, входит в структуру юридической психологии. Однако по сравнению с другими разделами юридической психологии правовая психология разработана в основном юристами, поэтому актуальным в рамках подготовки юридического психолога является разработка данной дисциплины, ориентированной на практику работы психолога в правовом контексте.

В данной статье будут представлены основные идеи программы по дисциплине «Актуальные проблемы правовой психологии», которая читается на факультете Юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета в X семестре.

Основная цель дисциплины состоит в том, чтобы сориентировать студентов в современной правовой психологии и способствовать практическому освоению ими основных принципов психологической работы в области права.

Соответственно этому и формулируются основные компетенции, а именно способность и готовность:

- Анализировать и оценивать существующие программы развития правосознания и профилактики противоправного поведения, а также создавать новые;
- Осознавать ценностные ориентации, лежащие в основе российского правосознания;
- Анализировать психологические механизмы правотворчества.

Содержание данной дисциплины представлено в цикле лекций, в ходе которых студенты знакомятся с актуальными проблемами правовой психологии (такими как психологические механизмы права, развитие правосознания, правовая социализация, особенности российской правовой культуры), однако принципиальное значение для формирования описанных выше компетенций имеют семинарские занятия.

Основной задачей семинарских занятий является создание таких условий для студентов, в которых они могли бы проявиться как специалисты-психологи и как субъекты образовательного процесса. Поэтому используются различные интерактивные формы проведения семинаров, в том числе использование видеотехнологий.

Остановимся более подробно на одном из семинарских занятий, в основу которого был положен анализ существующей программы правового просвещения по профилактике правонарушений в молодежной среде. Данная программа строится на цикле интерактивных занятий, посвящённых самым острым проблемам жизни молодежи.

Главной целью семинара является обучение студентов анализу программ правового просвещения, а так же развитие их профессиональной позиции с помощью создания условий для актуализации «экспертной» деятельности. Второстепенной целью семинара является реализация одной из функций программы – профилактики противоправного поведения, т.е. студенты в ходе обучения получают информацию, способствующую развитию их нормативного поведения.

Семинар включает демонстрацию видеосюжетов с юридически значимыми ситуациями, последующее обсуждение, нацеленное на возможность творческого поиска позитивного выхода из проблемной ситуации и, наконец, студентам дается задание выработать критерии анализа данных сюжетов (например, реалистичность, сила воздействия, очевидность статьи УК РФ, лежащей в основе сюжета и т.д.). Можно также обсудить методические аспекты проведения данной программы с подростками. Результатом работы студентов является написание рецензии на данную программу в целом, а также разработка проекта своей программы.

Таким образом, описываемая в данной работе дисциплина (и не только она), должна строиться исходя из компетентностного подхода в обучении, т.е. формировать не только знания, умения и навыки, но и готовность к профессиональной деятельности. Осуществление последнего не возможно без включения в образовательные программы интерактивных семинаров, ставящих не только обучающие, но и развивающие цели.

Технология модульного обучения в профессиональной подготовке юридических психологов

Вертягина Е.А.

Саратовская государственная академия права (Саратов)

Требования к уровню профессиональной подготовки юридических психологов достаточно высоки. Специалист должен: 1) знать основные закономерности развития личности в социуме, особенности поведения и деятельности индивида в системе правоотношений; 2) уметь на научной основе организовывать свой труд; грамотно анализировать свои возможности; приобретать новые знания, используя современные информационные технологии; 3) владеть способами обобщения имеющейся информации о психической сфере личности с целью диагностики, коррекции и регуляции поведения человека в правовом поле; приемами систематизации и сопоставления психологических и юридических знаний для обеспечения эффективной работы правоохранительных органов.

Модульная организация обучения позволяет сделать профессиональную подготовку юридических психологов эффективной, гибкой, оптимально организованной и хорошо управляемой. Процесс обучения осуществляется в режиме педагогической технологии, что означает воспроизводимость и результативность процедур планирования, разработки, проведения и оценки учебных программ (Бордовская, 2007).

Цель технологии модульного обучения – создать условия для усвоения студентами образовательных программ на основе самостоятельного выбора последовательности, способов, темпа и уровней выделенных учебных единиц в ее структуре. Отметим, что построение образовательного процесса на основе модульного обучения способствует преобразованию «объектов» научения в «субъекты» обучения, заинтересованных в получении знаний, а также варьированию функций педагога от информационно-контролирующей до консультативно-координирующей.

Модульная система означает отказ от попредметного преподавания и введение расширенных образовательных программ. В то же время государственные образовательные стандарты высшего профессионального образования закрепляли и закрепляют комплексы дисциплин, обязательных в обучении юридических психологов. Так, согласно обязательному минимуму содержания профессиональной программы для получения дополнительной квалификации «Юридический психолог», в цикл общепрофессиональных дисциплин включены общая, возрастная, социальная, экспериментальная, юридическая психология; в цикл специальных дисциплин – правовая, криминальная, пенитенциарная психология, психологическая экспертиза и многие другие. Поэтому при реализации модульной технологии обучения в профессиональной подготовке юридических психологов необходимо отразить существование трех видов дисциплин: обязательные и последовательные (изучаемые в строго зафиксированном порядке); обязательные непоследовательные (изучаемые на любом курсе обучения); элективные (дисциплины по выбору).

Организация модульного обучения способствует решению следующих задач: повысить самостоятельность студентов при освоении материала и понимании взаимосвязи дисциплин в целостной системе знаний; приобрести и закрепить навыки диагностики основных психических проявлений личности в сфере правоотношений в зависимости от социальных условий, внешних обстоятельств и индивидуальных качеств человека; сформировать навыки ведения дискуссии; обеспечить постоянную оценку работы студента со стороны преподавателя, позволяющую активизировать работу обучаемых в течение семестра.

Грамотное использование технологии модульного обучения позволяет комплексно решать проблемы подготовки юридических психологов высшей квалификации, обеспечить высокую степень самостоятельности обучаемых и индивидуальный подход к каждому студенту, а также создать комфортные условия для личностного и профессионального развития специалистов в сфере юридической психологии.

Литература

1. Бордовская Н.В. Гуманитарные технологии в вузовской образовательной практике: теория и методология проектирования: учебное пособие. СПб.: Книжный Дом, 2007.

Этические и юридические проблемы использования конфиденциальной информации в процессе подготовки психологов

Коновалова И.В.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Студенты психологических вузов за время подготовки имеют возможность пройти значительное количество теоретических курсов. Но выпускники, оказываясь на рабочем месте, долгое время неуверенно чувствуют себя как профессионалы. Они с трудом подбирают и применяют необходимые методы диагностики, воздействия и консультирования: даже зная, «что делать», не знают «как делать». Проблема профессиональной подготовки состоит в том, чтобы соединить воедино теорию обучения и само обучение, и поэтому необходимо развивать у обучаемого такое качество, как рефлексия. Ключ к решению, на наш взгляд, состоит в том, чтобы сделать основой обучения профессиональный разбор реальных случаев из практики.

Разбор случая и его супервизия, являясь действительно эффективным методом обучения будущих психологов и психотерапевтов, ведет за собой обсуждение подробностей психологической проблемы клиента. Часто эти проблемы являются интимными и не должны подвергаться разглашению по правилам этики. Конечно, в целях конфиденциальности личные данные клиента меняются или шифруются. Но этические правила легко соблюдать, если обсуждение идет без возможности идентификации клиента. Это становится проблематичным, как минимум в двух случаях:

- 1) Если информация, сообщенная клиентом, говорит о существовании явной угрозы жизни и здоровья или серьезного ущерба кому-либо.

- 2) Если в целях супервизии представляется видеосъемка психологического консультирования или другой психологической работы.

По поводу первого случая Этический кодекс супервизора содержит хотя бы косвенные рекомендации: *Супервизоры не должны раскрывать конфиденциальные сведения о проходящих супервизию консультантах или их клиентах кому бы то ни было за исключением следующих случаев: ... б) Когда супервизор считает это необходимым во избежание нанесения серьезного эмоционального или физического ущерба клиенту, проходящему супервизию консультанту или другим лицам (из Кодекса этики и практики БАК: пункт 3.2.4.).*

Второй случай (идентификация по видеосъемке) никаким образом не регламентируется в практике.

Несмотря на то, что почти все курсы подготовки психологов и психотерапевтов требуют в качестве доказательства реальной работы видеосъемку

сессий и занятий, до сих пор нет четких рекомендаций по нормам и правилам соблюдения конфиденциальности личной информации клиентов.

Существует несколько промежуточных решений данного противоречия:

– Использование процесса моделирования психологической ситуации. Когда сеансы консультации подробно протоколируются, а затем в качестве клиента выступает подставное лицо, которое знает сценарий консультирования.

– Использование видеосъемки реального клиента с его разрешения. Как правило, на это соглашаются люди с определенным типом характера – демонстративные.

– Видеосъемка клиента (с его разрешения) со спины, с измененным голосом и/или завуалированным лицом. Этот вариант дает наиболее объективную информацию о протекании процесса консультирования.

Указанными способами подтверждения профессиональных умений начинающие специалисты по психологическому консультированию в последнее время активно пользуются. Но иногда видеосъемка идет в нарушение даже этих мягких правил и ограничений. Есть случаи, когда от клиента не получено подтверждение о согласии на видеосъемку. Это часто бывает, например, когда ведется съемка тренинга или другой психологической коррекционно-развивающей работы. Особенно часто пренебрегается фактом согласия на видеосъемку детей и подростков. И усугубляется эта проблема, если дети имеют отклонения в развитии, проблемы со здоровьем или являются социально незащищенными. Информация, содержащая подобные видеоматериалы не всегда находится в ограниченном доступе. Например, по разным причинам, включая халатность или незнание этических норм, она может оказаться в интернете и быть доступной большому количеству людей. В этой ситуации происходит явное нарушение этического кодекса и прав человека.

Назрела необходимость выработать дополнение к Этическому кодексу психолога, касающееся юридических и моральных норм и правил конфиденциальности видеосъемки, хранения и доступа к видеоматериалам по психологической деятельности. Очевидно, что для доступа к подобной информации, размещенной в интернете, должен быть определен контингент специалистов, подтвердивших право работы с этой информацией. Представленная проблема также напрямую связана как с созданием базы данных сертифицированных специалистов психологов, так и с параметрами самой сертификации.

Методическая организация практики в обучении юридических психологов

Чернушевич В.А.

Московский городской психолого-педагогический университет (Москва)

Если оценивать подготовку юридического психолога как специалиста в своей профессиональной области, то более всего значимой оказывается его

подготовленность к практической деятельности. В программах практики факультета юридической психологии МГППУ отражены виды деятельности, определяющие особенность практической подготовки юридических психологов. Задания на каждую практику очень конкретны и количественно определены. Всего в образовательной программе семь практик с первого по пятый курс.

Практики предполагают последовательное углубление в специализацию. Поэтому первая практика (учебно-ознакомительная) дает возможность практического знакомства со всеми возможными сферами деятельности психолога и юридического психолога (знакомство в реальных условиях с запросами на профессиональную деятельность, со средствами и методами работы). Для этого студенты посещают как специалистов организаций общепсихологического профиля (школьные психологические службы, ЦПМСС), так и специализированные организации (психиатрические больницы, учреждения ФСИН, детские приюты, центры психологического консультирования). В каждой из организаций специалист прежде всего показывает студентам свою практическую психологическую работу, как правило, с их участием.

Все остальные практики – тематические. Вторая практика, психодиагностическая, проводится на втором курсе. Как и все практики, она проблемно-ориентированная. Студент должен выполнить 4 диагностических исследования по реальному запросу и к окончанию практики выйти на полную самостоятельность в диагностической работе.

На третьем курсе проводится две практики. Психолого-педагогическая практика предполагает разработку и реализацию сценариев двух лекционных и тренинговых занятий (включая взаимную супервизию). Клинико-диагностическая практика предполагает самостоятельное выполнение трех клинико-диагностических исследований в условиях клинических учреждений.

Особое внимание при проведении практик уделяется рефлексивной работе студента со своими практическими ситуациями. Подробный отчет о процессе выполнения практических заданий является обязательным.

На четвертом курсе проводятся психокоррекционная и консультативная практики. Первая предполагает разработку и реализацию программ индивидуальной и групповой коррекционной работы по запросу, выявленному на базе практики. Как правило, эта практика проводится уже в специализированных учреждениях (спецшколы, детские приюты, учреждения ФСИН). С первого по пятый курс за счет подбора баз практики происходит наращивание юридического контекста решения психологических задач.

Консультативная практика предполагает выполнение под супервизией целого комплекса практических заданий, характерных для психологического консультирования (например, скриботерапия с использованием фрагментов реальной переписки с клиентом).

Завершает комплекс практик стажерская практика пятого курса, с комплексным заданием на профессиональное самоопределение в профессиональной среде

конкретной организации (поиск запросов на профессиональную работу юридического психолога, выработка программы профессиональной деятельности и ее реализация в период практики).

Особенностью подхода к методической организации практики на факультете является установка на непосредственную связь практики с соответствующим теоретическим курсом, который или предваряет практику (как способ ее нормирования), или завершает практику (как способ теоретического рефлексивного осмысления опыта), или сопровождает практику в случае ее одновременного проведения с теоретическим обучением. Особое внимание при руководстве практикой уделяется контекстным (не по основной теме практики) профессиональным задачам. Например, проблема установления контакта начинает решаться с первой же практики и вплоть до последней. Специальное же рассмотрение ее как особой профессиональной задачи происходит на консультативной практике.

Только систематическое освоение студентами основных компетенций юридического психолога, происходящее в контексте проблемно-ориентированной практики, может обеспечить готовность молодого специалиста к решению профессиональных задач. Что и происходит на факультете юридической психологии по отзывам выпускников и работодателей.

Оценка функциональной асимметрии полушарий головного мозга как показатель психологической адаптации сотрудников милиции²

Ксенофонов А.М., Новикова И.А.

Управление внутренних дел по Архангельской области,
Северный государственный медицинский университет (Архангельск)

Понятие «адаптация», как правило, употребляется применительно к результативности существования и адекватности функционирования субъекта в окружающем его мире (Куприн, 2009). Процесс системного взаимодействия человека как субъекта активности и окружающей среды инициируется и обеспечивается взаимодействием двух групп факторов – субъекта (перцептивные, когнитивные, эмоциональные, мотивационно-волевые и др. факторы) и среды (Лазебная, 2007).

Переживание критических ситуаций стало нормой жизни людей, проживающих в районах повышенного риска террористической опасности. Конкретная критическая ситуация имеет сложную внутреннюю динамику, в которой различные типы ситуаций невозможности взаимодействуют друг на друга через внутренние состояния и внешнее поведение. Последствия нахождения человека в условиях критического инцидента очевидны и прогнозируемы. Известно, что негативный стресс неблагоприятно воздействует на физиологическое состояние человека (Мисюра, 2003; Hamner, 1999).

Целью исследования явилось изучение функциональной асимметрии полушарий головного мозга как показателя психологической адаптации сотрудников милиции.

Было обследовано 458 сотрудников милиции. Обследованные были разделены на две группы: 1 группа – сотрудники милиции, участвовавшие в боевых действиях в Северо-Кавказском регионе (n=187); 2 группа – сотрудники милиции, не принимавшие участие в боевых действиях (n=271).

Для обследования использовались: активациометрия (прибор АЦ-6) (для определения коэффициента функциональной асимметрии больших полушарий головного мозга (ФАП)); тест восьми влечений Л. Сонди в модификации Л.Н. Собчик; опросник травматического стресса И.О. Котенёва (ОТС).

В ходе исследования установлено, что среди сотрудников 1 группы было примерно одинаковым доминирование правого (47%) и левого полушария (46%). В тоже время, среди лиц 2 группы чаще встречалось доминирование правого полушария (43%). В 1 группе сотрудников с межполушарной уравновешенностью было значительно меньше (7%) в отличие от не имевших боевого опыта (24%; $p < 0,01$).

² Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ и Администрации Архангельской области по проекту № 10-06-48612 а/С

Абсолютное большинство взаимосвязей между психофизиологическими и психологическими показателями выявлено в отношении уровня ФАП. Установлена взаимосвязь величины ФАП со значениями симптома диссоциации шкалы «b» ($r=+0,32$; $p<0,05$) и показателем острого стрессового расстройства опросника И.О. Котенева ($r=+0,46$; $p<0,05$), что в свою очередь, выявило связь показателей ФАП с потенциалом адаптации обследованных к деятельности в экстремальных условиях. Величина значений ФАП у обследованных была связана с отрицательным выбором *hu*-реакций (тест Сонди) ($r=+0,40$; $p<0,05$), а выбор *hu*-реакций был взаимосвязан с показателем депрессивных состояний опросника И.О. Котенева ($r=+0,55$; $p<0,05$). Полученные результаты, с одной стороны, показывают взаимосвязь факторов, указывающих на стремление ухода обследованных 1 группы от демонстрации своих эмоций, а с другой стороны, выявляет взаимосвязь данного состояния с уровнем ФАП головного мозга.

Результаты позволили сделать предположение о том, что описанные психологические взаимосвязи определяют процесс вытеснения значимых эмоциональных переживаний, связанных с событием психологической травмы, а также устанавливают взаимосвязь значений ФАП с механизмами психологической защиты человека в экстремальных условиях. Чем больше различия в показателях ФАП головного мозга, тем более вероятно развитие симптомов дезадаптации, или, чем ближе данные электрической активности полушарий к одинаковым (симметричным) значениям, тем благоприятнее протекает процесс адаптации в экстремальных условиях. Процесс адаптации сотрудников милиции в экстремальных условиях зависит от: психомоторной и психоэмоциональной устойчивости, ФАП головного мозга, саморегуляции психических состояний, профессионально-психологической подготовленности.

Таким образом, ФАП головного мозга может рассматриваться как один из показателей психологической адаптации сотрудников милиции.

Литература

1. Куприн А.А. Специфика понимания адаптации в современной социальной психологии // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2009, №1.
2. Лазебная Е.О. Преодоление психологических последствий воздействия экстремального (травматического) стресса: посттравматическая стрессовая адаптация // Психология адаптации и социальная среда: современные подходы проблемы, перспективы. М.: Институт психологии РАН, 2007.
3. Мисюра А.Л. Психологическая реабилитация военнослужащих в боевой обстановке. Хрестоматия «Современная военная психология». Минск: Харвест, 2003.
4. Hamner M.B. Psychotic features and illness severity in combat veterans with chronic posttraumatic stress disorder / M.B. Hamner, B.C. Frueh, H.G. Ulmer // Biol-Psychiatry. 1999, №.6.

**Психология профессий особого риска
в системе психолого-педагогического образования**

Лысаков Н.Д.

Московский городской психолого-педагогический университет,
Институт экстремальной психологии (Москва)

В 2008 году в Московском городском психолого-педагогическом университете (МГППУ) впервые в России создан факультет экстремальной психологии, который осуществляет подготовку психологов по направлению психологической помощи детям и подросткам, пострадавшим в чрезвычайных ситуациях, и планирует начать подготовку психологов для профессий особого риска (опасных профессий). В настоящее время факультет входит в состав Института психологии безопасности (одного из институтов МГППУ).

Подготовка психологов для опасных профессий должна быть направлена на формирование концептуального мышления и мировоззрения. Современный специалист должен понимать объективные закономерности функционирования и развития человеческого фактора в профессиональной среде, в пространстве культуры, в масштабе общественной безопасности, осознавать свою социальную ответственность и сопричастность.

В этой связи перспективные направления образовательного процесса выглядят следующим образом:

1. Повышение психологической грамотности персонала профессий особого риска методом повышения квалификации на соответствующих курсах; 2. Организация практики студентов в области той профессии, где планирует работать выпускник вуза; 3. Привлечение для обучения в магистратуре по направлению психологии профессий особого риска подготовленных специалистов: летчиков, моряков, пожарных, диспетчеров, водителей различных видов транспорта и т.д.

Следовательно, необходимо создать единое профессиональное пространство, в котором и психолог и представитель профессии особого риска, выполняли бы единую задачу по повышению безопасности труда в условиях риска на основе взаимной компетентности. Настало время разработки единой психологической методологии образовательной среды для профессионалов опасных профессий. Взаимодействие психолога и представителя опасной профессии, по нашему мнению, необходимо организовывать уже в вузе. Осуществление данной работы планируется в Институте экстремальной психологии (при МГППУ) с привлечением всех заинтересованных структур.

Психологические особенности профессиональной деформации специалистов экстремального профиля деятельности

Магда В.А.

Национальный университет гражданской защиты Украины (Харьков, Украина)

Одной из многих характеристик современного общества является нарастание частоты и масштабов появления рискоопасных ситуаций. Деятельность специалистов многих профессий экстремального профиля деятельности связана с влиянием на них стресс-факторов, т.к. осуществляется она в условиях возникновения различных проблемных ситуаций, которые определяют высокий уровень сложности, опасности и ответственности выполнения профессиональных заданий.

Современные социально-экономические условия профессиональной деятельности способны формировать у личности социально-весомые черты, способствовать её гармонизации, повышать уровень её социальной адаптивности, но, вместе с тем, существует возможность и негативного влияния профессиональной деятельности на личность сотрудника. Актуальность приобретают проблемы ощущения безопасности, большого физического и эмоционального напряжения, стресса. В данном контексте особо значимыми выступают вопросы сохранения физической, функциональной и, самое главное, психологической надёжности специалистов экстремального профиля деятельности, в первую очередь, сотрудников МВД и МЧС Украины.

Анализ статистических данных относительно травм, ранений и потерь персонала рискоопасных профессий свидетельствует о том, что степень ответственности за результативность профессиональной деятельности во многом зависит от характеристики стрессоустойчивости самих сотрудников. Стрессоустойчивость в норме мобилизует и активизирует адаптивные механизмы саморегуляции личности, однако, при чрезмерном или длительном влиянии, которое превышает допустимый барьер психической и физиологической устойчивости, позитивная реакция может трансформироваться в негативную. Это, в свою очередь, способствует возникновению широкого спектра дезадаптивных состояний, деструктивного поведения, профессионального выгорания, профессиональных и личностных деформационных изменений сотрудников. Со временем обозначенные деформационные изменения закрепляются в относительно стойкие психологические характеристики и представляют собой признаки профессиональной деформации личности.

Наиболее детально в последнее время проблема профессиональной деформации была рассмотрена на примере сотрудников МВД Украины (О.В. Петренко, Ю.В. Александров, В.С. Медведев, Е.Ф. Зеер). Но, следует отметить, что основное отличие профессиональной деформации специалистов МВД и МЧС состоит в том, что для представителей органов внутренних дел основным критерием формирования профессиональной деформации выступает временной фактор или стаж работы.

Деятельность специалистов спасательных подразделений МЧС ориентирована на помощь, в ситуации невозможности оказания помощи специалисты МЧС испытывают чувство беспомощности (А.С. Куфлиевский, Л.М. Васильев, Т.С. Ткаченко). В отличие от них деятельность сотрудников МВД ориентирована на соблюдение нормопослушного поведения. Что касается формирования профессиональной деформации сотрудников МЧС, на наш взгляд, определяющим фактором выступает степень ответственности сотрудников за жизнь других людей, которая не обязательно пропорциональна стажу работы специалиста. Другими словами, спасатель мог принимать участие в ликвидации последствий сверхтяжёлой чрезвычайной ситуации, где он нес прямую ответственность за жизни пострадавших, и претерпеть значительных деформирующих изменений даже в молодом возрасте.

Процессы реорганизации структур МВД и МЧС Украины, недостаточное теоретическое и практическое изучение данной проблемы и её острая актуальность определяют одну из доминирующих проблем современного общества, которая состоит в сохранении психического здоровья специалистов экстремального профиля деятельности. Актуальность подобных исследований сегодня возрастает в связи с дальнейшим развитием системы психологического сопровождения деятельности в структурах МВД и МЧС Украины. Исследования и анализ причин и факторов, которые приводят к развитию профессиональной деформации личности специалистов рискованных профессий, позволяют прогнозировать и предупреждать деформационные изменения, а также осуществлять психокоррекционную работу с сотрудниками, что будет способствовать сохранению психического (и физического) здоровья и гармоничному развитию личности специалиста. Психологическое обеспечение профилактики, коррекции (в идеале – прекращения) различных проявлений профессиональной деформации личности предполагает детальную разработку аспектов данной социально, профессионально и личностно значимой проблемы путём использования комплекса мероприятий, процедур и психологических технологий.

Теория и практика психологии кризисных ситуаций в правоохранительной деятельности

Мягих Н.И., Крылова Н.И.

Центр психофизиологической диагностики медико-санитарного центра
Министерства внутренних дел Российской Федерации (Москва)

В современном мире все больше и больше отмечается проблем, обусловленных неблагоприятными последствиями человеческой деятельности: экологии среды обитания, усложнение и обострение социальных конфликтов, сопровождающихся насилием и жестокостью (локальные военные конфликты, терроризм, криминальная ситуация и т.п.), сильнейшие природные катаклизмы (стихийные бедствия) и техногенные катастрофы. В связи с этим все больше исследователей захватывает

проблемное поле, обозначаемое как «кризис» (от греч. /*crisis*— решение, поворотный пункт, исход).

Проблематика кризиса индивидуальной жизни развивалась в основном в рамках профилактической психиатрии.

Актуальность разработки тематики кризиса личности продиктована высокой вероятностью завершения кризиса максимально выраженной социально-психологической дезадаптации индивида, ведущей к десоциализации, маргинальности, радикализму, фанатизму, тоталитаризму, деструктивности, вплоть до суицида.

Для сущности природы личностных кризисов характерны следующие черты: отмечается нарушение внутреннего равновесия (психического, душевного, эмоционального) или гомеостаза человека, возникшее в результате средовых воздействий; любой кризис является поворотным пунктом в развитии личности (по пути конструктивному или деструктивному); кризис не возникает сам по себе, он является следствием субъективного идеаторного и чувственного восприятия различного рода социальных, природных и экономических воздействий или ситуаций, нарушающих привычные жизненные стереотипы и создающих препятствие, вызывающих переживания или действия, когда человек не в состоянии самостоятельно их разрешить.

Любой человек сталкивается с переживанием кризиса. Теоретически жизненные события квалифицируются как ведущие к кризису, если они создают потенциальную или актуальную угрозу удовлетворению фундаментальных потребностей, которую человек не может разрешить в короткое время и привычным способом.

В.В. Козлов определяет кризис как естественное (возрастной и экзистенциальный кризис) или искусственное (антропогенное, техногенное, социогенное) препятствие на жизненном пути, преодоление которого невозможно личностью или группой привычными ресурсами (Козлов, 2007).

В нормальном цикле жизни человека постоянно сталкивается с неприятностями ситуациями обыденной (повседневной) деловой, учебной, семейной жизни. Очевидно, что необходимо выделять уровень сложности трудных ситуаций.

Трудная жизненная ситуация возникает тогда, когда внешние по отношению к человеку изменения в окружающей среде нарушают относительное равновесие внешних и внутренних условий бытия (адаптацию к жизни) или угрожают нарушить его деятельность, отношения со значимыми людьми, привычный для него образ жизни в целом или в одном из жизненных пространств, создавая тем самым потенциальную или актуальную угрозу существованию и удовлетворению основных жизненных потребностей.

Для всех трудных жизненных ситуаций характерно *нарушение устойчивости привычного образа жизни* (в том или ином пространстве бытия) и *возникновение необходимости изменений*.

Трактовка понятия «трудная жизненная ситуация» представлена в ФЗ «Об основах социального обслуживания населения», принятый Государственной Думой РФ от 10.12.1995 г. № 195 (статья 3): трудная жизненная ситуация понимается как ситуация, объективно нарушающая жизнедеятельность гражданина (инвалидность, неспособность к самообслуживанию в связи с преклонным возрастом, болезнью, сиротство, безнадзорность, малообеспеченность, безработица, отсутствие определенного места жительства, конфликты и жестокое обращение в семье, одиночество и т.п.), которую он не может преодолеть самостоятельно.

Из перечисленных, и исследователями, и законодательством характерных признаков, ключевыми, на наш взгляд, являются: нарушение привычных жизненных стереотипов, создающих препятствие («невозможность»), и вызывающих переживания или действия, когда человек не в состоянии самостоятельно их разрешить.

Основной целью психологии кризисных ситуаций выступает изучение причин формирования и развития изменений психической деятельности человека с учетом его личностных особенностей под влиянием субъективно угрожающих или тотальных внешних средовых воздействий с последующей реализацией практических потребностей индивида или социальных (профессиональных) групп населения в краткосрочной и доступной психологической (психокоррекционной) помощи.

В современной теории кризиса выделяют следующие основные понятия кризисных ситуаций: **личный кризис, кризисное состояние, кризисная личность.** Ситуации, приводящие к определенному кризисному состоянию, подразделяются на: **внутренние кризисы** — возрастные, жизненные и экзистенциальные (т.е. кризисы, причиной которых является естественное развитие личности) и **внешние кризисы** — в качестве стрессора в которых выступают внешние травматические события – экстремальные кризисные ситуации, обладающие мощным негативным следствием, ситуации угрозы жизни для самого себя или значимых близких.

Особое место психология кризисных ситуаций занимает в организации системы медико-психологического сопровождения деятельности сотрудников ОВД, чья профессиональная деятельность носит экстремальный характер.

Постоянной психоэмоциональной напряженностью является значительным деформирующим фактором на профессиональную и социально-психологическую деятельность сотрудников.

Исследования показали, что вероятность ПД до 5 лет службы маловероятна; 6-10 лет – средняя вероятность, 11-15 лет вероятность высокая, свыше 15 лет – неизбежная.

Специфика профессиональной деятельности сотрудников ОВД обуславливают потребность в новом подходе к организации медико-психологических профилактических мероприятий.

С учетом современных воззрений на психологию кризисных ситуаций следует выделить приоритетные категории лиц, которые в первую очередь и в обязательном порядке должны проходить диагностические и восстановительные мероприятия:

Первая, обусловлена стресс-факторами специфики служебной деятельности (высокая вероятность антропогенных – экстремальных воздействий): а) сотрудники специальных (ОМОН, ОМСН) и оперативных подразделений; б) сотрудники, принимавшие участие в контртеррористических операциях в СКР; в) сотрудники, принимавшие участие в экстремальных ситуациях (огневые контакты) или в обеспечении общественного порядка при ликвидации последствий ЧС.

Вторая, обусловленная стресс-факторами условий жизни – трудные жизненные ситуации: а) сотрудники с выраженными социальными проблемами: отсутствие нормальных жилищных условий, одиночество, многодетность, малообеспеченность; б) сотрудники, находящиеся в трудной жизненной ситуации (смерть близких или тяжелое заболевание близких, развод и иное).

Третья, обусловленная стресс-факторами проблем со здоровьем или личностными особенностями: а) сотрудники часто и длительно болеющие; б) сотрудники, проявляющие конфликтные формы поведения.

Четвертая, обусловлена стресс-факторами освоения новых видов деятельности или объема профессионально-служебной деятельности: а) сотрудники, назначенные на руководящие должности оперативно-начальствующего состава; б) сотрудники, отнесенные по результатам профессионального отбора к группе повышенного психологического внимания.

Следует иметь в виду, что для каждой категории необходимо предусматривать периодичность профилактических обследований с учетом риска возможных нарушений состояния здоровья и профилактики профессиональной деформации.

Интерактивный способ восстановления психологической устойчивости у спасателей МЧС Украины

Овсянникова Я.А.

Национальный университет гражданской защиты Украины (Харьков, Украина)

Профессиональная деятельность сотрудников МЧС Украины характеризуется повышенными психоэмоциональными нагрузками, что связано с необходимостью постоянной готовности к выполнению задач в непредвиденных обстоятельствах.

Спасатель, который закончил работу по ликвидации последствий чрезвычайной ситуации, как правило, остается один на один со своими проблемами, полученными им в ходе этих работ. Мы считаем, что необходим психолог, который должен любыми средствами помочь этому человеку восстановить его психическое состояние.

Проведенный нами анализ опыта оказания психологической помощи всем, кто попал под влияние негативных стресс-факторов, доказывает, что на сегодня накоплено и апробировано довольно много методов, способов, подходов к оказанию психологической помощи.

Она основывается на 2 – х постулатах:

- Человек должен осознать проблему, которая у него возникла.
- После осознания своей проблемы, согласно существующим на сегодня академическим и практическим постулатам, ему желательно обратиться за помощью к психологу.

К сожалению, спасатель, вернувшийся домой после ликвидации последствий чрезвычайной ситуации, на протяжении первых недель остается один на один со своими воспоминаниями об эпизодах ликвидации этого чрезвычайного происшествия, со своими проблемами, которые у него начинают возникать.

То есть спасатель после окончания аварийно-спасательных работ обычно в течение 1-2 месяцев фактически не получает никакой психологической помощи для восстановления уровня психологической устойчивости.

В этот период применения классических и уже проверенных временем способов психологической реабилитации, психокоррекции крайне ограничено. Именно на этапе нескольких дней после окончания аварийно-спасательных работ психологическая помощь спасателям наиболее востребована, и, при ее наличии, наиболее эффективна.

С целью восстановления психологической устойчивости спасателей, которая была утрачена ими вследствие выполнения задач по назначению в очаге чрезвычайной ситуации, нами был разработан социально-психологический тренинг «Выжить и спасти». Этот тренинг разработан для проведения его в течение 3 суток и имеет структуру, соответствующую особенностям повседневной деятельности спасателей.

Социально-психологический тренинг был проведен с персоналом аварийно-спасательных подразделений МЧС Украины, принимавших непосредственное участие в ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций государственного и регионального уровней в: г. Днепропетровск, г. Донецк, г. Харьков, г. Изюм и г. Лозовая. Всего в исследовании приняли участие 165 спасателей.

В результате проведенного нами интерактивного влияния на спасателей в форме социально-психологического тренинга «Выжить и спасти» мы можем констатировать, что психическое состояние спасателей – участников тренинга улучшилось, а именно: снизился уровень реактивной тревожности, повысился уровень нервно-психической устойчивости. А также тренинговые занятия привели к повышению положительного эмоционального фона у каждого участника.

Спасатели освободились от чувства необходимости освобождения от стресса, у них повысился уровень конструктивного подхода к построению значимых межличностных контактов. Во время тренинга у каждого участника произошло осознание своего внутреннего состояния, своих проблем, возникших в результате травмирующей ситуации. Спасатели после тренинга стали получать удовольствие от участия в деятельности, начали чувствовать себя более активными.

Таким образом, нами доказано, что восстановление психологической устойчивости у спасателей после выполнения ими задач по назначению в очаге

чрезвычайной ситуации в форме специализированного социально-психологического тренинга является достаточно эффективным, а иногда и единственным средством уменьшения психических потерь среди личного состава.

Можно также отметить, что такая форма восстановления психологической устойчивости может быть эффективной для любого персонала, перенесшего интенсивное воздействие негативных стресс-факторов при выполнении своих функциональных обязанностей.

Стресс-преодолевающее поведение: гендерный аспект

Онищенко Н.В.

Национальный университет гражданской защиты Украины (Харьков, Украина)

Существует множество реакций на стресс и множество типов поведения в ситуации стресса. Каждый человек при столкновении со сложной, непредсказуемой ситуацией реагирует по-своему. В зависимости от частоты возникновения, силы, интенсивности воздействия стрессовых факторов, и индивидуально-психологических особенностей личности, человеком выбираются наиболее характерные для него способы и средства преодоления стресса. Существуют различные теории относительно определения рациональности и адекватности копинг-поведения и реакций на действие стресс-факторов.

Отдельное место в изучении стресс-преодолевающего поведения отведено гендерным особенностям. Еще издавна складывались представления об особенностях поведения мужчин и женщин. Многие исследования посвящены изучению их индивидуально-психологических особенностей и различий между ними, проанализированы особенности социальных ролей мужчин и женщин, специфика их поведения в различных ситуациях, их профессиональные предпочтения и т.д.

Принято считать, что модели реагирования на действия стресс-факторов могут быть производными от процесса социализации, от стиля жизни личности, от воспитания и т.д. Так, отмечается, что женщины и мужчины воспринимают сложные ситуации и реагируют на стресс в соответствии с существующими особенностями восприятия их социальных ролей – это оправдывает социальные установки относительно их поведения.

Однако открытым является вопрос гендерного аспекта копинг-поведения, возникающего в ответ на так называемый профессиональный стресс. С каждым днем перечень профессий экстремального профиля деятельности, где себя в качестве специалиста может реализовать женщина, становится все больше. Растет число женщин и в «чисто мужских» профессиях, которые считаются рискоопасными и стрессогенным. Выбирая такую профессиональную деятельность, женщина должна осознавать степень ее сложности и особенности влияния профессиональных стресс-факторов на личность. Следовательно, можно предположить, что в такой момент формируется готовность женщины к деятельности в условиях повышенной сложности, готовность к воздействию стресс-факторов, к нервно-психическим

перегрузкам. Таким образом, можно предположить, что и особенности поведения женщины, которая осознает сложность своей профессиональной деятельности, могут существенно отличаться от существующих социальных ожиданий.

Для более детального рассмотрения взаимосвязи гендерного признака с поведением в сложной стрессовой ситуации нами было проведено исследование с участием 97 курсантов 5 курса Национального университета гражданской защиты Украины, 35% из которых были девушки. Нами был использован метод «Копинг-поведение в стрессовых ситуациях» (адаптированный вариант Т.А. Крюковой). Исследование проводилось непосредственно во время учений по оказанию помощи пострадавшим в очаге чрезвычайной ситуации. Следует отметить, что условия смоделированной ситуации были максимально приближены к реальным, что дало нам возможность говорить об объективности полученных во время исследования данных.

Полученные результаты дали возможность выделить достоверные различия в выраженности реакции на действие стресс-факторов среди женщин и мужчин. Анализ результатов показал, что в представленности «чисто мужских» и «чисто женских» типов реакции на стрессовую ситуацию достоверных различий не зафиксировано. Так, данные по шкалам «решения задачи» и «ориентация на эмоции» в обеих группах почти не отличаются. Достоверные различия были отмечены только в отношении представленности такой реакции на стресс как «социальное отвлечение», которая является более выразительной в группе женщин ($t = 2,71$, $p \leq 0,05$). Результаты свидетельствуют, что женщины больше, чем мужчины склонны искать поддержки в окружающей среде, обращаться за советом и поддержкой к коллегам, обсуждать свои проблемы. Мужчинам же более свойственно опираться на свой опыт, демонстрировать сдержанность и психологическую устойчивость. Результаты исследования лишь частично отражают сущность различий между существующими данными о гендерных особенностях поведения в стрессовой ситуации и специфике совладающего поведения мужчин и женщин в ответ на действие профессионального стресса. Таким образом, полученные результаты определяют дальнейшие направления работы по изучению и более детальному анализу особенностей стресс-преодолевающего поведения личности.

**Сравнительный анализ психологического обеспечения деятельности
специалистов государственной военизированной горноспасательной службы
Украины и России**

Онищенко Н.В.

Университет гражданской защиты Украины (Харьков, Украина)

Рядинская Е.Н.

Макеевский экономико-гуманитарный институт (Макеевка, Украина)

Современное состояние развития общества характеризуется увеличением количества травматизма в регионах горнодобывающей промышленности Украины. На сегодня в Украине, и, в частности, в Донбассе ведутся работы по техническому

переворужению шахт, обеспечивается гарантированный уровень безопасности шахтеров, усиливается противопожарная безопасность шахт. Ряд этих проблем на шахте решает Государственная военизированная горноспасательная служба Украины (ГВГСС).

Угольные шахты Донбасса по условиям залегания пластов являются наиболее сложными по сравнению с другими шахтами Украины. Занимая 10-е место по добыче угля среди ведущих угледобывающих стран мира (80 млн. т), Украина по числу погибших на шахтах уступает только Китаю, а на 1 млн. т. добычи вышла на первое место. Так, за 10 лет в КНР в среднем за год погибло 5780 чел. (Кд = 4,25), Украина – 306 (4,31), Индия – 242 (0,66), Россия – 190 (0,73), КНДР – 132 (1,45), ЮАР – 57 (0,25), Польша – 52 (0,38), США – 32 (0,02), ФРГ – 14 (0,06), Австралия – 2 (0,006).

Опыт деятельности служб чрезвычайных ситуаций, и, в частности, ГВГСС, показывает, что на сегодняшний день актуальной является проблема формирования надлежащей профессиональной и психологической готовности специалистов-горноспасателей к действиям в экстремальных ситуациях.

Интересным, на наш взгляд, представляется проведение сравнительного анализа функционирования и развития горноспасательной службы Украины и России, а также сопоставление существующего психологического обеспечения специалистов-горноспасателей разных стран (Украины и России).

Государственная военизированная горноспасательная служба Украины (ГВГСС) – это организация военизированного типа, основной задачей которой является выполнение работ по спасению людей, которые были застигнуты авариями в шахтах, по тушению подземных пожаров, по ликвидации последствий взрывов, внезапных выбросов угля и газа, выполнение других специальных и технических работ, связанных с использованием средств защиты органов дыхания и специального снаряжения на обслуживаемых предприятиях.

Личный состав ГВГСС подразделяется на военизированный и вольнонаемный, в свою очередь военизированные подразделения и службы делятся на оперативные (те, которые непосредственно организуют и выполняют аварийно-спасательные работы) и не оперативные.

Для совершенствования профессиональной подготовки специалистов-горноспасателей в 1993 г. на базе учебно-оперативного отряда был создан Центр подготовки горноспасателей (ЦПГ), деятельность которого направлена на повышение квалификации командиров и специалистов ГВГСС, базовую подготовку командиров первого года службы, резерва на замещение должностей и отделения по подготовке инженерно-технических работников шахт – руководителей ликвидации аварий, а также ответственных за составление планов ликвидации. Однако психологической подготовке специалистов-горноспасателей должного внимания в Центре не уделяется.

Следует заметить, что основным отличием структуры горноспасательной службы России от украинской является подчинение их разным ведомствам: ГСС

России подчинена МЧС, а в Украине ГВГСС является отдельным структурным подразделением Минуглепрома Украины.

В России обязательным является горноспасательное обслуживание каждой действующей шахты, других предприятий по добыче и переработке угля. Эта норма безопасности направлена на осуществление экстренных и неотложных мер по спасению людей, тушению пожаров, ликвидации последствий взрывов, внезапных выбросов угля и газа, обрушений горных пород и выполнение других работ, требующих применения средств защиты органов дыхания и специального снаряжения. С этой целью созданы профессиональные горноспасательные формирования – государственные военизированные горноспасательные части угольной промышленности Минтопэнерго РФ, возглавляемые Центральным штабом военизированных горноспасательных частей (ВГСЧ ЦШ), в структуру которого входят оперативные подразделения:

- отдельные военизированные горноспасательные отряды (ОВГО), отдельные взводы (ОВГРВ), взводы (ВГРВ), пункты (ВГРП), а также службы обеспечения – реанимационно-противошоковые группы (РПГ), газоаналитические лаборатории (ГАЛ);
- группы воздушно-депресссионных съёмок (ДГС), цеха и мастерские по производству и ремонту горноспасательного оборудования, горноспасательный научный центр, заводы и др.

Для ликвидации аварий в начальный период, спасения людей и оказания им помощи до прибытия ВГСЧ на предприятиях по добыче и переработке угля создаются специальные формирования из горняков и инженерно-технических работников – вспомогательные горноспасательные службы (ВГС), состоящие из участковых горноспасательных команд (УГК).

Центральный штаб ВГСЧ (ЦШ ВГСЧ) управляет всеми направлениями деятельности горноспасательного формирования, подчиняется непосредственно Минтопэнерго РФ и осуществляет деятельность согласно уставу.

Горноспасательный отряд может иметь в своем составе реанимационно-противошоковые группы, лаборатории для выполнения анализов проб шахтного воздуха, механические мастерские по ремонту и наладке горноспасательного и шахтного пожарного оборудования, учебные взводы для обучения рядового и младшего командного состава, депрессионно-газовую службу, водолазную службу (при необходимости), другие инженерные подразделения.

Следует отметить, что психологическое сопровождение деятельности специалистов-горноспасателей в России более развито, чем в Украине и имеет практическую направленность. Психологи, психотерапевты, врачи, владеющие передовыми высокоэффективными психологическими и медицинскими технологиями, принимают участие в реализации программ и технологий психологического, медицинского и психофизиологического сопровождения горноспасателей России (Краснов, 2002).

В России в систему психологического сопровождения включен состав таких важных компонентов, как: учет психофизиологических факторов и условий деятельности, организация мониторинга здоровья горноспасателей, интеграция психологических и психотерапевтических мероприятий. Психологическая помощь максимально приближена к горноспасателям, за счет этого увеличивается эффективность основных видов психологического обеспечения: профотбор, мониторинг психических состояний и учет профессиональной нагрузки, реабилитация горноспасателей, своевременное выявление и коррекция возникающих психофизиологических и психологических нарушений.

Проведенный сравнительный анализ дает возможность предположить, что в последующие годы загруженность оперативных подразделений горноспасательной службы Украины на ликвидации аварий не снизится, а приобретет некоторые новые особенности. Вместе с тем реструктуризация угольной промышленности потребует и определенной реорганизации в структуре ГВГСС. На наш взгляд, ее целесообразно осуществлять в два этапа:

1. Первый этап (подготовительный) – с сохранением существующей дислокации и диспозиции, с уточнением дополнительных задач и объемов работ на шахтах.

2. Второй этап – уточнение функций и задач ГВГСС Украины, исходя из изменений, которые произошли в угольной отрасли, и возможного расширения деятельности структурных подразделений в территориальном и отраслевом аспектах.

Таким образом, анализируя опыт деятельности ВГСЧ России, необходимо, чтобы психологическое сопровождение деятельности специалистов государственной военизированной горноспасательной службы Украины состояло из комплекса мероприятий психологического обеспечения, в который входили бы:

- профессиональный психологический отбор с учетом деятельности в особых условиях;
- профессиографический анализ деятельности (разработка профессиограммы, психограммы, обоснование комплекса профессионально важных качеств горноспасателей);
- организация психологического обеспечения аварийно-спасательных работ на разных этапах профессиональной деятельности горноспасателей (повседневные условия, режим «ожидания», подготовка к участию в ликвидации аварии, «этап реадaptации» («выхода» и реабилитации);
- оценка особенностей и проявлений психической дезадаптации горноспасателей и ее психологическая и психотерапевтическая коррекция, включая профилактику синдрома посттравматических нарушений и восстановления профессиональной работоспособности (Тімченко, 2000).

Литература

1. Краснов В.Н. Современные подходы психиатрической помощи и реабилитации лиц опасных профессий, нуждающихся в психолого-психиатрической поддержке /

В.Н. Краснов, В.П. Коханов, И.В. Щербинин // Вестн. восстановит. медицины. 2002. № 2. С. 9–13.

2. Тімченко О.В. Психологічне забезпечення відновного періоду діяльності підрозділів особливого ризику // Вісник Харківського університету. № 483, 2000. С. 159-162.

Структура профессионально-психологических качеств спасателей Закарпатского горного поисково-спасательного отряда МЧС Украины

Поляков И.А.

Национальный университет гражданской защиты Украины (Харьков, Украина)

Украинское Закарпатье – край туризма. Для предупреждения чрезвычайных ситуаций, которые возникают в результате туристической деятельности, и эффективного проведения спасательных работ 13 сентября 2006 года была создана Государственная специализированная аварийно-спасательная служба поиска и спасания туристов МЧС Украины (ГСАССПСТ МЧС). Служба проходит период становления, а поэтому нуждается в постоянном совершенствовании, в том числе – со стороны психологического обеспечения деятельности.

Спасатели (ГСАССПСТ МЧС) постоянно работают в экстремальных условиях, осуществляют поисково-спасательные работы в горных, спелеологических и водных районах. Выявление психологических резервов и направлений оптимизации деятельности спасателя ДСАРСПРТ является необходимым условием повышения эффективности деятельности аварийно-спасательных служб МЧС Украины в целом. В связи с этим остро стоит проблема определения профессионально-психологических качеств этих специалистов и разработка профессиограммы данной профессии. Анализ научной литературы показывает, что исследование проблем деятельности является объектом внимания психологической науки уже несколько десятилетий. Их исследовали отечественные и зарубежные научные работники – Б.Г. Ананьев, В.П. Зинченко, Г.С. Костюк, О.М. Леонтьев, Б.Ф. Ломов, С.Д. Максименко, В.С. Мерлин, К.К. Платонов, С.Л. Рубинштейн, Г.С. Суходольский, Ю.Л. Трофимов и др.

Психологические аспекты деятельности работников экстремальных служб стали предметом исследования В.И. Барка, И.О. Бодрова, В.И. Лебедева, М.С. Корольчука, Г.В. Ложкина, Е.М. Потапчука, О.Д. Сафина, В.В. Стасюка, О.М. Столяренка, А.В. Тимченко, М.И. Томчука и др.

Углубленный анализ организационно штатной и функционального построения Закарпатского горного поисково-спасательного отряда (ГПРЗ) МЧС Украины неоспоримо доказывает, что данный вид спасательной деятельности, по содержанию в значительной мере отличается от деятельности спасателей других подразделений МЧС Украины.

Основными заданиями Закарпатского горного поисково-спасательного отряда МЧС Украины есть поиск и спасение туристов в горах и лесных массивах независимо от времени года, предоставление методической помощи субъектам туристической

деятельности относительно предотвращения чрезвычайных ситуаций с туристами, а также минимизации возможных последствий от чрезвычайных ситуаций.

Анализ нормативно правовых актов и руководящих документов МЧС Украины, а также экспертных оценок специалистов по определению профессионально-психологических качеств спасателей Закарпатского ГПРЗ выявил следующие качества (выстроено по рангу):

1. Длительное сохранение интенсивного (концентрированного) внимания, невзирая на усталость и действие постоянных раздражителей;
2. Умения выделить в информации наиболее существенное (главное);
3. Способность не ослаблять внимание под воздействием страха или неожиданных внешних влияний;
4. Сосредоточенность в условиях препятствий;
5. Самообладание и выдержка, умение брать на себя ответственность за принятые решения и действия;
6. Умение сохранить работоспособность в условиях аварийной ситуации, дефицита времени, при действии сильных раздражителей и в напряженных ситуациях;
7. Умения сохранить работоспособность и активность при развивающейся усталости;
8. Умение предусматривать возможные изменения обстановки и ожидаемые результаты деятельности способность быстро переключать внимание из одного вида деятельности на другой.

Также в ходе исследования группе экспертов (в группу вошли командир отряда, 3 заместителя командира отряда, 6 командиров пунктов, 8 спасателей) было предложено назвать критерии эталона горного спасателя. Используя свою профессиональную терминологию и предложенные профессионально важные качества эксперты выявили следующее: основным критерием эталона горного спасателя есть так называемое «мастерство горного восходителя». К нему можно отнести и ранжировать такие качества, как:

1. Человечность и гуманизм;
2. Желание к преодолению естественных препятствий;
3. Любовь к горным восхождениям;
4. Ориентация в безопасном пространстве;
5. Инстинкт выживания;
6. Ведение активного образа жизни;
7. Профессиональное занятие экстремальным видом спорта.

Особенности работы психологов МЧС Украины в очаге чрезвычайной ситуации

Тимченко А.В., Христенко В.Е.

Национальный университет гражданской защиты Украины (Харьков, Украина)

В Украине среди всех существующих государственных структур МЧС является единственной структурой, на которую государством возложена задача психологической защиты населения.

Работа психологов МЧС Украины, особенно во время оказания экстренной психологической помощи, во многом отличается от работы психологов других структур. Таких отличий существует множество, но хотелось бы отметить только наиболее существенные.

Работа с людьми, которые испытывают исключительно отрицательные эмоции.

В очаге люди обычно находятся в состоянии сильного эмоционального напряжения, в стрессовых состояниях, иногда переходящих в аффективные. Многие не могут адекватно воспринимать происходящее, у некоторых наблюдаются кратковременные потери сознания. Психолог вынужден принимать на себя кроме горя еще и вспышки агрессивности против властей, которые допустили возникновение этой чрезвычайной ситуации.

Также психологи через очень непродолжительное время нахождения в эпицентре отрицательных эмоций большой силы сами начинают испытывать такие же эмоции, ведь без сопереживания работа будет крайне неэффективна.

Ограниченное время для проведения диагностики.

Для оказания эффективной помощи пострадавшим необходимо очень быстро определять эмоциональное состояние конкретного человека, его общее состояние. Это не дает возможности использовать привычный психологический инструментарий.

Работа среди большой массы людей.

Когда происходит чрезвычайная ситуация, связанная с гибелью или ранением людей, то родственники или сами пострадавшие спонтанно образуют хаотичную группу. Эта группа может состоять из довольно большого числа людей, численностью до нескольких сотен.

Причем, в некоторых ситуациях таких больших групп может быть несколько (например, при стихийных бедствиях, когда пострадало население нескольких населенных пунктов – это наводнение в областях западной Украины, подтопление в Новой Одессе, смерч на Волыни). В такой ситуации психологи должны быть готовы выполнять свою работу на виду у большого числа людей, оказывая при этом как индивидуальную, так и групповую психологическую помощь.

Нахождение в тесном контакте с людьми на протяжении суток.

Временной интервал непрерывного нахождения с пострадавшими, их родственниками чаще всего составляет примерно 3-4 суток. Психолог находится

рядом с теми, кто ожидает результатов аварийно-спасательных работ, можно сказать «с утра и до утра», ведь часто люди не уходят домой, ожидая результатов спасательных работ. А все это в свою очередь имеет свои особенности: психологи не должны позволять себе выражать эмоции; психолог должен уметь адекватно строить отношения с родственниками; психолог должен уметь и быть готов выполнять почти одновременно различные задачи на протяжении сравнительно короткого времени; психолог должен уметь общаться с детьми пострадавших; он должен уметь нейтрализовывать агрессивные проявления в поведении групп родственников погибших ...

Экстремальному психологу очень желательно иметь определенную экипировку, которая позволяет оказывать экстренную психологическую помощь. Нашей лабораторией разработан и апробирован на практике определенный набор предметов (около 35), который должен быть под рукой у экстремального психолога. Этот набор получил название «чемодан психолога», состав которого закреплен соответствующими документами МЧС Украины.

Также необходимо отметить, что практически вся работа психологов во время оказания экстренной психологической помощи происходит под пристальным вниманием журналистов.

Таким образом, психолог МЧС должен очень многое уметь, а самое главное делать при организации экстренной психологической помощи тем, кто в ней нуждается, во время ликвидации чрезвычайной ситуации.

Деформация механизмов психологической защиты личности у спасателей МЧС Украины

Титаренко Д.С.

Национальный университет гражданской защиты Украины (Харьков, Украина)

Разнообразные чрезвычайные ситуации уже сегодня становятся для нас все более обычными событиями в современной жизни. Если сравнить сегодняшние реакции общества на какое-то стихийное бедствие, массовую гибель людей, либо террористический акт с реакциями людей пять или десять лет назад на подобное событие, то результаты явно станут шокирующими. Если еще 10 лет назад массовая гибель людей в результате того же террористического акта вызывала у большинства населения ужас, беспокойство, общую психологическую подавленность, то сегодня такое событие в лучшем случае вызывает агрессивные ноты в настроении масс. Постоянство в возникновении различных чрезвычайных ситуаций заставляет личность становиться грубее, не принимая «близко к сердцу» горе других людей. Такая тенденция просматривается не только в общественности, но и у представителей некоторых профессий.

Так, у спасателей после продолжительной работы в аварийно-спасательных подразделениях наблюдаются изменения в структуре личности, в первую очередь из которых страдает такой элемент, как психологическая защита. Именно ей

приходиться работать продолжительное время и на полную мощность: в период проведения спасательных работ, после их завершения и еще какое-то время для восстановления эмоционального фона спасателя.

Психологическая защита, как элемент личности, также состоит из ряда компонентов, которые обеспечивают полноценность её функционирования. Одним из основных и ведущим элементом психологической защиты является механизм психологической защиты личности. Непосредственно этот компонент системы защиты запускает ее в действие и определяет характер ее дальнейшей работы.

Так как основной функцией работы психологической защиты является снижение чувства тревоги, негативных эмоциональных состояний личности, то и ее действие в психике задерживается на длительное время. Продолжительное и частое использование механизмов психологической защиты личности приводит к их деформации.

При изучении механизмов психологической защиты спасателей службы МЧС Украины было выявлено, что вся система их функционирования изменяется, относительно тех людей, которые не связаны с работой угрожающей жизни. Факт «лучшей» работы механизмов защиты спасателей просматривается и при субъективной оценке своего состояния: показатели общего состояния в условиях проведения спасательных работ практически не изменились, по сравнению с теми, что были в условиях повседневного несения службы.

У спасателей МЧС Украины наиболее действующими являются такие механизмы как: изоляция, отрицание, проекция. Именно они и составляют основу для формирования защитной модели поведения личности спасателя. В то время как у обычного человека система защиты включает работу всех механизмов психологической защиты, что обеспечивает большую успешность в адаптации к новым условиям ситуации. Система защиты обычного человека является более лабильной и динамичной, что позволяет ему успешно решать бытовые проблемы, но в условиях чрезвычайной ситуации она не показывает своей полноценной эффективности. Тем временем, как спасатели практически без лишних травм работают в условиях повышенной насыщенности стресс-факторов чрезвычайной ситуации.

Таким образом, можно сказать, что со временем вся система психологической защиты спасателя МЧС Украины сводится к использованию только одних и тех же механизмов психологической защиты, что не всегда является эффективным и требует необходимой психологической коррекции.

СПИСОК АВТОРОВ

Абдразякова Алла Маратовна, научный сотрудник Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (Москва)

Абрамова Аида Алексеевна, старший научный сотрудник Научного центра психического здоровья Российской академии медицинских наук, кандидат психологических наук (Москва)

Алмазов Борис Николаевич, профессор кафедры правовой психологии и судебной экспертизы Уральской государственной юридической академии, доктор педагогических наук, кандидат медицинских наук (Екатеринбург)

Альфарнес Свейн, Остфольская психиатрическая команда стационара специализированного типа (Осло, Норвегия)

Ананьева Наталья Анатольевна, доцент Российского государственного социального университета, кандидат психологических наук (Москва)

Андреанов Михаил Семенович, старший научный сотрудник лаборатории юридической психологии Академии генеральной прокуратуры РФ, кандидат психологических наук (Москва)

Астанина Надежда Борисовна, аспирант кафедры коррекционной психологии факультета клинической и специальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Белоусов Алексей Дмитриевич, ведущий научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России, кандидат биологических наук, доцент (Москва)

Березанцев Андрей Юрьевич, руководитель отдела Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, доктор медицинских наук (Москва)

Бесчастный Виктор Николаевич, начальник Донецкого юридического института Министерства внутренних дел Украины, кандидат наук по государственному управлению, доцент (Донецк, Украина)

Бобышева Елена Олеговна, психолог, преподаватель психологии ГОУ Центра развития ребенка детского сада № 1129 Южного Округного Управления Департамента Образования города Москвы (Москва)

Бовин Борис Георгиевич, старший научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат психологических наук (Москва)

Бовина Инна Борисовна, профессор кафедры криминальной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, доктор психологических наук (Москва)

Богданович Наталья Викторовна, доцент кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук (Москва)

Бодрова Ольга Константиновна, выпускница факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Бондаренко Наталья Викторовна, старший преподаватель Приднестровского государственного университета им. Т.Г. Шевченко (Тирасполь, Молдова)

Борисова Светлана Евгеньевна, доцент кафедры уголовного права, криминологии и психологии Орловского юридического института МВД России, кандидат психологических наук (Орел)

Будыкин Сергей Владимирович, студент факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Букреев Никита Валерьевич, старший научный сотрудник Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, кандидат медицинских наук (Москва)

Булыгина Вера Геннадьевна, руководитель Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, кандидат психологических наук (Москва)

Валицкас Гинтаутас Валентинович, заведующий кафедрой Вильнюсского государственного университета, доктор психологических наук, профессор (Вильнюс, Литва)

Ведешкин Никита Андреевич, психолог отдела психологической диагностики центра психофизиологической диагностики медико-санитарного центра МВД России (Москва)

Вертягина Елена Александровна, доцент Государственного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Саратовская государственная академия права», кандидат психологических наук (Саратов)

Голянд Евгения Алексеевна, выпускница факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Горьковая Ирина Алексеевна, профессор Санкт-Петербургского Российского государственного педагогического университета, доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Гузева Татьяна Вячеславовна, старший психолог Полка милиции по охране дипломатических представительств и консульств иностранных государств ГУВД по г. Москве (Москва)

Дворянчиков Николай Викторович, декан факультета Юридической психологии, профессор кафедры клинической и судебной психологии факультета Юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Дебольский Михаил Георгиевич, заведующий кафедрой Пенитенциарной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Дегтярев Артем Викторович, младший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории Ювенальных технологий Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Демидова Любовь Юрьевна, аспирант факультета психологического консультирования Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Дозорцева Елена Георгиевна, руководитель лаборатории психологии детского и подросткового возраста Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, заведующая кафедрой юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор (Москва)

Дьякова Инна Владимировна, психиатр-эксперт Ставропольской клинической психиатрической больницы №1 (Краснодар)

Дьякова Наталия Владимировна, медицинский психолог, старший научный сотрудник Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, кандидат психологических наук (Москва)

Дьяконова Раиса Степановна, начальник психологической службы УФСИН России по Ульяновской области (Ульяновск)

Дьячкова Ирина Сергеевна, медицинский психолог Республиканской клинической психиатрической больницы Министерства здравоохранения Удмуртской Республики (Ижевск)

Ениколопов Сергей Николаевич, заведующий отделом медицинской психологии научного центра психического здоровья Российской академии медицинских наук, заведующий кафедрой Криминальной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук, доцент (Москва)

Жакова Татьяна Михайловна, начальник Южного регионального центра судебной экспертизы Минюста России, кандидат юридических наук (Ростов-на-Дону)

Забелина Наталья Александровна, выпускница факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Зеленина Марина Микаеловна, выпускница факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Кабанова Татьяна Николаевна, младший научный сотрудник Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (Москва)

Каганович Юрий Тевьевич, заместитель главного врача Психиатрической больницы № 5 Департамента здравоохранения г. Москвы (Троицкое)

Калягин Юрий Сергеевич, доцент кафедры криминальной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Камышева Ася Валентиновна, педагог-психолог Государственного учреждения «Веста Юго-Востока» (Москва)

Каниболоцкая Инна Александровна, педагог-психолог Государственного учреждения межрайонного центра «Дети улиц» ЗАО города Москвы (Москва)

Карпова Дарья Алексеевна, лаборант-исследователь Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, студентка Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Ковальчишина Наталья Ивановна, доцент кафедры психологии Макеевского экономико-гуманитарного института, начальник научно-консультационного психологического центра, кандидат психологических наук (Макеевка, Украина)

Колесникович Яна Андреевна, медицинский психолог отделения амбулаторных судебно-психиатрических экспертиз Вологодской областной психиатрической больницы (Вологда)

Комиссарова Ярослава Владимировна, доцент кафедры криминалистики Московской государственной юридической академии имени О.Е. Кутафина, кандидат юридических наук, доцент (Москва)

Коновалова Ирина Валентиновна, начальник управления учебно-методического сопровождения молодых специалистов Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук (Москва)

Коноплева Инга Николаевна, доцент кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук (Москва)

Корнилова Светлана Николаевна, старший научный сотрудник отделения экзогенных расстройств Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, кандидат медицинских наук (Москва)

Костяная Мария Ильмаровна, лаборант-исследователь Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (Москва)

Котова Марина Александровна, начальник отдела психологической диагностики и коррекции Орловской психиатрической больницы специализированного типа с интенсивным наблюдением (Орел)

Кроз Михаил Владимирович, ведущий научный сотрудник Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации, кандидат психологических наук (Москва)

Крылова Наталья Игоревна, психолог Центра психофизиологической диагностики медико-санитарного центра МВД России (Москва)

Ксенофонтов Александр Михайлович, начальник психологической службы Управления внутренних дел по Архангельской области, кандидат биологических наук, доцент (Архангельск)

Кузнецов Дмитрий Александрович, врач-психиатр Психиатрической больницы № 5 Департамента здравоохранения г. Москвы (Москва)

Кузнецова Светлана Олеговна, старший научный сотрудник Научного центра психического здоровья Российской академии медицинских наук, кандидат психологических наук (Москва)

Кузнецова Юлия Александровна, младший научный сотрудник Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (Москва)

Кулькова Жанна Геннадьевна, директор Областного центра диагностики и консультирования, кандидат психологических наук (Челябинск)

Курбатова Татьяна Николаевна, доцент кафедры психологии поведения и превенции поведенческих аномалий факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, кандидат психологических наук (Санкт-Петербург)

Кусакина Елена Аркадьевна, старший преподаватель ФГОУ ВПО Пермский институт Федеральной службы исполнения наказаний, кандидат психологических наук (Пермь)

Кушаков Михаил Николаевич, проректор по международной политике Приднестровского Государственного университета им. Т.Г. Шевченко, кандидат юридических наук, доцент (Тирасполь, Молдова)

Левенец Елена Анатольевна, преподаватель кафедры практической психологии Киевского национального университета внутренних дел, кандидат психологических наук (Киев, Украина)

Лефтеров Василий Александрович, начальник научно-исследовательского центра психотренинговых технологий Донецкого юридического института МВД Украины, доктор психологических наук, доцент (Донецк, Украина)

Лисовцева Вера Михайловна, старший преподаватель Саратовской государственной академии права (Саратов)

Литвинова Галина Алексеевна, ведущий научный сотрудник научно-исследовательского центра психотренинговых технологий Донецкого юридического института МВД Украины, кандидат психологических наук (Донецк, Украина)

Логвинова Татьяна Юрьевна, психолог Орловской психиатрической больницы специализированного типа с интенсивным наблюдением Минздравсоцразвития России (Орел)

Логунова Ольга Алековна, ст. научный сотрудник Всероссийского научно-исследовательского института МВД России (Зеленоград)

Лысаков Николай Дмитриевич, декан факультета экстремальной психологии Института экстремальной психологии Московского городского психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор (Москва)

Лысенко Надежда Евгеньевна, медицинский психолог Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (Москва)

Магда Виктория Анатолиевна, практический психолог Харьковской общеобразовательной школы I-III ступени Харьковского городского сонета Харьковской области (Харьков, Украина)

Майорова Татьяна Михайловна, старший психолог психологической лаборатории Изолятора № 4 Управления Федеральной службы исполнения наказаний по городу Москве (Москва)

Макурин Антон Александрович, лаборант-исследователь Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (Москва)

Маланцева Оксана Дмитриевна, эксперт Российского федерального центра судебной экспертизы при Министерстве юстиции Российской Федерации (Москва)

Малкин Дмитрий Александрович, руководитель отделения организации психиатрической и медико-психологической помощи осужденным Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, кандидат медицинских наук (Москва)

Мамонова Ирина Петровна, старший научный сотрудник, невролог Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (Москва)

Маркова Светлана Викторовна, аспирант Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Марьин Михаил Иванович, профессор кафедры психологии, педагогики и организации работы с кадрами Академии управления МВД России, доктор психологических наук, доцент (Москва)

Марущак Наталия Викторовна, студентка Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова (Москва)

Матеюк Олег Анатольевич, ведущий научный сотрудник Национальной академии Государственной пограничной службы Украины имени Богдана Хмельницкого, доктор психологических наук, профессор (Хмельницкий, Украина)

Медведев Владимир Степанович, профессор кафедры практической психологии Киевского национального университета внутренних дел, доктор психологических наук, профессор (Киев, Украина)

Милюков Сергей Витальевич, адъюнкт Московского университета Министерства внутренних дел России (Москва)

Мирошниченко Екатерина Михайловна, младший научный сотрудник Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (Москва)

Михайлова Маргарита Михайловна старший статистик кафедры социальной психологии факультета социальных наук Института социальных исследований Даугавпилского Университета, магистр психологии, докторантка 3–го курса докторской программы «Психология» (Даугавпилс, Латвия)

Михайлова Ольга Юрьевна, профессор кафедры психологии образования и развития Нижневартковского государственного гуманитарного университета (Нижневартковск); профессор кафедры юридической и военной психологии Южного федерального университета доктор психологических наук, профессор (Ростов-на-Дону)

Менелау Саввас, психолог службы психического здоровья Кипра (Ларнака, Кипр)

Мяжких Николай Иванович, начальник Центра психофизиологической диагностики Медико-санитарного центра МВД России, кандидат психологических наук, доцент, заслуженный врач Российской Федерации (Москва)

Мялкин Владимир Алексеевич, адвокат адвокатской фирмы «Защита» Адвокатской палаты Ярославской области, кандидат психологических наук (Ярославль)

Неустроев Василий Сергеевич, медицинский психолог, судебный эксперт-психолог отделения судебно-психиатрических экспертиз Иркутского областного психоневрологического диспансера (Иркутск)

Никитина Елена Алексеевна, младший научный сотрудник Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (Москва)

Новикова Ирина Альбертовна, профессор кафедры психологии Поморского государственного университета им. Н.В. Ломоносова, доктор медицинских наук, профессор (Архангельск)

Новикова-Грунд Марина Вильгельмовна, доцент кафедры проектирующей психологии Института психологии им. Л.С. Выготского при Российском государственном гуманитарном университете, кандидат психологических наук (Москва)

Обвянникова Янина Александровна, научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории экстремальной и кризисной психологии Национального университета гражданской защиты Украины, кандидат психологических наук (Харьков, Украина)

Онищенко Наталья Викторовна, старший научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории экстремальной и кризисной психологии Национального университета гражданской защиты Украины, кандидат психологических наук (Харьков, Украина)

Онищенко Ольга Романовна, доцент кафедры уголовного права и криминологии Омского государственного университета им. Ф.М. Достоевского, кандидат психологических наук (Омск)

Ошевский Дмитрий Станиславович, доцент кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета; старший научный сотрудник Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, кандидат психологических наук (Москва)

Панова Оксана Брониславовна, начальник кафедры юридической психологии и педагогики Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат педагогических наук, доцент (Вологда)

Парамонова Галина Владимировна, заместитель начальника кафедры криминалистических экспертиз Санкт-Петербургского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Санкт-Петербург)

Петрова Любовь Георгиевна, доцент Саратовской государственной академии права, кандидат психологических наук, доцент (Саратов)

Печникова Леонора Сергеевна, доцент кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ им. М.В. Ломоносова, кандидат психологических наук (Москва)

Пищикова Любовь Евгеньевна, психиатр, старший научный сотрудник Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (Москва)

Поваляева Анастасия Сергеевна, выпускница факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Поздняков Вячеслав Михайлович, профессор кафедры теории и истории государства и права Московского государственного гуманитарного университета им. М.А. Шолохова, доктор психологических наук, профессор (Москва)

Поликашкина Евгения Александровна, выпускница факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Поляков Игорь Александрович, начальник отделения научно-исследовательской лаборатории экстремальной и кризисной психологии Национального университета гражданской защиты Украины (Харьков, Украина)

Постнова Анастасия Андреевна, ассистент, аспирант кафедры педагогики и педагогической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова (Ярославль)

Пчельников Юрий Михайлович, медицинский психолог Республиканской клинической психиатрической больницы Министерства здравоохранения Удмуртской Республики (Ижевск)

Раков Алексей Михайлович, начальник отдела психофизиологической диагностики Центральной военно-врачебной комиссии Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат психологических наук, психолог высшей категории (Москва)

Ремеева Альфия Фаатовна, доцент кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, кандидат психологических наук (Москва)

Решетова Даля Владимировна, лаборант-исследователь Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (Москва)

Романко Оксана Анатольевна, доцент кафедры психологии образования и развития ГОУ ВПО «Нижевартовский государственный гуманитарный университет, кандидат психологических наук, доцент (Нижевартовск)

Романова Наталья Михайловна, доцент кафедры психологии, зав. лабораторией юридической психологии Саратовского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского, кандидат социальных наук (Саратов)

Русаковская Ольга Алексеевна, младший научный сотрудник Отдела судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (Москва)

Рядинская Евгения Николаевна, ассистент кафедры Макеевского экономико-гуманитарного института (Макеевка, Украина)

Савченко Павел Валерьевич, психолог-консультант Федерального бюро медико-социальной экспертизы (Москва)

Саламова Джамия Камильевна, младший научный сотрудник Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (Москва)

Сафуанов Фарит Суфиянович, руководитель лаборатории судебной психологии Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, заведующий кафедрой клинической и судебной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор (Москва)

Сергачева Ольга Владимировна, старший психолог Управления внутренних дел г. Северодвинска Архангельской области (Северодвинск)

Серов Александр Дмитриевич, лаборант-исследователь Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, (Москва)

Ситников Валерий Леонидович, заведующий кафедрой прикладной психологии и социологии Петербургского государственного университета путей сообщения, доктор психологических наук, профессор (Санкт-Петербург)

Славинская Юлия Валентиновна, Академия Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат психологических наук (Москва)

Сладкова Наталия Александровна, судебный психолог-эксперт Лаборатории судебной психологической экспертизы регионального центра судебной экспертизы при Минюсте России (Москва)

Смирнов Василий Петрович, научный сотрудник Санкт-Петербургского юридического института (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации (Санкт-Петербург)

Смирнова Анна Руслановна, студентка факультета психологии и педагогики Нижневартковского государственного гуманитарного университета (Нижневартовск)

Смирнова Марина Владимировна, консультант Департамента кадрового обеспечения МВД России (Москва)

Снегирева Татьяна Владимировна, заведующая кафедрой психологии образования и развития Нижневартковского государственного гуманитарного университета, кандидат психологических наук, доцент (Нижневартовск)

Соколова Ольга Александровна, начальник кафедры оружиеведения и трасологии Московского университета МВД России, кандидат юридических наук, доцент (Москва)

Сокольская Марьяна Дмитриевна, студентка факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Соловьева Анна Владимировна, старший преподаватель кафедры юридической психологии Московского университета МВД России, кандидат психологических наук (Москва)

Старцев Михаил Юрьевич, студент Нижневартковского государственного гуманитарного университета (Нижневартовск)

Стреленко Анна Анатольевна, доцент кафедры прикладной психологии Витебского государственного университета им. П.М. Машерова, кандидат психологических наук (Витебск, Беларусь)

Стрижов Евгений Юрьевич, старший научный сотрудник Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина, кандидат психологических наук, доцент (Тамбов)

Суворова Ирина Владимировна, старший преподаватель кафедры криминалистики Московского университета Министерства внутренних дел России (Москва)

Сутужко Валерий Валерьевич, доцент Института социального образования (филиал) (Саратов)

Сучкова Елизавета Львовна, доцент Вологодского института права и экономики Федеральной службы исполнения наказаний России, кандидат психологических наук (Вологда)

Сыроквашина Ксения Валерьевна, доцент кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета; старший научный сотрудник Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, кандидат психологических наук (Москва)

Терехина Светлана Алексеевна, доцент кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета; старший научный сотрудник Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, кандидат психологических наук (Москва)

Тимченко Александр Владимирович, начальник научно-исследовательской лаборатории экстремальной и кризисной психологии Национального университета гражданской защиты Украины, доктор психологических наук, профессор (Харьков, Украина)

Тимченко Ольга Валентиновна, доцент кафедры психологии и социологии Донецкого юридического института МВД Украины, кандидат психологических наук (Донецк, Украина)

Титаренко Диана Сергеевна, научный сотрудник отделения внедрения психотренинговых технологий научно-исследовательской лаборатории экстремальной и кризисной психологии Национального университета гражданской защиты Украины (Харьков, Украина)

Трубецкой Владислав Феликсович, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательского института Федеральной службы исполнения наказания России, кандидат медицинских наук (Москва)

Уваркина Ольга Игоревна, выпускница факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Урываев Владимир Анатольевич, докторант кафедры социальной и политической психологии Ярославского государственного университета им. П.Г. Демидова, кандидат психологических наук, доцент (Ярославль)

Устьянина Жанна Георгиевна, заведующая отделением Кемеровской областной клинической психиатрической больницы (Кемерово)

Усюкина Марина Валерьевна, ведущий научный сотрудник отделения экзогенных расстройств Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, доктор медицинских наук (Москва)

Фадеева Дарья Андреевна, аспирант факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Федонкина Анастасия Александровна, лаборант-исследователь Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (Москва)

Федоренко Людмила Николаевна, адъюнкт кафедры практической психологии Киевского национального университета Министерства внутренних дел Украины (Киев, Украина)

Феткулова Ирина Андреевна, Институт психологии и педагогики (Москва)

Филонов Лев Борисович, профессор кафедры юридической психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета, доктор психологических наук, профессор (Москва)

Фурсова Ирина Александровна, студентка факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Хабалев Валерий Дмитриевич, доцент кафедры криминологии и уголовно-исполнительного права Московской государственной юридической академии (МГЮА) имени О.Е. Кутафина (филиал МГЮА им. О.Е. Кутафина в г. Вологде), кандидат психологических наук (Вологда)

Харитонова Наталья Константиновна, руководитель отдела судебно-психиатрической экспертизы в гражданском процессе Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, доктор психологических наук, профессор (Москва)

Христенко Виталий Евгеньевич, ведущий научный сотрудник научно-исследовательской лаборатории экстремальной и кризисной психологии Национального университета гражданской защиты Украины, кандидат психологических наук, доцент (Харьков, Украина)

Целиковский Сергей Борисович, заведующий кафедрой юридической и военной психологии Южного федерального университета, кандидат психологических наук, доцент (Ростов-на-Дону)

Цильмак Алёна Николаевна, начальник кафедры юридической психологии и педагогики Одесского государственного университета Министерства внутренних дел Украины, кандидат психологических наук, доцент (Одесса, Украина)

Челнокова Мария Леонидовна, педагог-психолог ГОУ специальной школы №7 (Москва)

Чернушевич Владимир Анатольевич, заведующий учебно-производственной лабораторией факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

Шадуро Юлия Вячеславовна, врач-психиатр Московской психиатрической больницы №5, аспирант ГНЦ ССП им. В.П. Сербского (Москва)

Шипшин Сергей Сергеевич, заместитель начальника Южного регионального центра судебной экспертизы Министерства юстиции Российской Федерации, кандидат психологических наук, доцент (Ростов-на-Дону)

Шипшина Ольга Сергеевна, эксперт отдела судебно-психологической экспертизы Южного регионального центра судебной экспертизы Министерства Юстиции Российской Федерации (Ростов-на-Дону)

Шульга Александра Геннадьевна, младший научный сотрудник Лаборатории психологических проблем судебно-психиатрической профилактики Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского (Москва)

Шутемова Тамара Васильевна, старший преподаватель кафедры права Самарского государственного экономического университета (филиал) (Тольятти)

Щукина Елена Яковлевна, главный врач Государственного научного центра социальной и судебной психиатрии им. В.П. Сербского, кандидат медицинских наук (Москва)

Южанинова Алла Леонидовна, доцент Саратовской государственной академии права, кандидат психологических наук (Саратов)

Юстицкис Виктор Викторович, профессор Университета им. Миколаса Ромериса, доктор юридических наук, профессор (Вильнюс, Литва)

Ярошенко Светлана Владимировна, научный сотрудник Донецкого юридического институт МВД Украины (Донецк, Украина)

Ясная Вера Александровна, старший преподаватель кафедры криминальной психологии факультета юридической психологии Московского городского психолого-педагогического университета (Москва)

СОДЕРЖАНИЕ

ПСИХОЛОГИЯ ДЕВИАНТНОГО И КРИМИНАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ

Ананьева Н.А. Психологическая изменчивость девиантного типа в трансформирующемся обществе	5
Абрамова А.А., Ениколопов С.Н., Кузнецова С.О. Агрессивность в норме и при психической патологии	6
Бовина И.Б., Дворянчиков Н.В. Особенности социальных представлений о маньяке и о жертве в молодежной среде	8
Демидова Л.Ю. Особенности восприятия и понимания эмоций при аномальном сексуальном поведении	10
Дьякова И.В., Булыгина В.Г. Сравнительный анализ гомо- и гетеросексуальных ООД, совершенных несовершеннолетними в группе	12
Забелина Н.А. Личностная predisпозиция агрессии: гендерные различия	13
Колесникович Я.А. Анализ поведения жертвы в системе «Преступник – ситуация – жертва» на примере сексуальных преступлений в отношении несовершеннолетних	15
Костяная М.И., Сафуанов Ф.С. Отношение к концепту смерти у лиц с психической патологией, не исключающей вменяемости. Психосемантический анализ	16
Курбатова Т.Н. К вопросу о криминальной агрессии	18
Лисовцева В.М., Петрова Л.Г. Психологический анализ текстовых материалов в аспекте статей 280 и 282 УК РФ	19
Логунова О.А., Дворянчиков Н.В. К вопросу о разработке психологического портрета серийного сексуального убийцы	21
Лысенко Н.Е. Психолого-социальные характеристики молодых людей, обвиняемых в совершении убийств на национальной почве	24
Маркова С.В. Исследование гендерных различий агрессивного и аутоагрессивного поведения у старших подростков	26
Марущак Н.В., Ениколопов С.Н. Агрессия и мотивация футбольных болельщиков	27
Милюков С.В. Алгоритм составления комплексного портрета личности	28
Михайлова О.Ю. Психологический анализ криминальной ситуации	30
Печникова Л.С. Факторы риска девиантного поведения подростков	31
Ремеева А.Ф. Когнитивно-бихевиоральная терапия как средство оказания воздействия на агрессивное поведение подростков	33
Романова Н.М. Психологическая модель криминального действия	36
Ситников В.Л., Стреленко А.А. Образ мира и Я-образы виктимных подростков	37
Сокольская М.Д., Фурсова И.А. Взаимосвязь ценностных ориентаций с личностными характеристиками правых экстремистов	39

Стрижов Е.Ю. Новый метод психодиагностики склонности персонала к мошенничеству (ЛО НПН)	40
Сутужко В.В. Социальная психология криминального поведения	42
Уваркина О.И. Переживание вины в связи с ситуацией опасности	43
Целиковский С.Б. Моделирование в экспертной деятельности психолога	45
Феткулова И.А. Домашнее насилие. Женщина – жертва – преступник	46
Юстицкис В.В., Валицкас Г.В. Психологические предпосылки подчинения индивида требованиям закона	48
Ясная В.А. О временной перспективе у подростков с девиантным поведением	49
КЛИНИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ В ЮРИДИЧЕСКОМ КОНТЕКСТЕ	
Абдраязкова А.М., Шульга А.Г., Кабанова Т.Н. Практика управления конфликтами в отношении пациентов в психиатрическом стационаре	52
Альфарнес С.А., Булыгина В.Г. Проблема совершенствования прогноза риска насилия	53
Березанцев А.Ю., Кузнецов Д.А. Клинико-социальные характеристики больных и их поведения в стационарах, осуществляющих принудительное лечение общего типа	55
Букреев Н.В., Абдраязкова А.М., Шульга А.Г. Факторы внутрибольничной агрессии в психиатрических стационарах, осуществляющих принудительное лечение	57
Дьякова Н.В., Пищикова Л.Е., Мамонова И.П. Нейропсихологическое исследование лиц пожилого возраста в практике судебной экспертизы	58
Жакова Т.М., Шипшин С.С. Развитие судебно-психологической экспертизы в системе СЭУ Минюста России: достижения и перспективы	60
Каганович Ю.Т., Булыгина В.Г., Кузнецов Д.А. Прогностическая деятельность специалистов во время принудительного лечения психически больных	62
Карпова Д.А., Дворянчиков Н.В. Изучение особенностей полового самосознания и сексуальных предпочтений у лиц, совершивших сексуальные правонарушения	64
Комиссарова Я.В. О специфике деятельности эксперта как участника уголовного процесса	65
Котова М.А., Кабанова Т.А. Согласованность оценок психически больных членами полипрофессиональной бригады	67
Котова М.А., Мирошниченко Е.М., Кабанова Т.Н. Специфика психодиагностической работы во время принудительного лечения	68
Кузнецова Ю.А., Макурин А.А. Распознавание эмоций по выражению лица в подростковом возрасте	70
Кушаков М.Н., Бондаренко Н.В. Применение конфликтологического анализа в судебно-экспертных исследованиях	72
Логвинова Т.Ю., Карпова Д.А. Особенности полоролевой идентификации	74

у психически больных, совершивших сексуальные правонарушения и находящихся на принудительном лечении	
Мялкин В.А. Субъективная сторона оценки состояния лицами, совершившими дорожно-транспортное происшествие	76
Никитина Е.А., Сафуанов Ф.С. Роль патопсихологических симптомокомплексов при судебно-экспертной оценке делкоспособности лиц с психическими расстройствами: диагностическая информативность показателей	77
Новикова-Грунд М.В., Саламова Д.К. Перспективы психосемантических исследований лиц, совершивших сексуальные правонарушения, с помощью текстовых методик	79
Онищенко О.Р. Субъективные факторы назначения наказания	80
Парамонова Г.В., Соколова О.А. Использование алгоритма при оценке заключения судебно-психологической экспертизы	82
Пчельников Ю.М., Дьячкова И.С. Судебно-психологическая экспертиза при анализе видеозаписи следственных мероприятий	84
Решетова Д.В. Личностно-ситуативные детерминанты серийных убийств, значимые при составлении психологического портрета предполагаемого преступника	86
Русаковская О.А., Сафуанов Ф.С., Харитонов Н.К. Заключение специалистов в судебных спорах о воспитании детей родителями, проживающими раздельно	87
Сафуанов Ф.С. Проблема интегративных выводов в комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизе	89
Серов А.Д., Сыроквашина К.В. Особенности восприятия образа женщины и ребенка у лиц, совершивших различные типы сексуальных правонарушений	92
Сладкова Н.А. Особенности проведения посмертной судебной психологической экспертизы по факту самоубийства	93
Урываев В.А. Социально-психологические методики психологической диагностики в практике судебных экспертиз	95
Устьянина Ж.Г., Березанцев А.Ю. Целесообразность проведения психотерапевтической работы в отношении психически больных, совершивших ООД	97
Усюкина М.В., Корнилова С.Н. Патопсихологические факторы риска нарушений режима больными эпилепсией во время стационарного принудительного лечения	98
Фадеева Д.А., Сафуанов Ф.С. Психологические особенности опознания как процессуального действия информационного характера	100
Хабалев В.Д. Активизация памяти при оказании психологической помощи пострадавшим от противоправных деяний	102
Шутемова Т.В. А.Ф. Кони о психологии участников уголовного процесса	104

Щукина Е.Я., Булыгина В.Г. Синдром эмоционального выгорания у медицинского персонала в судебной психиатрии и способы его профилактики	105
Южанинова А.Л. Психолого-правовые признаки диффамации и судебно-психологическая экспертиза	107
ЮВЕНАЛЬНАЯ ЮРИДИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ	
Андрианов М.С. Правовая социализация: проблема социально-правовой идентичности	109
Астанина Н.Б. Особенности базового и ситуативного доверия к миру и к себе у несовершеннолетних правонарушителей	110
Белоусов А.Д. Установление признаков увлеченности компьютерными играми при изучении личности несовершеннолетних правонарушителей	112
Бобышева Е.О. Интернет-зависимость и склонность к девиантному поведению	114
Бодрова О.К. ИмPLICITное знание о нормах уголовного права	116
Голянд Е.А. Показатели риска девиантного поведения у подростков	117
Горьковская И.А. Семья как фактор криминализации подростка	118
Дозорцева Е.Г. Актуальные проблемы ювеноальной юридической психологии	121
Каниболоцкая И.А. Особенности правосознания подростков с девиантным поведением	124
Камышева А.В. Развитие общечеловеческих ценностей у подростков через изучение права	125
Кулькова Ж.Г. Психотерапевтические эффекты психологической экспертизы в гражданском судопроизводстве	126
Маланцева О.Д. Ксенофобические установки у подростков	128
Медведев В.С., Федоренко Л.Н. Психолого-правовая характеристика несовершеннолетнего компьютерного игромана	129
Неустроев В. С. Основные особенности назначения комплексных судебных психолого-психиатрической экспертиз в отделении судебно-психиатрической экспертизы	131
Ошевский Д.С. К вопросу о способности ребенка адекватно воспринимать семейную ситуацию и пользоваться правами, предоставляемыми законодательством России	133
Поваляева А.С. Соотнесенность уровня тревожности и мотива достижения успеха у подростков с девиантным поведением	135
Поликашкина Е.А. Значение семьи в формировании у детей навыков адаптации в социуме	136
Романко О.А., Смирнова А.Р. Проявление чувства вины и ответственности у несовершеннолетних преступников	138
Снегирева Т. В., Романко О.А. Психологические аспекты социальной адаптации и деформации развития личности несовершеннолетних в	139

условиях ХМАО-ЮГРЫ: Постановка проблемы	
Снегирева Т.В., Старцев М.Ю. Деформация самореализации личности как фактор склонности к делинквентному поведению подростков, воспитывающихся в условиях детского дома	140
Суворова И.В. Особенности подготовки и назначение судебно-психологической и комплексной психолого-психиатрической экспертизы по делам несовершеннолетних	141
Сыровквашина К.В. Личностные расстройства в подростковом возрасте в контексте судебно-психологической оценки	143
Терехина С.А. Представления о родительской семье у детей из разведенных семей	144
Тимченко О.В. Особенности правовой социализации несовершеннолетних	146
Федонкина А.А. Психологические характеристики несовершеннолетних правонарушителей с личностной незрелостью	147
Филонов Л.Б., Коноплева И.Н. Природа девиаций и их связь с разными возрастными периодами	150
Челнокова М.Л. Психологические последствия отказа родителей для подростков с девиантным поведением	152
Шадуро Ю.В. Клинико-социальные характеристики подростков-правонарушителей с расстройствами шизофренического спектра	154
Шипшин С.С. Судебно-психологическая экспертиза несовершеннолетних в ювенальной юстиции	156
Шипшин С.С. Исследование «морального вреда» в судебно-психологической экспертизе несовершеннолетних	158
Шипшина О.С. Представления о семье у несовершеннолетних, отбывающих наказание в воспитательной колонии	161
ПЕНИТЕНЦИАРНАЯ ПСИХОЛОГИЯ	
Алмазов Б.Н. О границах юридически релевантного в пенитенциарной психологии	164
Гузева Т.В. Влияние профессионально-психологической подготовки руководителей на их социально-психологическую компетентность и эффективность в управленческой деятельности коллективами ОВД	166
Дебольский М.Г. Психологическая служба федеральной службы исполнения наказаний как организационная система	167
Дьяконова Р.С. Совладающее поведение осужденных при нахождении в карантине исправительного учреждения строгого режима	169
Зеленина М.М., Дворянчиков Н.В. Психологические особенности агрессивных проявлений условно осужденных	172
Кусакина Е.А. Совершенствование профессионального самовосприятия на этапе обучения, как основа профессионализации личности будущих специалистов ФСИН России	174
Майорова Т.М. Самохронометраж деятельности психолога отдела охраны	176

СИЗО и тюрем	
Малкин Д.А., Трубецкой В.Ф. Предложения по организации психолого-психиатрической помощи осужденным к лишению свободы	178
Михайлова М.М. Представления заключенных и законопослушных граждан о справедливости и вера в справедливый мир – сравнительный анализ	179
Панова О.Б. Актуальность учета интеллектуальных способностей несовершеннолетних осужденных в процессе конструирования содержания правового воспитания	181
Раков А.М. Профессиональный психологический отбор в уголовно-исполнительной системе России	183
Славинская Ю.В., Бовин Б.Г. Личность осужденного, отбывающего пожизненное лишение свободы: социально-демографические и криминологические аспекты	188
Сучкова Е.Л. Возможности метода фокус-групп для диагностики моральных представлений в правовой сфере у осужденных женщин	192
ПСИХОТЕХНОЛОГИИ В ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫХ ОРГАНАХ	
Бесчастный В.Н., Лефтеров В.А. Психотренинговые технологии в системе подготовки сотрудников правоохранительных органов	195
Борисова С.Е. Совершенствование коммуникативных умений инспекторов дорожно-патрульной службы Государственной инспекции безопасности дорожного движения	197
Будыкин С.В., Коноплева И.Н. Феномен посттравматического роста у сотрудников правоохранительных органов	198
Ведешкин Н.А., Мягих Н.И. К вопросу изучения уровня развития правосознания личности кандидатов на службу в ОВД	200
Калягин Ю.С. Исследование психологических особенностей оперативных работников в процессе оперативно-служебной деятельности	203
Ковальчишина Н.И. К вопросу развития профессиональной мотивации у курсантов в период обучения	205
Коноплева И.Н. Организация психологической подготовки сотрудников правоохранительных органов	207
Кроз М.В. Психологические исследования прокуроров	209
Левенец Е.А. Интеграция творческого и алгоритмизированных подходов в профессиональном обучении сотрудников органов внутренних дел	210
Литвинова Г.А. Применение психодиагностического метода Ассесмент-Центр в полиции Баварии	212
Марьин М.И. Пути повышения эффективности психологического обеспечения деятельности органов внутренних дел	214
Матеек О.А. Профессиональное становление офицеров-пограничников: проблемы и перспективы	217
Менелау С. Подготовка полицейских Кипра к ведению переговоров	218

Поздняков В.М. О профессионально-психологической компетентности и психологической культуре личности юристов	220
Постнова А.А. Исследование динамики представления человека о себе в группе(на примере студентов юридического факультета)	222
Савченко П.В., Калягин Ю.С. Влияние агрессивности как личностного свойства на особенности интеллектуальной деятельности оперативного работника	224
Сергачева О.В., Марьин М.И. Изучение уровня сформированности правосознания у сотрудников органов внутренних дел	225
Смирнов В.П. Психологические аспекты деятельности государственных обвинителей	228
Смирнова М.В., Марьин М.И. Исследование личностных особенностей сотрудников органов внутренних дел, совершивших суицид	229
Соколова О.А. Применение методов экспресс-диагностики психологических свойств человека в ходе расследования преступлений	232
Соловьева А.В. Вопросы изучения сопротивления: юридический контекст	234
Филонов Л.Б. Специфика психологического воздействия в сфере запрещающих норм права	236
Цильмак А.Н. Психодиагностика и психокоррекция межличностных и внутриличностных конфликтов	237
Ярошенко С.В. Психотренинговая работа с курсантами группы повышенного психологического внимания	239
ПРОБЛЕМЫ ПОДГОТОВКИ СПЕЦИАЛИСТОВ ПО ЮРИДИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ	
Богданович Н.В., Дегтярев А.В. К вопросу о преподавании правовой психологии в контексте подготовки юридических психологов	241
Вертягина Е.А. Технология модульного обучения в профессиональной подготовке юридических психологов	242
Коновалова И.В. Этические и юридические проблемы использования конфиденциальной информации в процессе подготовки психологов	244
Чернушевич В.А. Методическая организация практики в обучении юридических психологов	245
ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ	
Ксенофонтов А.М., Новикова И.А. Оценка функциональной асимметрии полушарий головного мозга как показатель психологической адаптации сотрудников милиции	248
Лысаков Н.Д. Психология профессий особого риска в системе психолого-педагогического образования	250
Магда В.А. Психологические особенности профессиональной деформации специалистов экстремального профиля деятельности	251
Мягких Н.И., Крылова Н.И. Теория и практика психологии кризисных ситуаций в правоохранительной деятельности	252

Овсянникова Я.А. Интерактивный способ восстановления психологической устойчивости у спасателей МЧС Украины	255
Онищенко Н.В. Стресс-преодолевающее поведение: гендерный аспект	257
Онищенко Н.В., Рядинская Е.Н. Сравнительный анализ психологического обеспечения деятельности специалистов государственной военизированной горноспасательной службы Украины и России	258
Поляков И.А. Структура профессионально-психологических качеств спасателей Закарпатского горного поисково-спасательного отряда МЧС Украины	262
Тимченко А.В., Христенко В.Е. Особенности работы психологов МЧС Украины в очаге чрезвычайной ситуации	264
Титаренко Д.С. Деформация механизмов психологической защиты личности у спасателей МЧС Украины	265
СПИСОК АВТОРОВ	267
СОДЕРЖАНИЕ	279

Коченовские чтения «Психология и право в современной России»

Сборник тезисов участников Всероссийской конференции
по юридической психологии с международным участием.

Редакторы: В.В. Рубцов, Ю.М. Забродин, А.А. Марголис, З.И. Кекелидзе,
Н.В. Дворянчиков, Е.Г. Дозорцева, Ф.С. Сафуанов, С.Н. Ениколопов,
М.Г. Дебольский

Составители: И.Б. Бовина, И.Н. Коноплева

Корректор: И.Б. Бовина

Художественная верстка: И.Н. Коноплева

Компьютерная верстка: И.Н. Коноплева

Подписано в печать: 01.10.2010.

Формат 60*88/16. Гарнитура Times.

Уч.-изд. л. 20,4.

Отпечатано: 144000 г. Электросталь, пр-т Ленина, д.25

ООО «Эль-принт» Тел. : 8(496) 577-80-25 e-mail:el-print@mail.ru